

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный центр «Восточная Европа» (GiZo)
Гиссенского университета им. Юстуса Либига

**ЯЗЫКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ:
РАЗВИТИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ**

Международная конференция
(Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск)
1 июля–4 июля 2019 г.

Улан-Удэ 2019

Russian Academy of Sciences
Institute of Linguistics of RAS

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Institute for Slavic Studies
Justus Liebig University Giessen
The Giessen Centre for Eastern European Studies (GiZo)

**LANGUAGES IN A POLYETHNIC STATE:
DEVELOPMENT, PLANNING AND PROSPECTS**
International conference

(Republic of Buryatia, Ulan-Ude–Goryachinsk)

1-4 July 2019

Ulan-Ude

2019

*Conference materials published with financial support
Russian Foundation for Basic Research,
project № № 19-012-20035\19*

Executive editors:

G.A. Dyrkheeva, A.N. Bitkeeva, S.V. Kirilenko, B.D. Tserenov

Editorial board:

*V.M. Alpatov, V.Yu. Mikhailchenko, M.Ya. Kaplunova, V.A. Kozhemyakina, N.G. Kolesnik, E.A. Kondrashkina,
M.V. Oreshkina, E.V. Sundueva*

Languages in a polyethnic state: development, planning and prospects: International Conference (Ulan-Ude–Goryachinsk, 1–4 July 2019): Reports and communications / Executive editors: G.A. Dyrkheeva, A.N. Bitkeeva, S.V. Kirilenko, B.D. Tserenov. — Ulan-Ude, 2019. — 262 p.

ISBN 978-5-7925-0559-9

This collection includes articles of the participants of the International conference “Languages in a polyethnic state: development, planning and prospects”, organized in collaboration by Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS and Institute for Slavic Studies Justus Liebig University Gießen, the Giessen Centre for Eastern European Studies (GiZo) from 01 July–04 July, 2019 in Ulan-Ude with financial support of the Russian Foundation for Basic Research. The problems touched upon by the authors include a wide range of questions which are bound up with language and society interaction, functioning of ethnic languages in modern conditions, analyses of concrete language situations, language policy, language legislation and language conflicts in Russia and other countries.

УДК 811.15(08)

ББК 81.2

Я 411

*Материалы конференции изданы при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 19-012-20035\19*

Ответственные редакторы:

Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева, С.В. Кириленко, Б.Д. Цыренов

Рецензенты: д.ф.н., проф. В.И. Карасик

д.ф.н., проф. Е.А. Бардамова

Редакционная коллегия: В.М. Алпатов, М.Я. Каплунова, В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник,
Е.А. Кондрашкина, В.Ю. Михальченко, М.В. Орешкина, Е.В. Сундуева

Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция (Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск, 1–4 июля 2019 г.): доклады и сообщения / Отв. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева, С.В. Кириленко, Б.Д. Цыренов; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институт языкознания РАН, Научный центр «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига. — Улан-Удэ: 2019. — 262 с.

ISBN 978-5-7925-0559-9

Книга подготовлена по материалам Международной конференции «Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование», организованной совместно Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институтом языкознания РАН и Научным центром «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Материалы сборника охватывают широкий круг вопросов, связанных с теоретическими и практическими аспектами языкового прогнозирования, рассмотрением языкового прогнозирования как действенного инструмента языкового планирования, языковой и национальной политики государства, соотношением языкового планирования и законов о языках, а также с ролью языкового прогнозирования в предотвращении языковых конфликтов. Важным направлением конференции станет изучение развития языков коренных народов России в контексте языкового прогнозирования. В работе конференции приняли участие ведущие специалисты в области социолингвистики. Издание рассчитано на филологов, историков, социологов и широкий круг читателей.

© Институт языкознания РАН, 2019

© ИМБТ СО РАН, 2019

ISBN 978-5-7925-0559-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

2019 год объявлен ООН и ЮНЕСКО Международным годом языков коренных народов. Очевидно, что проблема развития и сохранения языков была актуальна во все времена. Однако в последние десятилетия стало очевидно, что все более усиливающиеся процессы глобализации приводят к существенным изменениям и в языковой картине мира, а именно к повышению престижа одних языков и усиливающемуся процессу исчезновения других. Осмыслению этих процессов посвящена Международная конференция «Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование» (Улан-Удэ-Горячинск, 1 июля–4 июля 2019 г.), организованная совместно Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институтом языкознания РАН и Научным центром «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Основные направления конференции охватывают достаточно широкий круг вопросов, связанных с теоретическими и практическими аспектами языкового прогнозирования, рассмотрением языкового прогнозирования как действенного инструмента языкового планирования, языковой и национальной политики государства, соотношением языкового планирования и законов о языках, а также с ролью языкового прогнозирования в предотвращении языковых конфликтов. Важным направлением конференции станет изучение развития языков коренных народов России в контексте языкового прогнозирования.

В настоящем сборнике, в котором публикуются материалы конференции, доклады и сообщения распределены по рубрикам, соответствующим основным направлениям конференции: «Языковое планирование и языковое законодательство: опыт и перспективы»; «Языки коренных народов: перспективы развития, государственная и институциональная поддержка языков»; «Языковое прогнозирование как инструмент языкового планирования: теория и практика». В рамках конференции организован Круглый стол «Монгольские языки: проблемы планирования и перспективы развития».

В издание вошли доклады и сообщения 106 участников из 6 стран мира, в том числе 87 участника из разных городов и регионов Российской Федерации, два участника – из стран ближнего зарубежья и 17 из дальнего зарубежья: Германия, Казахстан, КНР, Монголия, Нидерланды, Россия.

Мы надеемся, что проведение данной Международной конференции внесет свой вклад в изучение трудных и острых вопросов языкового прогнозирования, а также выполнит координирующую роль в научной деятельности отечественных и зарубежных исследователей для решения этих вопросов, актуальность которых на современном этапе развития российской нации и гражданского общества в России трудно переоценить. Безусловно, конференция будет способствовать выработке наиболее оптимальных путей решения, как общетеоретических проблем социальной лингвистики, так и обмену положительным опытом в решении национально-языковых вопросов в России и в других странах мира.

Редколлегия и Оргкомитет

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-5-7

В.М. Алпатов
(Россия, Москва)

Социолингвистика в России и СССР

Sociolinguistic in Russia and in USSA. The article considers the stages of development of sociolinguistics in the USSR. The author analyzes the development of the theoretical and practical base of Russian sociolinguistics, touches upon the issues of the terminological apparatus of the science.

Хотя сам термин «социолингвистика» утвердился сравнительно недавно, но проблемы, связанные с функционированием языка в обществе, рассматриваются в отечественном языкознании уже более ста лет.

В XIX в. мировая наука о языке имела историческую направленность и мало обращала внимания на то, что происходило в обществе. Такая ситуация вызывала критику наиболее передовых ученых, среди которых особо надо отметить И.А. Бодуэна де Куртенэ. В ряде своих публикаций он обращался к проблемам языковой ситуации в современной ему России, при этом он не ограничивался констатацией фактов, но предлагал программы изменения языковой политики. Он писал в одной из статей: «Не тот или другой язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке» [Бодуэн 1963 с. 145].

Любопытна публикация 1906 г. «Проект основных положений для решения польского вопроса», где, в частности, предлагалось коренное изменение языковой политики (говорится о Польше, но несомненно, что ученый разрабатывал программу, относящуюся ко всей России). Он писал: «Ни один язык не считается государственным и обязательным для всех образованных граждан. Но, по соображениям экономии, т.е. по соображениям наименьшей траты времени, языком центральных государственных учреждений, языком общегосударственной думы, должен быть язык преобладающей численно национальности, язык государственных центров, Петербурга и Москвы, язык великорусский. Тем не менее в общегосударственной думе не может быть воспрещено употребление других языков, хотя оно явится вполне бесцельным с практической точки зрения. Каждому гражданину предоставляется право сноситься с центральными учреждениями государства на своем родном языке. Дело этих центральных учреждений обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства. Чиновники являются слугами населения, и поэтому все чиновники данной местности или области должны владеть всеми свойственными ей языками. Это легче всего достигается, с одной стороны, предоставлением населению права выбора чиновников, с другой же, в случае невозможности провести этот принцип, - назначением чиновников из местных уроженцев. Так как в пределах Царства Польского этнически польское население составляет громадное большинство, то польскому языку приходится там играть такую же роль, какая во всём государстве выпала на долю великорусского. Хотя в польском сейме должен господствовать язык польский, но тем не менее нельзя возбранять употребление в нем языков национальных меньшинств. Все граждане Польши имеют право сноситься с центральными учреждениями края на своем природном языке. Обязательно поэтому завести в этих учреждениях переводчиков для местных языков. Надписи на строго автономных учреждениях Царства Польского могут быть или только на польском, или же, по требованию хотя бы только меньшинства, тоже и на других языках. На отделениях общегосударственных ведомств, обязательны тоже надписи и на русском языке» [Бодуэн 1906 с. 12-13]. Предполагалось и открытие школ на языках меньшинств.

Изучение языковых ситуаций и языковой политики приобрело особое значение после революции, когда многое из того, что предлагал Бодуэн, стало проводиться в жизнь. Развернулась активная работа, получившая название языкового строительства. Бодуэн де Куртенэ был основоположником отечественной социолингвистики, интерес к этим проблемам он передал ученикам. Видным участником языкового строительства был его ученик Е.Д. Поливанов, рассматривал социолингвистические проблемы в публикациях другой его ученик Л.П. Якубинский.

Поливанов писал: «Лингвист, таким образом, слагается: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности, самодовлеющий интерес к ней и – скажу более – любовь к ней; 2) из языкового политика, владеющего (хоть и в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего

опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей «языковой инженерии» будущего); 3) из общего лингвиста», и в частности лингвистического историолога...; 4) из историка культуры и конкретных этнических культур» [Поливанов 1931 с. 26]. Можно видеть, что, как и его учитель, Поливанов делал акцент на активном, преобразовательном подходе к функционированию языка: две первые из его четырех задач – чисто социолингвистические и связанные с практикой. Надо отметить специальный интерес Поливанова к прогнозированию языкового будущего: эта тема редко разрабатывается в лингвистике. Ученый также подробно рассматривал проблему изменений в языке в связи с революцией, указывая, что русский литературный язык сам по себе мало изменился, но значительно увеличивается число людей, им владеющих.

Активный подход к социальному функционированию языка предлагал также Л.П. Якубинский, который резко критиковал Ф. де Соссюра, отрицавшего саму возможность сознательного вмешательства в язык, из чего следовал вывод о нереальности целенаправленной языковой политики [Якубинский 1931]. Якубинский достаточно убедительно опровергал точку зрения швейцарского классика языкознания.

Наряду с работами общего характера в 1920-е гг. и в первой половине 1930-х гг. публиковалось много конкретных исследований, посвященных проблемам создания письменностей или литературных языков для народов СССР. Существовал специальный журнал «Просвещение национальностей», в значительной степени посвященный языковому строительству. Многие публикации такого рода находились на высоком научном уровне. Тогда передовой областью лингвистики являлась фонология, а создание алфавитов является прикладной фонологией. Но авторы этих публикаций не ограничивались структурным анализом, но обращали внимание на языковую ситуацию, в том числе рассматривая степень необходимости создания письменностей для того или иного языкового образования, выбор опорного диалекта и др. Этим занимались Н.Ф. Яковлев, уже упоминавшийся Е.Д. Поливанов и другие крупные ученые. В области монгольских языков ведущую роль тогда играл Н.Н. Поппе.

Наряду с публикациями, нацеленными на практические вопросы, появлялись и чисто научные исследования. Здесь надо особо отметить А.М. Селищева и Р.О. Шор.

Книга Селищева «Язык революционной эпохи» [Селищев 1928] содержит обширный материал, самостоятельно собранный автором, который подчеркнуто безоценочно относился к зафиксированным им явлениям (сам он называл себя летописцем). И делался вывод (поддержанный Е.Д. Поливановым) о том, что русский литературный язык в целом изменился мало (меньше, чем литературный французский язык во время Великой французской революции): заметны новые явления в лексике, но их почти нет в фонетике и грамматике.

Р.О. Шор издала книгу [Шор 1926], специально посвященную проблемам связи языка и общества. Она здесь подчеркивала, что «язык – не естественная биологическая форма человеческого организма, но традиционное культурное достояние коллектива» [Шор 1926 с. 43]. Среди социолингвистических проблем ею основное внимание было уделено вопросам социальной дифференциации языков, в том числе профессиональной лексики и роли заимствований в речи представителей тех или иных социальных групп. Прежде всего ее интересовало выявление социальных причин, влияющих на явления языка; экономические и культурные причины она считала более важными, чем политические.

Безусловно, советская социолингвистика 1920-х гг. и начала 1930-х гг. развивалась очень активно и занимала передовые позиции в мировой науке, что во многом стимулировалось практическими потребностями. Отмечу, что влияние «нового учения» Н.Я. Марра в этой области не было значительным. Однако с 1930-х гг. исследования в этой области резко сокращаются, а затем и прекращаются почти совсем. Игнали роль свертывание языкового строительства и общее усиление догматизма. И в 1949 г. Н.Ф. Яковлев писал о том, что у нас прекратилось изучение социальной дифференциации языка советской эпохи, освоения русского языка нерусским населением СССР [Яковлев 1949 с. 273, 275]. Больше возможностей было лишь для изучения этих проблем в зарубежных странах; надо отметить работы В.М. Жирмунского и М.М. Гухман по немецкому языку.

Ситуация стала постепенно меняться со второй половины 1950-х гг. и особенно с 1960-х гг. В это время стал общепринятым термин «социолингвистика», а на грани 1960-х и 1970-х гг. сложились специальные научные подразделения в академических институтах, в частности, в Институте языкознания и Институте востоковедения. В те годы работали В.А. Аврорин, Ю.Д. Дешериев, Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер и др.

В советской социолингвистике того времени рассматривались как теоретические проблемы, так и конкретные вопросы функционирования языков в СССР и в других странах. Вновь после пионерских ра-

бот Р.О. Шор изучалась социальная дифференциация языка. Было выделено понятие языковой ситуации, выделялись типы языковых ситуаций, их особенности в тех или иных государствах. Много работ было посвящено билингвизму и диглоссии, соотношению литературных и нелитературных разновидностей языка. При изучении языковых ситуаций в СССР проводились полевые исследования, анкетирование и интервьюирование. Общую характеристику советской социолингвистики того времени см., например, в работе [Швейцер 1990]. Особо следует отметить книгу [Аврорин 1975], пожалуй, наиболее теоретичную из советских исследований этих десятилетий.

В то же время были и объективные, и субъективные причины, тормозившие развитие социолингвистики в нашей стране. Социолингвистика неоднородна по своей структуре, иногда в связи с этим предлагалось разграничивать социолингвистику (изучение двуязычия, половозрастных различий в языке и др.) и лингвосоциологию (изучение языковых ситуаций и языковой политики) [Никольский 1976: 34]. В первом случае методы являются в основном лингвистическими, во втором – социологическими. У нас и в 1920-е гг., и в 1960-1980-е гг. больше занимались, в этой классификации, лингвосоциологией. Социальная роль тех или иных явлений изучалась больше, чем собственно языковые факторы, за отдельными исключениями, например, вопросами интерференции при билингвизме. А, например, вопросы так называемой гендерной лингвистики, безусловно, составляющей часть социолингвистики, сейчас активно развиваемые во многих странах, у нас тогда почти не изучались и не считались представляющими интерес.

Но и изучению социальных вопросов, связанных с языком, мешала общественная ситуация в стране. Если в 1920-е гг. социолингвистика была тесно связана с практикой, то теперь об этом не было речи за очень редкими исключениями (и в этот период отдельные примеры создания новых алфавитов всё же бывали). Публичное обсуждение вопросов языковой политики в СССР не предполагалось. Требовалось говорить о «равенстве всех наций и народов» и «благоприятных условиях для развития всех языков», хотя приводимый в тех же публикациях фактический материал мог не соответствовать этому.

В годы «перестройки» маятник качнулся в обратную сторону, и уже писали о «геноциде духовно-культурно-языковом» [Гаркавец 1990: с. 73]. Вся советская языковая политика, начиная с конца 1930-х гг., а иногда и с 1917 г., трактовалась в таком духе. Особенно резко она оценивалась в национальных республиках СССР, а затем в новых независимых государствах, хотя во многих случаях именно в советское время сложилась литературная норма для соответствующих языков. А российская социолингвистика во второй половине 1980-х гг. и в первой половине 1990-х гг. была в состоянии определенной растерянности.

Положение стало постепенно исправляться примерно в середине 1990-х гг., когда определились основные тенденции развития, и можно было уже подводить некоторые предварительные итоги. Выходят энциклопедии, справочники, многотомники, проводятся всероссийские и международные конференции. Сейчас, безусловно, отечественная социолингвистика продвинулась вперед. Но многое еще предстоит сделать.

Литература

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, т.2. М., 1963.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб.,

Гаркавец А.Н. Принципы национальной политики и языкового строительства. Алма-Ата, 1990.

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М., 1976.

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М., 1928.

Швейцер А.Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Шор Р.О. Язык и общество. М., 1926.

Яковлев Н.Ф. Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып.2. М.-Л., 1949.

Якубинский Л.П. Ф. Де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм, вып.2, М.-Л., 1931.

**Социолингвистический аспект
классификации языков России**

Sociolinguistic classification of the languages of Russia. The article deals with the unifactor or lineal classification of the languages of Russia (according to the presence/absence of the written form of a language, the number of speakers, functioning of the language in different spheres of communication). The author also analyses the number of languages of the indigenous peoples of Russia and emphasizes the necessity to consider not only the languages of low-numbered peoples but also a wide number of languages with corresponding features as the languages of indigenous peoples

Каждый этап исторического развития человечества создает определенные условия для расширения научных знаний. Так, высокий уровень развития и широкое распространение современных технологических и информационных возможностей в XXI веке создает предпосылки для перехода на новый этап, для новых достижений в разных отраслях современной науки. Речь, конечно, идет не о выдвигании новых теорий, новых гипотез о развитии языка и общества, а, скорее, о технологии сбора материала, приемах его анализа и хранения. Находясь на разных уровнях развития, отдельные отрасли науки о языке по-разному могут использовать достижения техники, информатики.

Для любой науки важны такие составляющие, как теория, понятийный аппарат, методы и информационное обеспечение. Совершенно очевидно, что современные технологии помогают систематизировать фактический материал и представлять его в виде корпусов языка, информационных систем, баз данных, а это, в свою очередь, дает новые возможности для осмысления языкового развития, роли языка в обществе, соотношения Человека и его Языка.

Особое значение указанные технологические возможности имеют для междисциплинарного раздела науки – социальной лингвистики, которая, создав детальный «социолингвистический портрет» ряда языков, получает возможность делать следующий шаг – сопоставлять «социолингвопортреты» и выходить на новый уровень – на типологические исследования и составление функционально-типологической классификации языков.

Существуют разные классификации языков. Традиционные классификации внутренней лингвистики строятся на сходствах и различиях внутренней структуры языков, либо на сопоставлении генетических параметров, причем в указанных классификациях обычно не учитываются социальные функции языков. При создании социолингвистических классификаций основными показателями становятся те или иные внешние, социально-лингвистические признаки: берутся однотипные внешние факторы, сопоставляется их воздействие на языки, выделяются схожие по этому воздействию группы языков. В современной отечественной социолингвистике широко распространены простые **монофакторные**, однолинейные классификации языков:

- по фактору наличия или отсутствия письменности – письменные и бесписьменные;
- по времени принятия письменности – старописьменные, младописьменные, новописьменные, бесписьменные;
- по количеству носителей языка (по социальной базе) – языки многочисленных народов, языки среднечисленных народов и языки малочисленных народов (менее 50.000 носителей языка);
- по количеству выполняемых социальных функций – языки с максимальными социальными функциями, языки с минимальными социальными функциями, т.е. монофункциональные, например языки семейного общения, одноаульные языки, а между полифункциональными языками и монофункциональными располагаются бифункциональные, трифункциональные языки;
- по наличию/отсутствию юридического статуса;
- по наличию/отсутствию функционального статуса, т.е. лингвистической основы для функционирования в той или иной сфере общения.

Указанные классификации, основанные на экстралингвистических признаках, характеризующих их носителей, показывают процессы функционирования и перспективы развития языков. Классификация языков по перечисленным классификационным признакам позволяет лучше понять механизмы взаимодействия двух систем – социальной и лингвистической, а также углубляют наши знания о сферах общения и результатах воздействия экстралингвистических факторов на функциональное развитие языка. При характеристике того или иного языка с социолингвистической точки зрения приходится перечислять его отношение к каждой из указанных однофакторных классификаций, например, татарский язык – письменный, старописьменный, язык многочисленного народа, полифункциональный, государственный язык республики, имеет достаточный функциональный статус. Такая характеристика языка дает общее представление об уровне современного состояния языка, а детализирование его «социолингвистического портрета» позволяет идти дальше – судить о его потенциале дальнейшего развития – распространения среди социальной базы, совершенствования функциональных стилей, расширения сфер применения.

Наряду с указанными выше классификациями языков народов России научной интерпретации и классификации требует весь многочисленный корпус языков в России, по данным переписи 2010 года включающий 275 языков. Однако следует отметить, что показатель языков России не совпадает с количеством языков коренных народов России, 92, таких языков гораздо больше (диаспоры).

Отметим, кстати, что такие термины, как «народ», «нация», «коренной народ» в юридической литературе не имеют однозначной трактовки. Так, дискуссии по поводу понятия «народ» в международно-правовой и в этнографической литературе идут до сих пор, хотя субъектом международного права он стал в 1945 году в связи с закреплением в Уставе ООН принципа «равноправия и самоопределения народов» [3, с. 108]. Классификация народов проводится с учетом истории и условий их развития по типам (этносам), категориям и расам. По этносам (типам) выделяются племя, народность и нация, по категориям или группам – коренные (государствообразующие или малочисленные), национальные меньшинства, колониальные, разделенные, по расам – черная, желтая и белая [5, с. 217]. Отношение к понятию «коренной народ» в значительной мере зависит от связи с другими словами, обозначающими завоевания, вторжения. В международной терминологии коренной народ – это аборигенное, автохтонное, индигенное население [сам + земля]. В России используется термин коренные малочисленные народы – это 61 наименование малочисленных народов, проживающих на территории расселения их предков, сохраняющих традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающих в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающих себя самостоятельными этническими общностями [6]. Часто права коренных малочисленных народов рассматриваются наряду с правами национальных меньшинств по социолингвистической терминологии диаспор, хотя национальные меньшинства могут не проживать компактно, не иметь ряда других признаков, характерных для коренных народов:

- главный признак коренных народов – это историческая связь с территорией их проживания;
- осознание себя таковыми;
- наличие собственного языка, культуры, обычаев, традиций;
- желание сохранить свою землю и этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования в качестве культурной и языковой общности.

По определению ООН, коренным народ становится после проживания на определенной территории в течение 300 лет. По нашим наблюдениям, этническая общность не становится обычно коренным народом, так как в третьем поколении обычно утрачивает свой язык, общие традиции, поскольку проживает в зоне активного воздействия других языков и культур. Вместе с тем необходимо сохранять и другие признаки народа – наличие общей культуры, компактное расселение, общих традиций, языка, самоидентификации. В Российской Федерации проживает около 130 – 135 народов, 92 из них являются коренными, так как их носители проживают на своих исконных территориях, не имеют более нигде на земле своей исторической родины и не имеют своего государственного образования на уровне субъекта международного права. Следует считать, что остальные этнические общности являются национальными меньшинствами, так как гарантом их прав могут выступать независимые государства – их исторические родины.

Таковыми, например, являются немцы, корейцы, литовцы, украинцы, курды, казахи, латыши и др. Так, Германия на протяжении многих лет оказывает политическое и экономическое влияние на немцев Поволжья, а Россия защищает права и интересы русских, проживающих в странах Балтии, Украины и СНГ. В научной литературе такие языковые общности называются диаспорами [2, с. 134-142]. Языковая жизнь таких этнолингвистических общностей в значительной мере зависит от компактности их проживания, функционирования соответствующего языка в разных сферах общения, а также от интенсивности под-

держки страны, в которой продолжается развитие их языка. Язык же самих диаспор функционирует в условиях активного взаимодействия с окружающими языками, что вначале ведет к образованию контактного варианта этого языка, а позже и к переходу носителей с этого языка на другой язык. Поэтому разговор о трех столетиях для превращения его в коренной народ по определению ООН, на наш взгляд, не имеет смысла. Через столько лет постепенно родной язык в диаспоре будет забыт, произойдет смена языка и диаспора сольется с другой языковой общностью, которая является одним из коренных народов страны. Таким образом диаспоры или национальные меньшинства противопоставляются коренным народам России: они имеют свои исторические родины, которые к тому же могут быть независимыми государствами, имеющими статус субъектов международного права, их исторические родины могут выступать гарантами прав, защитниками их интересов.

В российском правовом поле отсутствует термин «коренные народы». Вместо него используется термин «коренные малочисленные народы». Для выделения коренных народов России в эту группу введен численный критерий – 50.000 человек. Однако такой подход вызывает следующие возражения:

– введение численного критерия противоречит международным правовым документам, где при определении термина «коренные народы» численный критерий даже не упоминается. Кроме того, с юридической точки зрения при определении правосубъектности народа введение такого критерия является дискриминационным;

– имеются противоречия и с традиционными социолингвистическими классификациями языков России, которые издавна распределялись на миноритарные (малые языки, языки малочисленных народов – менее 50.000) и мажоритарные (языки народов с более высокой численностью). Языки эти различаются перспективами своего дальнейшего развития, что отражено в их названиях – мажоритарные и миноритарные.

Учитывая сказанное выше, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям разработал свое последовательное системное отношение к языкам России, которое учитывает 3 крупные группы языков: мажоритарные языки народов России, миноритарные языки народов России и языки диаспор (языки национальных меньшинств).

Классификация языков России

Языки мажоритарных коренных народов (более 50000 носителей)	Языки миноритарных коренных народов (менее 50000 носителей)	Языки диаспор
аварский, адыгейский, алтайский, башкирский, бурятский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, карачаево-балкарский, карельский, коми, коми-пермяцкий, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский, мордовский, ногогайский, осетинский, табасаранский, татарский, тувинский, удмуртский, хакасский, чеченский, чувашский, якутский, русский (30)	абазинский, алеутский, аллоторский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, вепсский, водский, гинухский, годоберинский, гунзибский, долганский, ижорский, ительменский, язык камчадалов, каратинский, кайтагский, керекский, кетский, корякский, кубачинский, кумандинский, манский, нанайский, нганасанский, ненецкий тундровый и лесной, нивхский, уйлтский, орочский, рутульский, саамский, селькупский, сойотский, язык тазов, татский, теленгитский, телеутский, тиндальский, тофаларский, тубаларский, удэгейский, ульчский, хантыйский, хваршинский, цахурский, цезский, чамалинский, челканский, чуванский, чукотский, чулымский, шорский, эвенкийский, эвенский, энецкий, язык азиатских эскимосов, югский, юкагирский (62)	армянский, азербайджанский, афганский, корейский, китайский, казахский, латышский, литовский и др.
Общее количество языков коренных народов России 92		45 – 50 языков

При создании крупных трудов по социолингвистическому анализу языковой жизни России применялась эта классификация языков России, которую мы считаем последовательной и исторически справедливой [4; 7]. Всего по нашим подсчетам в России 92 языка коренных народов и ряд языков диаспор. Конечно, можно по западному образцу постоянно оглядываться на времена завоеваний в колониях и замалчивать свою историческую вину в репрессиях к завоеванным народам, подчеркивать необходимость поддержки их языков в настоящее время, однако у России нет такой необходимости, так как у неё особая цивилизация, которая сумела включить в свою культуру и соответственно в свою языковую жизнь множество народов и их языков. Конечно, необходимо особо поддерживать, сохранять, создавать условия для языков малочисленных народов, сокровища культуры которых, особый образ жизни, своеобразные языковые картины мира являются всемирным достоянием и должны сохраняться как часть общечеловеческой культуры. Однако и другие народы России, их культуры и языки достойны признания, поддержки, а не противопоставления по типу дихотомии коренные – некоренные народы. Ведь Конституция страны начинается словами – «Мы, многонациональный народ Российской Федерации», поэтому все народы (этноты) страны имеют право называться коренными, так как проживают на своих исконных территориях, нигде на Земном Шаре не имеют своей исторической родины и своего государственного образования [1]. Дело здесь всего лишь в юридических нюансах, тем более, что многие из титульных этносов и ряда других коренных этносов страны отражены в действующем языковом законодательстве, хотя, к сожалению, их функциональный статус нередко не соответствует юридическому и создает необходимость дальнейшего совершенствования разных уровней того или иного языка.

Почему же мы считаем принципиально важным уточнение классификации языков России в области выделения языков коренных народов и отграничения их от других языков? Дело в том, что такая классификация важнее для сознательного воздействия общества на язык через прогнозирование и планирование дальнейшего развития, совершенствования языковой жизни полиэтнической страны. Только научно обоснованное выделение языков, за функционирование которых отвечает Россия, может способствовать рациональному планированию социальных функций разных групп языков, выделению для этого соответствующих ресурсов из бюджета страны в связи с применением языков в разных сферах общения – в школьном обучении, в печати, на радио, на телевидении и в других сферах организованной коммуникации. Государство при планировании должно иметь представление о том, какие языки имеют социальную базу, основу для дальнейшего расширения социальных функций, а какие из языков нуждаются в поддержке в связи с опасностью их исчезновения. Кроме того, необходимо понимать, что языки коренных народов по сравнению с языками диаспор в большей степени зависят от активного отношения государства к их сохранению и развитию, чем языки диаспор. Языки диаспор только функционируют в той или иной степени в определенных компактных языковых общностях, они могут уйти из употребления в жизни таких общностей, тем более, что обычно подвергаются социальному давлению языков других, соседних, более многочисленных по носителям и более мощных по социальным функциям языков. Это может привести к потере языка данной общностью, к функциональному переходу на другой язык, но сам язык не исчезает, так как он функционирует и развивается в стране – метрополии. Культурная и языковая жизнь диаспор регулируется законом о культурной автономии, который гарантирует права диаспор на изучение родного языка и на его функционирование в соответствии с социальными потребностями диаспоры. Реализуются эти права в значительной степени за счет государства проживания, так как члены диаспоры обычно в подавляющем большинстве являются гражданами России, ведут здесь трудовую деятельность, платят налоги. С другой стороны закон допускает поддержку данных языковых общностей со стороны государства, в котором живет основная масса носителей языка, происходит его функциональное развитие. Именно поэтому языки диаспор не включаются в базы данных по исчезающим языкам мира и благополучие таких языков обычно ассоциируется со степенью мобильности, сплоченности, приверженности родной культуре и языку отдельного языкового коллектива, отдельной языковой общности. Отметим, кстати, что количество диаспор (нацменьшинств) в России недостаточно изучено, поэтому трудно точно назвать количество языков России ($\approx 140-150$).

В современном мире в развитии мирового лингвистического процесса наблюдаются две тенденции – стремление к расширению социальных функций языков большинства, с одной стороны, а с другой стороны, попытки сохранить языковое разнообразие мира, поддержать языки меньшинств. Для рационального сочетания двух указанных тенденций в языковой политике полиэтнического государства необходимо знать языковые проблемы страны и учитывать их при принятии законов о языках, программ развития языков ради совершенствования и гармонизации языковой жизни страны.

Литература

1. *Гарипов Р.Ш.* Понятия «коренной народ» и их статус в международном и государственном праве. Электронный ресурс: Международное право и международные организации, с. 408-420, DOI:10.7256/2226-6305.2013.3.5362
2. *Кондрашкина Е.А.* Диаспоры // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016.
3. Международное публичное право. Отв. ред. Курдюков Г.И. – Казань, 2004.
4. Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. 1 книга. М., 2000; 2 книга. М., 2003.
5. Права человека и народов. Под редакцией Миронова О.О. – Саратов, 2006.
6. Федеральный закон от 30.04. 1999 года № 82ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Свод законов Российской Федерации № 18. М., 1999.
7. Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016.

Моника Вингендер
(Германия, Гиссен)

**Типы языковых конфликтов и методы языкового прогнозирования –
социолингвистические подходы и примеры из постсоветских стран**

Types of language conflicts and language forecasting methods: sociolinguistic approaches and case studies from post-Soviet countries. The author analyzes sociolinguistic methods for their applicability for predicting of the language processes in polyethnic countries. Both qualitative and quantitative methods of sociolinguistics are considered. The approaches are considered on examples of various language situations in the post-Soviet states.

Социолингвистика имеет давние традиции, как на Западе, так и на Востоке. В то время как описание и анализ языковых ситуаций и языковой политики в полиэтнических государствах регулярно является предметом исследования, в сфере языкового прогнозирования необходимо развитие более точных методов и подходов. Также необходимо задаться вопросом, какую цель преследует прогнозирование: например, оценка перспектив вымирающих языков, описание количественного и качественного развития языковых ситуаций, предсказание и предотвращение этнолингвистических конфликтов, прогнозирование хода *nation-building* в многонациональных обществах и т.д. Следующий вопрос касается масштабов прогнозирования: идет ли речь об основанном на данных предсказании хода развития, или же целью также является разработка рекомендации для правительства, политики, общества и других заинтересованных акторов? Данный доклад преследует две цели:

Во-первых, исследовать различные социолингвистические методы на предмет их применимости для прогнозирования развития многоязычных языковых ситуаций. Рассматриваются как качественные, так и количественные методы социолингвистики.

Во-вторых, выбранные подходы рассматриваются на примерах различных языковых ситуаций в постсоветских государствах. Основное внимание уделяется качественным методам. Примеры относятся к различным типам языковых конфликтов.

Бурятский язык десять лет спустя: современные проблемы функционирования и перспективы развития

The Buryat language 10 years past: the present-day problems of language functioning and prospect for the development. The article is about a modern social-linguistic perspective of the Buryat language. The changes which happened in a language situation of Buryatia over the last ten years are noted. Despite the some positive moments (growth of financial investments in a state program, expansion of information space of the Buryat language, etc.), the problem of support and preservation of the Buryat language remains the most actual in language life of the republic. On the basis of comparative data on the students it is shown the growth of level of ethnolanguage consciousness that is considered as one of the most important factors of support of the Buryat language. New measures for further planning of its development are considered.

Десять лет назад в Улан-Удэ была проведена конференция с участием ведущих отечественных и зарубежных социолингвистов «Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия». Какие изменения произошли за эти годы в языковой ситуации республики, и, в частности, относительно одного из государственных языков – бурятского?

На конференции, в частности, было отмечено, что население республики в целом поддерживает меры по возрождению языков народов Бурятии, медленно, но верно набирает темп процесс рэтнизации этносоциализации и этноязыка, постепенно идет формирование молодого поколения национальной интеллигенции, которая занимается распространением своей культуры и языка.

Сегодня же можно отметить, что проблема сохранения и развития национальной культуры и, прежде всего языка, пока остается самой насущной социолингвистической и социокультурной проблемой. Результаты проводимых в Бурятии исследований, проведение различного рода научных и общественных мероприятий также показывают, что интерес к проблемам современного состояния и положения бурятского языка не ослабевает, практически, уже почти три десятка лет.

Очевидно, что связано это, в том числе и с официальными данными по переписи населения и уровню владения родным языком среди бурят. Так по данным переписи 2002 г. бурятским языком в республике владели 81,4 % бурят. А по данным переписи 2010 года наблюдается существенное снижение доли владеющих бурятским языком среди бурят - 43,6 %.

Как видим, ситуация по официальным данным с бурятским языком не улучшается. В различных выступлениях и отчетах правительства, общественных организаций, учебных заведений и научных учреждений, занимающихся данной проблематикой, содержится многочисленная и разнообразная информация о предпринимаемых мерах по улучшению данной ситуации. В решениях прошлой конференции, в частности, содержалась просьба к Правительству и Народному Хуралу РБ о поддержке и финансировании Республиканской целевой программы по сохранению и развитию бурятского языка на 2010-2013 годы, об обеспечении расширения функций, сфер распространения миноритарных языков, в том числе в информационном пространстве. Ранее данная программа, фактически, не поддерживалась и, соответственно, не получала финансирование. В 2010 году Постановлением Правительства РБ от 2 августа № 312 была принята Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка на 2011-2014 гг.», информация о ходе выполнения которой ежегодно заслушивалась на заседании комиссии. Так, в 2014 году на реализацию программы было выделено более 28 млн.рублей, в 2015 г – более 36 миллионов, в 2017 году – 30 млн. рублей. О том, что именно в этот период, т.е. с 2010 года, с началом финансирования программы, было отмечено некоторое улучшение ситуации с бурятским языком было замечено, в частности, в одном из выступлений на фокус-группе, проведенной социологами ИМБТ СО РАН в декабре 2017 г.

Весной 2014 года был принят Закон Республики Бурятия от 7 марта 2014 г. №383-V «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия». Соответственно была утверждена уже Государственная программа развития и сохранения бурятского языка, которая будет реализовываться до 2020 года. К сожалению, объем финансирования программы недостаточен особенно в

условиях инфляции. Например, в связи с активным развитием новых информационных технологий в настоящее время значительные вложения требуются для поддержки бурятского языка в кириллической части Интернета, утверждении стандартов кириллической кодировки, клавиатурной раскладки, латинской транскрипции, локализации бурятского языка в операционных системах Microsoft и Linux, разработке цифрового контента на бурятском языке для мобильных устройств (смартфонов и планшетов) на базе операционных систем iOS и Android.

При поддержке Буддийской Сангхи России с 2016 года в Бурятии функционирует FM-радиостанция, передачи ведутся на пяти бурятских диалектах. Отдельные тематические передачи и новости ведутся на государственных и коммерческих каналах телевидения, однако общий объем вещания на бурятском языке составляет менее 1 %. Очевидно, что как всегда требует внимания и книгоиздание на бурятском языке.

Неожиданно обострившейся в последние годы оказалась проблема лингвоэтнической консолидации, она касается проблемы литературной формы языка. Эта тема неоднократно официально поднималась на заседаниях комиссии при Правительстве РБ по реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», на которых выдвигались, в частности, пожелания о создании отдельных грамматик для некоторых диалектов и говоров. Рядом общественных и религиозных деятелей обостряются дискуссии относительно диалектной основы бурятского языка.

Общеизвестно, что проблемы национальных литературных языков связаны не только с внутриязыковыми проблемами их становления, их соотношения с диалектами, нормализационными процессами, но и со сложной социальной обусловленностью их функционирования. Поэтому, судя по приведенным фактам, пока можно констатировать, что достаточно сильная диалектная дифференциация бурятского языка поддерживается доминирующими идеями дезинтеграции, изоляционизма. А единое самосознание и самоназвание носителей языка пока не способствует функционированию объединяющей идиомы «бурятский литературный язык».

В связи с этим, очевидно, встают вопросы определения перспектив дальнейшего функционирования бурятского языка. Отчасти с этой целью социологами ИМБТ СО РАН было проведено обследование степени сохранности и перспектив развития бурятского языка среди учащихся-бурят в местах дисперсного расселения бурят в анклавах Центральной и Северной Азии. Так, в Республике Бурятия в 2015-2016 г.г. был проведен опрос школьников старших классов, количество респондентов составило 1225 человек. Трехэтапный алгоритм исследования позволил выявить соотношение «хорошо знающих», «плохо знающих» и «не знающих» бурятский язык детей-школьников. Анализ статистических результатов, представленных школами республики, показал, что уровень владения бурятским языком школьниками представлен следующим образом: 38,4 % респондентов хорошо владеет бурятским языком, 35,6 % респондентов плохо владеет родным языком, 26,0 % не владеет языком. Самый высокий процент хорошо владеющих родным языком оказался в Бичурском, Окинском и Баргузинском районах, выше 80 %. В г. Улан-Удэ показатель хорошего владения бурятским языком составил лишь 24 %. При этом родным признали бурятский язык 76,6 % опрошенных, русский язык – 10,5 %, не ответили на вопрос о признании того или иного языка родным 12,7 % респондентов. Можно предположить, что 76,6 % – это именно те дети, которые хорошо и плохо владеют бурятским языком.

На экспертный вопрос о языке, на котором больше или чаще говорил респондент до поступления в школу, были получены такие ответы: русский язык – 56,3 % респондентов, бурятский язык – 41,4 %, не ответили на вопрос 2,3 % респондентов. Эти данные свидетельствуют о том, что для многих основным языком общения с рождения является русский язык. Очевидно, что на родном языке с детства чаще говорят дети бурятской национальности, проживающие в сельской местности.

Если сравнивать эти данные с результатами обследования, проведенного в 1999-2000 годах [3, с.70-92], то можно отметить, во-первых, рост доли учащихся признающих родным бурятский язык с 66,4 % до 76,6 %. Скорее всего, данное изменение можно объяснить ростом этноязыкового самосознания. При прошлом опросе достаточно высокий процент (около 20 %) составили учащиеся, не ответившие на этот вопрос.

Во-вторых, о росте этноязыкового сознания можно судить по показателям «владения родным языком с детства» и «говорил до школы на бурятском языке». При опросе двадцатилетней давности наблюдался существенный перекося между этими данными: 63,9 % респондентов ответили, что знают бурятский язык с детства, но до школы преимущественно на родном языке говорили лишь 29,3 % опрошенных. Последнее обследование показало, что те, кто владеет родным языком с детства (42,9 %)

обычно на нем и общается (почти 42 %). Хотя очевидно, что примерно на 20 % снизился показатель «владения родным языком с детства».

Уровень владения тем или иным языком зависит от активности его использования. К сожалению, пока более или менее активно родной язык поддерживается в семье: примерно половина опрошенных школьников используют его дома. Здесь можно отметить, что опрос взрослого бурятского населения показал, что с детьми дома российские респонденты чаще используют оба – бурятский и русский – языки (48,4 %), только на русском общаются 32,5 %, а на бурятском лишь 19,1 % родителей. Для сравнения можно привести данные опроса 1989-1990 гг. [2, с.28], когда 33,7 % взрослого бурятского населения ответили, что общаются с детьми по-бурятски. Также можно отметить, что выросла доля учащихся, использующих только русский язык в школе и в общении с друзьями с 72,6 % в 1999-2000 до 81 %.

То есть процесс сокращения сфер использования бурятского языка продолжается, хотя и на фоне роста национального самосознания. О возросшем самосознании бурят, как взрослых, так и детей говорит также тот факт, что большинство школьников бурятской национальности высказали пожелание изучать свой родной язык, хотя некоторые справедливо отметили, что бурятский язык не пригодится им в жизни, на нем негде общаться.

Несомненно, что рост уровня этнического самосознания – один из важнейших факторов поддержки языка, однако несомненно также, что в современных условиях, в период так называемого этноязыкового ренессанса, наблюдаемого в разных регионах мира, необходимо приложить максимум разнообразных усилий для сохранения языков, в том числе и бурятского. Как отмечал Доналл О'Риаган на прошлой конференции, ни один язык нельзя оживить через закон: законодательство важно, но оно может создать только каркас, в пределах которого язык может существовать и развиваться. Существует три типа языкового планирования: корпусное - создание словарей, грамматик и т.д.; статусное - это не только определение юридического статуса языка, но и того, как, когда и где он может быть использован и, наконец, планирование освоения языка с помощью межпоколенной передачи и/или образовательной системы. Только семья, объединив усилия всех поколений, систематически и серьезно поддерживая деятельность школы и иных общественных институтов сможет позитивно взаимодействовать с национальным языком. Языковое планирование должно быть целостным, то есть направлено на решение всех языковых аспектов [1, с. 29-30].

В связи с этим в контексте международного опыта и опыта языкового законодательства стоит задача разработки новых ориентиров и приоритетов в целях сохранения и дальнейшего развития языкового и культурного разнообразия регионов России и, в том числе Бурятии. Наряду с продолжением анализа тенденций изменения национального самосознания в условиях глобализации, определения ассимилятивного порога, за которым уже невозможно восстановление языка, попыткой построить личностную модель двуязычия с опережающим развитием на родном языке, необходимо обратить особое внимание на такие субъективные факторы как способность, возможность и отношение, которые в значительной мере способствуют витальности языка. Возможно также, что необходимо усиление помимо сентиментально-оценочной еще и символической функции бурятского языка, поскольку некоторые специалисты считают, что символическая функция важнее, чем коммуникативная.

Перед лингвистами же Бурятии стоят не только проблемы дальнейшей научной разработки вопросов литературного бурятского языка, теории и практики нормализации, актуальной становится задача анализа процесса развития и адаптации бурятского языка к потребностям современной жизни, обусловленного развитием нового коммуникативного медиапространства.

Литература

1. *Доналл О'Риаган.* Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств – эффективный Европейский инструмент защиты малых языков меньшинств // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: Сборник трудов Международной научной конференции. 9-13 сентября 2009 г. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 23-33.
2. *Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П.* Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 143 с.
3. *Дырхеева Г.А.* Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 188 с.

Языки коренных народов: перспективы витальности (на примере языков Южной Сибири)

Languages of indigenous people: vitality perspectives (the case study of the languages South Siberia).

The paper examines the prospects of vitality for the indigenous languages on the example of the languages of Southern Siberia - Altai, Tuvian and Khakass. Addressing specific language situations makes it possible to obtain more reliable assessments of the reviving or strengthening the intergenerational transmission of native languages, taking into account: a) status, demographic and communicative characteristics; b) assessment of their vitality in the existing sociolinguistic classifications; c) conditions for reversing language shift (Fishman, 1991) and the prospects for research and understanding of the phenomenon of language revival.

В докладе рассмотрены перспективы функционирования языков коренных народов на примере языков Южной Сибири – алтайского, тувинского и хакасского. Обращение к конкретным языковым ситуациям позволяет получить более надежные оценки условий и перспектив возрождения или укрепления естественной межпоколенческой передачи родных языков с учетом: а) статусных, демографических и коммуникативных характеристик; б) оценки их витальности в существующих социолингвистических классификациях; в) условий поворота языкового сдвига («reversing language shift») [Fishman, 1991] и перспектив исследования и понимания феномена языкового возрождения.

Кроме общности тюркского происхождения, исследуемые языки Южной Сибири совпадают по государственному статусу в своих республиках. Занимая вторую позицию в языковой иерархии после русского языка, они используются, дополнительно к нему, в ограниченном количестве сфер. Интенсивность реального функционирования находится в прямой корреляции с разной демографической мощностью трех языков и уровнем ассимиляции языковых общностей [2]. В социолингвистических классификациях уровень витальности алтайского, тувинского и хакасского языков определяется от высокого до *vulnerable* «уязвимого» в случае с тувинским языком или до *definitely endangered* «под угрозой исчезновения» – о хакасском языке [1, 4, 7].

Современные стратегии языковой политики, направленные на укрепление перспектив витальности языков коренных народов, вытекают из соответствующих статей Декларации ООН «О правах коренных народов» (2007) [3]. К важным аспектам относится дифференциация целей возрождения или сохранения статуса миноритарных родных языков – функционально первый язык (L1) или функционально второй язык (L2); важность обучения на родных языках коренных народов с применением современных технологий обучения, включая методы погружения (*immersion*), языковых гнезд (*language nests*) и др. К важным ресурсам относится потенциал активности коренных народов и деятельность других субъектов языковой политики на региональном и федеральном уровне.

Адекватность теорий языковой витальности невозможна без более целостного и инклюзивного понимания языка и жизненной силы языка, позволяющего лучше понять логику языкового возрождения как защитного механизма благополучия коренных народов [6], подтверждения и сохранения их самобытности и как способа развития межкультурного диалога.

Литература

1. Боргоякова Т.Г. Витальность языков коренных народов: критерии измерения и укрепления (в печати).
2. Боргоякова Т.Г. Гусейнова А.В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. – Абакан: изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2017. – 136.
3. Декларация ООН о правах коренных народов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org>
4. Письменные языки мира: Языки РФ. Книга 1. М.: Академия, 2000. – 656 .
5. Fishman J. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters Ltd. 1991. – 431
6. Fitzgerald, C. Understanding language vitality and reclamation as resilience: A framework for language endangerment and ‘loss’ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.linguisticsociety.org/sites/default/files> (дата обращения 22.03.2019).
7. Moseley, Christopher (ed.). 2010. Atlas of the World’s Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (дата обращения 20.05.2018).

Language policy in Mongolia

Языковая политика в Монголии. В статье рассматривается языковая ситуация и языковая политика в Монголии. Автор рассматривает специфику языкового законодательства Монголии последних лет, анализирует языковые проблемы страны.

It is considered that, research on Mongolian linguistics and communication culture had started from 1930s in the twentieth century. Since that time, the scholars have paid special attention on Mongolian literary language, norms and requirements of literary language [10, pp.110]. For instance, serial articles themed «Articles to Improve Mongolian Language and Writing System».

In the introduction of the first book of serial articles themed «Articles to improve Mongolian language and writing», it is stated that linguistics is new term; this term was based on term as economy that was renowned among the people since the people's revolution. Meaning of this term is systematic research on language development, evolution and change of language and management on language development. But, some people consider that language must be independent from politics. Thus language must be developed, changed by its development principle but not by the people's decision. This view is wrong not so appropriate. The science of language studies grammar and development way of the language. As a result of this linguistic research, it may monitor, correct and manage language development. Taking into consideration on modern Mongolian language, we must revise, improve and pay special attention on literature, stylistics, translation, terms and glossaries. There are several problems in modern Mongolians. Thus, we must manage, direct and orient and research on language evolution and development [5, pp. 3-4].

Onkhod Jamiyan Gunten wrote book «Note of Nonsense Words for Long Day» in 1925, he stated significance and importance of Mongolian language and writing that «our Mongolian country is very much attempting to develop science and culture, is sending young skillful children and youth to foreign linguistics universities and schools, I am very glad for this development. The most important thing for us is that we should know Mongolian old script and language. The reason is that without Mongolian literary language, our people will be defamed by foreign people due the lack of native script knowledge although foreign linguistics sector was developed more than that of Mongolia. According to an old proverb, before walking one hundred steps, the walker must know meaning of one step. Our people should remind this proverb» [2, pp. 18]. His statement is sincere warning and teaching of our old scholars and linguist for new generation.

As A.Amar, the prime minister of Mongolia (1886-1939) stated, language and vocabulary develop at the same time when culture, education and business-develop. So, Mongolian, language and script development depends on modern social development. If our Mongolians ignore and disregard our independent culture, mother language. Our few Mongolians will be attracted to languages and script of invasive countries such as China, become their slaves and will eternally live under their oppression. Developing mother language and scripts is very important and significant basis of our independence and sovereignty [1]. Mongolian people have created and composed grammar and encyclopedia many times related to social development, changed alphabet and scripts many times.

The Constitution of Mongolia was officially approved on January 13, 1992. In the article 8 of the Constitution, it states and declares «Mongolian language is an official language of the state» [4, pp. 5]. In addition, the constitution of Mongolia states that Article 8.2 that Section 1 of this Article shall not affect the right of national minorities of other tongues to use their native languages in education and communication and in the pursuit of cultural, artistic and scientific activities [4, pp. 5].

In order to fully implement article in the practice that «Mongolian language is an official language of the state», the parliament of Mongolia officially adopted a Law of official language of the state [9, pp. 4] on May 15, 2003. Main objective of a law of official language of the state is to regulate relations to manage state affairs, formal and official service using Mongolian language and ensure independence and sovereignty of Mongolia.

Chapter two of the law of official language of the state precisely states use of state official language. Here in:

1. State official affairs and training shall be held in Mongolian language.

2. Names and addresses of cities, settlements, streets, square and governmental organizations shall be written in state official language. These names may be written in English together with Mongolian names.

3. Education and training of all levels shall be held in official language of the state. This article is not applicable to training and education organizations that carry out vocational and professional training in foreign language [9, pp. 5].

Article 3.1.4.1 of «A Conception of National Security» adopted by Order No: 48 of the parliament of Mongolia dated July 15, 2010 specifies that the state and government shall support protection, development and research of Mongolian history, language, culture, religion and tradition and promote books, textbooks and artworks of movies and protect and develop tangible and intangible heritages, whereas article 3.3.3.5 of the concept specifies that state official language shall be regulated and managed in Mongolian language in territory of Mongolia.

The people criticized «Law of official language of the state» that there is the people's language but no state language. In the session of parliament of Mongolia dated February 12, 2015, law of Mongolian language was adopted. Article 5 of this law construed main basic principles «Mongolian language is valuable heritage of intellectual culture, original ground and basis of national civilization and guarantee of national independence, sovereignty and security. A responsibility of the state is to obtain, use, protect and develop Mongolian language and letter, process concerning policy».

Article 21 of Mongolian language states «National Council of Language Policy with main duty to protect and develop Mongolian language under auspice of the president of Mongolia shall work». Therefore, supreme monitoring on modern Mongolian language is National Council of Language Policy.

Article 22 of Mongolian language states «in the structure of Mongolian Academy of Sciences, there shall be an Institute of Mongolian Linguistics to study Mongolian language, its use and development, norm and vocabulary».

Kh.Battulga, the President of Mongolia made a decree on August 25, 2017, ordered to officially celebrate the first day of September every year as a day of Mother Language by all citizens, households, governmental and non-governmental organizations, legal entities, all education and training organizations of Mongolia and advertising, presenting and disseminating mother language and introduce information about mother language, history, literature, tradition, custom and heritage through the mass media in nationwide.

Session of the *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization* (UNESCO) dated November 17, 1999 declared the 21st day of February every year as «International Mother Language Day» and began to celebrate from 2000. UNESCO declared year 2019 as International Year of Indigenous Languages and it was very important measure in connection with that indigenous language became very important matter to indicate development of education, sciences, technology, civilization and place in society in intensive development of globalization, settlement and urbanization. According to official registration of UN, there are about 370 million indigenous people and 5000 different cultures in 90 countries.

UNESCO is paying special attention and attempt to support multilingual system. Especially, as a result of education system, all people must obtain three levels of language such as mother language, national language and communication language. All countries must support cultural diversity and independency of the world languages by developing international cultural relations and mutual understanding. In connection with celebrating International mother language day, I am calling for processing and developing national and regional language strategy to create good conditions of the world languages [7]. According to English statement of the declaration, the world languages were divided in to three levels such as mother tongue, first language, national language and language of instruction.

According to the research of year 2010, there are 10450203 people speaking in Mongolian language. 2754685 people of them are in Mongolia, 647747 are in Russian Federation, 7047771 are in the People's Republic of China [6, pp. 112]. As of October 29, 2018, population of Mongolia reached 3225889.

Our country began to celebrate International Mother Language Day from the first year of new millennium. Especially, it may state scientific conference as «Mother language and globalization» in 2001, «Stylistics of public media and press» in 2002, «Advertisement is important part of the city» in 2004, «Issues of language policies to be implemented by the state» in 2005, «Let us prefer mother language in 2006» and «Globalization, language policy and public media» in 2007, in all meetings, it processed and adopted recommendation. Implementation of these recommendations and appeals in real practice is not certain. The decision makers should pay special attention on implementation and language policy adopted by previous year.

All independent countries have state language policy development; its main principle is being implemented for all time. In other words, all governments and states must follow and implement language policy. Main princi-

ple of language policy is that mother language is the evidence of independence and sovereignty of all nations. Why is language so important? Thinking, spiritual heritages, literature, daily life of all nations are expressed by language. Although a person may have various clothes, work, business and foreign language and, be citizen of different country, they are distinguished by mother language and ethnicity. Therefore, nationality and mother language is joint understanding and two sides of same thing [11, pp. 13]. All Mongolian people should protect and use Mongolian language appropriately [8, pp. 22] and heir Mongolian thinking and tradition to new generation.

In my consideration, our country needs language policy like drinking water and breathing air. Language policy is a very important issue applicable to all people and organizations using and speaking in such language. Because language is a way and method of communication, language is bridge between the state and people. State policy is implemented and delivered to the people through the language. If state tends from passive position or voluntary observer's position, state policy has not good result [3, pp. 564].

The linguists know that a language is not passive and closed thing but it is result of impact of social development mutual relationship and communication. Language enriches history, language records history. Vocabulary is composed of native words and foreign words. The world countries co-exist and national and world development mutually influences each other. Multilingual concept is originated from mother language. Communication within families is related to social communication in education, business, media, press, politics, religion, court, administration based on language. Therefore, all people should use language in social relations adhering the language norms and standards.

Bibliography

1. *Амар А.* Монгол үндэсний хэл бичгийг хөгжүүлэх тухай сэдэв. – «Ардын үндэсний эрх» сонин. № 3 (36). 1933.1.14.
2. *Жамьян О.* Урт өдрийн улиг үгний бичиг. Уланбаатар, 1925. 23 х.
3. *Лочин С.* Хэлний бодлого хүчгүй бол төрийн бодлого хүчгүй. – «Монгол улсын хэлний бодлого ба хэл төлөвлөлт» (эмхэтгэж, хянан тохиолдуулсан Ч.Зэгиймаа). Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II., 2012. х. 559-564.
4. Монгол улсын Үндсэн хууль. Уланбаатар, 1992. 94 х.
5. Монгол хэл бичгийг сайжруулах бодлогын өгүүлэл, тэргүүн дэвтэр. Уланбаатар, 1934. 74 х.
6. *Нансалмаа Н.* Нийгэм хэл шинжлэл (хянан магадласан Л.Чулуунбаатар, Г.Томтогтох). Уланбаатар, 2019. 390 х.
7. Олон улсын Эх хэлний өдрийг тохиолдуулан ЮНЕСКО-гийн Ерөнхий захирал Койчиро Мацүүра-гаас ирүүлсэн илгээлт. «Зууны мэдээ» сонин, № 50 (2498). 2007.11.28.
8. *Пүрэвжав Э.* Эх хэлнийхээ зөв хэрэглээг хэвшүүлэх асуудалд. «Нэр томъёо судлал», № 9. Уланбаатар, 2007. х. 14-23.
9. Төрийн албан ёсны хэлний тухай хууль. – «Төрийн хэлний зөвлөлийн үйл ажиллагаанд мөрдөх хууль, тогтоомж». Уланбаатар, 2004. х.4-7.
10. *Тунгалаг Ө.* Монгол хэл зүйн бүтээлүүд дэх шинэ хандлага (1920-1940) [редактор Л.Болд]. Уланбаатар, 2001. 143 х.
11. *Шагдарсүрэн Ц.* Хэлний талаарх төрийн бодлого гэж юу вэ? – «МУИС-ийн Монгол судлалын сургуулийн эрдэм шинжилгээний бичиг», XVI боть, II дэвтэр. Уланбаатар, 2000. х. 13-19.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-21-25

Ю.Д. Абаева
(Россия, Улан-Удэ)

Интонация завершенности / незавершенности баргузинского говора бурятского языка¹

Intonation of completeness / incompleteness of the Barguzin dialect of the Buryat language. The article is devoted to the analyses of intonation of the final and non-final clauses in the Barguzin dialect of the Buryat language. It was found that when speakers read a prepared text, the clauses have a traditional pitch contour: an ascending tone on non-final clauses and a descending tone on the final clauses, with tone peaks associated with the word prosody. The analysis of spontaneous speech has shown that these rules are often violated. Also the intonation contour is significantly influenced by the theme-rhematic segmentation of the phrase and the location of the clause accent.

Баргузинский диалект – один из самостоятельных диалектов бурятского языка, который относится к западнобурятскому или эхирит-булагатскому наречию [Бураев, с. 14]. Его носители проживают к северо-востоку от оз. Байкал в Баргузинском и Курумканском районах Республики Бурятия. Исследованию баргузинского говора посвящена работа Э. Р. Раднаева, где он рассматривает кратко историю баргузинских бурят, а так же фонетические, морфологические и лексические особенности их языка [3]. Экспериментально-фонетическое исследование интонации этого говора проводится впервые.

Материал исследования был получен в местах проживания носителей исследуемых говоров, в с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия. Программа состояла из двух блоков: 1) специально составленные высказывания с учетом всех коммуникативных типов, с различным тема-рематическим членением; 2) монологические высказывания на повседневные темы. Дикторами выступали двое мужчин и две женщины – носители языка, с детства владеющие родным языком. Все дикторы на сегодняшний день используют бурятский язык в качестве основного средства общения. Записанный материал был отсегментирован и просодически аннотирован. Далее он был подвергнут аудиторскому и компьютерному анализу в программе PRAAT. Результаты исследования способствуют систематизации интонационных способов выражения категории завершенности / незавершенности в бурятском языке и вносят вклад в разработку проблем бурятской диалектологии.

Минимальной единицей реализации интонационных модификаций была выбрана синтагма. В данной работе синтагмы подразделялись на нефинальные, за которыми следует продолжение высказывания, и финальные, завершающие высказывание. Нефинальные синтагмы определены как незавершенные, а финальные – как завершенные речевые единицы.

В языках с выраженным словесным ударением, наиболее информативным в синтагме является ядерный слог – последний полноударный слог, соотносимый с наиболее важным словом в синтагме. В бурятском языке ударение является тональным и выражается в повышении основного тона к финалу слова [2]. Поэтому в качестве носителя синтагматического ударения рассматривается не слог, а все слово, несущее основную информационную нагрузку синтагмы. Чаще всего это слово располагается в конце высказывания.

Анализ материала из первого блока, то есть чтения специально подготовленных фраз, показал, что мелодика типичного повествовательного завершенного высказывания в баргузинском диалекте выглядит как серия подъемов частоты основного тона (ЧОТ) на каждом знаменательном слове, с тенденцией к уменьшению интервала повышения к концу. Финальное слово, на которое приходится синтагматическое ударение, произносится с нисходящим тоном. В 60 процентах проанализированных высказываний,

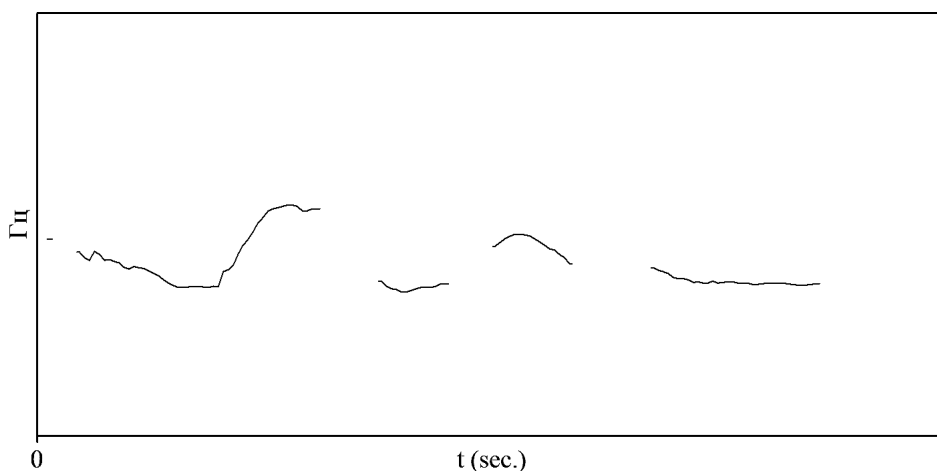
---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

минимум ЧОТ приходится на финальный слог фразы, а в 25 процентах минимальный тон приходится также на последнее слово, однако не на последний, а на первый слог. Это говорит о том, что ЧОТ может не всегда понижаться на последнем слове, а может заканчиваться небольшим повышением тона при общем понижающемся контуре всей фразы. Максимум тона в 90 процентах случаев приходится на финальный слог первого слова.

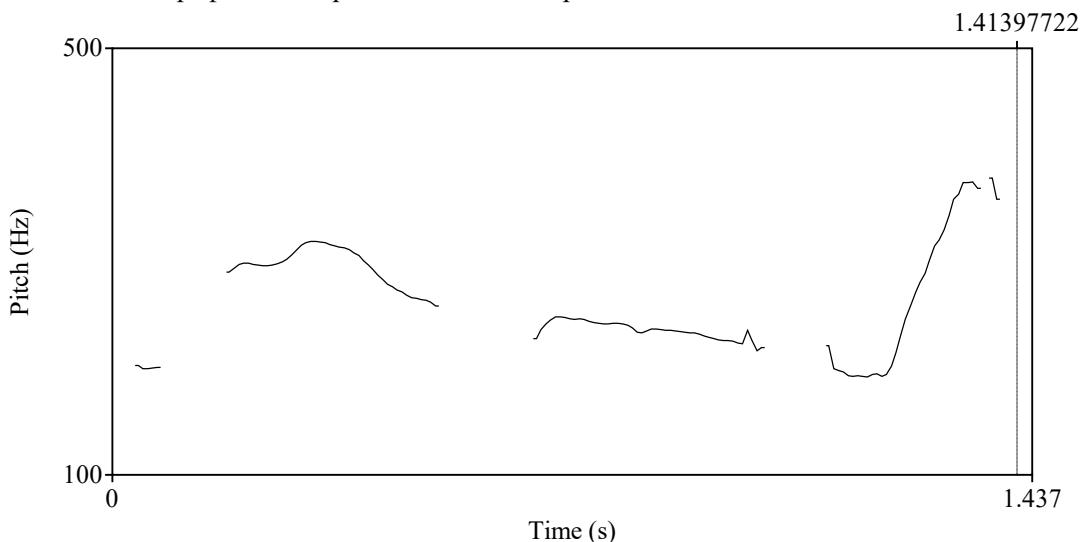
На рис. 1 представлен типичный график ЧОТ завершеного высказывания, состоящего из трех слов. Нисходящий мелодический контур с двумя высотными пиками на первом (максимальный) и на втором словах. В финале движение плавно-нисходящее или ровное. Амплитуда ЧОТ понижается к концу высказывания.

Рис 1. График ЧОТ трехсловного завершеного высказывания.

Интонация незавершенности, также как и интонация завершенности, начинается как серия подъемов, понижающейся амплитуды, однако на финальном слове происходит повышение тона, часто достигающее максимума. Минимальное значение локализуется на середине высказывания, обычно на первом слоге последнего или предпоследнего слова. Максимум приходится на финальный слог (см. рис. 2).

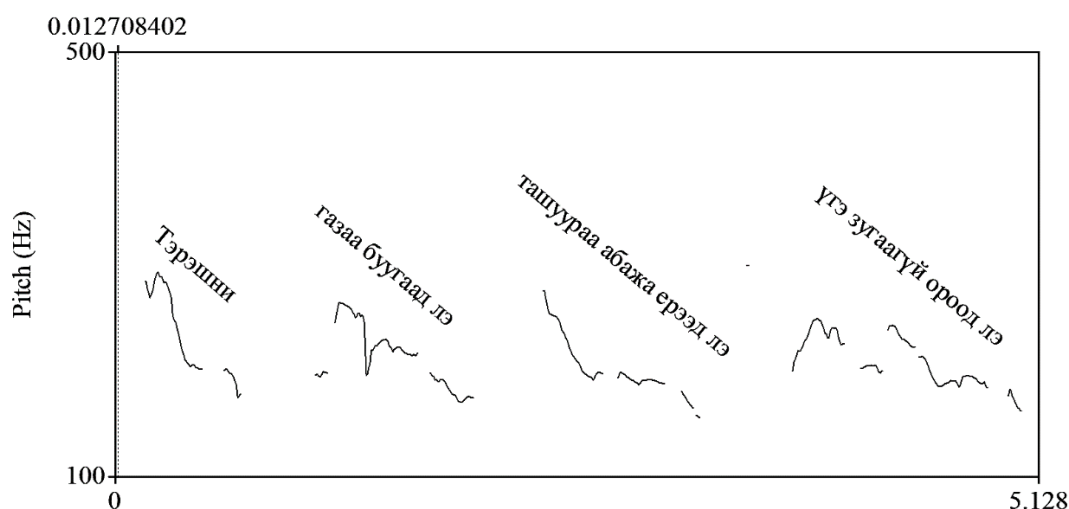
Рис. 2. График ЧОТ трехсловного незавершеного высказывания.

Анализ материала из второго блока – разговорной спонтанной речи – показал, что правило интонационного оформления финальных и нефинальных синтагм может нарушаться. Так, незавершенные синтагмы не всегда оформляются восходящим тоном. Понижающаяся мелодика так же может оформлять однородные члены предложения и выполнять роль интонации перечисления. На рис. 3 представлены графики однородных предикативных конструкций, выраженных разделительным деепричастием с зависимым словом: *Тэрэшни газаа буугаад лэ, ташуураа абажа ерээд лэ, үгэ зугаагүй ороод лэ...* ‘Он слез (с коня) во дворе, взял кнут, молча вошел (в дом)’... Как видим, и подлежащее (*тэрэшни* ‘он’) и каждая из однородных предикативных конструкций произносятся нисходящим тоном и представляет собой

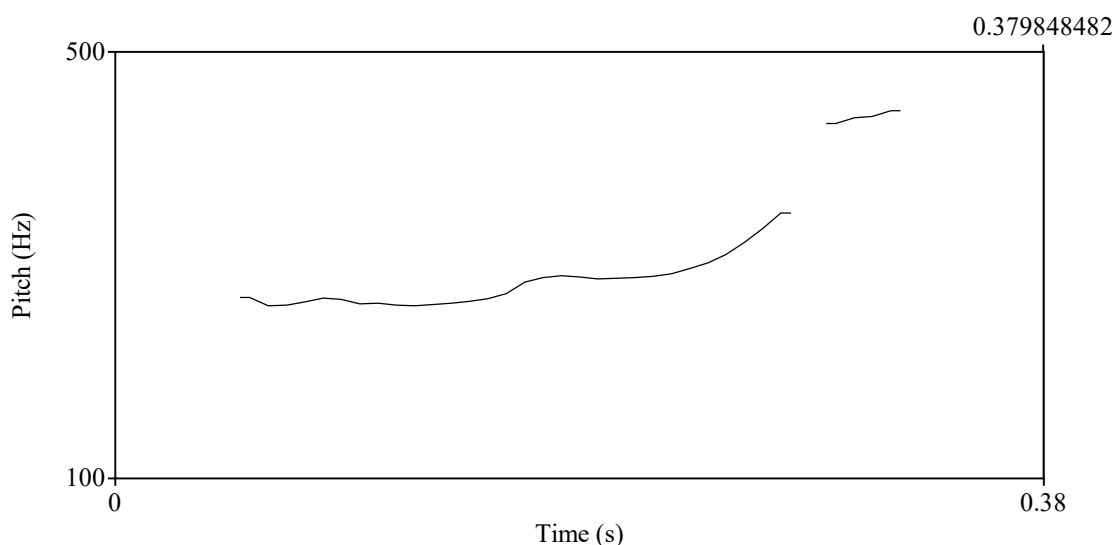
отдельную синтагму. Понижающаяся мелодика деепричастных конструкций может быть объяснена тем, что каждое из этих компонентов предложения является ремой, или, другими словами, множественными ремами. Однако и подлежащее, являющееся темой, произносится нисходящим тоном.

Рис. 3. Графики– ЧОТ однородных синтагм, выраженных разделительным деепричастием с зависимыми словами.

Традиционно, завершённое высказывание, с выражением согласия или утверждения оформляется понижающейся мелодикой, однако, в баргузинском говоре нам встретились случаи восходящего тона. На рис. 4 представлен график ЧОТ высказывания *Тиймэ* ‘Да (так и есть)’, где утверждение, подтверждение высказанной ранее мысли произносится восходящим тоном. Восходящий тон в данном высказывании несёт дополнительную модально-эмоциональную окраску.

Рис. 4. График ЧОТ утвердительного высказывания.

Носителем синтагматического ударения не всегда выступает финальное слово синтагмы. В записанных материалах спонтанной речи, имеется существенное количество как финальных, так и нефинальных синтагм с синтагматическим ударением на первом слове. В последующих примерах жирным шрифтом выделен акцентоноситель синтагмы:

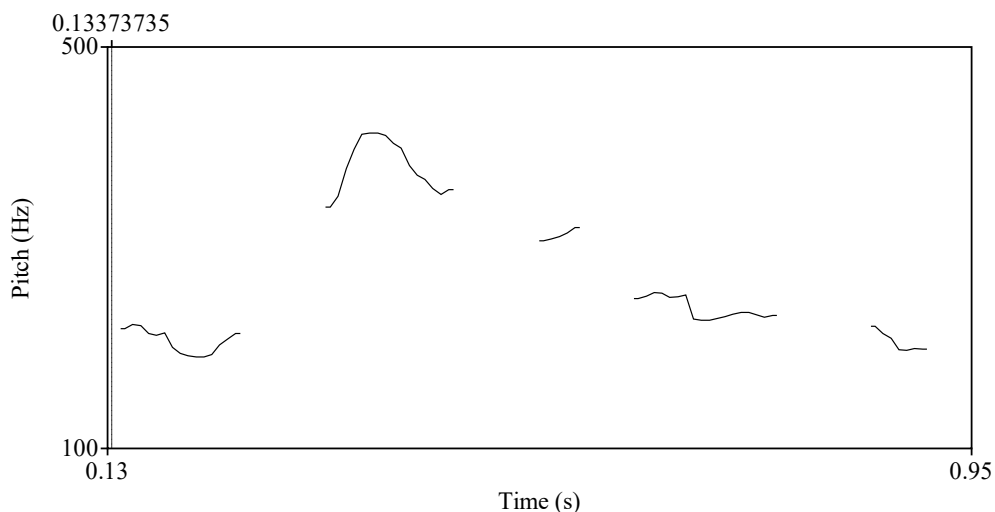
Янала *хайн хэжэ байсраа...* ‘**Достаточно** хорошо делали...’. Это неконечная синтагма, предикат выражен деепричастием предела, акцентоноситель – наречие образа действия.

Тэрэмнай *хэм бэ гэхэдэ...* ‘Если сказать кто же он...’. Это неконечная синтагма, предикат в форме причастия будущего времени в дательном-местном падеже, акцентоноситель – местоимение с личным притяжением.

Бабалаевууд *гээд бии юм* ‘Есть такие **Бабалаевы**’ – конечная синтагма, слово-акцентоноситель имя собственное во множественном числе.

Просодически акцент выражается в значительном повышении тона на главном слове. Максимум тона достигается не к финалу первого слова, а к его середине. Далее следует понижение до конца высказывания. Часть синтагмы, которая следует за акцентновыделенным словом, произносится безакцентно. Кривая ЧОТ носит сглаженный характер, без повышений тона, связанных со словесным ударением. Все синтагмы, как финальные, так и нефинальные произносятся нисходящим тоном. Пример графика ЧОТ таких высказываний представлен на рис. 6.

Рис. 5. График ЧОТ высказывания с синтагматическим ударением на первом слове.

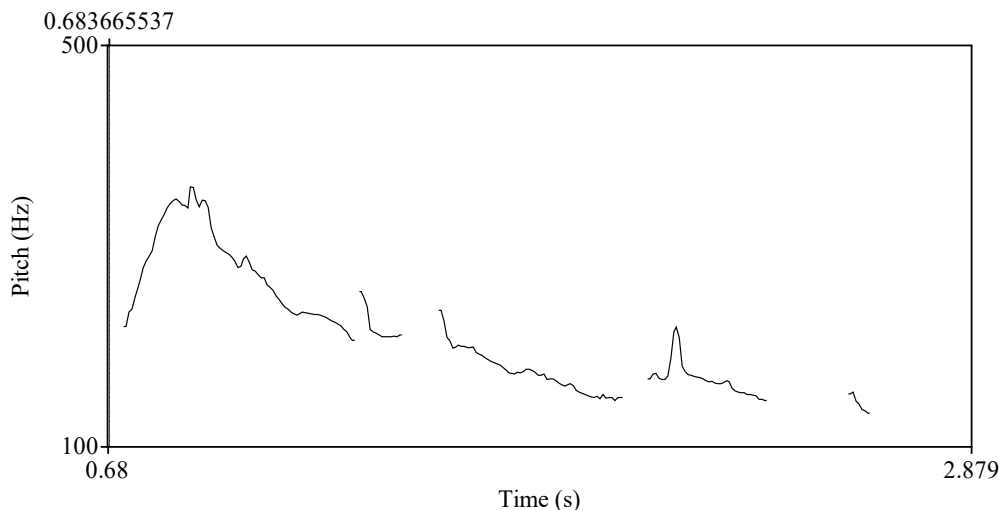

Эту часть высказывания, которая следует за носителем основного ударения в синтагме, чаще всего бывает безударной и не несет коммуникативно релевантного акцента, в литературе называют хвостом [5, с. 671]. Как видим, тема-рематическое членение накладывает свой отпечаток на интонационный контур синтагмы.

В примерах, представленных выше, хвост является продолжением ремы. Однако возможен вариант, когда в результате нарушения традиционного порядка слов, в хвосте оказывается тема или ее часть, и образуется заударная тема (обозначена подчеркиванием):

Зуу гара мянгаар хэлэ гэнэ Улаан-Үдэдэ ‘Сказали более чем за сто тысяч в Улан-Удэ’. В этом высказывании два хвоста. Первый хвост является продолжением ремы, а второй хвост *Улаан-Үдэдэ* является темой, вынесенной в пострематическую часть. При стандартном порядке слов фраза выглядела бы как *Улаан-Үдэдэ зуу гара мянгаар хэлэ гэнэ* ‘В Улан-Удэ сказали более чем за сто тысяч’. Интонационный контур выглядит следующим образом: на слове-акцентоносителе *зуу*, которое стоит в начале высказывания, происходит резкий подъем тона с последующим понижением до конца высказывания. Пострематическая часть безакцентная. На теме (*Улаан-Үдэдэ*) имеется незначительный мелодический пик на втором слоге (см. рис. 6).

Рис. 6. График ЧОТ с синтагматическим ударением на первом слове с двумя хвостами.

Тэрэ уладуудай хажуудань байһан хүбүүдүүд ядаба гэнэ, сэхэлжэ тэрээнээ ‘Парни, которые были рядом с теми людьми, намучились говорят, выпрямляя его’. В этом высказывании также имеется хвост, в который вынесена часть темы *сэхэлжэ тэрээнээ*. При традиционном порядке слов высказывание выглядит следующим образом: *Тэрэ уладуудай хажуудань байһан хүбүүдүүд тэрээнээ сэхэлжэ ядаба гэнэ* ‘Парни, которые были рядом с теми людьми, выпрямляя его, намучились говорят’. В данном высказывании в хвост вынесена часть составного сказуемого, выраженная соединительным деепричастием с дополнением.

Причиной образования хвоста чаще всего является преобразование порядка слов, вызванное эмфазой, стремлением выделить главное слово, вынеся менее существенную информацию в конец. Логично, что менее важная информация произносится безакцентно.

Таким образом, интонационное оформление категории завершенности / незавершенности в баргузинском диалекте бурятского языка, при чтении подготовленного текста имеет традиционное оформление: восходящий тон на нефинальных синтагмах и нисходящий тон на финальных синтагмах, с выраженными мелодическими пиками, связанными с уровнем словесной просодии. Однако в спонтанной речи эти правила зачастую нарушаются. Нисходящим тоном могут быть оформлены нефинальные синтагмы и наоборот. На интонационный контур значительное влияние оказывает тема-рематическое членение фразы и расположение синтагматического ударения. Для баргузинского говора характерно вынесение синтагматического ударения на начало высказывания, которое чаще всего связано с эмфазой.

Литература

1. Бураев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии. Сб. ст. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 190 с.
2. Бураев И.Д., Бюраева Э.И., Будаев Б.Ж., Абаева Ю.Д. Акцентно-интонационная система бурятского языка. Улан-Удэ, 2004.
3. Раднаев Э.Р. Баргузинский говор // Исследование бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ, 1965. СС. 71-107.
4. Сороколетова Н.Ю. Территориальные особенности интонационной реализации категории завершенности / незавершенности в британском варианте современного английского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
5. Янко Т.Е. Просодия темы, ремы и незавершенности текста // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2015. Том 11. № 1. С. 667-684.

Д.Д. Бадарев, В.Г. Жалсанова
(Россия, Улан-Удэ)

Состояние и тенденции развития недоминирующего языка в местах проживания бурят: на материале экспедиционных исследований¹

The state and trends of development of not-dominating language in the places of residence drill: on material of forwarding researches. The article considers the issues of the current condition and the possibilities of further preserving and developing the Buryat language in polyethnic Buryat regions in Russia, Mongolia and China. In the transboundary conditions of a globalizing world, the Buryat language found itself in a difficult situation: the territorial dispersion and dialect dismemberment contribute to the rapid decrease in the number of active speakers, and the scope of the language is narrowed. The data of a sociological study conducted among schoolchildren in different areas of residence of Buryats demonstrate that the main language of communication is not the Buryat language, but the majority language of the representatives of the ethnic majority. At the same time, most schoolchildren consider Buryat as their native language. The results of the study showed that the leading factors in the preservation of the Buryat language are the family institution and the education system.

В современном мире языки малых народов оказались под угрозой исчезновения. Бурятский язык не является исключением. Как известно, в языке хранится этническая специфика, культура, обычаи и традиции народа, без функционирования которого представители народа теряют свою самобытность. Территориальная раздробленность и диалектное разнообразие в глоболизирующихся обществах проживания бурят стали одними из факторов дестабилизации в сохранении и развитии бурятского языка. Бурятский язык в большинстве территорий оказался в положении недоминирующего языка. Сохраняется тенденция сокращения численности бурят, владеющих родным языком. Наряду со снижением уровня владения бурятским языком наблюдается сокращение сферы использования бурятского языка, в том числе в условиях повседневного общения: на работе и в быту. «Многие современные буряты осознают свою этническую идентичность, но ни говорить, ни читать, ни писать на родном языке не могут. Это обусловлено стремлением бурят, особенно элиты, к повышению своего социального статуса за счет освоения русского языка и приведения своего менталитета в соответствие с ориентирами индустриального общества» [1, с. 112]. Село оставалось местом применения бурятского языка, но вследствие активизации миграционных процессов из деревень в город, в первую очередь в г. Улан-Удэ, можно прогнозировать дальнейший отход от билингвизма среди недавних сельских мигрантов-бурят в пользу доминирующего русского языка. В академическом дискурсе возникают острые вопросы относительно трансляции «живого языка» детям и молодежи как будущему общества, которые представляются как объект целенаправленного воздействия для дальнейшего сохранения языковой преемственности между поколениями.

К территориям расселения бурят относится ряд российских регионов: Республика Бурятия, Иркутская область в т.ч. Усть-Ордынский Бурятский округ в составе области, Забайкальский край, в т.ч. Агинский Бурятский округ в составе края. В Монголии буряты проживают преимущественно вдоль границ с Россией в Дорнодском, Хэнтэйском (на севере), Селенгинском и Булганском аймаках (на северо-востоке) Монголии. В Китайской Народной Республике буряты обосновались в двух Шэнхэнских сомонах городского округа Хулунбуир Автономного района Внутренняя Монголия на северо-востоке Китая. Рассматриваемые территории проживания бурят, несомненно, имеют свои специфические особенности, обусловленные политико-правовым статусом и этноструктурными различиями. Кроме того, изучаемые территории имеют разноуровневый административно-территориальный статус, поскольку места расселения бурят исторически подвергались периодической административной реформе со стороны органов власти. На этом фоне главными объединяющими факторами и основой для сравнительного изучения бурятского населения указанных территорий являются историческое прошлое, общность этнического происхождения, диалектная близость языка, самоидентификация, родство культур, традиций и

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграницье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9.

обычаев. Несмотря на дискуссионность вопроса о сходствах и различиях современных субэтнических групп бурят, несомненно, представляется актуальной тема состояния и перспектив сохранения бурятского языка (или бурятского диалекта, например, в Монголии и АРВМ) в местах проживания бурят, как одного из этнообразующих признаков любой народности.

По всему миру насчитывается около 550 тысяч этнических бурят. В России (по данным Всероссийской переписи 2010 года) проживает 461,389 человек, из них: в Республике Бурятия – 286,839 чел., в Иркутской области – 77,667 чел., в Забайкальском крае – 73,941 чел. Бурят, проживающих в Монголии, насчитывается 45,087 чел. (по переписи населения Монголии 2010 г.), тогда как в КНР – около 10,000 чел. [4].

Социологическое исследование, проведенное среди школьников в 2015-2018 годах на всех территориях проживания бурят, позволило выявить современное состояние языковой ситуации на местах и некоторые тенденции развития бурятского языка, о возможностях и желании/нежелании изучать свой родной язык, состоянии бурятского языка в их семьях, в школе и роли родителей в этом процессе. Основными методами исследования выступили метод статистического анализа и анкетирование среди школьников [2]. В исследовании приняли участие 1937 школьников в трех странах – Россия, Монголия и Китай. В Республике Бурятия было опрошено 1225 респондентов, Усть-Ордынском Бурятском и Агинском Бурятском округах – 220, районах Иркутской области (Качугский и Ольхонский районы и Ангарский городской округ) и Забайкальского края (Петровск-Забайкальский и Хилокский районы), не входящих в состав национальных округов – 206, в Монголии (Дорнодский и Хэнтэйский аймаки) – 242, в Китае (Шэнэнь) – 44 респондента.

На уровне сбора статистических данных по линии Министерства образования и науки Республики Бурятия в республике и двух бурятских округах были определены численность носителей бурятского языка среди школьников и детей дошкольного возраста, а также степень их владения бурятским языком (Таблица 1).

Таблица 1

Уровень знания бурятского языка в ДОУ и СОШ Республики Бурятия, Агинского бурятского и Усть-Ордынского бурятского округов в 2016-2017 гг., в абсолютных числах и %

Территории проведения исследования	Общее количество носителей языка, чел., %		Владеет бурятским языком, чел., %		Плохо владеет бурятским языком, чел., %		Не владеет бурятским языком, чел., %
	ДОУ	СОШ	ДОУ	СОШ	ДОУ	СОШ	ДОУ
Республика Бурятия %	14959	42235	4397	16432	3470	14722	7195
	100%	100%	29,4%	38,9%	23,2%	34,8%	48,1%
АБО %	3621	7728	1842	4701	1004	2205	774
	100%	100%	50,9%	60,8%	27,7%	28,5%	21,4%
УОБО %	1118	4128	124	949	441	1840	553
	100%	100%	11,1%	22,9%	39,4%	44,6%	49,5%
Итого в среднем %	19698	54091	6363	22082	4915	18767	8522
	100%	100%	32,3%	40,8%	24,9%	34,7%	43,3%

Результаты сводных данных по Республике Бурятия, Усть-Ордынскому Бурятскому и Агинскому Бурятскому округам показывают, что на каждой из обследуемых территорий сложилась специфическая ситуация, требующая комплексного анализа и особого внимания со стороны органов власти, образовательных структур и широкой общественности. Например, соотношение этого показателя в местах проведения исследования демонстрирует разницу в 10 % среди детей, «владеющих бурятским языком» в

ДОУ и СОШ, что свидетельствует о стремительной утрате бурятского языка и выраженных негативных тенденциях в этом направлении. Такая обстановка на местах связана с рядом объективных факторов, которые оказали влияние на формирование нынешней ситуации среди бурятского населения, проживающего на административных бурятских территориях.

В продолжение начатого на первом этапе исследования статистического обзора по уровню владения бурятским языком, рассматривается табличная форма вопроса, которая содержит ряд конкретизирующих форм владения бурятским языком: понимание, речь, чтение и письмо по их уровням знания и владения (Таблица 2).

Таблица 2

Оценка знания бурятского языка учащимися, %

	РБ	Иркут. область	УОБО	Забайк. край	АБО	Монголия	КНР
Понимаю							
Очень хорошо	25,5	9,1	10,9	44,2	35,2	23,6	45,5
Хорошо	26,5	20,8	32,7	16,3	34,4	33,1	38,6
Удовлетворительно	18,5	31,2	22,8	13,9	11,5	25,2	4,5
Плохо	17,1	24,7	20,8	11,6	13,1	13,2	0
Не владею	11,2	6,5	4,0	7,7	2,5	4,1	0
Говорю							
Очень хорошо	19,8	6,5	2,0	34,8	26,2	11,2	38,6
Хорошо	21,0	13,0	24,7	20,9	37,7	27,7	36,4
Удовлетворительно	18,2	37,7	31,7	7,7	13,9	26,5	4,5
Плохо	22,0	28,6	25,7	13,9	12,3	24,0	2,3
Не владею	16,7	5,2	4,0	10,8	7,4	9,5	0
Читаю							
Очень хорошо	19,4	13,0	9,9	8,5	20,5	16,5	22,7
Хорошо	33,3	24,7	33,7	10,8	42,6	24,8	34,1
Удовлетворительно	21,4	32,5	46,5	23,3	15,6	31,4	6,8
Плохо	10,9	16,9	7,9	14,7	14,7	18,2	2,3
Не владею	13,1	3,9	-	16,3	4,1	7,0	0
Пишу							
Очень хорошо	17,0	15,6	10,9	4,6	17,2	7,9	25
Хорошо	31,5	33,6	25,7	3,1	34,4	16,9	29,5
Удовлетворительно	22,6	22,1	42,6	25,6	18,8	25,6	11,4
Плохо	12,8	14,3	14,8	21,7	22,1	32,6	0
Не владею	13,9	4,0	-	16,3	4,1	14,9	0

Примечание. В таблице не указаны данные по значению «нет ответа».

Как в целом видно из таблицы 2, учащиеся демонстрируют более высокий уровень понимания по сравнению с другими навыками. Анализ показывает, что в целом у школьников Республики Бурятия уровень понимания бурятского языка не намного, но лучше, чем остальные формы владения языком. В то же время, разговорная речь представлена хуже, чем остальные формы. В районах Иркутской области ситуация с владением бурятским языком ближе к показателям в Усть-Ордынском округе. Понимание, чтение и речь на бурятском языке здесь представлены больше на «удовлетворительном» уровне, а письмо на «хорошем» уровне. Данные по Усть-Ордынскому округу показывают, что очень хорошо владеющих всеми формами языка школьников не много: понимающих, читающих и пишущих на очень хорошем

уровне не более 1/10-ой части опрошенных, а говорящих – лишь в пределах 1/50. На хорошем уровне понимают и читают около трети опрошенных, говорить и писать может четвертая часть школьников. Наибольшие проблемы возникают с разговорной речью, по сравнению с другими формами языка. По сравнению с Усть-Ордынским округом, в Агинском округе дела обстоят лучше. В данной таблице цифры тяготеют в сторону хорошего владения бурятским языком, чем к вариантам «плохо владею» и «не владею» языком. Но, как видно из таблицы, все же существенна доля школьников, которая плохо владеет и не владеет бурятским языком. В обследованных районах *Забайкальского края* специфичная картина, которая также отличается от положения дел в двух бурятских округах. В плане понимания и речи на бурятском языке здесь ситуация неплохая, а с чтением и письмом, наоборот, не очень. В монгольских аймаках речь и понимание бурятского языка лучше других форм представлены на «хорошем» уровне, тогда как чтение – на «удовлетворительном», а письмо – на «плохом» уровне. Такая ситуация свойственна для территорий, где не бурятский язык не изучается, поэтому в аймаках Монголии больше распространены такие формы, как понимание и речь по сравнению с чтением и письмом.

В Шэнэхээне Китая, как показано в таблице, формами бурятского языка владеют лучше, чем на остальных изучаемых территориях. Здесь специфично то, что нет детей, не владеющих бурятским языком, но в то же время, многие школьники оставили вопрос без ответа. Отсутствие бурятской письменности и распространенность вертикального монгольского письма вводят детей в затруднительное положение, поскольку для многих это письмо считается монгольским, хотя произношение звуков воспроизводится на бурятском диалекте.

Несмотря на то, что часть школьников не знает или плохо знает родной язык, все же они считают бурятский своим родным языком. Признание бурятского своим родным языком, следовательно, их этническая самоидентификация с бурятским народом и со своей национальностью, говорит об имеющемся языковом потенциале среди подрастающего поколения.

Таблица № 3

Какой язык ты считаешь своим родным?, %

Значения	Место заполнения						
	УОБО	АБО	Забайкальский край	Иркутская область	Бурятия	Монголия	КНР
1. Бурятский	32.67	46.72	51.16	32.47	76.57	26.45	75.0
2. Русский	4.95	3.28	7.75	11.69	10.53	-	-
3. Бурятский и русский	1.98	0.0	0.0	1.30	-	-	-
4. Монгольский	-	-	-	-	-	6.2	15.91
5. Китайский	-	-	-	-	-	-	-
6. другой	0.0	0.0	1.55	0.0	-	-	-
Нет данных по переменной	60.4	50.0	39.53	54.55	12.89	67.36	13.64
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Примечание. В опросе среди учащихся школ в Республике Бурятия отсутствовали значения «бурятский и русский языки», «другой язык». Для учащихся в АРВМ КНР и Монголии присутствовало значение «монгольский язык».

Далее были выявлены основные демотиваторы, позволяющие определить причины нежелания изучать бурятский язык в среде школьников всех исследуемых территорий. Больше половины всех респондентов (от 51,6% до 75%) не ответили на этот вопрос, поскольку, как было показано в предыдущих ответах, они хотят изучать бурятский язык.

Таблица 4

Если ты не знаешь и не хочешь изучать бурятский язык, то почему?, % объектов

Значения	Место заполнения						
	Усть-Ордынский округ	Агинский округ	Забайкальский край	Иркутская область	Бурятия	Монголия	КНР
1. Мне не интересно	0.99	3.28	7.75	5.19	4.65	14.46	6.82

Таблица 4

Если ты не знаешь и не хочешь изучать бурятский язык, то почему?, % объектов							
	Место заполнения						
2. Считаю, что он не пригодится мне в жизни	8.91	13.93	9.30	2.60	6.86	7.85	4.55
3. На нем не с кем общаться и в нем нет необходимости	3.96	8.20	2.33	7.79	5.31	13.22	2.27
4. Мне трудно его изучать	34.65	27.87	28.68	22.08	18.78	16.53	13.64
Нет данных по переменной	55.45	51.64	53.49	68.83	68.24	52.48	75.00
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Основная причина нежелания осваивать и знать бурятский язык связана с трудностью изучения бурятского языка: в Усть-Орде выбрали этот вариант 34,6 % опрошенных детей, в Аге – 27,9 %, в Забайкальском крае – 28,7 %, Иркутской области – 22,1 %, Бурятии – 18,8 %, в Монголии – 16,5 % и в Шэнэхээне – 13,6 %. На втором месте вариант – «считаю, что он не пригодится мне в жизни» в Усть-Орде, Аге, Забкрае и в Бурятии, «на нем не с кем общаться и в нем нет необходимости» – в Иркутской области вариант, а в Монголии и Китае – «мне не интересно». Разница между ответами несущественная, поэтому все указанные причины имеют место быть, как основные причины, отталкивающие школьников от изучения бурятского языка. Эти причины объективны и показательны.

Таким образом, анкетирование продемонстрировало определенные трудности, связанные с современным состоянием бурятского языка в школьной среде; незнание и слабое знание языка вызвано, в первую очередь, отсутствием языковой среды, более половины бурят поступают в школу уже без знания бурятского языка, при этом лишь менее пятой части школьников используют его в школе и при общении с друзьями. Часть школьников, не желающих изучать бурятский язык, отмечает то, что бурятский язык не пригодится им в жизни, на нем не с кем общаться. Возникает острая необходимость расширения сфер применения бурятского языка, с выходом за пределы семейно-бытовой сферы и постепенного изменения ценностно-мотивационной сферы современных школьников в сторону уважительного отношения к родному языку, к стремлению сохранить свою родную речь, культуру, традиции бурятского народа, почитания старших и преемственности межпоколенческих связей, укрепления роли семьи и школы в деле сохранения и развития бурятского языка. Анализ показывает, что большинство школьников бурятской национальности считает бурятский язык родным, показывает желание изучать его. Желание знать свой родной язык свидетельствует о возросшем самосознании бурят, как взрослых, так и детей. Особое место занимают семья и близкое окружение школьников, у которых большинство знает бурятский язык, тем более, многие дети дома используют родную речь. Представленные в анализе данные подтверждают языковую ситуацию в регионах проживания бурят с неоднозначной тенденцией по поводу сохранения бурятского языка в школьной среде. Между тем, нынешние школьники – это будущее народа, от которых зависит дальнейшие возможности сохранения его родного языка как одного из важнейших этнообразующих признаков народа. Сложившаяся ситуация в школьной среде нуждается в поддержке со стороны органов государственной, региональной и муниципальной власти, гражданской общества, научных и образовательных структур республики и соседних регионов, поскольку от совместных скоординированных действий напрямую зависит будущее бурятского языка.

Литература

1. Будаева Д.Ц. Двужычие как способ межнациональной консолидации // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С. 100-113.
2. Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития/ отв. ред. Д.Д. Бадараев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 256 с.
3. Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ, БНЦ СО РАН, 2002. 188 с.
4. Сколько монголов в мире? Цифры и факты // [Электронный ресурс.] URL: <https://www.infpol.ru/news/asia/116194-skolko-mongolov-v-mire-tsifry-i-fakty/> (Дата обращения 30.09.2017 г.).

П.П. Дамбуева
(Россия, Москва)

Союзы как синтаксическое средство выражения категории модальности в современном бурятском языке

The unions as syntactic means of expression of category of a modality in modern Buryat language.

The article is devoted to the language universale – the category of modality in the modern Buryat language, the expression of this grammatical category with the help of the syntactic words – conjunctions. Buryat conjunctions as a means of expressing of modality are considered in comparison with conjunctions in the Russian language, which is relevant in the conditions of Russian-Buryat bilingualism in the Republic of Buryatia. The author comes to the conclusion that conjunctions, expressing modality, are less used than in Russian, and the author sees the reason for this is that the Buryat language is agglutinative, and the functions of conjunctions are often performed by adverbial suffixes, and this is shown by the examples of substitution of conjunctions *ali*, *aad*, *xada*, *xerbee*, *haa*, and others by the suffixes – *aaad* (-ood, -ööd, -gaad), -n, -tar, -xalaar, -msaar (-msoor, -mseer, -msöör), -xaar (-xoor, -xeer, xöör), etc. Summarizing what was said, the author notes the relevance and necessity of studying those changes and shifts, occurring in the Buryat language as a result of Russian-Buryat language communication, including in the field of expressing modality (transferring the meanings of Russian conjunctions with the help of the other Buryat syntactic words and desemantized verbs-copulas; transposition of tense and mood categories – the basic means of expressing modality, etc.)

Под модальностью понимается отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения его соответствия / несоответствия действительности, а также разные субъективные квалификации сообщаемого [1, с. 55]; [5, с. 141]; [7, с. 10]; [3, с. 7]; [11, с. 26]; [9, с. 34 и др.]. Из данного определения, включающего в круг модальности множество значений, можно предположить, что в их выражении участвуют разные уровни языка, и такое предположение будет верным. Модальность выражается на морфологическом, лексическом, фонетическом, синтаксическом уровнях; очень часто разные средства выражения модальности выступают комбинированно: на «естественный» модальный «грунт» предложения (образуемый объективной модальностью, присутствующей в каждом предложении) «наслаиваются» другие модальные значения (уверенности в достоверности сообщаемого / неуверенности, желательности сообщаемого факта / нежелательности, опасения, предостережения и т.д.), которые, выйдя за пределы фразы, образуют модальность текста, особенно активно разрабатываемую на современном этапе [4, 6, 10, 12 и др.]

Синтаксический ярус языка представляет собой благодатную почву для выражения обозначенных выше значений. В бурятском языке известны такие синтаксические конструкции, которые специально призваны выражать исключительно модальные значения, то есть они призваны выражать чью-либо точку зрения на существующее положение дел и часто содержат в себе необъяснимые с точки зрения грамматики связи и отношения между компонентами: *захиралгын ёһоор* «согласно приказу», *хуулин ёһоор* «по воле властей», *юундэб гэхэдэ* (юуб гэхэдэ) «что; если сказать почему», *нэгэл гэжэ* (*алимиш гэжэ*, *шамай гэжэ*) «одно что», *гэхын хажуугаар* наряду с этим; *Бай саашаа!* Отстань! *Юун балтаһанаа мэдэбэ гэшиэб!* Что он может знать! *Шүдхэрөө бүтээбэ гэшиэб даа!* Черта с два сделает! *Гайха гэлы!* Вот тебе на! *Галди шамай!* Чтоб тебя! *Ай, нохой халхай!* Тьфу, черт возьми! *Яндуул даһаа* такой-сякой; *уйлөө харла ехэ* ни дна, ни покрывки; *сожоошьс татанагуй* и в ус не дует. Как видим, такие фразеологизированные предложения и словосочетания обозначают источник сообщения, подчеркивание отдельных моментов высказывания, намерение выполнить какое-либо действие, разные стилистические и логические пояснения, эмоционально-экспрессивное отношение к предмету речи и другие значения, квалифицируемые в научной литературе как модальные.

Синтаксическое повторение в бурятском фольклоре, синтаксический параллелизм в бурятской поэзии как метрическое средство текста, нетрадиционный порядок слов в предложении, его интонация, вводные слова и конструкции и другие синтаксические средства выражают объективные модальные значения, усиливая ощущение реальности происходящего, передают различные эмоционально-субъективные отношения говорящего к объекту своего высказывания.

Задачу выражения модальных значений, человеческого фактора в высказывании в ряде случаев, наряду с частицами бурятского предложения, могут выполнять союзы.

Наблюдения над бурятскими текстами показывают, что союзы (часто в сочетании с другими средствами) могут выражать следующие модальные значения:

- Значение неуверенности, сомнения: *Һайн хүн гү, али муу хүн гү.* – «То ли он хороший человек, то ли он плохой».

- Убежденность, решительное намерение выполнить действие: *Мүнөө гү, али хэзээшье бэишэ!* – «Сейчас или никогда».

- Субъективную квалификацию сообщаемого: *Харахада хүбүүн лэ аад юрын хүбүүн* – «На взгляд парень как парень (или: обыкновенный парень)». *Гоёл аад гоё хубсаһан.* – «Что ни говори, а красивая одежда». *Ухибүүн лэ хадаа ухибүүн байна.* – «Ребенок он ребенок и есть».

- Значение предположения: *Минии удаан ерээгүй хада ши бү хүлээгээрэй.* – Если меня долго не будет, ты меня не жди. *Дайсанай довтолон ороо хада...* – «В случае нападения врага...» *Хэрбээ төөриһүүбди даа, яахабибди?* – «А если заблудимся, что тогда?» *Мунгэшье түлөө һааши ерээжэ угэхэгүй.* – «И деньгами не заманишь». *Хэды ехэ үбһэ тэжээлтэй баигаашье һаа, хонидые адуулангүй байха аргагүй.* – «Как бы ни было много сена, овец нельзя не пасти». *Үндэгьем үнэгэн бэиэшье һаа, хулгана үрэхихэ.* – «Если не лиса, так мышь съест мое яйцо» (из сказки).

- Предположение с большой долей уверенности: *Хэрбээ түрүүшын үдэрһөө эхилээд ажаллабал, хүн бүхэн абahan уялгая дүүргэхэ.* – «Если работать как следует с первого же дня, то каждый выполнит взятые обязательства».

- Значение согласия: *Тиимэ хадаа һайн.* – «Хорошо, если так». *Үгы хадаа үгы.* – «Нет так нет». *Бараг, бараг хадаа!* – «Ладно, ладно!»

- Подчеркивание: *Би һаа хэлэхэгүй һэм.* – «А я не сказала бы». *Хэрбээ би һаа һурагшадһаа бултанһаань асуухал һэм.* – «А я спросил бы у учеников, у всех спросил бы». *Тэрэши һаа үсэд.* – «Он-то упрямый». *Үбгэдишье һаа баһа эндүүрдэг.* – «И старики ошибаются».

- Кроме того, союзы широко употребляются в составе вводных словосочетаний, которые всегда имеют модальное значение, выражая оценку степени достоверности сообщения, эмоционально-экспрессивную оценку сообщаемого, ссылку на источник сообщения: *тиимэ (иимэ) хадаа* (значит, стало быть); *ехэдээл һаа, ехэдээл хадаа* (самое большее, в лучшем случае, по крайней мере); *ядалсад гээ һаа* (в худшем случае, на худой конец); *ямар хэмэршье һаа* (как бы то ни было) и др.

Союзы чаще выполняют модальные функции, употребляясь в составе сложного предложения: «Среди грамматических и лексических факторов, взаимодействием которых создается модальная характеристика сложных предложений, особая роль принадлежит специфическим для сложного предложения средствам – союзам, способным предопределять то или иное употребление синтаксических времен и наклонений» [2, с. 653].

Во многих исследованиях так или иначе отмечается способность союзов быть средством выражения модальности, их близость к модальным частицам и модальным словам. Весьма определенно о наличии у союзов модальных значений и о необходимости изучения этого явления высказался В.В. Виноградов: «Модальные значения и оттенки русских союзов совершенно не изучены. Между тем этот вопрос крайне важен для более точного выяснения природы тех грамматических отношений, которые обозначаются союзами между синтаксическими единицами, между предложениями. Естественно, что изучение модальных значений союзов неразрывно связано с исследованием разных типов сложного предложения. Различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации сочетания предложений, разных видов зависимости между ними» [1, с. 86-87].

Встречается в русистике и преувеличение роли союзов в выражении модальности: «Очевидно, союзы нужно рассматривать как ядро категории модальности, потому что роль модуса является их постоянной обязательной функцией в предложении. Модальная функция союза обусловлена самой природой этой грамматической категории, в то время как другие модальные средства выполняют эту роль лишь эпизодически [8, с. 136].

В бурятском языке союзы менее разнообразны, чем в русском, а также менее употребительны. Это связано с агглютинативным строем бурятского языка, с тем, что суффиксы во многих случаях берут на себя и функции союзов. Так, общеизвестно, что бурятские деепричастия очень легко связывают слова и предложения благодаря обилию в их составе суффиксов. Успешно заменяют союзы суффиксы деепричастий: *-жа, -жэ, -жо: Халуун наранай элиэдэ хүбишын саһан хайлажа, горхон урдаба.* – «На горах стал таять снег от солнечных лучей, и побежали ручьи».

-аад, -гаад: Ошоод, үзөөд, хараад ерэе – «Поедем, посмотрим и (да) вернемся».

-н: Бартахи бахардан мэгдэжэ, байжа ядан асууба... – «Медведь, едва держась на ногах и еле дыша от испуга, спросил...».

-тар: *Минии хэлэхээр байтар, тишиэ ши ошобои.* – «Ты пошёл туда, несмотря на то, что я тебя предупреждал».

-халаар: *Энээгээр дабахалаараа, айл харахаи.* – «Когда перевалишь эту гору, увидишь селение».

-мсаар: *Минии ерэмсээр, ябахаш.* – «Поедешь, как только я приеду».

-наар: *Би ошохоор тиимэ юумэ дуулаагуйб.* «С тех пор, как уехал, я такого не слышал».

Таким образом, из приведенных примеров видно, что там, где бурятское деепричастие связывает простые предложения с помощью суффиксов, в русском сложном предложении это делается аналитически с помощью союзов – либо выражающих модальное значение, либо предопределяющих модальное значение придаточного предложения, чем, вероятно, и можно объяснить более частое употребление в русском языке союзов *хотя, когда, потому что, так что, как, будто (будто бы), словно не..., якобы* и др. При этом союзы – основное средство организации бурятского сложного предложения – могут выражать модальные значения, но могут быть и безразличными к ним. Описание всех союзов с этой точки зрения еще предстоит осуществить, как и описание тех изменений и сдвигов в бурятском языке, происходящих в результате интенсивного русско-бурятского двуязычия. Перспективным представляется исследование того, как передаются значения русских союзов *чтобы, как бы, чтобы не, как бы не* и др., предопределяющих модальность придаточного предложения, с помощью бурятских послелогов, аффиксов и глаголов-связок, среди которых очень заметна роль служебного глагола *гэхэ*. Описания требуют случаи нарушения порядка слов (под влиянием русского языка) с целью передачи модального значения подчёркивания, выделения наиболее важного отрезка речи; внимание привлекает и явление транспозиции наклонения и времени (основных средств выражения модальности), получившей описание в русском языке и теперь заметной и в бурятском: *Ябахаяа боли – юун болохоб? Ходить перестанешь – что будет? Букв.: Ходить перестань – что будет?* (Ср. в русском: *Наше дело маленькое. Наше дело прокукарекать, а там хоть и не рассветай*). Перенос значений времени хорошо видно на примере глагола *мэдэхэ* «знать». В значении «не знаю» этот глагол звучит как *мэдэхэгүй* (буквально: не будет знать), или *бү мэдэе* (букв.: давайте не будем знать); иногда в ответах встречается *мэдэнэгүй* (букв.: не знает). Под влиянием русского языка и ускоряющегося темпа жизни всё большее распространение получают назывные предложения, хотя бурятскому языку это явление глубоко чуждо: действия и качества в бурятском предложении не принято отрывать от их производителя и носителя. Перечисленные и другие связанные с ними вопросы ждут своего описания.

Литература

1. *Виноградов В.В.* О категории модальности и о модальных словах в русском языке // Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53-87.
2. *Давыдова А.А.* Элементы модальности в структуре современного английского языка. Автореф. дисс...канд. филол. наук. М., 1969. 19с.
3. *Девина О.В.* Авторская модальность в произведениях А.Т.Твардовского. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Калининград, 2012. 24 с.
4. *Демидова И.А.* Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках. Дисс... канд. филол. наук Калининград, 2005. 198 с.
5. *Золотова Г.А.* Модальность в системе предикативных категорий // *Otazky slovanske sintaxe*. Brno, 1973. Ч.3. С. 93-97.
6. *Капрэ Е.Н.* Субъективная модальность в древнерусских и старорусских житийных текстах. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Калининград, 2011. 24 с.
7. *Лопатюк М.В.* Ситуативная модальность в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе. Автореф. дисс...канд.филол.наук. Калининград, 2009. 24с.
8. *Ляпон М.В.* Сочинения Курбского источник для исследования явления модальности // Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971.
9. *Мөнх-Амгалан Ю.* Орчин цагийн монгол хэлний баймжийн ай. Улан-Батор, 1998. 370 с.
10. *Навалихина А.И.* Ассоциативная структура значения слова и модальности восприятия. Уфа, 2013. 167 с.
11. *Пюрбеев Г.Ц.* Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // ВЯ, 1981. №5. С. 25-30
12. *Собко Т.Ю.* Побудительная модальность в дискурсе русскоязычной социальной рекламы. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Калининград, 2017. 23 с.

Синтаксический облик современных бурятских художественных произведений

Syntactic shape of modern Buryat works of art. This article presents the results of a study of modern Buryat prose in terms of the degree of preservation in it of the original Buryat syntactic structures and the influence of the contacting Russian language. Originally Buryat we consider constructions characteristic of the syntax of the Buryat chronicles and prose of the beginning of the XX century. The author comes to the conclusion that the modern syntactic image of Buryat prose was significantly influenced by two factors: the transition of the literary language to the Khorinskii dialect basis and the influence of the Russian language. The transition to a dialectal basis is associated with the penetration of conversational constructions into literary speech. But the influence of the Russian language is connected with the emergence of new constructions and with a change in the case management of some Buryat verbs.

В лингвистике долгое время считалось, что грамматический строй, в частности синтаксис, является устойчивой системой, менее всего подверженной изменениям со стороны внешних факторов (например, другого языка). В этой статье излагаются результаты исследования современной бурятской прозы на предмет степени сохранения в ней исконно бурятских синтаксических конструкций и влияния контактирующего русского языка. Исконно бурятскими считаем конструкции, характерные для синтаксиса бурятских летописей и прозы начала XX века.

О подверженности синтаксиса изменениям Т.Б. Агранат в своей докторской диссертации пишет следующее: «Сохранность исконного полипредикативного синтаксиса зависит от социолингвистического статуса языка. Объясняется это тем, что синтаксический уровень очень сильно подвергается изменениям под влиянием контактирующих языков, и консервирующим его механизмом является нормирование» [1, с. 5].

Исследователь устной бурятской речи Б.Д. Цыренов также отмечает изменения на синтаксическом уровне: «в синтаксисе происходит перестройка порядка слов в словосочетании и предложении (иногда с явным его нарушением), калькирование целых синтагм из русского языка также наложило свой отпечаток» [6, с. 13]. Хотя он исследовал устную речь, наш анализ современных художественных текстов также выявил ряд системных сдвигов, обусловленных, во-первых, переходом литературного языка на хоринскую диалектную основу, во-вторых, влиянием русского языка.

Первое, что бросается в глаза в современных художественных произведениях, это явление упрощения синтаксических конструкций, которое мы связываем с переходом письменного монгольского языка на хоринский диалект с использованием кириллицы в 1937 году. «С переходом на кириллицу литературные нормы письменного монгольского языка были заменены разговорными нормами хоринского диалекта. Смена норм литературного языка, ввод кириллицы и диалектной лексики с фарингальным звуком *h* повлияли на изменение лексики, фонетики и синтаксиса литературного языка бурят, а также на утрату им соответствующих норм письменного монгольского языка. В результате бурятский язык на кириллице стал отличаться от литературного бурятского языка на монгольской письменности и даже на латинице. Этот факт позволяет говорить о появлении нового литературного языка бурят на кириллице» [3, с. 4]. Г.Д. Санжеев писал, что «в бурят-монгольском языке, как и в письменно-монгольском, сочинение при помощи деепричастий первой группы, а также будущего причастия в дательном падеже, широко используется для составления длинных периодов, тянущихся, по выражению монгольского автора, как хвост змеи или бараньи тонкие кишки» [5, с. 71]. Сложные синтаксические комплексы (ССК), по определению Л.Б. Бадмаевой, характерные для текстов бурятских летописей и ранних произведений, малоупотребительны в настоящее время. «Подобного рода конструкции уже не употребляются в современном литературном языке бурят и должны квалифицироваться как архаизмы» [1, с. 144]. Если в текстах на старомонгольском языке период включал до 10-15, а то и более предикативных частей, то в современных текстах максимальное количество достигает 5-6, т.е. в два раза меньше. Пример:

- (1) *Нэгэтэ эдэ хоёр ишгэ-жэ хөөрэлдэ-һөөр* | *аргал түү-жэ,*
однажды эти двое ргох-сүб разговоривать-сүб кизяк собирать-сүб

гэр-т-ээ	дүтэл-хэ-д-өө,	үбгэн бааб-ай-нгаа	гэр-эй-нгээ	дом-dat-refl
приближаться-рс.fut-dat-refl	дедушка-gen-refl	дом-gen-refl		
газаа	гар-аад нуу-жа бай-х-ые	холоһоо хара-жа,		
вне	выходить-cvb	сидеть-cvb	аух-рс.fut-acc	издалека
видеть-cvb				
тон ехээр	баярла-ба-д.			
очень	сильно радоваться-pst-3pl			

Однажды эти двое, когда, таким образом разговаривая и собирая кизяк, приблизились к дому, увидели издалека, как их дедушка сидит на улице возле дома, и сильно обрадовались' (Ц. Шагжин *Улаан морид* 1981; Бурятский корпус).

Сближение литературной и разговорной форм существенным образом повлияло на синтаксис и отразилось на различных языковых фактах: на падежном оформлении субъектов оборотов, на распространении причастия завершено-прошедшего времени и аналитической формы несоответствия ожиданиям (миративности), а также других конструкций, относящихся к разговорному стилю.

В падежном оформлении субъектов оборотов именительный падеж сменился на родительный падеж. Пример:

(2)	<i>Тайшаа-гай</i>	<i>үгэ</i>	<i>хэлэ-нгүй</i>	<i>саашаа ошо-мсоор,</i>	<i>нэгэ</i>
тайша	слово	говорить-cvb.neg	в сторону	идти-cvb	один
<i>шэрүүн гар</i>	<i>Дорж-ын</i>	<i>сарбуу шүүрэ-бэ.</i>			
шершавый	рука Д.-gen	локоть	схватить-pst[3sg/pl]		

'Как только тайша отошел в сторону, не сказав ни слова, чья-то шершавая рука схватила за локоть Доржо' (Ч. Цыдендамбаев *Банзарай хүбүүн Доржо* 1953; Бурятский корпус).

Причастие завершено-прошедшего времени на *-нхай*, характерное для разговорной речи хоринских бурят, «в настоящее время получает широкое распространение в бурятском литературном языке» [3: 270].
Примеры:

(3)	<i>Айхабтар</i>	<i>хайхан</i>	<i>сэдьхэл-тэй</i>	<i>нэгэ</i>	<i>басаган</i>	<i>шамда</i>
чрезвычайно	хороший	душа-ргор	один	девушка	ты:dat	
<i>дурла-нхай.</i>						
влюбляться-рс.res[3sg/pl]						

'В тебя влюблена одна девушка с очень чистой душой' (Ч. Цыдендамбаев *Түрэл нютагнаа холо* 1958; Бурятский корпус)..

Аналитическая форма со значением миравитивности – *н гэхэдэ*- также имеет происхождение из устной разговорной речи:

(4)	<i>Эсэгэ</i>	<i>Малаан-ай</i>	<i>хара-н гэ-хэ-дэ,</i>	<i>домбо-нь</i>
отец	М.-gen	видеть-cvb	аух-рс.fut-dat	кувшин-poss3
<i>хоохон</i>	<i>бай-ба.</i>			
пустой	быть-pst[3sg/pl]			

'Когда отец Малаан увидел, его кувшин оказался пустым' (Ч. Цыдендамбаев *Түрэл нютагнаа холо* 1958; Бурятский корпус).

Специализированное средство выражения значения недоверного сравнения – разговорная конструкция с частицей *юмэ (н)дэл* также проникает в тексты литературного языка. Эта конструкция всегда выражает в придаточной части ирреальное, воображаемое событие:

(5)	<i>Дуугар-ха</i>	<i>бүхэндөө</i>	<i>аман-һаа</i>	<i>алта</i>	<i>унагаа-жа</i>
говорить-рс.fut	каждый раз	рот-abl	золото	ронять-cvb	
<i>бай-даг юмэдэл,</i>	<i>тэрэ</i>	<i>үгэ</i>	<i>үсөөн-тэй</i>		
аух-рс.hab	рcl	он	слово	редкий-ргор	

'Он немногословен, как будто всякий раз, когда говорит, изрыгает золото' (Ж. Тумунов *Нойрһоо хэриһэн тала* 1949; Бурятский корпус).

У этой конструкции с причастием будущего времени на *-ха* в зависимой части также есть одно специфическое значение: зависимая часть обозначает возможную цель главного действия, в которую говорящий не верит:

(6)	<i>Тамхи</i>	<i>тата-жа,</i>	<i>дулааса-ша-ха юмэдэл,</i>	
Табак	курить-cvb	греться-intens-рс.fut	рcl	
<i>үдхэн</i>	<i>утаа-гаар-нь</i>	<i>ут-уула-н</i>	<i>һуу-на</i>	
густой	дым-ins-poss3	дымить-caus-cvb	сидеть-prs[3sg]	

‘Сидит в густом дыму, как будто согрется, выкурив папиросу’ (Ц.-Ж. Жимбиев *Урасхал* 1973; Бурятский корпус).

Следующая конструкция разговорного стиля – многозначная конструкция с орудным падежом причастия. Примеры:

(7) *Майдар-ай заа-даг-аар лэ жаргал-аа бэдэр-хэ*
M.-gen учить-рс.hab-ins pcl счастье-гефл искать-рс.fut
ёһотой юм бай-гаа...
должен pcl аух-рс.prs[3sg/pl]

‘Должен был искать свое счастье, как учит Майдар’ (Д. Эрдынеев *Хулэг инсагаална* 1974; Бурятский корпус).

И, наконец, в выражении условных отношений условное деепричастие на *-бАл* из старописьменного монгольского языка вытесняется другим специализированным средством – конструкцией с частицей *һаа* в сочетании с причастиями, чаще всего незавершено-прошедшего времени *-АА*.

(8) *Үхэ-хэеэ хэбт-ээд, адуун тухай һанаата боло-но*
умирать-свб лежать-свб скот pstp беспокоиться-prs[3sg]
гээжэ хун дуул-аа һаа, шoo үзэ-хэ юм бэээ.
сomp человекслышать-рс.prs pcl осуждать-рс.fut pcl pcl[3sg]

‘Если кто-нибудь услышит, что, собираясь умирать, переживаю за скот, наверное, осудит’ (С. Цырендоржиев *Ондоо байдал байхагүй* 1977; Бурятский корпус).

(С. Цырендоржиев *Ондоо бодол байхагүй* 1977; Бурятский корпус).

Свидетельством влияния русского языка являются, во-первых, местоименно-соотносительные корреляты типа *хэн-тэрэ* ‘кто..., тот’, *хаана-тэндэ* ‘где..., там’ и т.д.

Примеры:

(9) *Маанарые хэн айлга-на-б, тэрэ гэмтэй.*
мы:acc кто пугать-prs-pcl тот виноватый

‘Кто пугает нас, тот виноват’ (Х. Намсараев *Үүрэй толон* 1959; Бурятский корпус).

Во-вторых, с большой долей уверенности о влиянии русского языка можно говорить про управление глаголов *һонирхо-* ‘интересоваться’ и *амаршал-* ‘поздравлять’ причастными формами в орудном падеже:

(10) *Тунгалаг директор-эй ямар ном унша-даг-аар-нь*
Т. директор-gen какой книга читать-рс.hab-ins-poss3
һонирхо-бо.

интересоваться-pst[3sg/pl]

‘Тунгалаг поинтересовалась тем, какие книги читает директор’ (Ц.-Д. Хамаев *Найдал*, 1967; Бурятский корпус).

(11) *Савва Владиславович Богдо хаан-ай үгэ шагн-аад,*
С. В. Б. хаан-gen слово слушать-свб
тэнгэри изагуурта агууехэ империи-ие толгойл-жо
небо происхождение великий империя-асс возглавлять-свб
һуу-һ-аар-нь тэрэ-ниие амаршал-ба
аух-рс.pst-ins-poss3 он-асс поздравлять-pst[3sg/pl]

‘Савва Владиславович, послушав речь Богдо хана, поздравил его с тем, что он возглавляет великую империю небесного происхождения’ (Б. Санжин, Б. Дандарон *Заяанай зам*, 1966; Бурятский корпус).

В-третьих, не исключено влияние русского языка также на появление конструкций с некоторыми послелогоми, например, *зорилгоор* (*зорилготой*) (образованы от слова *зорилго* ‘задача, цель, намерение’; соответственно, с показателями орудного и совместного падежей), *талада* (от слова *тала* ‘сторона’ с показателем дательного-местного падежа). Конструкции с послелогоми *зорилгоор* (*зорилготой*), подчеркивая само понятие «цель», фокусируют внимание слушающего на зависимой части (ср. рус. *чтобы* и *с целью*):

(12) *Зон-до зөөлэн хуули биш болго-хо зорилгоор хаан-ише*
народ-dat мягкий закон есть аух-рс.fut pstp хан-асс
эсэргүүсэ-н бод-оо юм.
протестовать-свб вставить-рс.prs pcl[3sg/pl]

‘Выразили протест против царя с целью смягчить законы для народа’ (Ч. Цыдендамбаев *Банзарай хүбүүн Доржо* 1953; Бурятский корпус).

(13) *Гээгдэл-ээ хүсүүл-хэ талада-м Дугар яһалашье*

потеря -refl   восполнять-рс.fut   pstp-poss1sg   Д.   достаточно
туһал-аа   *даа...*
помогать-рс.prs   рсI

‘Дугар достаточно помог мне (по части того, чтобы) восполнить потерю’ (Г. Бадмаева *Шэнхинуур хонхо* 1984; Бурятский корпус).

Таким образом, на современный синтаксический облик бурятских художественных произведений существенно повлияли два фактора: переход литературного языка на хоринскую диалектную основу и влияние русского языка. С переходом на диалектную основу связано проникновение разговорных конструкций в литературную речь, а с влиянием русского языка – появление новых конструкций и изменение в падежном управлении некоторых глаголов.

Литература

1. *Агранат Т.Б.* Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии: Дис. ... докт. филол. наук/ Т.Б. Агранат. М., 2009. 235 с.
2. *Бадмаева Л.Б.* Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2005. 215 с.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы. 1962. 340 с.
4. *Санжанов Ж.Ш.* Формирование общественно-политической лексики бурятского языка на монгольской письменности в 20-30-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.Ш. Санжанов. Улан-Удэ, 2017. 28 с.
5. *Санжеев Г.Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М., Л., 1941. 171 с.
6. *Цыренов Б.Д.* Интеркаляция и транскаляция в современном бурятском языке // Вестник Бурятского государственного ун-та. Улан-Удэ: Изд-во Бурятский госуниверситет. №2, 2016. С. 10-16.

Проблемы репродукции бурятского языка в ученической среде (по материалам социологического исследования)¹

Problems of a reproduction of the Buryat language in the student's environment (on materials of a sociological research). The article is devoted to a sociological analysis of the problems of reproduction of the Buryat language among students of general education schools. On the basis of data from a sociological study, it has been shown that modern Buryat children, despite their ignorance of their native language, demonstrate a positive attitude towards learning it. The social environment in the face of the family and educational institutions can be an important resource for overcoming problems in the development of the Buryat language with the support of the state and society.

В современном мире остро стоит проблема развития языков малых народов. Социальная среда не создает условия для их полноценного функционирования, процесс воспроизводства низводится в лучшем случае до бытового общения. Бурятский язык также находится в сложном социальном положении. Ученые, общественность давно бьют тревогу по поводу его дальнейшего развития. Основным инструментом для создания картины мира для большинства бурят, особенно у детей и молодежи, давно и прочно стал русский язык. Инкультурация в русскую языковую среду трансформировало языковое поведение и существенно сузило возможности для репродукции бурятского языка в социальной среде, как в малых социальных группах, как семья, так и в целом в бурятском обществе.

Основными инструментами, позволяющими репродуцировать язык, являются образовательная система с корпусом методических и методологических разработок, семья, где начинается первичная социализация ребенка и социокультурная среда, аккумулирующая и воспроизводящая фоновые практики, то есть некий background. Важность последней, если следовать логике М. Вебера, заключается в ценностно-рациональной интерпретации поведения индивидов.

Именно в период детства происходит овладение языком и формируется в сознании некая картина мира. На глубину и активность процесса овладения языком оказывают влияние разные факторы, объективные и субъективные по своему содержанию. Одним из наиболее значимых факторов является социальный статус языка в конкретном обществе. Признавая сложности функционирования и развития бурятского языка в российском государстве, в первую очередь, отмечаем такие проблемы, как «ограничение сфер использования высокоструктурного развитого письменного языка, снижение объема выполняемой им функции средства общения, уменьшение числа активных носителей языка, особенно среди молодого поколения» [1, с. 3].

Анализ современного состояния бурятского языка и его функционирования в среде детей и молодежи позволяет сделать вывод о том, что есть две проблемы:

1. Сужение сферы использования языка. Не секрет, что язык уходит из сферы повседневного взаимодействия даже в среде старшего поколения, и, тем самым, обнаруживается постепенный его исход даже из бытового общения. Одной из причин ухода бурятского языка из сферы общения является то, что многие современные буряты не владеют навыками письма и чтения на родном языке, низведя уровень знания до простейших словоформ.

2. Вторая проблема напрямую вытекает и в то же время обуславливает первую. Преподавание бурятского языка в образовательных учреждениях оказалось заложником многогранной проблемы. Самая главная грань, наверно, заключается в отсутствии политической воли со стороны государства и в отсутствии внятного общественного заказа на повсеместное внедрение языка в учебный процесс. Отсюда становится выпуклой вторая грань – недостаточность и низкое качество преподавания языка в образовательных учреждениях. И, наконец, третья грань – низкий уровень мотивации к изучению языка со стороны как родительского сообщества, так и самих детей.

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9.

Если спросить любого современного буряты «Как Вы думаете, хотят ли наши дети учить родной язык?», то чаще всего получаем ответ «Нет, не хотят». И дополняется ответ пространными рассуждениями о том, что современная молодежь вообще не желает обучаться, не проявляет интерес к своей культуре, к истории и традициям. Таким образом, налицо вечная проблема отцов и детей, при этом заметим, что большинство «отцов», как правило, также не владеет родным языком и также не демонстрирует желания его знать и учить. К сожалению, в обществе превалирует данное понимание ситуации, когда подрастающее поколение предстает в образе не только не знающего родной язык, но и абсолютно нежелающего его изучать. И многие дискуссии ведутся исходя из этого понимания, в результате, по нашему мнению, содержание научного и общественного обсуждения проблем бурятского языка приобретает отрицательный характер. Упор на незнание языка детьми и молодежью задает в общественном сознании вектор на то, что ситуация с бурятским языком абсолютно плачевная, в ближайшем будущем произойдет потеря языка. Категоричность рассуждений о детях, не желающих учить бурятский язык во многом разбивается об ответы, полученные нами в ходе опроса¹. (см. табл. 1)

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы изучать бурятский язык?», %

Значения	Республика Бурятия	Иркутская область	Забайкальский край	Усть-Ордынский округ	Агинский округ	АРВМ КНР	Монголия
Да	90,0	92,2	94,3	93,0	87,7	72,4	71,1
Нет	2,1	1,3	-	3,0	3,3	6,6	7,0
Безразлично	5,0	5,2	5,7	4,0	7,4	18,6	19,4

Примечание. Данные представлены без учета варианта «нет ответа», поэтому сумма не равна 100%

Как мы видим из таблицы 1 подавляющее большинство опрошенных учащихся, во всех местах проведения опроса ответило, что желает учить язык. Лишь незначительная часть опрошенных выбрали варианты ответов «нет» и «отношусь безразлично».

Эти данные являются ярким свидетельством того, что современное подрастающее поколение никоим образом не изъявляет желание отказаться от изучения родного языка. Рост национального самосознания российских бурят в целом, оказал свое положительное воздействие на самосознание детей. Данный вывод подтверждается рассуждениями Е.М. Арутюновой, которая пишет о том, что «в постсоветской России отношение к языку как к основополагающей ценности этнической культуры особенно ярко проявилось в период этнического ренессанса начала 1990-х гг. Именно с ним были связаны многие лозунги национальных движений в регионах. Впрочем, его значимость фиксировалась и ранее – в этносоциологических исследованиях советского времени. Сегодня язык продолжает оставаться важнейшим этническим маркером, а в республиках он служит еще и символом достигнутого уровня» [2]. Тем не менее, следует признавать, что одним из факторов сдерживания полномасштабного развития бурятского языка становится его неравное положение с доминирующим в обществе русским языком.

М.Х. Фарушкин в своем подробном анализе статуса официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах отмечает данный факт. «Равноправие означает отсутствие дискриминации по признаку языка, возможность пользоваться родным языком в семье, в сфере образования, на работе, в публичной деятельности. Но по своей функциональности языки, конечно, не равны» [3, с. 81].

Тем не менее, несмотря на неравные с русским языком социальные позиции, в бурятском обществе свидетельством изменений становится следующая точка зрения – если еще четверть века назад было стыдно говорить на родном языке, то теперь, наоборот, стыдно не знать его. Сразу отметим, что рост самосознания стал следствием и одновременно причиной роста интереса к бурятской культуре в целом в обществе. Во многих школах, где проходил опрос, изучение бурятского языка тесно взаимосвязано с изучением традиционной культуры, в виде школьной самодеятельности, факультативных занятий, дополнительных исследовательских практик в рамках краеведения, а также с деятельностью школьных

¹ Исследование проведено сектором социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по заказу Министерства образования и науки Республики в 2015-2018 гг. Были опрошены учащиеся школ на всех территориях проживания бурят (Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край, Монголия и Китай).

музеев. Многие учителя бурятского языка в школах становятся трансляторами культурных традиций народа и активно вовлекают учащихся в процесс изучения национальной культуры. Это характерно не только для Республики Бурятия, но и для других территорий проживания бурят – Усть-Ордынского и Агинского округов, Иркутской области и Забайкальского края.

Школа как образовательное учреждение не справляется с задачей качественного обучения языку. А ведь, как отмечает, Л.В. Мифтахова, «современное языковое образование сегодня включает не только преподавание, изучение и оценивание уровня владения языком, но и использование языка в процессе межличностного и профессионального общения. Изучение социокультурных традиций других этнических групп формирует межкультурную компетенцию в процессе обучения, что является гарантией межкультурной адаптации в процессе общения. Возможность применять изучаемый язык на практике служит для обучающихся мощным мотивационным фактором» [4, с. 134]. Здесь следует отметить, что инструментальный мотив к изучению языков, выражающийся понятием «он мне пригодится в дальнейшей жизни, в профессиональной карьере» приводит к росту конкуренции бурятского языка с иностранными языками, в первую очередь с английским, который становится в современном мире значимым социализирующим фактором. «Знание неродного и двух-трех иностранных языков повышает конкурентоспособность специалистов в современном полиэтническом мире» [Там же]. В подобной ситуации приобрел смысл поиск ответов на вопрос о существовании национальных языков в условиях глобализации.

В современном бурятском обществе начался процесс преодоления стигматизации бурятского языка как отсталого и непрестижного. Необходим следующий шаг – активизация данного процесса. Здесь важно помнить, что современное старшее поколение, открывшее для себя полноценное школьное образование и начавшее активно изучать русский язык в быту сохраняло общение на родном языке. При этом не происходило их отставание от русскоязычных сверстников, наоборот, билингвизм способствовал более активному и грамотному усвоению русского языка.

При ответе на вопрос «Если ты изучаешь бурятский язык в школе, нравится ли тебе изучать?» большинство респондентов в Республике Бурятия выбрали ответ «да» (78,0 %). 10,5 % респондентов не дали ответа, 8,2 % выбрали ответ «мне безразлично», 3,4 % ответили «нет». Эти результаты говорят о том, что большинству респондентов нравится изучать свой родной язык, они это делают с удовольствием. Небольшой части респондентов это безразлично. Вероятно, они еще не до конца осознают себя представителями бурятской национальности.

На вопрос о причинах изучения бурятского языка, респонденты на первое место с большим отрывом поставили ответ «потому что считаю его родным» (74,5 %), на втором – ответ «потому что мне нравится» (38,1 %), на третьем – «потому что у нас есть уроки бурятского языка» (26,2 %). Ответ «потому что заставляют родители, бабушка или дедушка» выбрало 5,1 % респондентов, 8,9 % не дали ответа. Судя по ответам респондентов, можно сказать, что это добровольный процесс. В большинстве своем, школьники бурятской национальности считают бурятский язык своим родным языком. Он им нравится, и они хотят его изучать.

На вопрос «Если ты не знаешь или плохо знаешь бурятский язык, хотел бы изучать?» ответы респондентов распределились следующим образом: да – 75,2 % респондентов, нет – 2,8 %, мне безразлично – 5,1 %, не дали ответа – 16,9 %. Школьники, не знающие или плохо знающие бурятский язык, тоже показывают желание обучаться ему. Знание родного языка закладывается в семье, и они не виноваты, что не знают свой язык. Их родители, а, возможно, и дедушки с бабушками минимизировали общение на бурятском языке в кругу семьи, родственников. Это привело к тому, что подрастающее поколение уже не знает родного языка, поэтому здесь все вопросы к взрослым членам семьи школьника. Необходимо всемерно поддерживать желание школьников изучать свой родной язык.

Вопрос о причинах нежелания изучать бурятский язык выявил следующее: на первом месте респонденты выдвинули ответ «мне трудно его изучать» (18,8 %), на втором – «считаю, что он не пригодится мне в жизни» (6,9 %), на третьем – «на нем не с кем общаться и в нем нет необходимости» (5,3 %), на четвертом – «мне не интересно» (4,7 %). Эти причины объективны и показательны. Школьники, не желающие изучать бурятский язык, ясно видят, что ему практически нет применения и он труден в изучении, поскольку нет эффективных методик обучения бурятскому языку. Школьники отмечают, что он не пригодится им в жизни, и на нем не с кем общаться. Это происходит потому, что они видят и в своем ближайшем окружении (семья, друзья, школа) и в обществе практически нет применения бурятскому языку. В республике нет телевидения на бурятском языке (кроме кратковременных программ на БГТРК,

ТК «Ариг Ус»), практически нет радиостанций (кроме БГТРК, Буряад ФМ), нет интернет-ресурсов на бурятском языке, очень редки и печатные СМИ на бурятском языке. Бурятский язык не применяется в государственных и муниципальных органах власти, в образовательных учреждениях он тоже не применяется (кроме уроков бурятского языка). Все это видят школьники, не желающие изучать бурятский язык, и задаются вопросом о сферах применения бурятского языка (Где же он пригодится? С кем общаться?). Если бы знание бурятского языка было бы обязательным, например, для всех чиновников (как государственный язык Республики Бурятия), возможно, они его захотели бы выучить.

Проблемы репродукции бурятского языка в семье и в школе представляют собой большую проблему не только в России, но и в Монголии, и в Китае. Язык доминирующего этноса, увеличение привлекательности других иностранных языков приводит к постановке вопроса о насыщении образовательного поля новыми формами и методиками преподавания, способными отвечать вызовам современного мира. Таким образом, признавая наличие серьезных проблем в функционировании бурятского языка, низким уровнем его знания бурятскими детьми, мы, тем не менее, утверждаем, что сохраняются ресурсы для его дальнейшего развития. И основным ресурсом является именно подрастающее поколение, не отрицающее значимости языка и выражающее желание его изучать. Вторым по значимости ресурсом становится образовательная система. Можно утверждать, что школа дает плохие знания, не хватает учителей, учебных пособий, но, тем не менее, потенциал школы как источника развития бурятского языка не исчерпан, а при должном внимании со стороны общества и государства может быть расширен. Для того чтобы развить ресурсный капитал в лице самих детей и образовательных учреждений нужна политическая воля и системная политика по поддержке бурятского языка.

Литература

1. *Бажеева Т.П.* Социальный и языковой аспекты формирования раннего (детского) бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 150 с.
2. *Арутюнова Е.М.* Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2018. №4. С. 25-35. Режим доступа: http://socis.isras.ru/files/File/2018/2018_4/Arutyunova.pdf.
3. *Фарукишин М.Х.* Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. №7. С. 77-87. Режим доступа: <http://socis.isras.ru/files/File/2017/7/Farukshin.pdf>.
4. *Мифтахова Л.В.* Языковое образование в условиях глобализации и глокализации // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 4 (31). – С. 130-139. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26562328_39717690.pdf.

Семантика пространственных падежей в калмыцком языке

The semantics of spatial cases in the Kalmyk language. The article analyzes the study of semantics of spatial cases in the Kalmyk language. In the case system of the Kalmyk language there is a group of spatial (locative) cases: dative-local, instrumental, initial and directional. On the basis of the detailing of the orienting and motor spatial values, more specific values of case forms were identified: finding or movement inside, outside, near, on the surface, etc. relative to the landmark.

Понятие о пространстве всегда привлекало к себе внимание филологов. Занимая важное место в модели мира, пространство нашло свое отражение в языковых фактах. Оно обусловлено закономерностями самой объективной действительности и абстрагирующей функцией языка – выражать универсально-категориальные значения, свойственные познавательной деятельности человека.

Языковые элементы передачи понятий пространства в языках различаются. Но для лингвистики важны не только эти общие и незыблемые истины, связанные с этими понятиями, но и конкретные элементы и формы каждого отдельного языка, характер и направление их изменения, развития и т.д. Едва ли в мире существует язык, в котором определенными лексико-грамматическими единицами не были бы выражены пространство и время. Объясняется это, видимо, тем, что разные формы пространства и времени человеком были осознаны гораздо раньше других «объективных реальностей», и он, следовательно, в процессе развития системы языка находил средства для их отражения.

В языке пространственные отношения выражаются падежными формами, послеложными конструкциями, наречиями, различными глагольными формами. Нами предпринят семантический анализ значений, выражаемых пространственными падежными формами.

Падежи обладают набором семантических значений, которые формируются на основе определенных синтаксических связей и отношений в словосочетаниях, предложениях, различных конструкциях (причастных, деепричастных, послеложных и др.). «К основным значениям в системе падежных форм относят субъектное, объектное и определительное, в которых отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями в мире материальной действительности» [5, с. 476].

«В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Здесь объединяются множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений» [1, с. 144].

Пространство представляет собой многообразное и разнонаправленное понятие, распадающееся по горизонтальной и вертикальной плоскостям на множество различных ориентаций и изменений.

В калмыцком языке средствами выражения пространственных отношений выступают формы косвенных падежей и послеложных конструкций. Они характеризуются объектно-определятельными и обстоятельственно-определятельными отношениями. В падежной системе калмыцкого языка выделяется группа пространственных (локативных) падежей: дательно-местный, орудный, исходный и направительный. Но выражение пространственных значений в калмыцком языке не ограничивается только словоформами указанных падежей. Для передачи различных оттенков значений употребляются послеложные конструкции – сочетания падежных словоформ с послелогами, которые дополняют и усиливают пространственное значение самой падежной формы.

Пространственные значения можно разделить на два основных класса: ориентирующие и двигательные. «Среди ориентирующих выделяются значения внутреннего и внешнего расположения, верха и низа, вертикальности, наклонности, передней, задней стороны, близости, дальности и др. Среди двигательных значений выделяются направленность и ненаправленность, контактность и неконтактность, ограниченность и неограниченность движения» [3, с. 356].

I. Ориентирующие значения

Элементы «...категории локализации указывают на определенную область пространства по отноше-

нию к некоторому ориентиру» [4, с. 175]. Ориентир мыслится как объект, организующий вокруг себя некоторое пространство; в свою очередь это пространство делится на целый ряд групп или классов, которые и составляют частные значения локализации. Естественно, разные языки членят окрестность ориентира по-разному. Тем не менее, можно говорить о максимально дробном разбиении окрестности ориентира.

1. Дательно-местный падеж указывает на место совершения действия:

а) Нахождение внутри ориентира: *Хот кедг герт хард-хурд гинэд савин э харад, татата үүднэ заагар болсн махна үнр харад ирв* (Э.К.). – В столовой был слышен звон посуды, сквозь открытую дверь доносился запах вареного мяса.

б) Нахождение рядом, вблизи ориентира: *Үнр сээтэ цецгт эрвэка олт цуглдг* (Посл.). – Возле пахучего цветка много бабочек.

в) Нахождение вплотную к ориентиру (в контакте с вертикальной поверхностью): *Кергтэчн, керг уга назрт, пол деер, герин эрст дала үстэ кевсмүд өлгэтэ бээнэ* (Б.А.). – Везде, где нужно и ненужно, на полу, на стенах дома развешены ворсистые ковры.

г) Нахождение на поверхности (контактность): *Хан ширэд сууна* (КРС). – Хан восседает на троне.

2. Исходный падеж обозначает нахождение вдали от ориентира: *Малын идг дегд хатяр болсн учрар Цэвдрэ Борин отар селэнэс зөвэр уужмд, Намжсин сөг күрдг болв* (Б.А.). – Ввиду того, что подножного корма было мало, отара Цавдарова Боры, стала доходить до низины Намджы, расположенной вдали от села.

Таким образом, ориентирующие значения в калмыцком языке выражают дательно-местный и исходный падежи. Более конкретные значения данной группы выражаются дополнительными языковыми средствами – послеложными конструкциями. Это характерно для всех типов языков мира, где употребляются послелогии.

II. Двигательные значения

В данной группе рассматриваются понятия движения, перемещения объекта в пространстве, т.е. каким образом в языках локализуются части траектории перемещения; иначе говоря, какие падежные формы служат для обозначения того, куда, откуда и как осуществляется движение объекта, относительно ориентира.

1. Дательно-местный падеж указывает на движение внутрь ориентира:

а) Движение внутрь ориентира: *Өвгн хуухта дааһинь нуурта көвэд көтлэд, ноһанд тэвв* (Ж.). – Старик привел захудалого лончака к берегу озера и пустил пастись в травостое.

б) Движение на поверхность ориентира (контактность): *ширэд суулх* – посадить на трон.

2. Для орудного падежа характерны разные обстоятельственно-определяющие значения, которые конкретизируются различными обстоятельствами:

а) Движение над ориентиром (бесконтактность): *Нарна алтрсн толян наласн теегэр тарна* (Б.А.). – Золотые солнечные лучи распростерлись над широкой степью.

б) Движение по верхней стороне ориентира (контактность): *Торһн цаһан үүлн торлзад, тенгрэр нүүнэ* (Э.К.). – Шелковистые белые облака, мелькая, плывут по небу.

в) Движение по вертикальной поверхности: *Нульмсин хойр халхарнь хоожв* (КРС). – Слезы покатились по щекам.

г) Движение через (сквозь) ориентир: *Гич хойр көвүн алң болад эргэд хэлэллэ, шикэ герин заагар, иргвчэр шаһалджах кесг чирэс эднд үзгдв* (Б.А.). – Когда двое юношей-гостей с удивлением обернулись, то увидели лица, подглядывающие за ними сквозь щель и нижний полог кибитки.

3. Исходный падеж, в противоположность дательно-местному и направительному падежам, обозначает начальную точку отсчета действия (движения) в пространственных отношениях [6, с. 61]:

а) Движение изнутри ориентира наружу: *Хаалһин амар урһсн цецгэс таслад, энд-тенд ичэнэсн харад, шикрлдсн зурмд шивэд, гүүһэд наадад йовна* (Э.К.). – Играя, он срывал цветы, растущие вдоль дороги, бросал в сусликов, которые выбегали из норок. *Хотнас иржэ йовсн Санжэ зөвэр тедүкн харч йовсн Шикрэлэ тосж харһв* (Н.М.). – Возвращавшийся из хотона Санджи встретился с Шикрей, которая значительно удалилась от хотона.

б) Движение от ориентира, удаление: *Хотнас уужад, тег темцэд зааград харад одв* (Д.Б.). – Удалились от хотона и направились в степь.

в) Движение вдаль (от ориентира): *Нохас хотнас зөвэр хол гүүжэ харад, хэрү хэлэлдэд, сууһад, уульн хуцлдв* (Э.К.). – Пробежав очень далеко от хотона, собаки, посмотрев назад, сели и стали лаять.

г) Движение из пространства вдали (от ориентира): *Деед Яшкулын экнэс мордад, Бурат холын амнд ирв* (Н.М.). – Выехал на коне с истоков Верхнего Яшкуля, прибыл к берегу реки Бурата.

д) Движение от вертикальной поверхности ориентира: *Эрсэс алд тусв* – отлетел от стены на сажень.

е) Движение с поверхности ориентира (прерывание контакта): *Хан өвгиг цаажла хархулх болад, нурһнась һурвн сур автн гив* (ХТ). – Хан, решив наказать старика, приказал вырезать из спины три полоски.

4. **Направительный падеж** образовался сравнительно недавно, благодаря переходу послелога уру в окончание *-ур/-үр*. Послелогом *уруу* (по направлению), означающий вниз по течению, по склону, утратил первоначальную фонетическую структуру (*уруу > уру > ур*) и стал употребляться в грамматическом значении, показывающем направленность действия на предмет [2, с. 143]. Направительный падеж обозначает движение к ориентиру, приближение: *Санж шаһлцнас һарад, салаһур одв* (Н.М.). – Санджи, выйдя из игры, направился в балку.

Данные падежные формы сочетаются с глаголами со значением удаления или приближения субъекта в сторону объекта (лица или предмета) или достижения им объекта и пункта назначения: *одх* – идти, пойти, поехать; *йовх* – идти, ходить; *ирх* – прийти и т.д. [6, с. 65].

Таким образом, изучение семантической структуры пространственных падежей показывает, что каждый из них имеет свой комплекс значений, дифференцируемых в зависимости от значения слова, управляющего падежом, либо конструкций, входящих в него. На основе детализации ориентирующих и двигательных значений, образуются внутренние смысловые оттенки значений, которые указывают на определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. *Лиджиева Л.А.* Послелоги калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – 143 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. *Плунгян В.А.* Общая морфология: введение в проблематику. – М.: УРСС, 2000. – 384 с.
5. Русская грамматика. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
6. *Харчевникова Р.П.* Функциональный аспект исследования категории падежа в современном калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 2. – М. – Элиста, 2006. – 45-65.

Сокращение источников

1. Б.А. – Бадмин Алексей. *Зултрһн – теегин ноһан* [Зултурган – трава степная]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. – 367.
2. Д.Б. – Доржин Басц. *Мини үйин улс* [Люди моего поколения]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. – 153 х.
3. Ж – Жаңһр: *Хальмьг баатърлыг дуулвър* [Джангар: Калмыцкий героический эпос]. – М.: Наука, 1978. – Т. 1. – 442 с.
4. КРС – Калмыцко-русский словарь /под редакцией Б.Д. Муниева/. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.
5. Н.М. – Нармин Морхаж. *Манцин цаһан ташу* [У седого Маныча]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. – 445 х.
6. *Посл.* – Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс [Калмыцкие пословицы и загадки]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. – 295 х.
7. Э.К. – Эрнжәнэ Константин. *Һалан хадһл* [Береги огонь]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. – 590 х.
8. ХТ – Хальмг туульс [Калмыцкие сказки]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. – 159 с.

Языковая ситуация и жизнеспособность монгольского языка на микро- и макроуровнях

Language situation and vitality of the Mongolian language on the micro and macro-levels. This article addresses about Mongolian language situation and language ability to live in macro and micro level among Mongolia and world Mongols. In this survey we describe the results of the 2010 population census of Mongolia, Russian Federation and the People's republic of China and their laws on language, the UNESCO method of determining the viability of the language, and the result of sociological survey using Mongolian language and its dialects and Mongolian minority language situation and their ability to live.

По состоянию на июль 2018 года в самой большой базе данных живых языков «Ethnologue: *Languages of the World*» (<http://www.ethnologue.com>) зарегистрированы 7,097 языков. Различие этих языков по числу говорящих, по территории распространения, по статусу в отдельно взятой стране и в мире, по функциям и сфере распространения, по авторитету у себя в стране и за пределами страны на международном уровне приводит к пестроте языковой ситуации на определённой территории, в странах и в мире целом.

Для обсуждения данной проблемы мы опираемся на определение языковой ситуации, данной Н. Б. Мечковской: «это совокупность языковых образований, т. е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка; обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства» [3, с.101]. Руководствуясь общей типологией языковой ситуации, предложенной ею [Там же] сделана попытка определить языковую ситуацию в Монголии и жизнеспособность монгольского языка на макро- и микроуровнях.

А. Монгольский язык на макроуровне

Первым делом остановимся на проблеме языковой ситуации относительно монгольского языка на макро уровне. Исходными данными являются демографические данные, данные переписи населения 2010 года в Монголии и в двух её соседних странах – в РФ и КНР. Именно в этих трёх странах проживают основное монгольское население мира и в этой связи материалы переписи населения в названных трёх странах дают возможность получить общее число носителей монгольского языка.

Монголия		КНР		РФ
2010	2 754 685.	2010	7 047 771	2010
<i>Итого: 10 450 203</i>				

По данным переписи РФ 2010 года численность бурят составляет 461389 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf), из них владеют бурятским языком – 206430 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-06.pdf), калмыков – 183372, владеют калмыцким языком – 80546 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf). В итоге более половины бурят и калмыков не владеют родным языком. Кроме выше названных народов перепись населения РФ зарегистрировала 2986 монголов.

Из данных переписи относительно бурятского и калмыцкого населения можно сделать вывод, что принадлежность человека к какому-то народу не имеет прямого отнесения его к коренному языку данного народа в полиэтнической среде. Больше половины бурят и калмыков не владеют родным языком. Подтверждение сказанному находим также в исследовании А.А. Хандаевой [6]. По ее данным, 86,6 % бурят считают бурятский язык своим родным языком, а 13,3 % бурятского населения считают родным русский язык. А.А. Хандаева отмечает, что «в результате глобализации роль языка национального меньшинства (бурятского) отходит на второй план, уступая языку межнационального общения (русскому)» [Там же] с чем нельзя не согласиться. Дополнительным подтверждением этому факту можно считать серию передач «Түхэриг» с Кимом Харганаевым» [20].

Сходную языковую ситуацию находим и в Калмыкии. Исследователь Калмыцкого научного центра РАН Л.В. Намруева в 2015 и 2017 годах проводила социологические исследования среди учащихся и студентов Калмыкии с целью выяснить их отношение к родному языку. По её данным ответы, полученные в 2017 г., показывают, что значительно снижается потребность в изучении калмыцкого языка: 16 % опрошенных школьников и студентов считают, что национальный язык им не нужен, стандартное обучение национальному языку выбирает 39% учащихся, выбирает углубленное обучение 24 %. 14 % опрошенных предпочитает общее знакомство с национальным языком, только 3 % желают обучаться на этническом языке [4]. Для жизнеспособности языка важным является отношение молодого поколения народа к своему языку, говорит ли оно на нём.

В РФ языковая политика регулируется двумя основными законами «Федеральный закон о государственном языке РФ», «О языках народов РФ», также законами относительно языков, являющихся языками отдельных народов, входящих в состав РФ. В их числе законы «О языках народов Республики Бурятия», «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в республике Калмыкия». Хотя данные законы и функционируют, положение дел оставляет желать лучшего. Исследования, проведенные в двух республиках приводят к тревожному выводу относительно жизнеспособности каждого из языков. В полиэтнических государствах первым языком становится язык основного народа, и языки национальных меньшинств постепенно вымирают. По данным ЮНЕСКО в 2005 году бурятский язык и сойотский, хамниганский, языки, считающиеся некоторыми учёными диалектами бурятского языка, эвенкийский язык названы в числе языков, находящихся под угрозой исчезновения. И как признает Л.В. Намруева, калмыцкий язык также имеет некоторую опасность исчезновения [4].

По данным переписи КНР 2010 года, в этой стране проживает 5981840 монголов, 621500 дунсяне, 289565 монгол или белых монголов, 131992 дауров, 20074 баоань, 2800 шира югуры, всего – 7047771.

Языковая ситуация в КНР регулируется Конституцией (1982) и несколькими законами, в которых не используется термин «официальный язык». Вместо термина «официальный язык» используется термин «общеупотребительный язык». Этим общеупотребительным языком является китайский язык. В 2000 году был утвержден закон «О языке и письменности всеобщего употребления в КНР». В данном законе есть статьи 2-4, в которых утверждаются положение китайского языка как общеупотребительного языка. В статье 8 говорится: «Каждая нация имеет право на употребление и развитие своего языка и своей письменности. Употребляет свой язык и свою письменность основываясь на Конституции и законах автономии и другие законы». Если взять Внутреннюю Монголию с самым многочисленным населением монгольского происхождения, на территории данного района функционирует «Рабочая инструкция по монгольскому языку на территории Внутренней Монголии», в которой есть статьи о стандартизации монгольского языка на основе диалекта чахар хошуна Шулуун Шилинголского аймака, о праве каждого получить возможность и условие для овладения монгольским языком, получении информации на монгольском языке, защите, унаследовании, развитии монгольского языка».

Языковая ситуация в многонациональных государствах, таких как РФ и КНР, сложная. Хотя для языков национальных меньшинств юридически открыто употребление национальных языков, существует такой сильный фактор как реальная среда двуязычия, в которой преобладает статус официального или же общеупотребительного языка и его неограниченное функционирование во всех сферах жизни на территории данного государства. В силу такого положения дел, человек на каждом шагу сталкивается с выбором языка, который решается не в пользу его национального языка. С реальным последствием такого выбора мы столкнулись на примере бурятского и калмыцкого языков. Хотя мне еще не удалось познакомиться с результатами анализа специального исследования монгольского языка в двуязычной языковой среде с преобладанием китайского языка, из многочисленных бесед с монголами вырисовывается сходная картина положения, как это есть в России. В этой связи вспомним, что для передачи языка следующему поколению нужно, чтобы свыше 70% детей говорило на своём языке.

Проанализировав положение монгольского языка в двух соседних странах, где он имеет статус национальных меньшинств, делаем вывод, что надеяться на передачу языка следующему поколению, обеспечивающую жизнеспособность монгольского языка извне не имеет благоприятной почвы.

Б. Монгольский язык на микроуровне

Из общего числа монголов в мире три миллиона человек – граждане Монголии, где монгольский язык имеет статус официального. Руководствуясь типологией языковой ситуации, разработанной Н.Б. Мечковской, и опираясь на данные переписи населения 2010 года, сделаем попытку определить языковую ситуацию в Монголии.

В данных переписей населения Монголии 2000, 2010 годов не находим достоверной информации относительно владения гражданами родным и другими языками. Имеется только этническая принадлежность, которая определена со слов самых граждан. В этой связи количество говорящих на соответствующих языках можно оценить только приблизительно. Сказанное особенно касается диалектов монгольского языка.

По итогам переписи населения 2010 года население Монголии составляло 2631117 человек. На сегодняшний день по данным Национального статистического комитета (<https://www.nso.mn/>) население Монголии составляет 3248319 человек.

		2000	2010
<i>Народы, этносы</i>	<i>Численность</i>	<i>Доля</i>	<i>Численность</i>
<i>Всего</i>	2373493	100	2647545
<i>Граждане Монголии</i>	2365269	99.65	2631117
<i>Халха-монголы</i>	1934674	81.80	2168141
<i>Казахи</i>	102683	4.35	101526
<i>Дербеты</i>	66706	2.82	72403
<i>Баяты</i>	50824	2.15	56573
<i>Буряты</i>	40620	1.72	45087
<i>Захчины</i>	29766	1.26	32845
<i>Дариганга</i>	31909	1.35	27412
<i>Урянхайцы</i>	25183	1.06	26654
<i>Дархаты</i>	19019	0.80	21558
<i>Олёты</i>	14634	0.62	15520
<i>Хотогойты</i>	7237	0,31	15460
<i>Торгуты</i>	12628	0.53	14176
<i>Хотоны</i>	9014	0.38	11304
<i>Мянгаты</i>	6092	0.26	6592
<i>Тувинцы</i>	4778	0.20	5169
<i>Баргуты</i>	2506	0.11	2989
<i>Узумчины</i>	2386	0.10	2577
<i>Элжигэны</i>	151	0.01	1340
<i>Сартулы</i>	1540	0.06	1286
<i>Хамниганы</i>	565	0.02	537
<i>Цаатаны</i>	303	0.01	282
<i>Узбеки</i>	380	0.02	260
<i>Хорчины</i>	266	0.01	152
<i>Чахары</i>	123	0.01	132
<i>Другие народности монгольские граждане</i>	1142	0.04	541
<i>Иностранцы граждане</i>	8128	0.34	16320
<i>Лица без гражданства</i>	96	0.00	108

[<http://www.tuv.nso.mn/uploads/users/4/files/XAOCT%20uls.pdf>]

Языковая ситуация в Монголии, по типологии Н.Б. Мечковской, двукомпонентная: монгольский и тюркский языки, принадлежащие разным ветвям одной языковой семьи. Монгольский язык с его диалектами представляет одну группу, другую представляют казахский, тувинский и цаатанский языки, относящиеся к тюркским языкам. Демографически неравновесная языковая ситуация: монгольское население составляет 95,9 % всего населения, а носители тюркских языков – 4,04 %. Монгольский язык – родной язык основного населения страны, нет импортированного языка. По количеству коммуникативных функций, выполняемых каждым языковым образованием, несбалансированная языковая ситуация, где сфера употребления монгольского языка неограниченная, языки тюркской группы имеют ограничения. Монгольский язык официальный юридически, языки тюркской группы являются языками национальных меньшинств.

№	Типологический признак языковой ситуации (ЯС)	Языковая ситуация в Монголии
1	Количество языковых образований, составляющих ЯС, т.е. степень ее языкового разнообразия	Двухкомпонентная ЯС (монгольский и тюркский)
2	Количество этнических языковых образований, составляющих ЯС (т.е. степень этноязыкового разнообразия ЯС)	Многокомпонентная — двуязычная ЯС (монгольский язык с его диалектами, тюркская группа представлена казахским, тувинским и цаатанским языками)
3	Процент населения, говорящего на каждом из языков, т.е. относительная демографическая мощность языков, составляющих ЯС	Демографически неравновесная ЯС (монгольский – 95,96 %, тюркский – 4,04 %)
4	Количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языковым образованием, в отношении к общему числу таких функций, т. е. относительная коммуникативная мощность языковых образований, составляющих ЯС	Несбалансированная (коммуникативно неравновесная) ЯС (монгольский язык сфера употребления неограниченная, языки тюркской группы имеют ограничения)
5	Юридический статус языков, т. е. характер государственной регламентации их взаимоотношений	Различный статус (монгольский язык юридически официальный, языки тюркской группы – языки национальных меньшинств)
6	Степень генетической близости языков, составляющих ЯС	Языки, принадлежащие разным ветвям одной языковой семьи
7	Этнические корни языка, престижного в данной ЯС: является ли он одним из автохтонных (местных) языков, т.е. родным для части коренного населения, или это импортированный язык	Монгольский язык – родной язык основного населения страны, нет импортированного языка

Монгольский язык в Монголии по всем показателям является жизнеспособным, энергичным и надёжно защищенным. Язык используется всеми поколениями народа, передаётся из поколения в поколение. Языковая политика, проводимая в последнее время, лишь укрепляет данное положение.

После сделанного анализа беспокойство вызывает состояние диалектов монгольского языка и языков национальных меньшинств. Итоги переписи населения относительно указанных языков и диалектов показывают критическую черту: меньше 100 тысяч человек! Судя по численности этнических групп, некоторые уже находятся на грани вымирания. Нужно отметить, что пока не имеется специальных исследований, которые выяснили бы существующее ныне положение. Чтобы сохранить жизнеспособность, на языке должно говорить большинство детей. Опасение вызывает то положение, что почти половина населения (около 44 %) проживает в столице. Молодёжь после учёбы не возвращается на малую родину, в сельской местности остаются люди пожилого возраста. Диалекты постепенно забываются, уступают свою функцию общению литературному языку. Есть одно сопоставительное исследование на материале Дербетского диалекта, которое показало, что данный диалект постепенно выходит из активного употребления [1]. Работа в данном направлении не терпит отлагательства.

Другая сторона вопроса касается языков национальных меньшинств. В настоящее время идёт интенсивное исследование казахского и тувинского языков в Институте образования. Готовится диссертация по билингвизму носителей казахского и тувинского языков [2].

Для окончательного вывода по жизнеспособности монгольского языка, мною сделан анализ по методике оценки жизнеспособности языка и грозящей ему опасности, предложенной ЮНЕСКО [21]. Данная методика предлагает использовать 9 критериев, которые в совокупности могут оценить жизнеспособность языка. По критериям «передача языка от поколения к поколению», «носители языка в общей численности населения», «области употребления языка», «государственная политика в отношении данного языка, включая его официальный статус», «наличие материалов для изучения языка», «отношение членов общины к родному языку» – монгольскому языку никакая опасность не грозит. Обращают на себя внимание критерии «вид и качество документации», «использование языка в новых областях и СМИ», но

над этим уже ведется работа. Самый уязвимый вопрос в списке критериев – это «общая численность монголов в стране». Итоговый вывод: монгольский язык устойчивый, энергичный язык.

Литература

1. *Авирмэд Н.* Влияние социальных факторов на изменение языка. На примере диалекта дербет. МонГУ. ИИЯиК. Доклад на научной конференции студентов. Улан-Батор, 2013.
2. *Зулмира Ж.* Некоторые результаты оценки умения самовыражения на монгольском языке казахских, тувинских детей (На примере речи детей начальных классов). МонГУ. Доклад на научной конференции докторантов. Улан-Батор, 2018.
3. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., 1996. 207с.
4. *Намруева Л.В.* Нужен ли учащейся молодежи Калмыкии калмыцкий язык (по материалам социологических исследований 2015 и 2017 гг.) // <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhen-li-uchascheysya-molodezhi-kalmykii-kalmytskiy-yazyk-po-materialam-sotsiologicheskikh-issledovaniy-2015-i-2017-gg>.
5. *Нансалмаа Н.* Социоллингвистика. Улан-Батор: МУИС.ПРЕСС, 2019. 390 с.
6. *Хандаева А.А.* К вопросу о языковой ситуации в Республике Бурятия // Филологические науки. 2016, DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.45.177>
7. *Электронные ресурсы*
7. Закон о монгольском языке // <http://www.legalinfo.mn/law/details/10932>.
8. Закон о языках народов Российской Федерации 1991 г. // <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.
9. Закон о государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия» // <http://docs.cntd.ru/document/423902412>).
10. Закон о языках народов Республики Бурятия // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=165009601&rdk=&backlink=1>.
11. Итоги переписи населения Монголии 2010 года // (<http://www.tuv.nso.mn/uploads/users/4/files/XAOCT%20uls.pdf>).
12. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html.
13. Конституция Монголии // <http://www.legalinfo.mn/law/details/367>.
14. Конституция Российской Федерации от 1993 г. // <http://constitution.garant.ru/>.
15. Конституция Республики Бурятия // <https://constitutii.files.wordpress.com/2013/04/buryatia.pdf>.
16. Конституция КНР (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 г.) // http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1.
17. Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language. http://english.gov.cn/laws/2005-09/19/content_64906.htm.
18. Федеральный закон о государственном языке российской федерации 2005 г. <http://base.garant.ru/12140387/>.
19. <https://www.ethnologue.com/>.
20. <https://vk.com/buryatia.online>.
21. <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/language-vitality/>.

Из истории изучения фитонимов в монгольском языкознании

From the history of phytonyms research in Mongolian linguistics. The article considers the history of the research on phytonyms in Mongolian linguistics. The author analyses research literature on the subject under study.

Исследования фитонимической лексики в когнитивно-ономасиологическом, лингвокультурологическом аспектах являются актуальными. Они наиболее разработаны в европейских языках. В монгольских языках эти направления стали развиваться в последнее время и представляют научный интерес. Особое внимание в новейших исследованиях уделяется отраслевой лексике и номенклатуре. Фитонимия, несомненно, привлекает внимание лингвистов.

Среди трудов следует отметить работы С.М. Баторовой, Л.Д. Бадмаевой, Ц.Б. Будаева, Н. Ропре, Г.Н. Потанина, Л.Э. Рупышевой, С.Е. Бачаевой, В.В. Кукановой и В. М. Трофимова, Б.Б. Манджиковой, Б.Э. Убушиевой, Э.Ч. Бардаева, Л.В. Дмитриевой, А. В. Дыбо.

В этой статье мы попытались провести исторический экскурс публикаций, в которых анализируются названия растений.

В 1878 году вышел в свет «Ботанический словарь» Н.И. Анненкова, в который вошли «названия некоторых растений у различных народов, обитающих в России» [1], в том числе и на монгольских языках: бурятском, калмыцком и монгольском. Ценность работы заключается в попытке идентифицировать растения специалистов-травников с реальными видами.

Лекарственными названиями растений в бурят-монгольском языке, применяемыми в тибетской медицине, занимались Г.Н. Потанин [13], С.М. Баторова и Л.Д. Бадмаева [3]. Так, в 1890 году Г.Н. Потанин после исследований тангутско-тибетских окраин Китая, Центральной Монголии рассмотрел в статье бурятские названия лекарственных растений, применяемые в тибетской медицине.

Обращаясь к изучению бурятских фитонимических названий, было обнаружено значительный научный вклад немецких энциклопедистов в освоении Сибири и Дальнего Востока в XVIII веке, их первые упоминания о народах, их традициях, обычаях, а также и названия растений.

Так, в «Латинско-татарско-аринско-котско-камасинско-бурятском словаре» Г.Ф. Миллера во время Сибирской экспедиции собрано около 300 бурятских слов, среди которых присутствуют и названия растений.

Немалый интерес представляет собой «Сравнительный словарь языков и наречий народов Азии и Европы» П.С. Палласа, немецкого и русского ученого, энциклопедиста, естествоиспытателя, включающий более 200 языков, в том числе монгольский и бурятский, собраны 273 понятия, среди которых и наименования растений.

В 1893-1895 годах выходит крупный трехтомный монгольско-русский словарь К.Ф. Голстунского, куда вошли названия растений в монгольских языках.

Изучением названий растений в калмыцком языке занималась Б.Б. Манджикова [12]. Ею были подробно описаны калмыцкие названия растений, рассмотрены основные названия деревьев, трав, лекарственных растений, злаковых, овощей, плодов, ягод, цветов, сельскохозяйственных культур. Автор отмечает, что «необходимо разграничивать такие понятия, как «вид», «семейство», чтобы точно распознать особенности фитонимов различных классов, типов. Она предлагает ввести в описание специфические признаки их распространения и применения» [12, с. 107].

К исследованию фитонимов в калмыцких народных песнях обращалась Б.Э. Убушиева [18]. В работе рассматривается значение термина «фитоним», ее этимология. Автором постулируется важность фитонимов в воссоздании картины мира калмыков-кочевников.

С.Е. Бачаева [4] выявляет флористическую терминологию в «Калмыцком словаре» Г. Рамстедта и дает классификацию основных ее групп: названий деревьев; фруктовых деревьев, ягод; цветов; лекарственных растений; слов, относящихся к флористической терминологии; овощей. Автор также акцентирует внимание на признаках растений по цвету, по производимому действию, по форме.

Тюркские элементы в составе флористической лексики калмыцкого языка рассматривали в своей статье В.В. Куканова, В.М. Трофимов [11] с привлечением материалов халха-монгольского, бурятского и старописьменного монгольского языков. Авторы проанализировали названия деревьев, кустарников, бахчевых и огородных культур, злаков и трав. Установлено, что многие термины имеют тюркское происхождение установленных тюрко-монгольских параллелей в составе флористической лексики калмыцкого языка.

Пути развития и образования земледельческих терминов в монгольских языках в своей статье рассматривает Д.Г. Дамдинов [6]. Статья Э.Ч. Бардаева посвящена изучению фитонимов в монгольских языках [2]. Значительный вклад в исследование монгольских фитонимов внес лингвист Л.В. Дмитриева [7, 8, 9]. В работах проводится этимологический и словообразовательный анализ фитонимов в сопоставительном аспекте с тюркскими языками; выявляются историко-генетические пласты.

Монгольским названиям деревьев в алтайском словаре уделено определенное внимание в работах А.В. Дыбо [10]. В исследовании автор рассматривает ботаническую терминологию как один из основных источников для определения прародины языковой семьи, привлекая материал из Этимологического словаря алтайских языков (EDAL). Отмечено, что «значительная часть явно исконно монгольских фитонимов пока не получила внешней этимологии» [10, с. 2].

Первый перечень бурятских народных названий растений был опубликован в 1960 году Ц.Б. Будаевым. Особое внимание заслуживает его работа «О флористической терминологии на материале бурятского, монгольского и калмыцкого языков», в которой автор впервые проводит анализ мотивировочных признаков названий растений по цвету, форме, вкусу, месту и времени появления, лечебным свойствам, производимому действию. По итогам исследования был составлен краткий сравнительный словарь названий растений бурятского языка [5, 15].

Вопросами фоносемантического подхода, в том числе и названий растений монгольских языков, основанном на проецировании признаков изобразительных слов, восходящих к определенным звукам и образам, на признаки базовой лексики, занималась в ходе своего исследования Е.В. Сундуева [16, 17].

Значительно позднее в монографии «Названия растений бурятского языка (Флоронимическая лексика)» [14] Л.Э. Рупышевой представлена народная ботаническая номенклатура. Автор использует при изучении фитонимов комплексный подход, объединив в единое целое структурно-морфологический, описательный, компонентно-аналитический методы. Ею составлена и подготовлена к печати научная ботаническая номенклатура, представляющая универсальную совокупность наименований, дублированная искусственно составленными фитонимами конкретного языка» [20, с. 10]. В дополнение к монографии был издан русско-латинско-бурятский словарь названий растений и животных в соавторстве Б.Д. Цыреновым [19] и написан ряд статей.

Таким образом, исследование лексики монгольских языков получило новый импульс для дальнейшего развития. Применение современных сравнительно-типологического, структурно-семантического, когнитивно-концептуального, ономазиологического и лингвокультурологического методов позволило поставить новые задачи и обосновать направление эволюции отраслевой лексики и номенклатуры.

Литература

1. Анненков Н.И. Ботанический словарь. - новое испр., пополн. и расшир. издание. - СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1878. - 646 с.
2. Бардаев Э.Ч. Фитонимы в монгольских языках // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста. 1980. С. 93-103.
3. Баторова С.М., Бадмаева Л.Д. О бурят-монгольских названиях растений, применяющихся в тибетской медицине / С. М. Баторова, Л. Д. Бадмаева // Мат-лы Всерос. науч. конф. «Санжеевские чтения-4», Улан-Удэ, 1999. С. 26-27.
4. Бачаева С.Е. Флористическая терминология в «Калмыцком словаре» Г. Рамстедта // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. 2009. С. 54-55.
5. Будаев Ц.Б. О флористической терминологии (на материалах бурятского, монгольского и калмыцкого языков) / Ц. Б. Будаев // Труды БКНИИ. Сер.: востоковедение. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. Вып. 3. С. 80-88.
6. Дамдинов Д.Г. О земледельческих терминах в монгольских языках // Исследования по восточной филологии (к семидесятилетию профессора Г. Д. Санжеева). М., Наука, 1974. - С. 51-63.

7. *Дмитриева Л.В.* Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Ленинград, 1979. С. 135-190.
8. *Дмитриева Л.В.* Монголизмы в тюркской растительной лексике // Советская тюркология. № 3, Баку, 1976.
9. *Дмитриева Л.В.* Фитонимы и фитонимическая терминология, общее для тюркских и монгольских языков // Проблемы алтаистики и монголоведения. Выпуск 2, серия лингвистики (Материалы Всесоюзной конференции, Элиста 17-19 мая 1972 г.). М., 1975. С. 125-141.
10. *Дыбо А.В.* Монгольские названия деревьев в Алтайском словаре // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения (Материалы 1-х Бертагаевских чтений - Элиста, 6-7 октября 2005 года). Элиста, 2005. С. 42-64.
11. *Куканова В.В., Трофимов В.М.* Тюркские элементы в составе флористической лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. 2016. С. 146-155.
12. *Манджигова Б.Б.* Растительный мир Калмыкии в лексике калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. 2008. С. 107-112.
13. *Потанин Г.Н.* Бурятские названия растений // Изв. ВСО-ИРГО. Иркутск, 1890. Т. 21. № 23. С. 64-66.
14. *Рупышева Л.Э.* Названия растений бурятского языка (Флоронимическая лексика) / Л. Э. Рупышева. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 189 с.
15. Словарь русско-бурятско-монгольских названий растений / Сост. Ц. Б. Будаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. 30 с.
16. *Сундуева Е.В.* Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [g/m] в монгольских языках: Монография. - Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
17. *Сундуева Е.В.* Реализация признака «пестрый» в монгольских названиях насекомых и растений (на материале корней с согласным [g]) // Сибирский филологический журнал. Вып. 1. 2011. С. 151-156.
18. *Убушиева БЭ.* Фитонимы в калмыцкой народной песне // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве. Материалы международной практической конференции. Элиста. 2009. С. 165-167.
19. *Цыренов Б.Д., Рупышева Л.Э.* Русско-латинско-бурятский словарь названий растений и животных / Б. Д. Цыренов, Л. Э. Рупышева. – Улан-Удэ : Издательство «Бэлиг», 2005. 52 с.
20. *Юрченкова Е.Ю.* Сопоставительный анализ когнитивных стратегий номинации растений в русском и немецком языках (на материале отзоонимных фитонимов): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск. 2018.
21. *Porre N.N.* On some suffixes of plant names in Mongolian // Zentralasiatische Studien 15. Sonderdruck, 1981. P. 383-390.

Очирбат Самбуудорж
(Монголия, Улан-Батор)

Социальная трансформация в Монголии и их влияние на лексические изменения монгольского языка

Social transformation in Mongolia and their influence on lexical changes of Mongolian. Язык включает в себя социальные ценности. То, что представляет ценность для общества, включено в язык для выработки стандартов, идеалов и целей. Общество меняется, когда меняется то, что представляет ценность для общества. Социальные изменения производят изменения в языке. Как только общество начинает меняться, изменение языка производит особые эффекты. В этой статье я намерен определить некоторые влияния социальных изменений в период трансформации на лексические изменения монгольского языка. С другой стороны, мы можем видеть социальные изменения негативных и позитивных процессов в сочетании с лексическими изменениями на примерах радости и улучшения. В результате этого сравнительного исследования словарного запаса и социальных процессов мы определим социальное влияние и влияние на словарный запас языка.

0. Introduction. Language incorporates social values. What is of value to society is incorporated into language to produce standards, ideals and goals. Society changes when that which is of value to society changes. Social changes produce changes in language. Once society starts changing, then language change produces special effects. In this article I aim to determine some influences of the social changes during transformation period to the lexical changes of the Mongolian. In other side, we can see social changes on negative and positive processes in association with lexical changes on pejoration and amelioration examples. As a result of this comparative research on vocabulary and social processes we will determine social influence and effect to the vocabulary of language.

1. Social transformation and vocabulary. All languages change constantly, and do so in many and varied ways. Over the last two decades a lexical change of the Mongolian language is caused generally from transformation process of the society. Mongolian vocabulary has been widened by numerous political, law and market terms. If we count that in minimum 500 new terms and words are reached in one year the vocabulary of the Mongolian, when over 20 years it is reached to the 10 000. It is one of the specific characters of the transformation period of the Mongolian society. An amelioration, in which a term acquires a positive association, is dominated among the ongoing influx of new words in Mongolian language vocabulary. For instance, тэгш боломж – *equality of opportunity*, ардчилсан нийгэм – *democratic society*, хүний хувийн эрх – *human private rights*, хүйс – *gender*, нээлттэй нийгэм – *open society*, зах зээлийн нийгэм – *market society*, хямрал – *inflation*, иргэний нийгэм – *civil society*, намын бүлэг – *party group*, олон эшт үзэл – *pluralism*, сөрөг хүчин – *opposition*, төрийн бус байгууллага – *non-governmental organization*, хувийн өмч – *private property*. Not only new words change a vocabulary, but new meanings and standards are been reached social communication of Mongolians. Moreover, some examples of the pejoration, in which a term acquires a negative association are been used. For instance, авлига – *corruption*, бойкот – *boycot*, олигархи – *oligarchy*, рецидив гэмт хэрэг – *recetive criminal*, рекет – *recket*, хулигаан – *bully*, хар тамхичин – *drug*. In this view we can observe some active words and phrases which are used regularly in daily communication of the society. A «*Dictionary of the Democratic Government and Open Society*» (Баяраа and others 2006) includes more than 1000 words and phrases which actively are used in Modern Mongolian. For example: агентлаг, төлөөлөгч – *agency*, ажилгүйдэл – *unemployment*, ардчиллын шилжилтийн загвар – *democracy transition pattern*, ардчиллын хэлбэр – *democracy form*, төлөөлөн удирдах ардчилал – *representative democracy*, шууд ардчилал – *direct democracy*, ардчилсан засаглал – *democratic governance*, ардчилсан нийгэм – *democratic society etc.*

Nowadays some specific terms became common words, for example, the terms **НИЙГМИЙН ШИЛЖИЛТ** – *social tranzition* and **ИРГЭНИЙ НИЙГЭМ** – *civil society* have entered into active vocabulary. A researcher explain a conjunction with double function on *civil society* that «This term has used in foreign countries long years ago and in Mongolia is used nowadays and means a social process. In one side this word means all initiation of the public unit. However we mean a civil society as all non-governmental organizations» (Чимэд 2006:87).

In last two decades an origination of the new terms in Mongolian has used mainly methods of the collocation, compounding and postposition. Also we have widely used a method of the borrowing (loan word) and

translation methods in this situation. Here we made a list of the words which have obtained new means and functions apart from their basic mean in last 20 years from the dictionary composed by Prof. Ya.Tsevel (Цэвэл 1966). For example:

Dictionary meaning	New meaning
---------------------------	--------------------

Ачаалах (<i>to load, to load up</i>) – ачаалал (<i>loading, overwork</i>), Бүрдүүлэх (<i>to make out, to compose</i>) – бүрдүүлбэр (<i>composition</i>), Гарц (<i>ford, crossing, exit</i>) – гарц (<i>way, method to decide</i>), Засаг (<i>state, government</i>) – засагжих (<i>to be governance</i>), засагжуулах – (<i>to is be governance power</i>), засаглах (<i>to rule, to govern</i>), засаглал (<i>governance, ruling</i>), Зах (<i>bazaar, black market</i>), зээл (<i>credit</i>) – зах зээл (<i>market</i>), зах зээлийн нийгэм (<i>market society</i>), Иж (<i>complete, total</i>) – иж бүрэн (<i>comprehensive, full</i>), иж бүрэн түншлэл (<i>full partnership, all around cooperation</i>), Иргэн (<i>people, commoner</i>) – иргэнших (<i>to become socialized, civilized</i>), иргэншил (<i>civilization</i>), иргэний нийгэм (<i>civil society</i>), Нэр (<i>name</i>) – нэр дэвших (<i>stand</i>), Сургууль (<i>school</i>) – хувийн сургууль (<i>private school</i>), Сурталчлах (<i>to publicize</i>) – сурталчилгаа (<i>publicity, advertising</i>), Сэрэмжлүүлэх (<i>to warn</i>) – сэрэмжлүүлэг (<i>warning, admonishment, caution</i>), Түгжрэх (<i>to be packed/blocked</i>) – түгжрэл (<i>traffic jam, obstruction</i>) Түншлэх (<i>to be inpartnership</i>) – түншлэл (<i>partnership</i>), Удирдах (<i>to leade, rule</i>) – удирдахуйн ухаан (<i>management</i>), Утас (<i>telephone</i>) – гар утас (<i>mobile, cell phone</i>), Хүчин (<i>power, force</i>) – сөрөг хүчин (<i>adverse party</i>), Хөрөнгө (<i>wealth, capital</i>) – хөрөнгө оруулах (<i>to invest</i>), хөрөнгө оруулалт (<i>investment</i>), хөрөнгө оруулагч (<i>investor</i>), Хувь (<i>private, percentage</i>) – хувьцаа (<i>share, stock</i>), хувьчлах (<i>privatize</i>), хувьчлал (<i>privatization</i>), хувийн хэвшил (<i>private sector</i>), Хууль (<i>law, legal</i>) – хууль дээдлэх (<i>to respect law</i>), хууль биелүүлэх (<i>to follow law</i>), Хүн (<i>man</i>) – хүнлэг (<i>human</i>), хүнлэг энэрэнгүй нийгэм (<i>humanistic</i>), хүний хөгжил (<i>human development</i>), Хэрэг (<i>affair, offence</i>) – иргэний хэрэг (<i>civil offence</i>), Хэрэглэх (<i>to use</i>) – хэрэглэгч (<i>consumer, user</i>), хэрэглээ (<i>application, usage</i>), Хямдрах (<i>to become cheaper</i>) – хямдрал (<i>discount, sale</i>), Цалин (<i>wage</i>) – цалингийн сүлжээ (<i>wage scale</i>), Цахих (<i>to sparkle flash</i>) – цахим (<i>electron, electronic</i>) Эрх барих (<i>rulership</i>) – эрх баригч (<i>ruler</i>), эрх баригч нам (<i>governing party</i>)etc.,	
--	--

Moreover here we can note some new loan words which originated from direct borrowings from foreign languages such as бакалавр- *bachelor*; бизнес – *business*, брокер – *broker*; генсек – *генсек, генеральный секретарь, secretary-general*, дилер – *dealer*; и-мэйл – *e-mai*, камер – *kamera*, клип – *clip*, коллеж – *college*, компьютер – *computer*; магистер- *master, magister*; менежер – *manager, регистерийн дугаар* – ID number, рейтинг – *rating*, Сиди- *CD*, спикер – *speaker*; тендер- *tender*, фэн – *fen*, фитнесс – *fitness*, шоу, шоуудах – *show, to show*etc.,

During the diachronic process in the language some ways have been suggested for the origination of the special terms and new words in Mongolian (Самбуудорж 2003, 2009), such as semantic narrowing, widening, metaphor, jargonizing and synecdoche etc., For example: алергий хөдлөх – to cause an allergy – (*to birse*), босго давах – to step over the threshold (*make the grade*), мөнгөөр зодох – to beat by money (*outbid*), нууц ноён – power behind the throne, нэрийн хуудас болох – to become a face of smth (*to grant*), толгой гашлах – to sour a head (*a cerebration*), төрийн махны машин -a political meat-chopper (*a repression*) etc.,

Over last 20 years a lot of words, which mean ideals and norms of the communist society are became an archaism. For instance ажилчин анги – *working class*, хоршооллын шишүүн – *member of cooperative*, таван жилийн төлөвлөгөө – *five-year's plan*, таван жилийн гавшгайч – *five-year's shock worker*; социализмын тугийн дор – *under the flag of socialism*, социалист уралдаан – *socialist competition*, улс төрийн товчоо – *bureau of party*etc.,

2. Social transformation and scientism. The Modern Mongolian language reaches by new special terminologies or scientism. Throughout its history Mongolian has not only borrowed words from other languages but has re-combined and recycled them to create new meanings, whilst losing some old words. Dictionary-writers try to keep track of the changes in languages by recording (and, ideally, dating) the appearance in a language of new words, or of new usages for existing words. By the same token, they may tag some words as «archaic» or «obsolete».

The philosopher Condillac observed in 1782 that «Every science requires a special language because every science has its own ideas.» In other word the term covers the language used by people who work in a particular area or who have a common interest. Mongolian scholar Dashdavaa, Dand Ravdan, E determined it that «A term is a word or language sign connects with concept in different branches of the human knowledge» (Дашдаваа, Равдан 1980). A standard term may be given a more precise or unique usage among practitioners of a field. In many cases this causes a barrier to communication with those not familiar with the language of the field. Apart from scientific terms a lot of economic, law, social terms are distributed in our use. For instance, чөлөөт зах зээл - *free market*, хүний эрх - *human rights*, ардчилсан нийгэм - *democratic society*, иргэний эрх - *civil rights*, хувьчлал - *privatization*, хувьцаа - *stock*, бизнес - *business*, зээл - *credit*, компьютер - *computer*, үнэт цаас - *bond*, тендер - *tender* etc.,.

During last two decades in Mongolian special terms have been originated as a result of lexical and semantic changes based on transferring and changing of the meaning, collocation and postposition and borrowing. Usage of the new special terms requires a standard of the Mongolian lexicology and semantics. Sometimes we are losing at this social need. We meet in practices some mistranslations and direct usages of the foreign words. For example: In juridical practices English word judiciary (шүүх эрх мэдэл) have been used as court power (**шүүх засаглал**) in Mongolian. Also words as «govern», «governance», «government», «power», «authority», «rule» have been used in only one meaning as «power» - **«засаглал»** (Чимэд, 2006:180).

The Mongolians have a long tradition to create new terms. One of them is Dictionary of the new terms named as **«Мэргэд гарахын орон»** (*mKhas pa'i 'byung dnas*) - A Basis for Wiseman composed in 1741-42 by 40 scholars led by Janjaa Khutagt (A Holy Lama) Rolbidorj. This dictionary had played an important role to the borrowing a lot of Buddhist terms in Tibetan into Mongolian. We can classify a historical development of the special terms in Mongolian into basic two periods such as 1921-1990 and after 1990. In 1921-1990 Mongolian scholars have appointed and determined special terms' meaning based on comparison with Russian and Latin languages. During this time they were published several works on term such as *«State Termin Commission News» in 120 series, «Termin Series» in 10 series, «Termin Dictionary» in 7 series* (Адъяа 1999). Also some researchers were published special terms of the scientific branches. For example: E. Vandui was published three volumes of the *«Russian - Mongolian Termin Dictionary»* (Вандуй 1964, Вандуй, Дашдорж 1970, Вандуй 1978). This dictionary includes more than 116461 terms (Гэрэлмаа 2008). Moreover researchers Т.А. Бертагаев (1971), Г.Ц. Пюрбеев (1984), Ч. Догсүрэн (1988), Ц. Өнөрбаян (1999) and Ж. Гүндэгмаа (2008), О. Шинэбаяр, С. Бат-Эрдэнэ (2015) have published their works on special terms.

In last two decades new terms and words have been extremely borrowed from foreign languages. Therefore our researchers are following a principle to compare new term and loan word with their originals in English, German, Japanese and Chinese languages apart from Russian and Latin. At present time our dictionary creators tend to make their dictionaries as efficient and effective as possible to reach by foreign language. In this view they have composed double dictionaries with two or three languages, for instance, Prof. Choi. Luvsanjav was composed a «Dictionary of Linguistics» with structure in «Russian-Mongolian and Mongolian-Russian». Forexample: «Russian word Аблаут (vowel alternation) - in Mongolian it means Эгшиг сэлгэх», «Mongolian Эгшиг сэлгэх - it means in Russian «Чередование гласных, вокалическое движение, движение гласных, аблаут, апофония (vowel alternation)» (Лувсанжав 1963).

Prof. D.Tumurtoого especially had used economy in definition word in his *«Concise Dictionary of Linguistics»* (Төмөртоого 2004). He numbered a definition word of his dictionary and corresponded into it foreign words and meanings. For example: «number 01 he gives to the Mongolian word «авиа-үсэг», in Russian it means «фонограмма», and in English it means phonogram, phonography». And he listed in his dictionary «фонограмма 01», «phonogram 01, phonography 01» etc.,

Also some of researchers compose a glossary of the special terms, for instance, Prof. B. Narangerel (1994) had published «Juristic Term Glossary» and Prof. Kh.Namsrai (2006) had published a glossary on math. All these new words and meanings reach the Mongolian language, indeed. In other side a need to make a standard for the usage of new terms and words is growing nowadays.

3. Social transformation and new jargons. One of the basic lexical changes in Modern Mongolian is a regular usage of the phrases, jargons and slangs in the newspaper and daily communications. During the socialist period the Mongolians disliked jargons and slang as a social and cultural lag based on socialist identity (Төмөрцэрэн 1974: 111-113). Nevertheless people look for new styles of writing and new words in the new social mentality and new condition of the freedom of speech and freedom of press, which called 1990's social transformation process. These factors have influenced to the creation of the new phrases, jargons sometimes slang (Самбуудорж 2011:10). Certainly jargons and phrases have a long tradition in Mongolian. An origination of the some phrases and metaphors associated some slang and jargon characters. For example: the Mongolians have contrasted a skinny camel to the binding of the Mongolian ger (tent) board: *хана үдмээр тэмээ* (skinny camel) <хана (Mongol ger's board), үдэх (to guy this wooden board (or wall) by herd's processed skin; *ясан хэдрэг* (rackabones or scrag) <ясан (bone), хэдрэг (saw-toothed instrument of wood or metal which is used in tanning hides).

These phrases have more archaic character which originated from the jargon and slang. However some of the Mongolian phrases have a latest origination. For example: *шаврын хаалт болох* (to disturb others) <шаврын хаалт (a mudguard), *хор найруулах* (hugger-mugger) <хор (a poison), найруулах (to mix), *эрүүний шөл уулгах* (to nag) <эрүү (a chin), шөл уулгах (to caudle). These jargons and slangs became the phrases nowadays. Therefore we have clarified a development of the Mongolian jargons and slangs into three basic periods as ancient period (since unknown time till 14th century), medieval period (since 15th and 16th centuries till 1930) and modern period (since 1930 till now). Also a modern period has three stages : beginning (1930-1950), medieval (1960-1990), latest (after 1990)[Самбуудорж 2011: 5-6).

Among the creators of the new jargon and slang our politicians take a first place with our pressmen in last 20 years (Самбуудорж 2008). They have been used in their communication some new jargons and slangs, such as :*еогий* (mockinly «president») <*ерөнхийлөгч* (president), *хошгируулах* (to make an opponent conceited, to flatter an opponent) <*хошгируулах* (to approach, disguised like a fox with a coat and a hat, and hunt a marmot while making it conceited), *хор найруулах* (to conspire in secret orhugger-mugger)<*хор* (poison), *найруулах* (to mix), *хусах* (to expel from a post)*хусах* < (to scrape off, to shave)In some kind these jargons and slangs negatively influence to the esteemed style of the language. Grammatical and semantic changes have dominated among the origination methods of the jargons and slangs in Mongolian.

4. Conclusion. Aforementioned lexical facts show for us vocabulary and lexical changes are diachronic portion and reflect a social transformation and evolution. Here we have tried to detail various types of the language changes under the overall headings of the external evolution and internal evolution of Modern Mongolian language. And we have classified this change into basic three categories, such as: active vocabulary change, terms and scientism's change and jargons. It is important to compose a dictionary of new words, loan words and scientism and jargons for the daily communication and MASS MEDIA. This achievement has also linguistic values to clarify an influence of social change to the language.

Bibliography

- Адьяа О. 1999. Монгол нэр томъёо тогтоож ирсэн гол зарчим. – «Нэр томъёо судлал» Улаанбаатар, 1999. х. 33-45.
- Баяраа С, Ганбат Д, Ган-Өлзий Ч, Саруул А, Төмөртоогоо Д, Чулуунбаатар Г. Ардчилсан засаглал, нээлттэй нийгмийн нэр томъёоны тайлбар толь. 1000 орчим үг хэллэгийн тайлбар. Улаанбаатар, 2006. 177 х.
- Бертагаев Т.А. Сочетания слов и современная терминология. На материале монгольского и бурятского литературных языков. М., 1971. 152 с.
- Вандуй Э. Орос-монгол нэр томъёоны толь. Улаанбаатар, 1-р боть. 1964. 560 х.
- Вандуй Э, Дашидорж Ж. Орос-монгол нэр томъёоны толь. Улаанбаатар, 2-р боть. 1970. 1110 х.
- Вандуй Э. Орос-монгол нэр томъёоны толь. Улаанбаатар, 1978.
- Гүндэгмаа Ж. Формирование терминологии растениеводства и земледелия в современном монгольском языке. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 168 с.
- Гэрэлмаа Г. Орчин үеийн нэр томъёоны толь бичиг, тэдгээрийн онцлог. *Нэр томъёо судлал*. Улаанбаатар, №10. 2008. 67-83.
- ДаидавааД. Равдан Э. Нэр томъёоны тухай. Улаанбаатар, 1980.
- Догсүрэн Ч. Монгол нэр томъёо оноох, толилох, жигдлэх асуудалд. Улаанбаатар, 1988. 104 х.

- Лувсанжав Чой*. Нэр томъёоны цуврал бичиг. Хэлний шинжлэл. (Орос-монгол, Монгол-орос хэлээр). Улаанбаатар, 1963. 327 х.
- Нарангэрэл С.* 1994. Эрх зүйн толь бичиг. Dictionary of Law. Улаанбаатар, 2007. 455 х.
- Намсрай Х.* Математикийн эдийн засаг, физик, мэдээлэл зүй, компьютерийн нэр томъёоны англи-монгол харвард түвшний толь. Уб., 2006. 460 тал.
- Өнөрбаян Ц.* Шинжлэх ухааны нэр томъёог журамлах асуудалд. *Нэр томъёо судлал*. №2. 1999. Улаанбаатар, х. 5-12
- Пюрбеев Г.Ц.* Современная монгольская терминология. М., 1984. 120 с.
- Самбуудорж О.* O.Sambuudorj. About the Origin and Use of Slang Expressions in Modern Mongolian // Journal of Osaka University of Foreign Studies. Osaka. № 29. 2003. 141-153
- Самбуудорж О.* O. Sambuudorj. Political Slang in Mongolian // Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society. Vol. XXX and XXXI. 2008 and 2009. 1-17. USA.
- Самбуудорж О.* Монгол хэлний улс төрийн этгээд үг хэллэг. Хэл зохиол. Боть 2 (34). Улаанбаатар, 2009. х. 39-49.
- Самбуудорж О.* Монгол хэлний этгээд үг хэллэгийн зүйл хуваасан толь. Улаанбаатар, 2011. 168 х.
- Төмөртоого Д.* Хэл шинжлэлийн нэр томъёоны хураангуй толь. Улаанбаатар, 2004. 266 х.
- Төмөрцэрэн Ж.* Монгол хэлний үгийн сангийн судлал. Улаанбаатар, 1974. 164 х.
- Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. 910 х.
- Чимэд Б.* Өнөөгийн улс төр. Хуульчийн нүдээр. Улаанбаатар, 2006. 206 х.
- Шинэбаяр О, Бат-Эрдэнэ С.* Улсын нэр томъёоны комиссын гишүүн Бямбын Ринчен. I. Улаанбаатар, 2015. 192 х.

Лексико-семантические изменения в западных говорах бурятского языка

Lexico-semantic changes in the western dialects of the Buryat language. The article talks about the lexico-semantic changes in the Western dialects of the Buryat language. It is considered that the change of a meaning can occur in several main directions: 1) expansion of a meaning, 2) narrowing of a meaning, 3) shift of a meaning. Nowadays in the Western dialects of the Buryat language, we mainly observe a shift of a meaning or narrowing of a meaning.

Исследование процессов развития семантики слов и выявление их специфики весьма важно для определения состояния семантической системы бурятского языка и его диалектов. Именно лексический состав в отличие от других уровней языка изменяется быстрее всего. Семантические изменения слов, или изменения значений слов, подразделяются на изменения лингвистического и изменения экстралингвистического характера, в зависимости от характера семантических процессов, происходящих под влиянием культурных, исторических и социокультурных изменений в обществе [2, с. 3].

Употребление слова в разных речевых ситуациях приводит к трансформации семантической структуры слова и отдельных его значений. Происходит два противоположных семантических процесса: расширение или обобщение лексического значения и сужение или специализация. Как один из типов семантического изменения классифицируется перенос значения слова – метафорический или метонимический. Установлено, что семантические преобразования, связанные с изменением объема слов, чаще определяются внешними причинами, историческими событиями и социальными явлениями, а различные виды переносов значений слов обусловлены внутренними закономерностями языка. В.В. Базарова, рассматривая типологию процессов развития лексики бурятского и русского языков, отмечает, что «развитие переносных значений в бурятских словах процесс исторический, немало способствовавший развитию и обогащению как лексико-семантического, так и лексического уровней бурятского языка. Продолжается он и в настоящее время. При этом в период самостоятельного развития бурятского языка до развития массового бурятско-русского двуязычия и усиления влияния русского языка изменение семантики слов шло, так сказать, естественным путем в основном на бурятской почве. В условиях же усиления влияния русского языка в советское время и развития массового бурятско-русского двуязычия изменение семантики бурятских слов идет в двух направлениях: а) продолжается традиционное изменение семантики на собственно бурятской почве; б) происходит развитие различных переносных значений бурятских слов под влиянием русского языка, появляются так называемые семантические кальки. В качестве примера можно привести развитие семантики у слов *сагаан* 'белый', *таһалга* 'перегородка', *нютаг* 'родное кочевье, родной край'. Так, прилагательное *сагаан* имеет самое основное первичное значение 'белый', как название соответствующего цвета предмета или масти животного. Под влиянием переноса значения по сходству у слова *сагаан* развились значения 'молочная барда, остающаяся после перегонки молочной водки', а также 'северный олень', поскольку оба эти понятия связаны с белым цветом. Но уже под влиянием русского языка в эпоху гражданской войны слово *сагаан* 'белый' получило политическую окраску и стало антонимом к слову *улаан* 'красный'. Под влиянием русского языка в бурятском языке возникли такие словосочетания, как *сагаан сэрэг* 'белая армия', *улаан сэрэг* 'красная армия', *сагаан сэрэгшэ* 'белогвардеец', *улаан сэрэгшэ*, *улаан армеец* 'красноармеец'. При появлении еще в царское время металлических денег разного цвета слово *сагаан* 'белый' стало означать также 'серебряная монета', а впоследствии и 'копейка'... Следует признать, что в настоящее время процесс развития переносных значений у бурятских слов под влиянием русского языка очень распространен. Весьма значительное количество бурятских слов развило свои значения под влиянием русского языка. Так, например, слово *одон*, означавшее ранее 'звезда (как астрономический термин)', теперь стало означать также 'звезда, орден'. Появились кальки с русского языка: *Улаан одоной орден* 'Орден Красной звезды', *Алтан одоной орден* 'Орден Золотой звезды'. У этого слова в современную эпоху появилось также значение 'спутник (космический)': *хэмэл одон* 'спутник', ср. также сочетание *онгосо одон* 'космический корабль'. Бурятское слово *нюдарга* имело одно значение 'кулак (сжатая кисть руки человека)', но в эпоху коллективизации получило еще значение 'кулак (богач, нежелательный классовый элемент)', т.е. получило

политическую окраску. Прилагательное *улаан* ‘красный’ тоже получило политическую окраску и под влиянием русского языка образовало словосочетания типа *улаан булан* ‘красный уголок’, *Улаан талмай* ‘Красная площадь’, *улаан тугта* ‘краснознаменный’» [1, с. 6-7].

Под расширением значения слова понимают увеличение объема обозначаемого понятия, увеличение количества называемых предметов и явлений, в результате чего возникает новое значение слова. В.В. Базарова приводит пример расширения значения у слова *таһалга*, имевшего самое первое значение ‘перегородка’. Под влиянием переноса значения по смежности у него развилось значение ‘комната’, которое сейчас выходит на первое место. Процесс генерализации значения способствовал развитию у этого слова более общего значения ‘помещение’ [там же]. Аналогичный процесс генерализации значения произошел и в западных говорах бурятского языка, где сегодня это слово чаще употребляется в значении ‘комната’. При этом и первоначальное значение также существует.

В Баяндае существует выражение *ханишаал бэетэй* ‘худой, тощий’. Первоначально так говорили только о скотине, которая не поправляется, не тучнеет, сколько ни корми: *ханишаал бэетэй адаһан*. Сегодня это выражение применимо и к сухопарому человеку: *ханишаал бэетэй хүн*. Значение слова стало шире – используется не только в отношении домашнего животного, но и любого живого существа.

Сужение значения слова мы понимаем как ограничение объема обозначаемого понятия, когда исходное значение выступает как родовое, а новое становится одним из составляющих его видовых; возникает новое значение слова. Сужение семантического значения слова можно рассмотреть на примере слова *аса* ‘вилы’. В Аларском, Нукутском и Осинском районах Иркутской области сельскохозяйственные вилы буряты называют словом *итармааг*. Сами жители не могут объяснить происхождение лексемы. Мы выяснили, что *итармааг* бытует в татарском языке в таком же значении. История расселения татар в Иркутской губернии объясняет, почему слово *итармааг* бытует именно в западных районах Усть-Ордынского бурятского округа – Аларском, Нукутском – районах, примыкающих или расположенных близко к Заларинскому, Черемховскому, Балаганскому районам Иркутской области – районам по которым проходил Московский тракт (ныне федеральная трасса М-53). Из Нукутов оно попало в Осинский район. До строительства Братского водохранилища, заполнение которого завершилось в 1967 г., эти районы имели общие наземные границы; коренное население Нукутского и Осинского районов генетически родственны (булагаты); контакты между жителями обоих районов были регулярны, поэтому и проникновение слова *итармааг* в Осинский район вполне объяснимо. В центральных и восточных районах Усть-Ордынского округа – Эхирит-Булагатском и Баяндаевском – для обозначения вил используется бурятское слово *аса*, слово *итармааг* там не знают. Исконное слово *аса* также существует в речи бурят Аларского и Нукутского районов, но его значение изменилось. В отдельных населенных пунктах, например, в селе Ныгда Аларского района, *итармааг* означает ‘железные вилы’, а словом *аса* называют деревянные трезубые вилы. Но в части сел, наоборот, *аса* это ‘железные вилы’, а *итармааг* ‘деревянный трезубец’ (в селе Бахтай). В данном случае мы наблюдаем изменения в семантической структуре слова, вызванные появлением синонима из другого языка. Слово *аса* начинает обозначать не любые вилы, а только определенного вида. Происходит сужение значения исконного слова, некая специализация.

Хүдэһэн – в восточно-бурятских говорах известно в значении ‘овчина; недубленая кожа; замша’: *хүдэһэн дэгэл* ‘овчинная шуба (не крытая)’. Иркутские буряты словом *хүдэһэн* называют кисет для табака. Возможно, когда-то кисеты шили из кожи; со временем произошел метонимический перенос: с названия материала на изделие. Сегодня мы наблюдаем сужение значения. Слово *хүдэһэн* используется только в значении ‘кисет’. А некрытая овчинная шуба называется *һарьмай дэгэл*.

Гораздо чаще в западных говорах бурятского языка наблюдается процесс переноса значения слова. Как известно, существует три основных вида переносных значений слов: 1) метафорический перенос (метафора) – перенос названия по сходству; 2) метонимический перенос (метонимия) – перенос названия по смежности, осуществляемый на основе постоянной связи во времени и пространстве двух предметов, их частей, действия и его результата; 3) функциональный перенос – изменение значения слова на основе общности или близости функций, выполняемых предметами и лицами. Например, в селе Хадахан Нукутского района мы записали историю заселения острова Ханьян, впоследствии затопленного. По словам информанта, там осталась могила некоего Буурдай, который погиб при захвате острова: «*Буурдайн өтөг тэндэ үлэһыма*». Первоначальное значение слова *үтэг// өтөг* ‘утуг, усадьба’, *үтэг аали* (алар.), *үтэг бууса* ‘стойбище’, *үтэг нютаг* ‘местожительство’, *үтэг сабишалан* ‘унавоженный покос’. Здесь же мы наблюдаем употребление слова *өтөг* в значении ‘кладбище, место захоронения’. Общность семы

‘собственного места, пространства, земли; местонахождения’ послужило базой для подобного сдвига в значении слова.

Балгааһан // булгааһан // балгаан – первоначальное значение слова ‘шалаш, балаган’: *убһэн булгааһан* ‘травяной шалаш’; сегодня это слово часто встречается в значении ‘хозяйственное помещение или постройка’. Например, в селе Хогот Баяндаевского района – ‘кладовка’. Сдвиг происходит на основе общности значения ‘не основное помещение’.

Общебурятский глагол *татаха* имеет много значений, основные из которых ‘тянуть, тащить, натягивать; привлекать, созывать и др.’. В селах Кайзеран, Шетхалун, Хогот Баяндаевского района отмечено словосочетание *yhөө татаха* ‘молоко сепарировать’. В других населенных пунктах Баяндаевского района используется заимствованный глагол *yhөө машиндаха*. Очевидно, процесс разделения молока на фракции в чем-то имеет сходство с процессом вытягивания, что и вызвало сдвиг значения в слове.

Оёор – общебурятское значение слова ‘дно, доньшко; основание (или фундамент) здания’: *нуурай оёор* ‘дно озера’; в Аларском районе это слово используется в значении ‘пол в доме’. Перенос произошел на базе сходства местоположения – самая нижняя часть, основание, опора.

Дүрөө – во всех бурятских говорах слово означает ‘стремя’. В селе Байтог Эхирит-Булагатского района *дүрөө* может иметь значение ‘педаль велосипеда’. Слово *дүрөө* стало означать не только часть упряжи коня, но и деталь другого средства передвижения, помогающую сесть на него верхом и удерживать равновесие во время езды. Происходит перенос значения слова по сходству выполняемой функции.

Слово *шуурган* повсеместно известно в значении ‘метель, пурга’, *шуургалха* – ‘мести, бушевать (о метели)’; в Аларском районе *шуурган* – ‘врун, лгун’, *шуургалха* ‘врать’. Нам представляется, что метафорический перенос произошел на основе сходства внутренней оценки: шумно, бурно, рассказывать, нести что попало, преувеличивать.

Халтагай – изначально слово имело значение ‘половина’: *халтагай үдэр* ‘полдня’, *халтагай һии* ‘половина ночи’. Сегодня слово *халтагай* употребляется в значении ‘поллитра, бутылка алкоголя’. В основе переноса – общность значения ‘половина как часть целого’. Первоначальное значение существует и сейчас.

Перенос или смещение значения, обусловлен, как правило, собственно лингвистическими причинами, внутренними закономерностями развития языка. Для бурятского языка и его говоров актуальны и сдвиги значения слов, вызванные экстралингвистическими факторами – религиозными традициями, в первую очередь. Табуирование и эффемизация также приводят к употреблению слов в переносном значении. Пример табу: *гульдарааша* – причастие глагола *гульдарха // гульдирха* (лит.-бур. *гулгирха*) ‘пролезать; ползать, скользить (о змее)’ – в Баяндаевском районе используется в значении ‘змея’, если речь идет об обряде, посвященном Могой-хану (хану Змею). В не ритуальных случаях бытует общебурятское слово *могой* ‘змея’. Пример эффемической замены, вызванной возможно, суеверным, трепетным отношением к деньгам, а, возможно, определенным юмористическим оттенком использования: *һаршаганааша* – причастие глагола *һаршаганаха* ‘шуршать, шелестеть чем-либо’ в значении ‘деньги’.

Рассмотренные нами примеры говорят о преимуществе переносов в лексико-семантических процессах, происходящих в западных говорах бурятского языка. Примеров расширения и сужения значений меньше, да и то они не бесспорны. Но в любом случае расширение и сужение значения начинаются со сдвигов в семантической структуре слова. В основе переноса значения слов и развитии у них вторичных значений, лежат законы ассоциативных связей. Ими определяются типы семантических изменений слова в ходе его исторического развития, типы отношений между значениями в диахронии и как конечный результат типы самих значений в семантической структуре многозначного слова.

Ассоциативные связи, являясь отражением наших понятий и представлений о взаимодействии фактов и явлений предметного мира, сложны и многообразны. Наиболее устойчивые из них, вошедшие в социальный опыт языкового коллектива и предопределяющие появление вторичного употребления слов, базируются на устанавливаемой нашим сознанием реальной или вымышленной связи и общности объектов окружающего нас мира.

Литература

1. Базарова В.В. Типология процессов развития лексики бурятского и русского языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.16. Улан-Удэ, 1995. 19 с.
2. Цыбикова И.А. Типология семантического развития слов в монгольском и бурятском литературных языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 : Улан-Удэ, 2003. 20 с.

Лексическая экспликация значения ‘хитрость’ средствами корневого согласного *l* в монгольских языках

Lexical explication of cunning value means of root concordant *l* in the Mongolian languages. The paper deals with words with root consonant *l*, which have meanings ‘slyness’, ‘insidiousness’, ‘flattery’ etc. It is revealed that the nomination is conditioned by such acoustic articulatory characteristics of consonant *l* as a smooth current of air on both sides of tongue and also firm adherence of tip of the tongue to palate. The meaning ‘to flatter’ could be also connected with onomatopoeia.

В монгольских языках, равно как и в других языках алтайской языковой общности, широко представлены образные слова с корневым согласным *l*, передающие идею блеска, свечения, мерцания. Только корни с инициальным согласным *g* дали такое множество форм: п.-монг. *gilis gilis* ‘блеск, отлив, отсвечивание на шелковой ткани’ [17, p. 2530], монг. *гилгэр* ‘глянцевитый, блестящий’, *гилбэ* ‘полахать’, монг. *гилтгэр* ‘ярко сверкающий’, монг. *гилчгэр* ‘атласистый’, ср.-монг. *gil*

i-, *gile*

i- ‘блистать’, *qil*

aiqsan hodun ‘сверкавшая звезда’, *qitaliba* ‘сверкал’ [7, с. 172, 298], п.-монг. *gilüger, güliger* ‘блестящий, лоснящийся, сверкающий’ [17, p. 2533, 2602], монг. *гялгар*, бур. *гилэгэр, гэлигэр*, калм. *гилгр*, ойр. Синьцз. *гилгер* ‘сверкающий’ [11, с. 94], калм. *гилэн* ‘белый, светлый; блестящий’, ойр. Синьцз. *гилээн* ‘табу белый, светлый’ [11, с. 94], монг. *гялб*- ‘ярко блестеть; быть ослепленным (ярким светом), слепить’, *гялт*- ‘виднеться сверкаяй¹’, монг. *голгор* ‘потухший, тусклый; неяркий; бледный’, монг. *голой*- ‘светить бледно, тускло блестеть’, монг. *голигор*, бур. *голигор* ‘лоснящийся от жира’, монг. *голтгор* ‘тусклый, неяркий’, монг. *гөлгөр* ‘зеркальный’, монг. *гөлчгөр* ‘лоснящийся, блестящий’; монг. *гэлгэлз*- ‘блистать, сиять, отсвечивать’ и пр. Также в начальной позиции образных слов, отражающих световые явления, представлены согласные *k, y, j, d, t, m, s*.

На наш взгляд, акустико-артикуляционные свойства переднеязычного смычно-бокового сонанта *l* подходили для вербализации свечения, блеска в связи с тем, что ровные, непрерывные лучи света соотносились в сознании людей с плавным течением воздуха по обе стороны языка при артикуляции согласного *l*. Как пишет А. М. Михалев, «артикулируемый звук, являясь отражением чувственно воспринимаемых явлений, представляет собой потенциальную знаковую единицу» [5, с. 95].

По глазам можно определить внутренние переживания, оттенки эмоционального состояния, судить о чувствах и душевных качествах человека. «Взгляд может быть угрожающим не менее чем заряженное и нацеленное на человека ружье, взгляд может обидеть, как плевок или удар, но он может и лучиться добротой, и заставить сердце плясать от радости» [1]. О живом, веселом человеке монголы говорят: *нүдэндээ галтай, нүүрэндээ цогтой* ‘в глазах огоньки, на лице искорки’, о ловком, удачливом человеке: *нүд нь од, хуруу нь жад* ‘глаза его звезды, пальцы – копыя’. На основе образных слов, связанных с идеей свечения, нами были выявлены лексемы с корневым согласным *l*, значение которых связано с взглядом человека. Например, монг. *голго голго хий*-, бур. *ёлог-ёлог гэ*- ‘бросать сердитый взгляд, коситься’, бур. *гэльбэр-гальбар хара*- ‘потупившись, смотреть виновато’, бур. *гэлы*- ‘удивляться’, монг. *гөлрө*- ‘поразиться, остолбенеть’, калм. *кулы*- ‘смотреть косо, недружелюбно’, бур. *хултагаши*- ‘бегать глазами, быть неприветливым’, бур. *хүлээ*- ‘смотреть исподлобья’, монг. *мэлрэ*- ‘столбенеть (от удивления)’. В данной статье мы рассмотрим, как выражается значение ‘хитрость’ с помощью образных слов с корневым согласным *l* в монгольских языках.

Хитрость подразумевает сочетание таких отрицательных свойств характера человека, как лезть,

¹ Следует отметить, что в современном халха-монгольском языке образные слова с корнями *gil / gils* используются для выражения значения быстроты: *гяле гараад ирэх* ‘быстро сходить и вернуться’ (досл. ‘мелькнув, выйти и прийти’), *ажилаа гялалзуулах* ‘работать споро, без промедлений’ (досл. ‘заставить работу сверкать’), *гялалзаарай* ‘поторопись’ (досл. ‘сверкай’).

обман, коварство и изобретательность, с ловкостью используя которые, он искажает действительность и в конечном итоге достигает цели. В данной семантической сфере наиболее продуктивны корни *ilb / delb / jilb*. Так, п.-монг. *ilbi, jilbi* имеют значения ‘хитрость, коварство; обольщение’, п.-монг. *ilbin delbin* ‘превратный, злобный, хитрый, коварный’, п.-монг. *ilbes delbes* ‘непостоянство, неверность; увертка’ [17, p. 305], монг. *илбэс дэлбэс хий-* ‘хитрить, обманывать’, *илбүүр* ‘хитрость’, калм. *илдр-билдр* ‘нечестный’, монг. *илбэгэнэ-, илбэлз-* ‘притворяться’, монг. *хилс* ‘ложь, несправедливость; вина, проступок; лукавство, хитрость’. На основе калмыцкого глагола *илв-далв гу-* ‘блестеть’ можно предположить, что данные формы возникли в результате вербализации зрительного восприятия глаз хитрящего человека. Считается, что бегающие глаза являются признаком того, что человек хитрит. Также они могут выражать тревогу, стыд и страх.

Значение ‘обман’ заложено в п.-монг. *ilbesü (n)* ‘приманка для рыб, корм’ [17, p. 305], монг. *илбээс* ‘приманка для рыб, червяк для приманки, наживка, насадка; подпорка капкана’, калм. *килв* ‘приманка, наживка’, *илбээстэй* ‘имеющий приманку; перен. заманчивый’. Ср. рус. *обман, приманка*. Примечательно, что в русском языке слово *блесна* ‘искусственная приманка для ловли рыбы’ также имеет образный корень *блес*, близкий корням слов *блеск, блестеть, блик* и др. Блесны привлекают рыбу бликами, колебаниями и шумом.

Очевидно, от ‘обмана’ произошли значения ‘фокус’ и далее ‘колдовство, волшебство’: п.-монг. *jilbi, jilvi* ‘обман, волшебство, фокус’ [17, p. 2346], монг. *жилбэ* ‘фокус’, ср.-монг. *elbesü (n)* ‘магия, волшебство’ [18, p. 97], монг. *илбэ*, бур. *эльбэ, эльбэ жэльбэ*, калм. *илв, илв жилв*, ойр. Синьцз. *илве* ‘фокус; колдовство, волшебство’ [11, с. 173], бур. *альбан* ‘обаяние, чары; волшебство’, *альбан жэльбэн* ‘колдовство, чары’.

Приведенное О.М. Ковалевским сложное слово п.-монг. *jilbi bey-e* ‘кажущееся привидение’ [17, p. 2346] семантически схоже с п.-монг. *albin* ‘демон, являющийся по ночам в виде сверкающего огня’ [17, p. 84], монг. *албин* ‘бес, злой бродячий дух, демон’, бур. *альбан* ‘волшебник, чародей, колдун; демон, злой дух’. «Происхождение и основная локализация блуждающего огня, или «огня духов» устойчиво связывается с кладбищами и вообще с человеческими останками» [6, с. 102]. Такие словосочетания, как п.-монг. *albin-и үал* ‘блудящий огонь, призрак’, монг. *албины гал, чөтгөрийн гал* ‘блуждающий огонек’ позволили нам связать слово *albin* с образными корнями, передающими идею мерцания, свечения: бур. *яла-яла* – о мерцании, блеске, бур. *яла-сала* ‘блещущий’, *ялаб-ёлоб гэ-, ялаг-ёлог гэ-* ‘поблескивать, мигать’ и др. [10, с. 158]. В связи с этим можно предположить, что в п.-монг. *jilbi bey-e* ‘кажущееся привидение’ номинация происходила не на основе восприятия глаз человека, а на основе восприятия блуждающих огоньков, являющихся по ночам.

Корень *jal'* дал п.-монг. *jali* ‘обман, фокус, обманчивость, мечта’ [17, p. 2283], монг. *заль*, калм. *зэл* ‘хитрость, лукавство; обман’, п.-монг. *jaliqai* ‘хитрый, лукавый, плут’ [17, p. 2283], монг. *зальхай* ‘лукавый, коварный, хитрый’, ойр. Синьцз. *зальхаа* ‘хитрый, лукавый, коварный’ [11, с. 151]. В «Этимологическом словаре монгольских языков» монг. *заль* ‘хитрость, обман’ сравниваются с кирг. *жалаа* ‘клевета, хула’, *жалгама* ‘поддельный, фальшивый’, *жалган* ‘ложь, враки»; эвенк. *дьял* ‘мысль, разум, мнение, печальные мысли; хитрость’ [8, с. 58]. Согласно «Сравнительно-сопоставительному словарю тунгусо-маньчжурских языков», п.-монг. *jali* ‘хитрость’ стало источником заимствования для эвенк. *жал* ‘хитрость’, нег. *жалада-* ‘притворяться’, *жалби-* ‘обмануть, схитрить’, ульч. *жалику* ‘хитрый, лживый’, нан. *жалй* ‘обман, ложь’, маньчж. *жали* ‘хитрость, ухищрение, плутовство’ [9, с. 245].

Развитие значений на основе признаков ‘блестящий, сияющий’ верифицируется значениями таких слов, как п.-монг. *jali* ‘пламя’ [17, p. 2283], монг. *заль*, бур. *зали*, калм. *заль*, ойр. Синьцз. *заль* ‘пламя, блеск’ [11, с. 151]. В бурятском существительном *залин* ‘гром с молнией’ первично значение ‘молния’, монг. *залин* ‘молния’: *залинта аадар* ‘гроза’. В словаре XIV в. «Мукаддимат-ал-адаб» зафиксирован глагол ср.-монг. *yalinlaba үал* ‘огонь разгорелся’ [7, с. 386]. Примечательно, что авторы «Этимологического словаря алтайских языков» сопоставляют протомонгольскую форму **žali* ‘пламя’ с прототунгусо-маньчжурской **žild-* ‘установиться, выпучиться; звезда; большезлазый’ и прототюркской **jal-* ‘гореть, пылать; пламя’ [19, p. 1541]. В «Этимологическом словаре тюркских языков» отмечается, что нельзя исключить имитативного происхождения глагольно-именной основы *йал-* ‘вспыхивать; пламя’, соотносимой в таком случае с *йалт, йалдыр, йалтыр* ‘сверкание пламени’ [14, с. 104].

Значение ‘лесть’ также может быть вербализовано с помощью восприятия взгляда, например, монг. *долигоно-* ‘вести себя подобострастно, заискивать’ (< *долигоно-* ‘постоянно бросать косые взгляды’, *долий-* ‘косоглазить; бросать косые взгляды’), ойр. М. *kolän kolän хэлä-* ‘заискивающе смотреть’ [15, с. 263], ойр. Синьцз. *гелвелзе-* ‘лестить, заискивать’ [11, с. 94]. На наш взгляд, в «Большом академическом монгольско-

русском словаре» несколько неверный перевод дан для монг. *гилбэлзэн гөлбөлзөн* ‘ухмыляясь’. Перевод подкрепляется примером употребления глагола в пословице: *гэмт хүн гилбэлзэнэ, дайрт морь балбалзана* ‘виноватый ухмыляется, лошадь со сбитой спиной отряхивается’ [2, с. 401]. В «Толковом словаре монгольского языка» *гилбэлзэх* имеет значение ‘ийш тийш харж нүдээ гилтэлзүүлж гилбэгнэх’ (дрожать от страха, озираясь в разные стороны) [16]. Однокоренной глагол *гилбэгнэ-* имеет схожее значение ‘дрожать, трястись, трепетать от страха’. Приведенная в БАМРС похожая пословица *гэмт хүн гэрийн цаанаас гилбэгнэх* переводится уже ‘бояться разоблачения, расправы’ (досл. ‘виновный трясется от страха, находясь за юртой; ≈ на воре шапка горит’) [2, с. 401]. Б.Х. Тодаева перевела ойратскую пословицу: *гэмтээ күмен гелвелзэнгээб дээртээ мөрөн далвалзанаа* ‘виноватый заискивает, лошадь со ссадиной подрагивает’ [11, с. 90]. Как пишет А.А. Юлдашев, «содержание слова может быть осмыслено и отражено в словаре с различной полнотой и точностью в зависимости от самого характера словаря, от способа и цели описания» [13, с. 363]. По наблюдениям С.С. Шляховой, составители словарей на уровне интуиции чувствуют звукоизобразительную природу слова, однако в русских словарях чаще всего дается помета «темное», «спорное», «неясное» слово, тогда как звукоизображение отмечается только в явных, несомненных случаях [12, с. 142]. В словарях других языков наблюдается та же картина: «этимологи констатируют их звукоизобразительный статус, но они не идут дальше и не ставят перед собой задачу объяснить характер связи между звучанием и значением этимона. К тому же они, в лучшем случае, рассматривают только эксплицитные звукоизображения» [4, с. 145].

Кроме того, возможно развитие значения ‘лестить’ от звукоподражания: монг. *далдгана-* ‘пришепетывать, ломать язык’ → ‘лестить’, *далдгануур, далдгар* ‘лестивый’, *долдгоно-* ‘пустословить’ → ‘заискивать, лестить, лебезить’, монг. *долдой* ‘лицемерный; лестивый, хитрый’, ойр. М. *doldā* ‘лицемерный’ [15, с. 174]. Хотя не исключено происхождение глаголов *далдгана-* и *долдгоно-* в результате зрительного восприятия взгляда.

Значение ‘лесть’ может быть связано с такой артикуляционной характеристикой согласного *l*, как плотное прилегание, «прилипание» кончика языка к нёбу. Так, в данной семантической сфере представлены слова с корнями *il / jil*: калм. *илвэжл-* ‘угодничать, прислужничать’, калм. *илвң-далвң*, калм. *илмсг-жқилмсг* ‘лестивый’, п.-монг. *ilberi-* ‘ласкать, лестить, обольстить’ [17, р. 305], монг. *илбүүр* ‘лесть, обольщение’, *илэмхий* ‘лестец, лестивый’, калм. *жқилвэд-* ‘подлаживаться; лебезить’, калм. *жқилһн* ‘лицемерие’, ойр. Синьцз. *жқилһеде-* ‘притворяться, лицемерить’ [11, с. 143]. В них угадываема связь с глаголами п.-монг. *иле-* ‘гладить, разглаживать, ощупывать рукою; полировать, слегка тереть; штукатурить’ [17, р. 301], монг. *ил-*, калм. *ил-*, ойр. Синьцз. *иле-* ‘гладить, ласкать; полировать, натирать’ [11, с. 174], монг. *илбэ-*, бур. *эльбэ-* ‘гладить рукой, поглаживать, ласкать, успокаивать; потирать; массировать’, в которых движение языка, как бы «приклеивающегося» к нёбу, переносится на движения рук. Также близко ср.-монг. *jilsün* ‘клей’ [7, с. 206], монг. *жиллий*, бур. *жэлли* ‘канифоль; листовничная смола; прополис, пчелиный клей’, монг. *жиллийгэнэ* ‘скипидар’. В русском языке звуки *l / l'* представлены в корнях слов *липнуть, льнуть, лепить, клеить, льстить, ласкать, ластиться, лебезить* и пр.

Монг. *ялбагалз-* ‘ластиться, угождать’, монг. *ялбагар* ‘лестивый’, бур. *ялтагануур* ‘заискивающий, подобострастный’; монг. *нялгана-* ‘подлизываться’, бур. *налтаа-* ‘угодничать, подлизываться’, бур. *нилтагар, нялд гэһэн* ‘угодливый, подобострастный’; ср.-монг. *bildü'ür, bilji'ür* [18, р. 196], монг. *бялдуур, бялдууч*, бур. *билдагууша, билдууша* ‘лестец’, калм. *билдр заңта күн* ‘угодливый человек’ сопоставимы с глаголами со значением ‘мазать, клеить’: монг. *бял-* ‘мазать, намазывать, размазывать; расплываться (о масле), пропитываться’, *бялд-* ‘намазывать; засалить, замаслить’, бур. *бялаа-* ‘капнуть и размазать’, бур. *била-* ‘малевать, мазать, пачкать, грязнить’; монг. *нял-* ‘размазывать, намазывать’, бур. *нилаа-* ‘размазывать’, также бур. *жэлэ-* ‘обмазать (напр. печку глиной)’; монг. *чилиий-* ‘крепко приставить, плотно приставить’ и пр. Ср. рус. *мазать* ‘равномерно распределять по поверхности’ → *подмазаться* ‘снискать расположение лестью и подобострастием’, *умаслить* ‘склонить кого-л. к чему-л. лаской, лестью, угодничеством’.

Таким образом, на материале лексики с корневым согласным *l* нами рассмотрены слова с яркой образной семантикой, передающие такие характеристики человека, как лукавство, коварство, лесть и пр. Некоторые из примеров свидетельствуют о том, что «безостановочные фонетические сдвиги привели к тому, что значительный процент слов большинства языков не позволяет добраться до следов древнейшей звукоизобразительности» [3, с. 161]. Выявлено, что номинация происходила благодаря таким акустико-артикуляционным характеристикам согласного *l*, как плавное течение воздуха по обе стороны языка, а

также плотное прилежание кончика языка к нёбу. Также вероятно развитие значения 'льстить' от звукоподражания.

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», номер госрегистрации АААА-А17-117021310266-8).

Литература

1. Афоризмы Ральфа Уолдо Эмерсона [электронный ресурс] // URL: <http://www.orator.ru/emerson.html> (дата обращения: 03.02.2019).
2. Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. 520 с.
3. *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней). М.: Наука, 1965. 183 с.
4. *Климова С.В.* О некоторых аспектах этимологической фоносемантики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы Всеросс. конф. М., 1999. С.145–146.
5. *Михалев А.Б.* Теория фоносемантического поля. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. 213 с.
6. *Неклюдов С.Ю.* Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij.* A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore. Napoli: M. D'auria editore, 2010. Vol. II. P. 101–120.
7. *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I-II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 453 с.
8. *Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В.* Этимологический словарь монгольских языков. М.: ИВР РАН, 2016. Т. 2. 232 с.
9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. I. 672 с.
10. *Сундуева Е.В.* Персонажи низшей мифологии в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. Филология. Улан-Удэ, 2015. С. 158–162.
11. *Тодаева Б.Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полувым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
12. *Шляхова С.С.* Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику. Пермь : ПГПУ, 2003. 217 с.
13. *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюрко-монгольских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.
14. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севортыян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 292 с.
15. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. 943 х.
16. Монгол хэлний их тайлбар толь [электронный ресурс] // URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/23908> (дата обращения: 03.02.2019).
17. *Kowalewski J.E.* Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I-III. 2690 p.
18. *Rachewiltz I.* Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.
19. *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.

Бурятский литературный язык и диалекты: проблемы и перспективы

Buryat literary language and dialects: problems and prospects. This paper deals with the problem of determining the dialect basis of the Buryat literary language. In particular, we study the process of transition from the old Mongolian script to the Latin alphabet and Cyrillic, their influence on the formation of the literary Buryat language. Attention is drawn to the need to preserve the foundations and norms of the modern Buryat literary language.

В последнее время в обществе широко обсуждаются проблемы по изменению основы и норм современного литературного бурятского языка. Предлагаются разные подходы, высказываются разные точки зрения по совершенствованию и модернизации литературного бурятского языка. Жаркие дискуссии вызывает вопрос изменения основы литературного бурятского языка - хоринского диалекта на сонгольский (селенгинский) диалект. В своей работе нам хотелось бы высказать свою точку зрения по этой проблеме.

По мнению Дырхеевой Г.А., «литературный язык – наддиалектная форма существования языка, вершина речевой культуры, эталон нормативных явлений, сокровищница культурных традиций народа, достижений мастеров слова, поэтов, писателей» [2, с. 196].

Бурятский язык имеет свою длительную историю становления. Согласно классификации монгольских языков С.А. Крылова в развитии бурятского языка можно выделить несколько периодов:

1. Бурятский извод старомонгольского языка. Охватывает период примерно с 1691 по 1857г. Это язык – делопроизводства, летописей, хроник и родословных.

2. Старописьменный бурятский язык. Это период постепенного формирования самостоятельного литературного языка бурят (примерно с 1857 по 1931г.).

3. Бурятский литературный язык периода реформ 1930-х гг. (1931–1939). Графика на латинской основе.

4. Современный бурятский литературный язык (с 1939 г. по наши дни). Графика на основе кириллицы [3, с. 277].

В свое время, Г. Цыбиков отмечал, что главной проблемой создания литературного бурятского языка является исключительно высокая диалектная разобщенность небольшого народа [6, с. 32]. По мнению Б.Я. Владимирцова, «разбросанные на таком большом пространстве, входя в состав разных политических объединений, ведя то кочевой, то полуоседлый и совсем оседлый образ жизни, монголы говорят на многих наречиях и говорах. <...> Большинство монгольских современных наречий близко друг другу, близко настолько, что представители в большинстве случаев без особых затруднений могут между собой общаться. И только небольшая часть монгольских наречий, находящаяся на периферии монгольского мира, сильнее отличается от других, например, некоторые бурятские говоры и наречия монголов, живущих в Тибете» [1, с. 414].

На самом деле, затруднения в общении имелись и имеются, многодиалектность небольшого бурятского народа существовала всегда, и все понимали, что объединение разобщенных монгольских племен возможно только на основе единого письменного языка. «На письменном языке поймут друг друга многие монгольские племена, которые на разговорном поймут друг друга только с большим трудом, если не сказать, что не поймут совершенно» [6, с 32].

Проблема развития бурятского литературного языка неоднократно поднималась и детально рассматривалась ведущими монголоведами (Г. Рамстедт, Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, Г. Цыбиков, Г.Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Цыдендамбаев, Д-Н.Д. Доржиев, И.Д. Бураев, В.И. Рассадин, Л. Д. Шагдаров, Г.А. Дырхеева и др.).

Д-Н.Д. Доржиев считал, что до революции бурятский народ имел свой литературный язык и свою старобурятскую письменность. По мнению Л.Д. Шагдарова, становление бурятского литературного языка началось в 20-е годы на основе старомонгольской письменности. Г. Цыбиков в своих языковедческих трудах утверждал, что только старомонгольский язык может составить основу будущего общемонгольского литературного языка и существенно приблизить его к живым разговорным языкам.

Период развития литературного языка на основе старомонгольской письменности принципиально никем не оспаривается. Старомонгольская письменность в силу своей универсальности нивелировала диалектные различия бурятского языка и позволяла носителям разных диалектов понимать друг друга. Ее использование лишало возможности не только противопоставлять бурятские диалекты один другому, но и свободно общаться с другими монгольскими народами на письме. Особенностью этой письменности было то, что графика и правила написания были общими для всех монгольских народов, но при этом их представители использовали произношение своего родного диалекта или языка при чтении.

К сожалению, под влиянием исторических условий старомонгольская письменность была отменена. Начинается третий период развития бурятского языка, который был ознаменован переходом на латиницу, в 1931 году было принято решение положить в основу бурятского литературного языка халха-монгольский язык. Как отмечал Н.Н. Поппе, «ввиду желательности обслуживания монголов и бурят одним литературным языком явилось естественное предложение положить в основу нового литературного языка халхаский язык» [7, с. 99-100].

Заметим, что при составлении орфографических и грамматических правил бурятского литературного языка на основе латинской графики правописание падежных аффиксов, суффиксов множественного числа, окончаний притяжаний, оформление лично-предикативных частиц, глагольных форм, а также заимствованных из русского языка слов было принято по халхаскому типу. К сожалению, в орфографии не были отражены основные фонетические особенности бурятского языка, отличающие его от халха-монгольского.

Новый бурятский литературный язык, созданный на основе халхаского наречия, был непонятен носителям других диалектов, поэтому вскоре было решено в основу бурятского литературного языка положить одно из живых бурятских наречий – селенгинское – как наиболее близкое по форме халхаскому наречию. Однако перевод на селенгинский диалект не помог выразить особенности бурятского языка, например, такие как звук *h*, отсутствие аффрикат в других гоорах, в именах в форме номинатива не употреблялся конечный *n*, в родительном, винительном, исходном падежах окончания оформлялись подобно халхаским, сохранялись халхаские падежные формы местоимений: *нада*, *надаас* и т.д. И принимается другое решение – о создании письменного литературного языка на базе хоринского диалекта с переходом на кириллицу.

Таким образом, за столь короткий период произошли кардинальные изменения: от старописьменной монгольской письменности перешли на латинский алфавит, затем на кириллицу, от халхаской ориентации к селенгинской – *с*-акающей, затем к хоринской основе. Все эти изменения сопровождались реформой правописания, терминологии, составлением новых учебников и пособий, что не могло не сказаться на статусе литературного языка.

Безусловно, в условиях территориальной разобщенности, диалектной расчленённости, такая быстрая смена диалектной основы и письменности не могли способствовать становлению единого бурятского литературного языка. Тем не менее, выбор хоринского, *h*-акающего диалекта, работающего в качестве основы литературного языка вот уже в течение восьмидесяти лет, по мнению Г.А. Дырхеевой, считается удачным: «во-первых, потому что численность носителей этого диалекта превалировала над численностью носителей других диалектов, во-вторых, у них уже имелась определенная литературная письменная традиция на основе старомонгольской графики, на которой создана значительная литературная (включая делопроизводство и частную переписку) продукция» [2, с. 201].

С другой стороны, общелитературный язык, базирующийся на хоринском диалекте, успешно функционирует порядка восьмидесяти лет в сфере образования, литературы, культуры, средств массовой информации. На литературном языке написаны произведения художественной литературы, созданы бурятско-русский и русско-бурятский словари, нормативная академическая грамматика, школьные и вузовские учебники по бурятскому языку. В настоящее время литературно-письменная форма бурятского литературного языка является наиболее устойчивой по сравнению с литературно-разговорной формой, первая употребляется в языке художественной, учебной литературы, бурятской газеты «Буряад Үнэн». Литературно-разговорная форма речи употребляются специалистами в области бурятской филологии, артистами театров, журналистами радио и телевидения Бурятии и др.

Понятно, что «процесс обособления от диалектной основы проходит медленно и не регулируется» [2, с. 201], но, в то же время, за более чем восьмидесятилетнюю историю своего существования литературный язык, базирующийся на хоринском диалекте, воспринимается всеми носителями бурятского языка как общенародный язык, как язык, объединяющий всех бурят. Он многим понятен, но, по известным

причинам, в достаточной мере не употребляется в сфере разговорной речи. Основным же средством общения бурятского населения в сельской местности все же являются диалекты и говоры.

В апреле текущего года на базе Бурятского госуниверситета прошло Республиканское лингвистическое совещание «О функционировании бурятского литературного языка в современных условиях», где обсуждались проблемы сохранения и развития литературного бурятского языка.

Как отмечали участники совещания, литературный бурятский язык представляет собой исторически сложившуюся, осознанную обществом языковую систему, отличающуюся строгой кодификацией; подвижную, охватывающую все сферы деятельности человека: науки и образования, культуры, общественно-политическую и сферу деловых отношений. Грамматика литературного бурятского языка основана на нормах самого бурятского языка и восточно-бурятского диалекта, объединяющего все диалекты и говоры, в которых присутствует фонема «h», а также охватывает лексическое содержание всех современных диалектов и говоров бурятского языка [8, с. 1-2].

Безусловно, изменение основ современного бурятского языка может повлечь за собой непоправимые последствия, возврат к периоду реформ (3 период). И, конечно, вряд ли эти потрясения будут способствовать дальнейшему развитию бурятского языка.

Понятно, что исключительно важным является сохранение диалектов бурятского языка как средства общения на родном языке и как основного источника обогащения лексики литературного бурятского языка.

Литература

1. *Владимирцов Б.Я.* Работы по монгольскому языкознанию / Б.Я. Владимирцов; редкол.: В.М. Алпатов (пред) и др.; сост. Г.И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2005. 951 с.
2. *Дырхеева Г.А.* Литературный бурятский язык: история и проблематика // Вестник БНЦ СО РАН, № 1. 2014. С. 195-203.
3. *Крылов С.А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. В 6 ч. Ч.1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей) / С.А. Крылов; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2004. 480 с.
4. *Шагдаров Л.Д.* Бурятский литературный язык // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития. Улан-Удэ, 1996. 120 с.
5. *Шагдаров Л.Д.* Формирование и развитие национального языка у бурят // Исследования по истории монгольских языков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. 170 с.
6. *Цыбиков Г.* О новом бурят монгольском алфавите // Бурятоведческий сборник, 1929. №5.
7. *Поппе Н.Н.* Бурят-монгольское языкознание. Ленинград, 1933, С. 99–100.
8. Резолюция Республиканского лингвистического совещания «О функционировании бурятского литературного языка в современных условиях» от 24 апреля 2019.

Педагогическая стратегия использования методических подходов в преподавании бурятского языка в современных условиях

The pedagogical strategy of use of methodical approaches in teaching the Buryat language in modern conditions. In article questions of strategy of training in the Buryat language according to the state educational policy in school philological education, and also questions of need of use of various methodical approaches for educational means depending on level of proficiency in language of the trained are considered.

Как известно, стратегия в широком смысле слова связана с осуществлением деятельности, в целом направленной на получение планируемого результата, при этом во внимание, как правило, берется перспектива на долгосрочный период или долговременное развитие. Применительно к педагогической стратегии, речь идет о деятельности педагога, плане его действий, ориентированных на обучение, воспитание и развитие ребенка, о его деятельности, связанной с основными образовательными целями, а также путями и средствами их достижения [2, с. 47]. Можно заключить, что основная деятельность учителя осуществляется, в первую очередь, в зависимости от основных программных целевых установок государственной образовательной политики, поскольку образовательные цели задаются государством. Поэтому педагогическую стратегию можно рассматривать на двух уровнях: первый – с точки зрения образовательной стратегии государства, второй – применительно к деятельности педагога в учебном процессе.

В системе отечественного общего образования в настоящее время реализуется образовательная реформа, предполагающая интегративное использование системно-деятельностного, компетентностного и ряда других подходов к обучению, воспитанию и развитию ребенка. В этой связи важно отметить, что подход в обучении как категория лингводидактики определяется как базисная категория методики, определяющая стратегию обучения (в нашем случае языку) и выбор метода обучения, реализующего такую стратегию, а также точка зрения на сущность предмета, которому надо обучать [1].

Что касается современной системы школьного филологического образования, действующие и внедряемые на данный момент нормативно-методические документы, такие как ФГОСы и основные общеобразовательные программы, направлены на формирование, развитие коммуникативной компетенции обучающихся [4, 5]. В рамках филологического образования находится и этнорегиональное филологическое образование, направленное на преподавание и изучение бурятского языка. Основным целевым ориентиром обучения родному языку признается овладение обучающимися видами речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение и письмо), умениями использования языка в реальных ситуациях общения. В этом отношении деятельностный подход в обучении языкам представляет собой обучение школьников речевой деятельности с учетом особенностей ее видов, особенностей работы речемыслительных механизмов в зависимости от уровня владения языком. Другими словами, деятельностный подход в обучении бурятскому языку немыслим без использования коммуникативно-ориентированного подхода, который предполагает, что формирование и развитие языковой, лингвистической, речевой и культуроведческой компетенций (являющихся основными компонентами образующими коммуникативную компетенцию) осуществляется в речемыслительной деятельности. Формирование, развитие компетенций осуществляется также в соответствии с компетентностным подходом, в котором компетенция представляет собой не только совокупность определенных знаний, умений и навыков, но и наличие практического опыта работы [3]. Иными словами, при обучении языку основной акцент делается на умение использовать в практической, а именно речевой деятельности. Таким образом, на современном этапе обучения бурятскому языку государством заданы определенные стратегические ориентиры модели выпускника школы как языковой личности с точки зрения деятельностного, компетентностного подходов, которые реализуются через частнопредметный коммуникативно-ориентированный подход в обучении языку.

Кроме того, необходимо учитывать, что коммуникативно-ориентированный подход в обучении бурятскому языку предполагает различную ориентированность действий педагога по компетенции: в

зависимости от уровня владения обучающимися языком. В случае если учащийся владеет родным языком, то обучение направлено на развитие коммуникативной компетенции ребенка; если учащийся не владеет бурятским языком, то основными целевым ориентиром является формирование, совершенствование и развитие его коммуникативной компетенции.

Основными средствами достижения представленных целевых ориентиров по обучению бурятскому языку выступают учебные средства, в первую очередь, учебники, учебные пособия. В этом отношении содержательную линию учебников необходимо пересмотреть в сторону реализации коммуникативно-ориентированного и деятельностного подходов.

Как известно, обучение языку включает трехкомпонентный состав: учитель-ученик-учебник (или УМК). Учебник в этой триаде представляет собой основное учебное средство реализации определенного методического подхода. В этом отношении учебник как основное средство является своего рода связующим звеном, позволяющим педагогу выстроить стратегию обучения в нужном русле. Задача современных методистов по бурятскому языку – разработка коммуникативно-ориентированных учебников по бурятскому языку, в которых будут отражены различные методические подходы обучения языку. При этом необходимо обращать внимание на уровень владения языком обучающихся, поскольку он является в обучении бурятскому языку ключевым фактором, влияющим на отбор и использование методов и технологий в рамках структуры и содержания современных учебников. В этом случае на данный момент недостаточно подготовки учебников только для тех, кто владеет языком как первым, родным, или для тех, кто изучает язык «с нуля», т.е. не владеет им. Назрела необходимость разработки учебников, которые ориентированы на детей с так называемым «пассивным» уровнем владения языком, т.е. владеют языком на уровне рецептивных умений (в большей степени понимают, но не говорят). В учебниках подобного уровня методической основой должна стать такая система речевых упражнений, которая в единстве с языковыми и текстовыми заданиями, в конечном счете, переводит восприятие бурятской речи обучающимися в продуктивную речевую деятельность на бурятском языке, причем в как в устной, так и в письменной форме.

Еще одним направлением, требующим внимания современных методистов, является создание учебника, который можно использовать в разноуровневой группе обучающихся. Конечно, создание учебника для одновременного изучения бурятского языка носителями и не носителями языка с методологической точки зрения на данный момент не разработано. Однако разработка учебника с дифференциацией заданий по уровню сложности, с параллельным представлением системы заданий для начального и среднего, для среднего и продвинутого уровней вполне реализуема и подобный опыт имеется в методике преподавания других языков (Бухаркина М.Ю., Алиев Н.Н., Ариян М.А., Шишмаренков В.В., Казнина Т.В. и др.). При этом учебный материал может быть дифференцирован не только по уровню сложности, но и по объему, а также по уровню действий обучающихся.

Кроме того, независимо от ориентированности учебных средств на уровень / уровни владения языком в свете коммуникативно-ориентированного подхода актуальным становится отбор и организация заданий для работы с текстами на уроках бурятского языка. Поскольку любой текст, представленный в учебниках, является на всех уровнях изучения языка как источником информации, средством приобретения, расширения знаний, освоения лингвистического, языкового содержания, так и средством формирования и развития предметных и метапредметных результатов на уроках бурятского языка. Кроме того, именно тексты выполняют функцию освоения и присвоения обучающимися национальной культуры, развития их национального самосознания и формирования этнической идентичности. Иначе говоря, тексты учебников выступают, по сути, развивающей речевой средой, в которой строится обучение бурятскому языку. Организацию работы с текстами необходимо выстраивать в русле стратегий смыслового чтения, использования методик, способствующих формированию умения учащихся извлекать из текстов культурную информацию, видов работы, направленных на осознание взаимосвязи уровней и единиц бурятского языка, а также применять технологию работы с текстами, предполагающую выполнение предтекстовых, текстовых и послетекстовых упражнений и т.д. Не менее важным для методистов при разработке учебников, для учителей при подготовке к учебным занятиям является отбор текстов с наибольшим предметным и метапредметным содержательным потенциалом, знание критериев этого отбора в соответствии с теорией и методикой обучения языку. В целом, методическому кадровому потенциалу специалистов по бурятскому языку и литературе, как и учителям-родноведам необходимо в полной мере осознать специфику текстоориентированного подхода в современном пространстве школьного филологического образования, выработать дидактические системы его использования с учетом

уровня владения языком, применить их в современных учебных средствах, в первую очередь, учебниках.

Подводя итог, можно заключить, что исходя из заданных государственной образовательной стратегией в сфере школьного языкового образования параметров, а также учитывая сложившуюся языковую ситуацию по владению родным языком учащихся-бурят, современным методистам необходимо оперативно мобилизоваться и подготовить, внедрить адекватные запросам общества и государства учебные средства, технологии на основе использования современных, эффективных методических подходов при обучении языкам.

Литература

1. *Вятютнев М.Н.* Теория учебника русского языка как иностранного (Методические основы). М.: Просвещение, 1984. 144 с.
2. *Игнатова В.В., Барановская Л.А.* Содействие как педагогическая стратегия // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 14. С. 44-52
3. *Полонский В.М.* Словарь по образованию и педагогике. М.: ВШ, 2004. 512 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2010. 31 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2011. 47, [1] с.

Бурятский язык: вопросы выживания

Buryat language: questions of survival. This article discusses some issues of the history of the Buryat language. There is given a data of sociological research on the level of proficiency among school and preschool children. This article proposes ways to solve the problem of vitality of the Buryat language based on a review of the linguistic situation and ways to solve such problems in other languages.

Развитие современного бурятского литературного языка, обособившегося от общемонгольского ядра – старомонгольской письменности – началось в 1930-х гг. В 1931 г. вместо старомонгольской письменности, служившей письменной формой бурятского литературного языка, был внедрен латинский алфавит с добавлением некоторых букв. В том же году одновременно со сменой графики в основу бурятского литературного языка был положен халха-монгольский язык, но затем, спустя непродолжительное время, его основой стало «селенгинское наречие», так называемое «ц-акающее», наиболее близкое как халха-монгольскому и другим монгольским языкам, так и некоторым говорам собственно бурятского языка. По имеющимся архивным материалам, хранящимся в ЦВРК ИМБТ СО РАН, этому предшествовала представительная научная лингвистическая конференция. Но пятилетие при новом алфавите и новом литературном языке оказалось в целом неудачным, поскольку диалектная основа была чуждой для большинства бурят.

По итогам лингвистической конференции 1936 года, в которой принимали участие не только ученые из Бурятии, но и ученые из Москвы, Ленинграда, Калмыкии, учителя сельских школ, партийное руководство республики, было принято решение о переходе на «восточно-бурятское наречие», так называемый «h-акающий» диалект, под которым в настоящее время подразумевается хоринский диалект. Это решение было закреплено совместным Постановлением Президиума ЦИК БМАССР и бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) от 20 августа 1936 г. № 152/8 [1, с. 46-47].

Имеющиеся в фондах ЦВРК материалы конференции (доклады, выступления в прениях и т.д.) дают основание полагать, что политическое решение о переводе на данный диалект было принято до самой конференции. Основным мотивом перевода литературного языка на другую диалектную основу, согласно выступлению основного докладчика – Председателя ЦИК БМАССР И. Дампилона, была борьба с панмонголизмом, идеями национал-демократов, главным идеологом которых был назван проф. Базар Барадин.

Следующее совместное Постановление Президиума ЦИК и Бюро ОК ВКП (б) от 14 декабря 1936 г. уточнило пункт 3 Постановления от 20 августа того же года. В пункте первом Постановления от 14 декабря приводится утвержденный алфавит бурят-монгольского языка, в котором содержится 29 букв. Постановление республиканского ЦИК было подкреплено соответствующим Постановлением Президиума ЦИК СССР от 7 марта 1937 г. В последнем (союзном) постановлении приведен также алфавит нового литературного языка.

В лингвистическом плане среди причин смены диалектной основы литературного языка участниками называются: общепонятность нового литературного языка для подавляющего большинства бурят (БМАССР включала в себя бывшие Усть-Ордынский бурятский автономный округ и Агинский бурятский автономный округ) в отличие от «селенгинского диалекта», носители которого составляли небольшую долю от числа всех бурят, развитость и стройность грамматики и т.д. Даже при условии отсутствия дискуссии и, тем более, противников введения в качестве диалектной основы h-акающего диалекта, выступление Н.Н. Поппе было примиряющим. В своем докладе он, в частности, говорил: «Литературных языков, совпадающих полностью с разговорной речью, как в смысле произношения, так и грамматики, а особенно словарного запаса и стиля не бывает». В заключение он подчеркивает: «Задачи, которые стоят перед нами в настоящее время, таковы: всемерно приблизить литературный язык к массам».

Конец 1930-х годов в Советском Союзе ознаменовался новой волной смены алфавитов национальных языков. На смену повальной латинизации пришла кириллизация. Это было вызвано тем, что национальные окраины страны жаловались на трудности в изучении двух разных графических систем

– русской и латинской для национального языка. Кроме того, некоторые исследователи ссылаются на отказ ВКП (б) от идей мировой революции и переход на сплочение и единство народов внутри страны.

Эта кампания в Бурятии была легитимирована Постановлением Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) за подписью Секретаря БМ ОК ВКП (б) Игнатъева. В п. 4 данного Постановления (из протокола № 77 объединенного заседания Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) от 11 февраля 1939 г.) предписано утвердить разработанный и представленный ГИЯЛИ проект бурят-монгольского алфавита на основе русской графики и основ орфографии; оформление введение нового алфавита в законодательном порядке; определен срок введения нового алфавита с 01 мая 1939.

Президиум Верховного Совета БМАССР, в свою очередь, издал Указ от 28 апреля 1939 г. о переводе бурят-монгольской письменности на русский алфавит (НАРБ, ф. 248, оп. 11, д. 113, л. 108). В те же годы были утверждены правила бурятской орфографии и пунктуации. Таким образом, в истории бурятского литературного языка была проведена последняя крупная реформа, в результате которой сформировался в общих чертах облик современного литературного языка.

После вывода из состава Бурят-Монгольской АССР двух округов (1937), развитие бурятского языка в основном концентрируется в республике. Практика преподавания в бурятских школах и классах предметов общего цикла в Республике на бурятском языке продолжалась вплоть до 1950-х годов. В эти годы обучение на бурятском языке ограничили 5-м классом.

В 1981 г. лет Бюро Бурятского обкома КПСС приняло Постановление «Об улучшении изучения бурятского языка и литературы в общеобразовательных школах Республики» (№ 229 от 30 декабря 1981 г.), имевшее позитивное влияние. С этого периода снова вводится преподавание всех предметов на бурятском языке в 1-4 классах бурятских школ и бурятских классах смешанных школ. В это же время возникло обучение бурят-учащихся русских классов бурятскому языку как иностранному (так называемая «третья программа»). С принятием республиканского Закона «О языках народов Республики Бурятия» от 22 июня 1992 г. № 221-ХП обучение бурятскому языку в школах активизировалось. На этой волне обучением бурятскому языку были охвачены и дети небурятской национальности, предмет в большинстве случаев был включен в перечень обязательных предметов в учебных планах школ.

Двадцатилетие благоприятствования закончилось в 2013-2014 гг. при принятии республиканского Закона об образовании, вслед за российским, и Федерального государственного стандарта основного общего образования (Утв. приказом МОиН РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897). В результате республиканский Закон «Об образовании в Республике Бурятия» (от 13 декабря 2013 года №240-V) был принят без статей, регламентирующих преподавание, изучение государственных языков Республики Бурятия и получение образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации. Эти статьи (10.1 и 10.2) были введены отдельным Законом РБ где статьей 10.1 регламентируется свободный выбор изучения государственных языков Республики Бурятия в соответствии с законодательством об образовании Российской Федерации.

В настоящее время, по данным Министерства образования и науки, изучение бурятского языка в общеобразовательных организациях представлено следующим образом: в 99 школах из 472 (21 %) бурятский язык изучается как родной – 8279 детей (6 %), в 354 школах¹ как государственный – 60768 учащихся (43,7 %), в общей сложности изучают бурятский язык в обеих формах – 69047 детей (49,7%).

В 2015 году с целью выявления уровня знания бурятского языка детьми бурятского происхождения МОиН РБ инициировано масштабное социологическое исследование с участием всех школ Республики Бурятия, которое выявило, что из 42235 учащихся – бурят хорошо говорят на бурятском языке 16432 (38,9 %), плохо говорят – 14722 (34,85 %), не знают языка – 11443 (27,09 %). Проведенная экспертами работа в школах подтвердила основные тенденции состояния бурятского языка в данных учреждениях.

В 2016 году подобное исследование было проведено с целью выявления уровня знания бурятского языка детьми-дошкольниками бурятского происхождения. По оценкам, предоставленным сотрудниками ДОО, выявлено, что 29,4 % детей хорошо владеют бурятским языком, плохо владеют – 23,2 % и не владеют – 48,1 %). По результатам оценок интервьюеров-экспертов и выборочных контрольных замеров, уровни владения отличаются в худшую сторону: хорошо владеют – 24,48% (минус 5%), плохо владеют – 24,28 % (плюс 1 %) и не владеют – 51,14 % (плюс 3 %).

Для определения жизнеспособности языка и грозящей ему опасности ЮНЕСКО разработало методологию оценки, которая включает девять критериев: 1) общее число носителей; 2) передача от

---

¹ 75 % от числа всех школ; сюда не вошли школы интернатного типа для особых категорий учащихся.

поколения к поколению; 3) отношение членов общины к родному языку; 4) области употребления языка; 5) государственная политика, включая его официальный статус и использование; 6) вид и качество документации; 7) использование языка в новых областях и СМИ; 8) наличие материалов для изучения языка; 9) доля носителей в общей численности населения [2]. «Каждый критерий оценивается по шестибальной шкале, или степеням опасности исчезновения: 5 – находится в безопасности, 4 – положение вызывает опасения, 3 – язык находится под угрозой исчезновения, 2 – язык находится в серьезной опасности, 1 – язык находится в критическом состоянии, 0 – язык исчез» [3, с. 5]. Оценка витальности, или жизнеспособности бурятского языка по всем девяти критериям находится в зоне 3-2 баллов, наибольший балл, по нашему мнению, бурятский язык может получить по критерию «отношение членов общины к родному языку» (4 б.), а наименьший по критерию «передача от поколения к поколению» – 1 б. Эта оценка наглядно иллюстрируется данными опросов 2015-2016 гг., приведенные в нашей работе выше. Данный факт весьма серьезный вызов витальности язык, а ее снижение, прежде всего, связывается «с отсутствием мотивации к его изучению, с меньшей престижностью родного языка по сравнению с другим, распространенным в стране» [3, с. 4]. Вслед за Э.Д. Сулейменовой в отношении бурятского мы также выделили бы отдельный критерий: «количество говорящих на языке среди младшего поколения носителей языка».

Обобщая семилетние социологические исследования по выявлению конкуренции языков в Татарстане, Л.В. Сагитова выделяет следующие основания данной конкуренции: 1) легитимность государственного языка¹; 2) символический статус; 3) инструментальная востребованность языка [4, с. 62]. В отношении бурятского языка, особенно в молодежной среде признаются все три основания, тогда как в детской, в силу возраста, можно говорить лишь о двух последних. При достаточно явном осознании бурятского языка как одного из государственных языков Республики Бурятия и его статуса как символа бурятской национальной культуры, наиболее слабо проявляется инструментальная востребованность. Для такого вывода, разумеется, необходимо привести цифровые данные, но и показателей приведенного социологического исследования вполне показательно. Далее, подводя итоги по части, касающейся татарского языка, автор добавляет эмоциональную функцию (или основание?), которая выражается в таких категориях, как «родной язык, язык моих родителей» [4, с. 64]. Эта функция в бурятском обществе также имеет тенденцию к снижению, поскольку родители, родственники старшего поколения автоматически переходят на общение с детьми, младшим поколением на русский, крайне редко оставляя бурятскому «конспиративную» функцию. В этом ключе критерий Юнеско «от поколения к поколению» стремится к показателю от одного к нулю, хотя в начале статьи мы дали этому критерию оценку «1 б.».

Описывая витальность казахского языка как проблему языкознания и языковой политики, З.К. Ахметжанова отмечает, что на регулярных конференциях «на слушателей выливается весь спектр эмоций: от резко отрицательно-пессимистических от откровенно бравурно-оптимистических» [5, с. 9]. Возьмем на себя смелость предположить, что такой сценарий характерен для многих языков, находящихся в трудной ситуации. В нашем, бурятском, случае это, как минимум, находит полное соответствие. Далее автор ратует не только за статусное, но и корпусное планирование языка, «которое, в свою очередь, может быть реализовано как путем крупных финансовых затрат со стороны государства, так и сознательными усилиями лингвистов, педагогов, журналистов и т.д.» [Там же]. Данный вид планирования подразумевает введение наряду со статусной и корпусной (интралингвистической) языковой политики, которая «направлена на преобразование корпуса, т. е. внутреннего устройства языковой формы» [6]. Ю.В. Кобенко предлагает заменить данные термины (статусное и корпусное языковое планирование) на более предпочтительные, по его мнению, термины: нормативное и функциональное языковое планирование, первое преследует цель сохранения нормы литературного языка, а второе – изменение норм литературного языка.

Существующие в Республике Бурятия языковая политика и планирование носит статусный, или нормативный, характер, в то же время в обществе стихийно возникает запрос на изменение норм литературного языка, подогреваемое группой людей, далеких от лингвистики, языковой политики и языкового планирования. Такие действия несут деструктивный характер, с другой стороны, возможно действительно, нужны некоторые реформы в кодифицированном языке, но реальная ситуация такова, что какие-либо изменения могут еще более ослабить жизнеспособность бурятского языка. Поэтому

---

¹ Заметим, что в этом основании имеется некоторое противоречие: «государственный» значит закрепленный законом, т.е. легитимный.

лингвистам, органам власти необходимо придерживаться нормативного планирования, которой «нацелено на повышение качества литературного языка» [Там же]. Предусматривать в языковом планировании очень важные, практически основополагающие показатели: общее число носителей (увеличение); передача от поколения к поколению; отношение членов общины к родному языку, а также повысить инструментальную востребованность языка. Эти параметры либо находятся на критическом уровне, либо стремятся к этому, если судить по тенденции, выявленной в ходе социологического исследования. В языковой политике необходимо придерживаться протекционистско-прагматической стратегии, которая предусматривает «меры, направленные на экономические результаты и защиту определенных языков с помощью различных преференций, льгот и стимулов» [7, с. 50]. Примечательно, что предпосылки к реализации этой формы языковой политики заложены в Закон РБ «О языках народов Республики Бурятия».

Проблема выживания бурятского языка заключается не просто в сохранении языка (он может сохраняться в аудио- и аудиовизуальных или письменных источниках, памятниках, даже при условии отсутствия «живых» носителей), а в увеличении числа говорящих, обеспечении передачи от поколения к поколению, расширению его общественных функций, что может быть обеспечено лишь грамотной языковой политикой, планированием. Это должно быть прерогативой органов власти и научного сообщества, а гражданское общество должно выступать партнером.

Литература

1. *Дампилов И.* Итоги языкового строительства Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1936. 48 с.
2. Методология оценки жизнеспособности языка и грозящей ему опасности [Электронный ресурс] // URL: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/language-vitality/> (Дата обращения: 09.04.2019).
3. *Сулейменова Э.Д.* Витальность языка: поиски показателей измерения (Статья первая 1) // Вестник Казахстанского нац. ун-та. Сер. филолог. №2 (132). 2011. сс. 3-6.
4. *Сагитова Л.* Выживание татарского языка в глобализирующемся татарстанском сообществе: «За» и «Против» // Казанский федералист. №4 (20). 2006. сс. 60-66.
5. *Ахметжанова З.К.* Витальность казахского языка как проблема языкознания и языковой политики // Вестник ПГУ. Серия филологическая. – № 1. – 2010. – сс. 9-18.
6. *Кобенко Ю.В.* Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – № 1. – Т. 1. Филология. – 2010. – сс. 193-198. // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17639358_29828622.pdf
7. *Дятленко П.И.* Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве (аналитический обзор) // Социологическое обозрение. – Т. 6. – № 3. – 2007. – сс. 49-59.

Семантика заимствованных монгольских глаголов в хакасском языке

Semantics of the borrowed Mongolian verbs in the Khakass language. The paper analyzes the semantics of Mongolian verbs borrowed in the Khakass language. Verb groups are considered, and the change in the semantics of verbs is analyzed.

Основная цель данной работы заключается в проведении анализа семантики монгольских глагольных лексем, заимствованных в хакасский язык. По мнению В.И. Рассадина, в хакасском языке свыше 400 слов монгольского происхождения. Из монгольского языка заимствованы слова, относящиеся к разным частям речи: существительные, прилагательные, наречия, глаголы, междометия [1, с. 34]. В большинстве случаев монгольские глаголы, заимствованные в хакасский язык, сохраняют свои основные лексические значения. Встречаются определенные глагольные лексемы, изменившие по некоторым причинам свою семантику. Изменение семантики таких глаголов произошло за счет сужения и обобщения значения, развития вторичных производных значений, а также значений на основе метафорических переносов. Небольшое количество многозначных монгольских глаголов вошло в хакасский язык только в одном из своих значений, например, монг. *гагнах* ЛСВ₁ 'паять, спаивать, сваривать' [2] → хак. *хаңна* = 'паять, запаивать что-л.' [3]; монг. *хайлах* ЛСВ₁ 'плавиться, расплавляться, растапливаться' → хак. *хайыл* = ЛСВ₁ 'таять', монг. *чимхэх* ЛСВ₁ 'щипать, пощипывать' → хак. *чимки* = 'кастрировать'; монг. *тармах* 'сгребать, подбирать граблями' → хак. *тырба* = ЛСВ₁ 'сгребать, грести' и др. Некоторые монгольские глаголы, попав в хакасский язык, расширили свои первоначальные значения. Такие глаголы в современном хакасском языке стали многозначными, помимо исходных значений в структуре глагола развились дополнительные значения, например, монг. *тарах* ЛСВ₁ 'расходиться, разъезжаться, рассеиваться' → хак. *тара* = ЛСВ₁ 'расходиться, разойтись, разбрестись, рассыпаться; рассеяться (о многих, многом, о сплошной массе)'; ЛСВ₂ 'распространяться, расходиться (о новостях, сплетнях, болезнях и т.п.)'; ЛСВ₃ 'простирается, находится где-л., лежать, занимая какое-л. пространство (обычно до каких-л. пределов)'.

Все глаголы с лексико-грамматической точки зрения можно объединить в следующие группы:

1. Глаголы, выражающие различные движения в пространстве: хак. *пырла* = 'лететь (о пыли); клубиться (о дыме)' ← монг. *бургих* ЛСВ₁ 'подниматься, клубиться (о пыли, дыме и т.п.)'; хак. *субал* = 'тянуться, идти вереницей, гуськом, друг за другом' ← монг. *цухах* ЛСВ₁ 'идти друг за другом, идти гуськом', хак. *тара* = ЛСВ₁ 'расходиться, рассеиваться, рассыпаться (в разные стороны)' ← монг. *тарах* ЛСВ₁ 'расходиться, разъезжаться, рассеиваться', хак. *чоргала* = ЛСВ₁ 'ходить иноходью' ← монг. *жороолох* 'идти, бежать иноходью', хак. *учура* = ЛСВ₁ 'встретить кого-л., что-л.; натолкнуться на что-л.' ← монг. *учрах* ЛСВ₁ 'встречаться, встречать', хак. *ките* = ЛСВ₁ 'подкрадываться к кому-л., чему-л.' ← монг. *гэтэх* ЛСВ₁ 'подсматривать, следить; ЛСВ₂ 'красться, подкрадываться'; хак. *пытыра* = 'разлетаться, расплыться, рассеяться; разбежаться в разные стороны' ← монг. *бутраах* ЛСВ₁ 'рассыпать, разбрасывать' ЛСВ₂ 'дробить, размельчать'; хак. *ойла* = 'бегать, бежать, убегать' ← монг. *оула* = 'подпрыгивать, подскакивать' [4].

2. Глаголы эмоционального состояния: хак. *атарха* = 'завидовать кому-л., чему-л.' ← монг. *атаарха* = 'завидовать, ревновать, недоброжелательствовать'; хак. *сонырха* = ЛСВ₁ 'поражаться, изумляться чем-л. и чему-л., удивляться (необычному)' ← монг. *сонирхо* = 'интересоваться, проявлять интерес, увлекаться', хак. *сыда* = ЛСВ₁ 'терпеть, выносить, выдержать, выстоять' ← монг.

йда = 'терпеть, смочь' [4]; хак. *хайха* = 'дивиться, удивляться, поражаться; изумляться кому-л., чему-л.; восторгаться кем-л., чем-л.' ← монг. *гайхах* 'удивляться, изумляться', хак. *чырга* = ЛСВ₁ 'получать удовольствие, наслаждаться довольством, достатком' ← монг. *жаргах* 'быть счастливым, наслаждаться'; хак. *чочы* = ЛСВ₁ 'пугаться от неожиданности; вздрагивать от испуга' ← монг. *чочих* 'пугаться,

вздрагивать от испуга'; хак.саг. *халчар*= 'неистовствовать, буйствовать' ← монг. *галзуур*= 'беситься, прийти в ярость'; хак. *иле*= ЛСВ₁ 'мучиться, страдать', ЛСВ₂ 'нуждаться, бедствовать', ЛСВ₃ 'худеть' ← монг. *эlex* 'изнашиваться, ветшать, стареть, рваться'; хак. *чобал*= 'изнемогать, устать, мучиться, горевать, хлопотать' ← монг. *зово*= 'страдать, горевать, терзаться, мучиться'.

3. Глаголы физического воздействия на объект: хак. *сыба*= 'мазать, обмазывать; затирать; штукатурировать' ← монг. *шава*= 'штукурировать, обмазывать, замазывать'; хак. *сан*= ЛСВ₁ 'бить, ударять, хлестать кого-л., стучать по чему-л.' ← монг. *савах* 'бить, хлестать, ударять'; хак. *тинсе*= ЛСВ₁ 'топтать, вытаптывать, утаптывать; давить ногами' ← монг. *дэвсэх* 'топтать, придавливать ногой'; хак. *тоос*= 'кончать, заканчивать, завершать что-л.' ← монг. *төгсөх* 'кончаться, заканчиваться, завершаться'; хак. *харба*= ЛСВ₁ 'брать в пригоршню что-л.; хватать руками' ← монг. *гардах* 'делать что-л. своими руками, брать рукой'; хак. *нылас*= 'отнимать, отбирая что-л.' ← монг. *булаах* ЛСВ₁ 'отнимать, захватывать', хак. *нинди*= 'обыскивать кого-л., что-л.' ← монг. *нэгжих* 'обыскивать, производить обыск', хак. *ситке*= 'внимательно присматриваться, приглядываться' ← монг. *сэтгэх* 'мыслить, рассуждать, разуметь, думать, размышлять, представлять в мысли'; хак. *тона*= ЛСВ₁ 'грабить, раздевать кого-л. с целью грабежа' ← монг. *тонах* 'грабить, мародерствовать', хак. саг. *уйма*= 'приводить в беспорядок' ← монг. *уймэх* 'суетиться, толкаться, беспокоиться'; хак. *чанчы*= 'бить передним копытом о землю (о лошади)' – монг. *abi*= 'рубить; бить копытом; моргать'.

4. Глаголы трудовой и интеллектуальной деятельности: хак. *иур*= ЛСВ₁ 'скручивать; крутить, вить, свивать; плести, прясть (веревку, корзину)' ← монг. *имрэх* 'скручивать, свивать, крутить между пальцами'; хак. *сүүрге* 'фильтровать, цедить, процеживать что-л.' ← монг. *шүүх* 'цедить, процеживать, фильтровать', хак. *тырба*= ЛСВ₁ 'сгребать, грести' ← монг. *тармах* 'сгребать, подбирать граблями'; хак. саг. *хаңна*= 'паять, запаивать что-л.' ← монг. *гагнах* ЛСВ₁ 'паять, спаивать, сваривать', хак. *чайа*= 'создавать, творить что-л.' ← монг. *јауа*= 'творить, создавать'; хак. *пилете*= 'готовить, заготавливать, запасать, припасать что-л.' ← монг. *бэлэд*= 'приготавливать, заготавливать, припасать'; хак. *сана*= 'считать' ← монг. *санаярга*= 'намереваться; зариться'; хак. *чимки*= 'кастрировать' ← монг. *чимхэх* 'щипать, пощипывать; вынимать, выдергивать (двумя пальцами, ногтями); холостить, легчить'; хак. *тоос*= 'кончать, заканчивать, завершать что-л.' ← монг. *дуусах* 'кончать, кончаться'.

5. Глаголы речевой деятельности: хак. *мүүре*= ЛСВ₁ 'мычать (о коровах, телятах)' ← монг. *төөрө*= 'мычать', хак. *сыбыхта*= 'шептать, нашептывать' ← монг. *шивнэх* 'шептать'; хак. *салчы*=/*чалчы*= ЛСВ₁ 'отчитывать кого-л., выговаривать кому-л.; высказывать свои претензии, свое недовольство кому-л.' ← монг. *чалчи*= 'болтать вздор, чепуху'.

6. Глаголы социальной деятельности: хак. *маргыс*= 'биться об заклад, держать пари, спорить' ← монг. *маргах* 'спорить о правоте'; хак. *тайы*= 'совершать общественное моление духам гор, рек, неба (принося в жертву кого-л., что-л.)' ← монг. *тай*= ЛСВ₁ 'приносить жертву, совершать жертвоприношение'; хак. *молча*= 'назначить, устанавливая (время, срок)' ← монг. *болзох* 'уславливаясь, договариваться, назначать срок, свидание'; хак. *тоо*= *употр. чаще в отриц. форме тообасха* 'не считаться, не принимать во внимание; не слушаться, не подчиняться' ← монг. *тоо*= 'оказывать внимание, проявлять интерес к чему-л., считаться с кем-л., чем-л.', хак. *чахы*= ЛСВ₁ 'наказывать, поручать' ← монг. *захих* ЛСВ₁ 'заказывать, давать заказ'; хак. *пайорха*= ЛСВ₁ 'гордиться, хвастаться богатством', ЛСВ₂ 'завидоваться, важничать', ← монг. *баярха*= 'кичиться, чваниться богатством'; хак. *тона*= ЛСВ₁ 'грабить, раздевать кого-л.' ← монг. *тоно*= 'грабить, оголять'; хак. *саада*= 'задерживаться, запаздывать' ← монг. *саат*= 'задерживаться, замешкаться'; хак. *атарха*= 'завидовать' ← монг. *атаарха*= 'завидовать, ревновать'.

7. Глаголы физиологического действия: хак. *амза*= ЛСВ₁ 'пробовать на вкус, отведывать что-л.' ← монг. *амсах* ЛСВ₁ 'пробовать, отведать', хак. *кимир*= ЛСВ₁ 'грызть, глотать что-л.' ← монг. *хэмлэх* 'грызть, раскусывать зубами что-л. твердое', хак. *чарчы*= 'поперхнуться' ← монг. *цацах* 'поперхнуться (жидкостью, слюной), закашляться'; хак. *торсыла*= / *тошла*= 'образовываться (о мозолях, волдырях)' ← монг. *dorsoyi*= 'торчать, выдаваться вперед, высываться'; хак. *сирки*= 'разг. спать; груб. дрыхнуть' ← монг. *seri*= / *sere*= 'пробудиться, проснуться, очнуться'.

8. Глаголы качественного состояния: хак. *мога*= 'дряхлеть, становиться слабым, немощным (от старости)' ← монг. *мохо*= 'стать тупым', хак. *хайыл*= ЛСВ₁ 'таять' ← монг. *хайлах* ЛСВ₁ 'плавиться,

расплавляться, растапливаться’, хак. *хубул*= ЛСВ₁ ‘меняться, изменяться’ ← монг. *хувилах* ‘превращаться, меняться’, хак. *чобах*= ‘сильно уставать, утомляться, выбиваться из сил, изнемогать’ ← монг. *зовох* ‘мучиться, страдать, горевать’, хак. *чуда*= ЛСВ₁ ‘худеть, подвергаясь болезням’ ← монг. *цуцах* ‘уставать, утомляться, ослабевать’; хак. *юре*= ЛСВ₁ ‘становиться старым, ветхим, изношенным’ ← монг. *юре*= ‘погибнуть, пропасть, исчезнуть, разрушиться; освобождать, выпускать на свободу; прощать; сыпать, посыпать’; хак. *чарча*= ‘застывать (о жире)’ – монг. *сарца*= ‘стынуть, охлаждаться; сгущаться (на холоде)’; хак. *хора*= ‘уменьшаться, убавляться, убывать; расходовать напрасно; перен. умереть’ ← монг. *гору*= ‘уменьшаться, убавляться, убывать; расходовать напрасно’; хак. *хахса*= ‘сохнуть, высухать; пересыхать, рассыхаться’ ← монг. *хагса*= ‘рассохнуться, высохнуть, пересохнуть’; хак. *чйби*= ‘замачиваться, размачиваться’; хак.кач. *урга*= ЛСВ₁ ‘быть в большом количестве; умножаться’, ЛСВ₂ ‘бурно расти, развиваться’.

9. Образные глаголы, которые сохранили морфологический облик монгольских оригиналов с их характерным аффиксом =*уи* [1, с. 25, 38]. В большинстве случаев данные глаголы заимствовались в хакасский язык с полным сохранением семантики монгольского глагола. По смысловому содержанию такие образные глаголы можно разделить на следующие две группы: глаголы, характеризующие зрительный образ и глаголы, характеризующие звуковой образ [5, с. 203]:

1) в первую группу входят глаголы, в значении которых преобладающую роль играет зрительное восприятие. Это глаголы, образное значение которых основывается на представлении говорящего о движении и внешнего признака и состояния предмета:

а) глаголы, характеризующие походку человека, движение тела: хак. *алчай*= ‘растопыривать, раскорячивать ноги’ ← монг. *алчай*= ‘растопыривать’; хак. *мөкей*= ‘нагибаться, наклоняться’ ← монг. *бөһүй*= ‘наклоняться’, хак. *оңкей*= ‘склоняться, прикивать; наклоняться, нагибаться (туловищем, грудью вперед, о человеке); верхней частью ствола (о растительности)’; хак. *тоңхай*= ЛСВ₁ ‘становиться на четвереньки’ ← монг. *тоңгуйи*= ‘наклоняться’; хак. *хаңхай*= ‘задирать голову’; хак. *хасхай*= ‘возвышаться, выситься; откинуться назад; выгнуться (о корпусе)’ ← монг. *ганггайи*=;

б) глаголы, характеризующие внешний признак предмета: хак. *аңай*= ‘ротозейничать; прозевать, упустить’ ← монг. *алмайрах* ‘ротозейничать’; хак. *орбай*= ‘растеряться, опешить; быть в недоумении’; хак. *пултай*= ‘дуться, сердиться, надуться’ ← монг. *бултийх* ‘тарашить, выпучиваться, выпячиваться’; хак. *сарбай*= ЛСВ₁ ‘быть разветвленным, разветвляться’ ← монг. *сарвайх* ЛСВ₁ ‘протягиваться, растопыриваться’; хак. *сиртей*= ЛСВ₁ ‘кокетливо выделяться’; хак. *тардай*= ЛСВ₁ ‘торчать, стоять торчком; растопыриться’; хак. *тиртей*= ЛСВ₁ ‘пристально смотреть, впериваться’; хак. *топай*= // *тонтай*= ЛСВ₁ ‘торчать, топорщиться; выступать; выдаваться над поверхностью чего-л., быть выпуклым’ ← монг. ‘; хак. *торбай*= ‘торчать; распухать’ ← монг. *дарбайи*= ‘широко раскрываться’, хак. *тошпай*= // *торспай*= ЛСВ₁ ‘становиться пухлым, полным, толстым’ ← монг. *дорсуи*= ‘выдаваться, высовываться’, хак. *сохсай*= // *сохпай*= ЛСВ₁ ‘торчать, выпирать, выделяться (положением торчком, широкой вершиной вверх)’ ← монг. *сойсои*= ‘торчать, лохматиться (волосы, коса и т.п.)’; хак. *соңхай*= ЛСВ₁ ‘торчать, выпирать, выделяться (положением торчком, широкой вершиной вверх)’ ← монг. ‘; хак. *халбай*= ЛСВ₁ ‘быть широким, просторным; болтаться (об одежде); иметь неуклюжий вид’; хак. *ырбай*= ‘разг. груб. ЛСВ₁ ‘ощериваться; гримасничать губами’; хак. *ырчай*= // *ырсай*= ЛСВ₁ ‘оскалывать, скалить зубы’ ← монг. *иржайи*= ‘оскалиться’.

2) вторая группа представлена образными глаголами, значения которых отображают звуковой образ действия. В данную группу входят глаголы, воспроизводящие какой-либо звук во время совершения какого-либо действия. В данную группу входит только один глагол хак. *хыңнан*= ‘тихо, еле слышно напевать (про себя)’.

Таким образом, проведенный анализ семантики заимствованных монгольских глаголов в хакасском языке показал, что в хакасском языке выявляется немалое количество монгольских глаголов, которые прочно вошли в систему лексики хакасского языка. Почти все заимствованные монгольские глаголы прочно вошли в систему лексики хакасского языка, а также стали принимать активное участие в дальнейшем развитии семантики заимствованных лексем. Большинство из них сохраняют основную семантику исходных монгольских лексем. Встречаются лишь несколько глаголов, которые изменили значения. Некоторые многозначные монгольские глаголы были заимствованы в только в одном из

значений, например, хак. *азыра* = 'кормить, питать, воспитывать' от монг. *асрах* 'заботиться, ухаживать'. Некоторые заимствованные монгольские глаголы, претерпели различные семантические изменения, например, хак. *ойла* = 'бегать, бежать, убегать' ← монг. *оула* = 'подпрыгивать, подскакивать'; хак. *сирки* = 'разг. спать; груб. дрыхнуть' ← монг. *сэрэх* 'пробуждаться, просыпаться, бодрствовать'.

Литература

1. *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980. 117с.
2. *Кручкин Ю.* Большой современный русско-монгольский-монгольско-русский словарь. М., 2006. 921 с.
3. Хакасско-русский словарь. Под ред. О.В. Субраковой. Новосибирск, 2006. 114 с.
4. *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста, 2008. 242 с.
5. *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л., 1954. 312 с.

Creating legal terms with metaphor

Создание юридических терминов путем метафоризации. Статья посвящена особенностям использования метафоры в юридической терминологии. Отмечено, что метафора и метонимия не подходят для юридической терминологии. Однако некоторые метафорические термины все-таки появляются в монгольских юридических документах, что вызывает определенные проблемы в юридической науке.

Many creative methods like phoneme substitution, suffixation, word abbreviation, word combination, adopting foreign words are used for creating terms of the law. In addition to this method of semantic transformation is used widely.

The scientific language is developed to perfection in modern time. So it is a vital to take a direct meaning for defining the terms of the law. But it is a matter to minimize the artistic meaning, semantic transformation for defining legal term.

There are many words in our terminology database that are created by two types of semantic transformation

1. Metaphor
2. Metonymy

Semantic transformation is structure of sign for naming phenomenon and action. The term is a sign of language, so it can include all characters of language phenomenon.

For example human face is the one of the direct semantics but face of a book or furniture are transformed semantics. There through: In Mongolian we use «to hold a horse rein» instead of «to drive». Anciently we use this term to express to rein a horse. In modern we use «to drive» instead.

This phenomenon of language is related to the period of language formation. The Mongols who are with the traditional folklore using of unique features and phrases in the field of nomadic farming, as well as the rich history of inheritance and oral representation. The generic term for the whole of the branch is common, and it is characteristic of the nature of the science. The terms created by transformed semantic transformation all branches have same characters and features.

It is named «similar meaning» «figurative meaning», «metaphor-figurative meaning».

The name of the term «metaphor» is still disputed among the researchers.

The reasons are as following:

1. It is caused by origin word and translations from the research works of foreign researchers.
2. It is not enough to study concept of metaphor in one field but logic, anthropology, study of cultures, philosophy, psychology, linguistics, ethnology, history.

The concept of metaphor includes concept, source domain, target domain and their definitions.

The terms are in vital position to form concept of metaphors below. These are named like this.

- **tenor** and **vehicle** (I. A. Richards); *The Philosophy of Rhetoric* (1936),
- **ground** and the **tension** (I. A. Richards)
- **target** and **source** (George Lakoff)

The target and source terms are the most suitable for cognitive linguistics. We translated this term into several variants such as «сурвалж, оноосон өгөгдөл», «сурвалжийн хүрээ, зорилтот хүрээ» etc.

Every word has its own first meaning. These words are combined to create metaphor and form a new concept. For example: «Cattle is a resource» from this we can see that meanings of two separated words. But metaphorically these individual words are combined to form one concept and one compound term. This concept comes out from the nomadic mentality of the Mongols that refer their cattle as a capital. Thus this word had come out (Мал тэжээвэл ам тосдоно- In English it means if you feed a cattle your mouth will be full) through the term cattle which means resource, capital, wealth.

Terms created by semantic transformation

S.A. Kozin said «We guess that politics, sciences are not poetic. But in Mongolian literature these are as a poetical. Happens in every Mongolian history a scripture «/ S.A.Козин. Jangariada.М. 1940. 26-27 /.

The words of this researcher are not only relevant to the formal documents, but also the so-called

description of the former. This is a popular way of expressing the art of expressing the artistic expression of our oral tradition to our people. Today, some researchers are using this method.

Nowadays science and technology are developing rapidly, the concept of overlapping, replicating the same thing with others can not be a good indicator of the significance of the subject. So if the terms are defined with direct meaning the discrepancy does not occur. But for literature it is different. Scientific language the key to proving evidence, so they do not need to use artistic methods.

One is need to be proved, another one is imagined. One is logical and another one is poetic. All the possibilities in the language also exist in terms. It shows only the possibility of the expression. It does not mean the terms must be formed as the words.

In other words, it is possible to create an emotionally stimulating expressions with the words but it is limited with the terms.

Therefore, it is noteworthy that there is a difference between forming words and terms.

There are some cases where legal terminology is used in the context of semantic transformation.

1. Use of metaphors in other fields for texts of legal sector

There are terms which are named «Охин компани– it means daughter company «,»Толгой компани-parent company». It is suitable according to the principle of equivalent to name the company as a branch company in case of if parent company is called «Толгой компани-head company». In the other hand if a head office is called «parent company» the branch company should be called as a «daughter company». But these terms were already taken to legal terms by the use of business activities.

Company Law of Mongolia:»Охин компани– it means daughter company «,»Толгой компани-parent company».

Railway law of Mongolia:»Төмөр замын гарам»/it means the crossing of railroads/

Law for care of baby: Хүүхэдхарагч – babysitter

Transport And Maritime Law:Замын хөвөө – border of road

Supporting the processing of law in Mongolia: Ногоон хөгжил-green development

These terms are formed with the figurative methods of semantic transformation above.

- For example: **Охин компани: daughter company /noun/**

a company that is completely or partly owned by another company:

subsidiary

n. subsidiary company, company that is owned or controlled by another company\

толгой компани: parent company

Company which controls one or more secondary companies (secondary companies are called daughter companies)

It express of variety of meaning in Mongolian: Толгой баян, толгой мал, толгой үсэг, толгой чүдэнз, толгой лаа, толгой хоргой, оюу толгой, таван толгой, зайсан толгой, холбоо толгой, майхан толгой, том толгой, усан толгой гэх мэтээр олон утга илэрхийлнэ.

Therefore the term head company or leading company is suitable in using language.

2. Use of terms which are formed with the metaphors in legal sector

Law of glass account /Шилэн дансны тухай хууль тогтоомж/: Шилэн данс-glass account

Law of anti terrorism and money laundering: Мөнгө угаах- money laundering

/The rule of transportation of passenger luggage through the custom: Ногоон гарц– green exit

Учруулсан:**Law of amends** for damage of nature: Учруулсан-damaged

There are many terms that are formed with figurative method of semantic transformation such as glass accounting, money laundering, green exit, budget freeze, damage in forest, double coat.

Мөнгө угаах: Money laundering- Отмывание денег /turning money acquired illegally to legal money via illegal methods, legitimizing money that was either acquired illegally or that taxes were never paid on it/

Money laundering is the process of transforming the proceeds of crime and corruption into ostensibly legitimate assets.

Төсөв царцах: budget freeze / A **budget freeze** is a term for when a budget for an aspect of government or business is fixed- or frozen- at a specific level.

As a result of this, it tells us the terms that are formed with figurative methods of semantic transformation is not suitable for the legal sector.

Laws are more clear and understandable if we use this method as few as possible.

Bibliography

1. *Байгалсайхан С.* Уран зохиол шинжлэлийн удиртгал. Улаанбаатар, 1995.
2. *Базарррагчаа М.* Монгол хэлний өгүүлбэр судлал. Улаанбаатар, 2005.
3. *Гаадан Х.* «Зохист аялгууны толин дахь адилтгал, зүйрлэл. Улаанбаатар, 1986.
4. *Лакофф Джорж.* Женщины, огонь и опасные вещи. М. 2004.
5. *Козин С.А.* Жангариада. М. 1940.
6. <http://legalinfo.mn/>.
7. Монгол хэлний их тайлбар толь. /mongoltoli.mn/.
8. МУИС-ын Хууль зүйн сургууль. Хууль зүйн нэр томьёоны судалгаа, хэрэглээ» сэдэвт улсын хэмжээний эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2016
9. *Хүрэлбаатар Л.* «Эсэруагийн эгшиг дуун». Улаанбаатар, 1999.
10. *Энхбаяр С.* Утга зохиолын онол. Улаанбаатар, 2011.

СЕКЦИЯ № 1
ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-82-84

З.Н. Афинская
(Россия, Москва)

Регионализм – обособление и взаимодействие (опыт языковой политики Франции)

Regionalism, separation and interaction (the experience of language policy of France). The article presents a study of the phenomenon of regionalism, which as one of the ideas of great social and cultural significance has the quality of cognitive dissonance. A systematic approach to the study of the concept of regionalism shows that it favors modern science when its regional (applied) industries develop rational knowledge in General. At the same time, regionalism causes a sharp controversy in the sphere of language policy of France.

Cette idée-force, toutes les idées-phares de la modernité...[11, с.9]¹

В настоящее время отмечается значительный рост интереса к проблеме этнокультурных норм, в идентификации которых превалирующее значение представляет язык, являясь главнейшим фактором национальной идентичности.

Регионализм в качестве «идеи-силы» (« *idée-force* »)², представляющей большую социально-культурную значимость, возник во французском политическом дискурсе в конце XIX века в ходе диспутов о культурной самобытности бывших французских провинций [11]. Этот концепт не утратил своей актуальности в рамках дискуссий о значении наций в новом социальном и экономическом контексте Европы.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить смысл этого остро дискуссионного, когнитивно³ противоречивого концепта, каким является *регионализм*, интерпретационный потенциал которого отличается в зависимости от типа дискурса – научного, общественно-политического, лингвокультурного.

Регионализм в качестве научной методологии, способной открыть интересные междисциплинарные перспективы, был сформулирован Гастоном Башляром⁴. Он был убежден, что в XX веке неизбежна сегментация, или «регионализация» больших научных направлений. [8, с.45] «*Rationalisme régional*» должен был объединить разрозненные усилия ученых ради нахождения перспективы «на стыке» междисциплинарных исследований. «Региональный рационализм» позволяет, по мнению Башляра, оперативно привлекать внимание к небольшим секторам науки, изучать их как самостоятельные научные направления в контакте с различными сферами когниции.

В экономике [6] регионализм соотносится, прежде всего, с географическими параметрами внутри национальных экономик, но в еще большей степени – с объединением разных предприятий, функционирующих согласно одной экономической модели в разных национальных экономиках. Рыночная модель экономики реализуется результативнее на региональном уровне, а установление эффективных связей между предприятиями разных регионов – соседних или удаленных географически – актуально и рационально. Идея глобального мира в виде собрания экономических регионов, лишенных в значительной степени национальной специфики, представлялась перспективной: регион не ведет войны с другими регионами, - напротив, он ищет с ними контакты.

Регионализм вошел в обиход науки как географическое понятие для обозначения дробного деления определенной территории. Но затем, когда география перенесла фокус своих исследований с ограниченной

---

¹ «Эта идея-сила, все идеи-маяки современности...» - Пер. З.А.)

² Термин *idée-force* был введен в науку социологом Альфредом Фуллье (A.Fouillé, 1838-1912), который стремился определить наиболее значимые идеи каждого исторического периода, чтобы найти консенсус между крайними точками зрения. Этот термин широко используется в общественно-политическом дискурсе.

³ Под когницией, вслед за Е.С. Кубряковой, понимается «как научное, так и обыденное познание мира, реализующееся в процессах его концептуализации и категоризации». [4, с.64].

⁴ G. Bachelard (1884-1962) – французский физик, философ, эпистемолог, литературный критик.

территории на пространство, концепт *регионализм* позволил объединять - ради решения новых задач – методы и данные других отраслей знания и познания мира [2, с.9]. В качестве метакатегории *регионализм* открывает новые возможности для изучения физического и ментального пространств в едином комплексе. Регионы имеют, с одной стороны, территориальные границы, в которых существуют культурные общности, но, с другой стороны, эти политические границы не совпадают полностью с историей и культурой этих сообществ, представляя собой трансграничные образования, что является актуальной тематикой метагеографии [2].

В лингвистических исследованиях [1, 7, 8, 10] закрепилось представление о регионализме как о характеристике конкретных языковых фактов, противостоящих, в определенной мере, объединительной тенденции, характерной для нормы национального литературного языка. Регионализм в качестве языковой политики означает не только официальную поддержку этнического многообразия нации, но и несет в себе идею дробления единого государства на региональные образования. Язык становится сильным аргументом для утверждения культурно-исторической самобытности каждой народности, ощущающей свою этническую самобытность и не обязательно обладающей государственностью.

Современное восприятие проблемы регионализма имеет длинную историю во Франции и является, во многом, как полагает Клод Ажеж, следствием политических мер, принятых более двухсот лет назад в период революционного Тррора, когда центральное правительство стремилось сплотить провинции вокруг центра. Возникли политические предпосылки для укрепления статуса национального языка. Депутат Барер с трибуны Конвента сравнивал сохранение диалектов с благодатной почвой для контрреволюции, для поддержания ненависти к республиканскому строю, как угроза федерализации Франции [11, р.14].

Регионализмы (этот термин вытеснил, по сути дела, «*le dialecte*» и «*le patois*») в качестве фактов диалектного дробления литературного языка находятся в «зоне нестабильности»: они угасают, выживают, возрождаются, иллюстрируя проблемы этнического и лингвокультурного многообразия единой нации. Регионализмы изучаются как лингвогеографическое явление, как некоторые региональные особенности французского языка в Провансе, Бретани, Оверни и других регионах [10].

Однако официальное признание языкового регионализма несет в себе опасность развития этого феномена в сторону политического казуса, требующего учета факторов самостоятельности и независимости. Так, например, Прованс, один из наиболее ярких, с точки зрения самобытности культуры, регионов Франции, не может быть определен по языковому принципу, вследствие диалектного нивелирования, произошедшего во всех регионах Франции. Выдвижение языкового принципа в отстаивании самобытности этого региона Франции имело бы, в большей мере, политический смысл.

Концепт *регион*, в данном случае, потенциально амбивалентен - он обретает постепенно новое значение в качестве элемента языковой политики страны, так как подразумевает не только некое своеобразие, этническую особенность внутри границ старинных французских провинций. *Регион* в лингвокультурной реальности существует в пространстве этнических, культурных и языковых контактов с соседними с Францией регионами – с Бельгией, Италией, Швейцарией [4]. Тем самым, региональный язык способен «нарушать» государственные границы, тяготея к контактам с пограничными регионами и государствами.

Отношения между региональными языками и национальным языком в корне отличаются от системы «национальный язык и под-язык» (*sub-langue*). Исследования региональных особенностей французского языка показали, что эта проблема тесно связана, прежде всего, с вопросами разговорного языка [1, с.15]. Региональные языки, с одной стороны, несут в себе риск расшатывания нормы национального языка, с другой стороны, они подвергаются давлению, как и национальный язык, так называемого «сверх-языка» (*supra-langue*), каким является в настоящее время английский язык и его американский вариант. Франция – единственная страна в ЕС, которая не присоединилась официально к Европейской Хартии региональных языков, согласно которой национальное государство обязано обеспечивать региональным языкам статус языка судопроизводства в определенном географическом регионе. Франция не решается признать официальный статус региональных языков из-за опасения оживить проблему политического единства Франции в условиях сложных этнокультурных дискуссий в Европе [5]. С другой стороны, принятие Хартии региональных языков, т.е. признание реальности существования принципа языкового регионализма, могло бы, по мнению Кл. Ажежа, возыметь и позитивные последствия, а именно, служить, защитой от «ускоренной англицизации» («*l'anglicisation accélérée*») французского литературного языка во всех его регистрах [10].

В статье были рассмотрены взгляды представителей разных наук по вопросу регионализма – лингвистов, философов, экономистов, культурологов, географов, что позволило сделать ряд выводов. *Регионализм* остается в XXI веке той *идеей-силой, идеей-маяком (idée-phare)*, которая при всей когнитивной противоречивости обладает большой устойчивостью во французском социальном и этнокультурном пространстве. Регионализм – явление многоаспектное, многокатегориальное, несущее в себе определенный когнитивный диссонанс. Остается открытым вопрос о том, способен ли *регионализм* сложить из разнообразных элементов нечто единое, развивать новые силы «поверх границ», объединяя разные регионы внутри страны вокруг одной идеи. Дискуссии лингвистов обнаруживают нерешенность проблемы регионализма как политического, этнического и культурного явления.

Литература

1. *Загряжкина Т.Ю.* Франция в культурологическом аспекте. Учеб. пособие для вузов. – М., 2007.
2. *Замятин Д.Н.* В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств: Эссе. – СПб., 2011.
3. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. – М., 2012.
4. *Avril P.* Bataille linguistique en Flandre //Le Figaro, lundi 14 avril, 2008.
5. *Bachelard G.* L'engagement rationaliste. Paris, 1972.
6. *Cartapanis A.* Mondialisation ou fractionnement de l'espace économique? //Fin de monde ou sortie de crise?- Paris, 2009.
7. *Fourquet J.* Langue, dialecte ; patois/Le Langage sous la dir. d'André Martinet. – Paris : Gallimard, 1968., p.572-577.
8. *Hagège Cl.* Le français n'est pas menacé par la Charte européenne des langues régionales// Le Monde, 11juin 2015.
9. *Marlaud J.* Religion et nature/Actes du XXVIIe colloque national du CRECE. – Paris : SAGIM, 1993, p.9- 95.
10. *Serme Jér.* Le lexique français commun comme source de régionalismes : le phénomène de survivance et ses avatars/Le français moderne, 1999, LXVII, n°2, p.169-197.
11. *Thiesse A.-M.* L'invention du régionalisme à la Belle Epoque// Le Mouvement Sociale 1992/3(n°166).

*Цэвээндоржийн Батдорж,
Вадмаануат Енхтмаа
(Монголия, Улан-Батор)*

Государственная политика в сфере письменности (с 1921 года и по сегодняшний день)

Mongolian state policy on literacy – from 1921 to present. This paper mainly discusses about Mongolian state major policy documents on literacy from 1921 until present days and implementation of programs related to the documents. Moreover, the achievements and shortcomings of the documents and the programs that were held according to the documents were evaluated. This paper discusses the above topic in the following contents

1. Policy on public literacy education
2. An attempt to create a new Mongolian script on the base of Latin alphabet
3. Creating and using a new Mongolian script on the base of Cyrillic alphabet and making the public literate
4. Policy on Mongolian traditional script

Политика в сфере грамотности

Созданное, в результате победы Национальной демократической революции, Народное Правительство, в первую очередь, поставило перед собой грандиозную задачу: в кратчайшие сроки просветить народные массы и с этой целью незамедлительно развернуть движение по освоению грамотности среди населения страны. По постановлению Народного Правительства от 31-го августа 1921 года под номером 14, в Министерстве по разрешению всеобщих внутренних дел, был создан специальный отдел, заведующий делами школ и в этом же году, в городе Урге, была основана первая начальная школа. Также, 6 ноября 1921 года на 22-м заседании Народного Правительства, было принято решение о создании Книжной Палаты. Таким образом, был создан Научный Комитет, в котором работали такие ведущие учёные того времени как Жамьян, Цэвээн, Дашням, Бат-Очир, Дандаа, Шагж и др. При их непосредственном участии были начаты работы по переводу на родной язык иностранных трудов и учебников, которые представлялись важными в деле просвещения народных масс и составлению грамматики и словарей, предназначенных широкому кругу общественности того времени.

Следует отметить, что в то время из-за острейшего дефицита учебников и преподавательских кадров, а также по причине незрелости руководческой системы, движение по всеобщему освоению грамоты было ограниченным, слабым и не дало должных результатов

По постановлению Народного Правительства под номером 31 от 5-го февраля 1924 года было создано Министерство Народного Просвещения и, затем, в том же году, следуя 55 – ому постановлению Народного Правительства от 4 марта, Онходын Жамьяна назначили первым министром просвещения.

В те годы Министерство Народного Просвещения всеми силами старалось интенсифицировать уже начатую ранее политику по всеобщей ликвидации безграмотности у населения.

Движение по ликвидации всеобщей безграмотности у населения в этот период начали развивать по двум основным направлениям, а именно: освоение грамоты путём привлечения молодого поколения в государственные школы и обучение грамоте взрослых вне стен школы. В то время, по мере увеличения численности школ и числа обучающихся, всё более возрастает потребность в учебниках. Поэтому во главе с министром Жамьяном были проведены работы по составлению и распространению среди населения учебников по освоению азбуки, правописания и математики. Об этом, в своё время, писал академик П. Хорлоо: *«Когда я в 1928-м году впервые стал учеником школы, Цэцэрлэг Мандал аймака хошууна Хан Хөгшин уула, мой первый учитель Рааш-Онолт открыл мне, простому мальчишке из сельской глубинки, глаза к дороге знаний азбукой багши Жамьяна «Ясное зеркало, открывающее разум впервые обучающихся отроков»¹.*

Так как в заново основанных школах существовала поэтапная система перехода на следующий этап обучения в старшие классы, стали выходить в свет всё новые учебники по монгольскому языку и другим предметам, соразмерно этому наблюдается рост их качества и содержания.

---

¹ П. Хорлоо "Краткая методика преподавания монгольского национального письма", Улан-Батор, 2001, 14 с.

Здесь в качестве примера можно назвать учебник Б. Ишдоржа для учащихся 3 и 4-х классов «Грамматические правила монгольского языка».

Данный учебник отличался тем, что был написан не по традициям тибетской грамматики, которой многие века придерживались монголы, а составлен согласно учений школы европейских учёных, и, тем самым, в совершенной точности соответствовал целям и задачам зарождавшейся новой системы образования. Однако следует отметить, что данный учебник был не первым учебником, написанным в соответствии с европейскими методами и теорией языкознания, а явился продолжением исследовательских трудов таких учёных как И. Шмидт¹, А. Бобровникова², Г.И. Рамстедт³, Б.Я. Владимирцов⁴ и составлен монгольским учёным.

С 1926 года на базе начальной школы были созданы и приступили к работе временные школы обучения взрослых грамоте.

Также данное движение по ликвидации неграмотности было развёрнуто среди определённых общественных групп, и наблюдался определённый, положительный прогресс в обучении членов партии и ревсомола, членов женских организаций, военнослужащих. К примеру, в книге маршала Г. Дэмида «История становления Красной армии», которая была издана ЦК МНРП и ЦК МРСМ в 1931 году встречаются следующие строки: *«Во время воинской службы солдаты не только совершенствовались в военном деле и политических вопросах, но и широко вовлекались в мероприятия по обучению грамоте. В данных воинских организациях всегда имелась в готовности специальная вакансия преподавателя. ... Только в последние годы воинские организации дали стране*

- *Три тысячи грамотных,*
- *В дело культпохода – двести человек,*
- *Двенадцать учителей начальных школ»*⁶.

1. Попытка составления и применения нового монгольского письма на основе латиницы

В конце 1920-х годов развернулось движение за латинизацию алфавитов нерусских народностей, входивших в состав СССР, и создание новой письменности на основе латиницы у некоторых народностей, не имевших ранее своей.

К примеру, такие народы как казахи (1927-1940 гг.), калмыки (1930-1938 гг.), буряты (1931-1939 гг.) официально использовали латинский алфавит. Очевидно, что влияние данного движения определённым образом отразилось на общественно-культурной жизни Монголии того времени. Именно в этот период значительно усилилось влияние МРСМ, а в МНРП и под её воздействием, в руководящих кругах государства стали зарождаться левые уклонисты, с появлением которых, стали предприниматься попытки смены монгольской письменности на новую, зиждившуюся на латинице письменность.

В 1930 году на VIII съезде МНРП и VI Великом народном хурале было указано на необходимость ввода латиницы: *«Необходимо отказаться от монгольской письменности, являющейся пережитком прошлого и мешающей поступательному развитию новой культуры и образования и в кратчайшие сроки приспособить латиницу, которая целесообразна для распространения всеобщей цивилизованной культуры, к нашему монгольскому языку, и использовать её в качестве исконной письменности»*⁵.

Для претворения в жизнь вышеуказанных решений в ноябре 1930 года при Министерстве Народного Просвещения был создан совет монгольской латиницы, который разработал азбуку из 26 букв и представил её на утверждение Правительству.

В соответствии с этим в составе данного совета были утверждены новые вакансии корректора, а в типографии – наборщика латиницы и в скором времени начали выходить издания на латинице, адресованные широкому кругу читателей.

¹ I. J. Schmidt “Grammatik der Mongolischen Sprache”, St. Petersburg, 1831, XII+179.

² А. Бобровникова “Грамматика монгольско-калмыцкого языка”, Казань, 1849, VIII+3+400 с.

³ G.J. Ramstedt “Das Schriftmongolische und die Urgamundart: Phonetisch Verglichen” – Journal de la Société Finno-ougrienne XXI, 2, Helsingfors, 1902, p. 55.

⁴ Б.Я. Владимирцов “Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика”, ЦИК СССР, Ленинградский восточный институт имени А.С. Енукидзе, Лг., 1929, 436 с.

⁵ Дэвид “История становления Красной армии» ЦК МНРП и МРСМ, Улан-Батор, 1931, с. 80-81.

Здесь, вполне к месту можно назвать вышедшую в 1931 году книгу Б. Ишдоржа «Руководство по новой монгольской письменности».

Однако, с одной стороны, необдуманные действия революционной молодёжи, которые носили политический характер, столкнулись с народными вооружёнными восстаниями, из-за которых государство понесло громадные убытки. Это поубавило спесь сторонников левизны, и крайне необдуманная поспешность ввода латиницы в монгольскую письменность, которая зиждилась, в большинстве своём, лишь на распоряжениях и приказных бумагах привело к замедлению в развитии движения за латинизацию, с другой¹.

Приняв во внимание вышеприведённые факторы, Президиум Малого Государственного Хурала и Совет Министров в отношении письменности применили политику «... обучение грамотности надлежит проводить на уйгуро-монгольском письме, а обучение монгольскому письму на основе латиницы, – на добровольных началах с последующим постепенным переходом. Необходимо заново разработать алфавит и начальные учебники по обучению грамоте...».

Некоторые политические деятели, а также и интеллигенция того времени, не одобряли замену национального монгольского письма другой, новой, письменностью.

К примеру, премьер-министр А. Амар на IX съезде МНРП отметил в своей речи: «... Нельзя изменить и отвергнуть наше национальное монгольское письмо. ... Нельзя изменить наши национальные устои и укоренившиеся обычаи и традиции... Если мы забудем наш монгольский язык и попадём под влияние другого языка, монгольская нация будет ликвидирована... »².

Начиная с 1940-го года вновь начал подниматься вопрос о новой письменности. В материалах X съезда МНРП и 8-го Великого Народного Хурала было указано: «... Для развития дела культуры и просвещения среди народа, а также интенсификации обучения населения грамоте необходима реформа письменности... »

И в соответствии с этим, 26 июля 1940-го года на Совете министров было принято Постановление под номером 27 «О составлении новой монгольской письменности на основе латиницы». В данном постановлении было акцентированно, что «Следя решениям X съезда Монгольской Народной Революционной Партии, 8-го Великого Народного Хурала необходимо незамедлительно приступить к развитию скотоводства, промышленности, цивилизованной торговли и повышению уровня культуры и образования путём увеличения числа грамотных людей, а также к замене сегодняшней, устаревшей монгольской письменности на цивилизованную письменность на основе латиницы, что имеет чрезвычайно глубокое политическое значение». На этом же основании при Правительстве была создана Государственная комиссия, в задачи которой входили разработка плана и утверждение проекта по переходу на новую, латинизированную письменность. Председателем данной комиссии был назначен Генеральный секретарь МНРП Ю. Цэдэнбал, а его заместителем – министр Народного просвещения Машлай, секретарём – преподаватель Далхжав. В члены комиссии были вовлечены служащие государственных и общественных организаций, представители профессиональных организаций, а также промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и других областей народного хозяйства.

Конечно же, и в этот период, было немало противников смены национального монгольского письма другой, новой письменностью. Однако в этот раз, противников новой письменности подавили, применив всю государственную и идеологическую мощь. К примеру, на обсуждении доклада о деятельности комиссии по вопросам новой письменности, Х. Чойбалсан жёстко выступил против противников новой письменности: «... Жестокий феодальный режим, в лице феодалов, лам и других контрреволюционных элементов, использовал старое монгольское письмо в качестве эксплуататорского оружия против угнетённого ими народа... Необходимо дать решительный отпор и до конца бороться с националистами и остатками контрреволюционеров, в лице разгромленных феодалов и лам, которые противятся новой письменности...». Данный вопрос о переходе на новую письменность хотя и неоспоримо связан с актуальным в конце 20-х годов вопросом о всеобщей грамотности, необходимо признать и то, что здесь немалую роль сыграла проводимая советским Правительством политика.

---

¹ С. Нямдорж “Политика замены монгольского письма: Причины, Реализация, Последствия”, www.archives.gov.mn.

² Анандын Амар – “Вестник правительства»Газета, 1993. XI. 26-30, N. 78, VII полоса.

Следует отметить, что сама идея вышеупомянутого выступления маршала Чойбалсана, совершенно не случайна, она сродни определению, данному монгольскому национальному письму Советским руководством, как «феодално-теократическое письмо»¹.

Общей особенностью новой письменности, любой национальности всех времён, является то, что её грамматические правила основаны на принципе тесной взаимосвязи с устной речью того времени. Согласно вышеуказанному постановлению, в плане от 21-го февраля 1941 года, который представила Государственная Комиссия на совместном заседании Центрального Комитета Монгольской Народной Революционной Партии и Совета Министров, должным образом, отражён принцип сближения правил орфографии новой латинской письменности и разговорного языка. В нём отмечено: *«Как можно тесное приближение нашего нового письма к народному разговорному языку связано с задачей смягчения или пропуска редуцированных гласных, которые отражены в старомонгольском письме. Поэтому не следует отображать в письме совсем неотчётливые или почти неслышимые гласные, а отображать те гласные, которые лишь только начали подвергаться редукации, но всё же слышимы на слух. Возложить на Комитет Наук детальную разработку новых грамматических правил, которые будут близки народному разговорному языку, а также легки и просты в усвоении».*

2. Составление и применение нового монгольского письма на основе кириллицы, достижение всеобщей грамотности

Не прошло и месяца после выхода «Постановления об утверждении новой латиницы «под номером 17/13, как 25 марта 1941 года вышло новое постановление совместного заседания Центрального Комитета Монгольской Народной Революционной Партии и Совета Министров, которое внесло изменения в содержание ранее вышедших постановлений о составлении, утверждении и применении письма на основе латиницы. Это постановление под номером 22/18 «Об установлении нового монгольского письма». При внимательном рассмотрении статьи «Примечания» данного постановления, вышеизложенная мною мысль, выглядит более наглядно. В ней указано: *«В процессе латинизации монгольского письма возникают трудности из-за нехватки в латинице знаков, используемых в монгольском письме, а также наблюдаются значительные осложнения, связанные с техническим оснащением типографий».* Интересно, что всего лишь месяц назад процесс латинизации представляли полностью осуществимым и ни о каких затруднениях не было и речи. И уже из следующего предложения проясняется настоящая причина, по которой предстояло использовать новую письменность на основе русских букв. Вот это предложение: *«Дальнейшее культурно-просветительское развитие нашей страны будет идти по пути укрепления братской связи исключительно с народом Советского Союза и овладения его богатой культурой».*

Также было решено оставить без изменений, созданную 26 июля 1940 года при Правительстве, Государственную Комиссию, и поручить ей и Комитету Наук работу по разработке и утверждению проекта о новой письменности. Государственная Комиссия и Котитет Наук, оперативно приступив к работе, уже 9 мая 1941 года поставили на обсуждение алфавит новой письменности, состоящий из 35 букв, и утвердили его Постановлением по номером 25/27 на совместном заседании Центрального Комитета Монгольской Народной Революционной Партии и Совета Министров. Этим же постановлением на Комитет Наук и Министерство Народного Просвещения была возложена обязанность по незамедлительной разработке плана по переходу к новым правилам орфографии и новой письменности. Также было постановлено в новом 1941–1942 учебном году все уроки в первых и вторых классах младших школ проводить на новой письменности, а в кружках по ликвидации неграмотности и в армии, сразу же, приступить к её обучению. Всем партийным и общественным организациям была поручена организация работ по широкому охвату народных масс и служащих в процесс обучения новому письму. Согласно поручению, Комитет Наук, Министерство Народного Просвещения и Государственное Издательство совместно разработали план по переходу на новую письменность и утвердили его на заседании Президиума Комитета Наук. Ниже, в оригинале, приведён полный текст данного плана.

План перехода на новую письменность

Утверждён на заседании Президиума Комитета Наук от 16 июня 1941 года.

Разработан Комитетом Наук, Министерством Народного Просвещения и Государственным Издательством.

¹ Вестник Института культуры, Москва, 1937, №. 2-3, стр. 15; Цэрэн-Анчик Дугар-Нимаев, Исследование литературы хисточников на Уйгуро-монгольской письменности, Улан-Удэ, 1992, стр. 25

Первое. В отношении обучения новой письменности:

1. С 15-го мая 1942 года начать обучение среди неграмотных и среди солдат.
2. Начиная с 1-го сентября 1941 года начать обучение в первых, вторых классах начальных школ и школах для неграмотных.
3. Начиная с 1-го сентября 1941 года, по специальной программе, начать обучение новой письменности в третьих и четвёртых классах начальных школ, а также средних и специальных школах.
4. Начиная с 1-го сентября 1942 года, полностью перейти на новую письменность третьим и четвёртым классам начальных школ. Учащимся же пятых и десятых классов средних и специальных школ полностью перейти на новую письменность начиная с 1-го сентября 1943 года.

Второе. В отношении издательства:

1. Начиная с мая 1941 года – половину полосы газеты, с 1942 года – целую полосу газеты, с 1943 года – две полосы газеты, а с мая 1943 года все материалы газет и журналов печатать на новой письменности.
2. До 1-го сентября 1941 года издать азбуку нового письма для начальных школ и школ для взрослых.
3. До 1-го сентября 1942 года, после азбуки для первых классов, издать хрестоматии по чтению для 1-х и 2-х классов. Издать учебник родного языка (начальные понятия по орфографии), а также сборник задач по арифметике для первых и вторых классов.
4. В первой половине 1942 года издать полностью все учебники для начальных школ.
5. Начиная со второй половины 1942 года и до августа 1943 года издать полностью все учебники для средних и специальных школ.
6. С 1 сентября 1942 года, все периодические и издания по педагогике, начать издавать на новой письменности
7. Открыть во всех журналах рубрику «Новая письменность» и уже к 1-му января 1944 года все журналы перевести на новую письменность.
8. С 1 января 1942 года по 1944 годы, некоторые необходимые части законов и указаний печатать на новой и старой письменностях.
9. С 1 января 1944 года, все бумаги делопроизводства государственных, общественных и торговых организаций начать вести на новой письменности, а также приступить печатать на ней художественную литературу.
10. Обязать Комитет Наук, не позднее сентября 1941 года, разработать правила орфографии и издать орфографический словарь новой письменности.
11. В этом 1942 году, обязать Госиздательство издать для всеобщего чтения не менее 2-х художественных произведений на новой и, в приложении, старой письменностях.
12. Обязать кустарную промышленность начать производство игры «Азбука на кубиках».

Третье. В отношении учреждений:

1. В пределах настоящего 1941 года, обучить, в административном порядке, всех служащих – старописцов, новой письменности. Работы по её руководству и осуществлению возложить на Комиссию по новой письменности.
2. Начиная с 1-го января 1944 года, в масштабах всей страны, перейти на новую письменность, и не использовать старую. До этого любые лозунги, плакаты и афиши разрешается печатать на новой и старой письменностях.
3. Плакаты, а также любые репродукции в городских и аймачных общественных местах и на торжественных мероприятиях надобно писать большим, красивым шрифтом на новой письменности. Возложить на ответственные кадры контроль за ходом реализации пунктов данного плана.

Хотя Правительство МНР и Центральный Комитет МНРП разработали и утвердили план перехода на более близкую к разговорной речи и более лёгкую, для овладения, новую письменность и решительно начали трудоёмкое дело по всеобщему обучению грамотности, темп начатых работ постепенно ослаб, в результате чего появились расхождения между принятым планом и реализацией запланированных работ.

Об этом было указано в постановлении «О переходе делопроизводства и печати на новое письмо» от 18-го мая 1945 года по номером 31/27, которое было принято на совместном заседании ЦК МНРП и Совета Министров: *«Трудящиеся нашей страны горячо одобрили важные мероприятия партии и правительства и с воодушевлением, встретив решения Центрального Комитета, с энтузиазмом приступили к делу обучения новой письменности. Однако мероприятия по обучению новому письму прошли крайне неудовлетворительно и только 20% населения всей страны освоили новую письменность»*. В нём также отмечено, что претворение в жизнь плана от 1941 года должно быть уже давно закончено и постановлено продолжить работы над пунктами плана в 1945-1946-м годах.

Замедление процесса перехода на новую письменность, с одной стороны, можно увязать с разворачивающимися в то время большими событиями, а именно, началом Второй Мировой войны и развернувшейся под лозунгом оказания интернациональной помощи кампанией по сбору подарков для Красной Армии, в которой участвовало почти всё население страны, и разросшихся споров вокруг алфавита и правил орфографии нового письма среди учёных и причастных к этому вопросу организаций, с другой.

Политика в отношении письменности, проводимая Монгольским государством, в первой половине XX века, велась по следующим двум направлениям:

1. Увеличение доступности монгольского национального письма, которым пользовались на протяжении многих веков, достижение всеобщей грамотности и просвещения, наравне с гражданами развитых стран.

2. Разработка и утверждение письма более близкого к разговорной речи и более гармоничного в употреблении, достижение всеобщей грамотности, просвещение народных масс посредством прогрессивной культуры и образования.

Конечно, на первый, взгляд очевидно, что эти два направления связаны с двумя совсем разными, по своей сути, письменностями, но в глубине своей они имеют общие цели – добиться всеобщей грамотности и просветить народные массы.

Данное дело в ходе своего развития, перетерпев процессы торможения, пересмотра взглядов и неоднократного начинания, только к 1945-му году достигло своего правового регулирования, единодушия в организации и руководстве и, тем самым, открыв дорогу в будущее.

В результате этого, за крайне короткий срок наша страна достигла установленных задач и в 1973 году удостоилось мировой премии ЮНЕСКО в номинации – всеобщая грамотность.

Институт Языка и Литературы Академии Наук Монголии с самого начала принял непосредственное участие в деле ликвидации безграмотности, а именно в составлении алфавита монгольского письма на кириллице, разработке орфографии, за что 8-го сентября 1970 года был награждён ЮНЕСКО золотой медалью и дипломом имени Крупской.

В дальнейшем Монголия неуклонно и беспрестанно придерживалась данной политики в этом вопросе, примером чего является её инициатива, выдвинутая на заседании ООН об организации движения в деле ликвидации безграмотности во всём мире. ООН с благодарностью поддержала инициативу Монголии и на 56-ой сессии Генеральной Ассамблеи провозгласила 2003-2012 годы – «Десятью годами ООН по всеобщей грамотности»

Как глава страны-инициатора Президент Монголии Н. Багабанди, участвовал на всех проходивших тогда мероприятиях ООН, где ознакомил мировую общественность с опытом Монголии, которая добилась всеобщей грамотности.

3. Политика в отношении монгольского национального письма

В 1991 году Малый Хурал принял постановление под номером 36 «О подготовке и ведению официального делопроизводства на монгольской письменности». Основываясь на данном постановлении, Правительство МНР 21-го июня 1991 года приняло постановление «Об обеспечении подготовки для ведения официального делопроизводства в МНР на монгольской письменности». Согласно постановлению был утверждён состав Комиссии по организации работ и контролю за их исполнением, а также были даны указания соответствующим министерствам, государственным комитетам, краевым исполнительным комитетам Народного Хурала, всем редакциям газет и журналов в соответствии с направленностью их деятельности провести конкретные, подготовительные работы.

В тот же день, день выхода постановления, вышел 243-й приказ министра Народного Образования МНР «Об организации машинописных курсов монгольской письменности». В нём были утверждены начальные сроки курсов машинисток монгольского письма (с 1-го сентября 1991 г.), план обучения,

программа, а также даны распоряжения соответствующим учреждениям об организации и проведении работ.

В программу общеобразовательных средних школ внесли изменения, согласно которым с 1-го сентября 1991-го года, первоклассников начали обучать на монгольской письменности.

На печатях Президента Монголии, Председателя Великого Народного Хурала, Премьер-министра Монголии, центральных органов государственной власти, агентств Правительства и администрации городов, аймаков, районов и др. местных административных органов появилась монгольская письменность, оригинал Конституции Монголии и государственные денежные знаки также были переведены на монгольскую национальную письменность.

Хотя по форме начало работ было проведено с большим рвением и энтузиазмом, в плане содержания, подготовка к переводу официального делопроизводства на монгольскую национальную письменность оставляла желать лучшего и, в этом плане, серьёзных продвижений не было.

Поэтому Правительством были приняты следующие постановления: постановление Правительства от 24 апреля 1992 года «Об обеспечении подготовки и интенсификации ведения делопроизводства на монгольской письменности» и постановление от 16 марта 1994 года «О принятии некоторых мер для обеспечения подготовки и интенсификации ведения делопроизводства на монгольской письменности».

Так как 36-е постановление Малого Государственного Хурала от 1991 года не было претворено в жизнь, Великий Народный Хурал утвердил 66-ое постановление, согласно которому ведение официального делопроизводства было продолжено на кириллице. Поскольку, начиная с 1994-1995 учебного года, обучение в общеобразовательных средних школах было решено проводить на монгольской кириллице, движение за всеобщую монгольскую национальную письменность немного приостановилось, но были поставлены новые задачи: как можно активнее поощрять инициативу обучения монгольской национальной письменности, создать благоприятные условия для её употребления, в определённой последовательности и с учетом продуманных методик проводить обучение.

Хотя постановления Малого Государственного Хурала и Правительства, которые были приняты в начале 90-тых годов, о ведении официального делопроизводства и обучения в средних общеобразовательных школах на монгольской национальной письменности и постепенного перехода на неё не были полностью выполнены, национальное письмо, в определённых правовых рамках, выполняет функции государственного письма. Это положение закреплено в законе «О монгольском языке» от 12 февраля 2015 года, принятом Великим Государственным Хуралом Монголии.

Гороочин Гэрэлмаа
(Монголия, Улан-Батор)

О реализации закона о государственном монгольском языке

On the implementation of the law on the state Mongolian language. The author, on the basis of a comparison of the 2 laws on language, namely the «Law on the official state language» and the «Law on the Mongolian language», considered the issues of their policy compliance with the current state of the modern Mongolian language, their implementation and implementation of modern society.

До 2003 г. в Монголии не было специального закона о родном языке, за исключением «Конституции Монголии». Вопросы родного языка в тот период в большей или малой степени нашли своё отражение в «Законо о культурном наследии» и «Законо о культуре»

В «Конституцию Монголии» вошли два основных пункта, касающихся родного языка. Это 1-й пункт 8-й статьи где указано, что «Монгольский язык является официальным государственным языком Монголии» и 2-ой пункт, в котором говорится, что «не будут ущемлены интересы национальных меньшинств в деле обучения, общения и проведения культурной и научной деятельности на их национальном языке».

Первый самостоятельный закон о родном языке был принят 2-го февраля 2003 г. Его название «Закон об официальном государственном языке», он содержит 3 главы и 8 статей. 1-го июля 2015 года данный закон был отменён, и на смену ему был принят «Закон о монгольском языке», состоящий из 8-и глав и 24 статей, который действует в данное время на территории Монголии.

Вкратце остановимся на задачах, сфере охвата, а также реализации двух данных законов. Если задачи закона от 2009 года были определены в пункте 1.1. как ... ведение государственных дел, согласование отношений, связанных с официальной государственной деятельностью, согласно нормам и терминологии монгольского языка, являющимся официальным государственным языком (в дальнейшем «официальный государственный язык»), а также в обеспечении единства Монгольского государства, то в 1.1. пункте закона от 2015 года указано, что «Задачами данного закона является обеспечение отношений, связанных с освоением монгольского языка и письменности, его использования, защиты и развития», что делает их более глубокими и широкими по своему содержанию.

Сфера охвата двух данных законов, тоже не идентична. В «Законо об официальном государственном языке» говорится: «В сферу действий настоящего закона входит ведение государственного делопроизводства, официальная государственная деятельность, обучение». В пункте же 3.1 «Закона о монгольском языке» отмечено, что настоящий закон касается граждан Монголии, юридических лиц, иностранных граждан, постоянно проживающих на территории Монголии, лиц без гражданства, дипломатических представительств в Монголии и других юридических лиц». Последняя формулировка включает в себя более широкий спектр охвата, куда входят весь народ, учреждения Монголии, а также и иностранные граждане, осуществляющие деятельность на её территории.

В пункте 5.1 «Закона о монгольском языке» определены основные принципы закона. Здесь указано, что монгольский язык является ценным наследием монгольской нации, *основой национального самосознания*, гарантом единства государства, национальной безопасности и независимости. Далее в пункте 5.2. узаконены обязанности государства, где говорится: «Обязанностью государства является – разработать политику овладения монгольским языком и его письменностью, по их применению, защите, развитию и обеспечить её реализацию». В пункте 5.3. приведены права и обязанности государства и граждан: «Каждый гражданин Монголии имеет права на обеспечение условий по изучению монгольского языка и письменности, получению информации на монгольском языке, а также его наследованию, унаследованию и развитию».

В «Законо об официальном государственном языке» 2003 года, впервые были определены сферы функционирования монгольского языка. В пункте 5.1. указано «Официальные государственные церемонии и обучение проводить на официальном, государственном языке». В пункте 5.7. отмечено «Названия и адреса государственных учреждений, улиц, площадей городов и поселений писать на официальном государственном языке. Данные названия можно дублировать на английском языке». Далее, в пункте 5.18.

делается оговорка «Если в официальном государственном языке имеются эквивалентные слова и термины, то запрещается их замена иностранными словами и терминами».

Согласно данному закону впервые был создан «Национальный Совет Государственного языка» (далее «Совет»).

В пункте 6.1. указаны задачи данного «Совета», которые заключались в «... установлении норм современного монгольского языка, разработке на научной основе терминологии и её утверждении, контролем за её применением и дальнейшей унификацией. Дача квалифицированных консультаций, а также заключений по вопросам, касающимся терминологии». В приложении был утверждён состав «Совета».

Хотя данные пункты были унаследованы законом от 2015 г., функционирование «Совета» было решено организовать при Президенте Монголии. В пункте 21.1. 6-ой главы «Закона о монгольском языке» указано: «При Президенте Монголии организовать работу «Национального Совета по языковой политике» (далее «Совет») и далее, в пункте 21.2, был утверждён состав «Совета» из девяти человек. Президент Монголии должен выбрать претендентов из представителей исследователей языка и литературы, прессы, культуры и образования и утвердить состав данного «Совета» сроком на шесть лет. В законе сделан акцент на том, что в случае невозможности по уважительной причине дальнейшего выполнения своих обязанностей председателем «Совета» или его членами, Президент Монголии должен заменить их другими кандидатами. Опорой данного «Совета» должно быть «ведущее данными вопросами, научное учреждение», а именно Институт Монгольского Языкознания, находящийся в структуре Монгольской Академии Наук, и который занимается вопросами монгольского языка, исследованиями его применения, развития, а также разработкой задач и заключений, связанных с его нормативностью и изменением лексического фонда. Хотя в данный момент полностью отвечающего вышеприведённым требованиям учреждения не существует, его обязанности исполняет Институт Языка и Литературы АН Монголии.

Закон о родном языке:

1. Оказал положительное влияние на отношение общества к родному языку. Изменил тенденцию глобализации – «чем больше знаешь языков - тем лучше».
2. Придал важное значение вопросу обеспечения равноправного отношения к языку государства и граждан.
3. С 2017 года начали принимать экзамены по монгольскому языку и законодательству у лиц, поступающих на государственную службу.
4. С 2013 года к общим вступительным экзаменам прибавили экзамены по монгольскому языку.

С другой стороны, представляется необходимым назвать и некоторые преграды, тормозящие реализацию закона.

Пока не реализовано указание закона о создании в структуре АН Монголии «Института языкознания», что привело к нехватке учёных в учреждениях, ведающих данным вопросом.

Также хочется подчеркнуть необходимость социолингвистических исследований, касающихся принятия населением национальной письменности и её положения для реализации в 2005-году статьи закона 11.1.2., где указано ... «поэтапно реализовывать программу национального письма и на основе достижения надлежащей подготовки обязать государственные и краевые органы самоуправления вести делопроизводство на кириллице и параллельно – национальном письме».

Литература

1. Глобализация и государственная политика в отношении языка. Доклады Научной Конференции, организованной под эгидой Президента Монголии Х.Энхбаяра. Улан-Батор, 2007, 64 с.
2. Глобализация – языковая политика – средства массовой информации. Улан-Батор, 2008., 180 с.
3. Language policy // Wiki pedia, free encyclopedia.
4. Закон о монгольском языке. Улан-Батор, 2015 legal info.mn.
5. Языковая политика Монголии. Улан-Батор, 2006, 206 с.
6. Прикладное языкознание. Отв. Ред. А.С. Герд. СПб., 1996. 528 с.
7. Закон о государственном официальном языке. Улан-Батор, 2003, legal info.mn.
8. Вопросы рационализации языковой политики. Доклады, заключение рабочей группы, социологические исследования. Улан-Батор, 2007. 25 с.

Законы о языках народов Российской Федерации и программирование развития национальных языков (на примере калмыцкого языка)

Laws on the Languages in the Russian Federation and Language Planning (on the example of the Kalmyk language). The language situation in the modern Russian Federation is complex and diverse, including due to the diversity of the country's subjects with different legal statuses and, accordingly, the presence of different language laws. Under these conditions, the problem of developing basic strategies for the further development of national languages in the Russian Federation is particularly relevant. The article is devoted to the analysis of the foundations of the language legislation of the Republic of Kalmykia in the context of historical data and social spheres of the functioning of the Kalmyk language. The constitutional and legal provisions of the federal and regional levels are considered, the reasons for the weak functioning of the language are revealed.

Роль языковой политики и языкового законодательства в современном обществе не только не ослабевает, но, напротив, с каждым годом возрастает, в связи с чем растет и интерес к различным аспектам языкового сосуществования. Сегодня, пожалуй, нет ни одной страны в мире, в которой не возникали бы различные вопросы, связанные с сохранением одного или нескольких языков, в целом с развитием языковых контактов и регулированием языковой ситуации.

Языковая панорама России характеризуется генетическим и типологическим многообразием, в настоящее время населяющие её народы говорят более чем на 100 языках, принадлежащих к 14 языковым семьям. В России существуют старописьменные, младописьменные, новописьменные, бесписьменные языки, что не только создает различные условия для функционального развития языков, но также определяет специфичность принципов языковой политики и языкового законодательства в том или ином регионе. Не является исключением и Республика Калмыкия.

Языковую политику в отдельно взятом регионе правильно рассматривать в неразрывной связи с общегосударственной языковой политикой. В целом, законодательство РФ о языках народов РФ основывается на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах РФ, и состоит из Закона о языках народов РФ, федеральных законов и иных нормативно-правовых актов РФ, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ. Согласно Конституции страны Российская Федерация состоит из равноправных субъектов - республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. Конституция РФ устанавливает единый государственный язык на всей территории страны и регламентирует языковые права граждан РФ, которые закреплены в статье 26: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [2]. Вместе с тем, большим достижением в языковом законодательстве государственных языков стало получение национальными регионами права установления собственных государственных языков, это положение было закреплено в статье 68 (ч. 2) Конституции РФ.

Важным Федеральным законом, гарантирующим сохранность языков народов, проживающих на территории РФ, является федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1 (в редакции Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ). В статье 2 закона провозглашаются государственные гарантии равноправия языков РФ через совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения [6]. В законе «Об образовании в РФ» 2012 года в статье 14 гарантируется получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. В государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории республик РФ, может вводиться преподавание и изучение государственных языков республик РФ в соответствии с законодательством республик РФ (ст. 14, п. 3) [4]. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования.

В законе «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» нет отдельной статьи о языке, но в статье 20 гарантируется право народов и иных этнических общностей РФ на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности [5]. Последовательное развитие вопросы государственной языковой политики получили в федеральных законах «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ и «О государственном языке Российской Федерации» от 01 июня 2005 года № 53 – ФЗ, а также в Стратегии национальной государственной политики России на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 18.12.2012 № 1666 г.

Органы власти субъектов РФ создают региональные нормативно-правовые акты, способствующие улучшению условий функционирования родных языков, не противоречащие при этом Конституции РФ и другим федеральным законам и актам.

К примеру, в Калмыкии в 1991 г. был принят закон «О языках в Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч», а согласно Степному Уложению (Основной закон) РК (1994) калмыцкому языку был придан статус государственного языка.

С демократизацией общества появилась возможность критически осмыслить языковую политику советского государства. При объективном ее рассмотрении оказалось, что в разные периоды языковая политика советского государства в отношении национальных языков не была продуманной. Централизованная система общеобязательных мероприятий, предусмотренная и проведенная в те годы, фактически привела к тому, что большинство представителей малочисленных и более крупных народов перешли на язык межнационального общения (7, с. 10).

Перестроечные изменения конца 80- начала 90-х годов прошлого века привели к существенной переоценке многих событий и явлений того периода, пристальному вниманию к языковым проблемам, попыткам возрождения некоторых культурно-языковых традиций, расширения отдельных социальных функций национальных языков посредством принятия законов о языках. Сегодня более чем очевидно, что наряду с положительными моментами, наспех принятые практически по одной модели законы начала 90-х годов имели и много недостатков, которые с годами только выпятились. Для большинства из них характерно отсутствие ясной конечной цели, недостаточно четко установленных ответственных и контролирующих структур, сроков исполнения статей закона. Возможно, необходимо было также расширить конституционное правовое регулирование языковых отношений, чтобы оно могло не только провозглашать наличие двух государственных языков, но и обеспечивать действительные равные права и возможности для их полноценного функционирования.

Большинство исследователей отмечают, что принятие законов о языках, провозгласивших государственными наряду с русским, языки титульных наций, привело к выводам, что придать языку статус государственного недостаточно. «Современная оценка языковых ситуаций и анализ результатов внедрения законов в жизнь показывает, что многие статьи закона не реализованы в срок по объективным причинам, которые связаны с социально-политическими и экономическими трудностями», - отмечают алтайские исследователи Тыбыкова А.Т. и Тыбыкова Л.Н.

На самом деле, более четверти века, отделяющие нас от тех решений, говорит не только об относительно сумбурном периоде становления языкового законодательства, но об отсутствии в целом в языковой политике России, как и в целом в национальной политике, четких приоритетов и ориентиров в будущем. Исследования по языковым ситуациям в национальных регионах России говорят о специфике языковой ситуации в каждом отдельно взятом регионе. Во всех национальных республиках можно наблюдать изменения, которые объясняются преимущественно объективными внешними факторами: преобладание титульной нации (Тува и Чувашия), территориальная удаленность от центра (Якутия), наличие престижных родственных языков в самостоятельных соседних государствах (Карелия), активная поддержка властных структур на месте и диаспор извне (Татарстан) и многочисленность официальных языков (Дагестан) и т.д.

Свои особенности имелись и имеются и в Калмыкии. Прежде всего, Республика Калмыкия является единственным национально-государственным образованием калмыцкого народа. С начала XX века начинаются перманентные события, сыгравшие трагическую роль в жизни народа и его языка, как и всех народов бывшего Советского Союза. Серьезный удар был нанесен традиционной религии, этнической культуре и родному языку. Если, не вдаваться глубоко в перипетии судьбы народа, можно выделить несколько причин, приведших к критическому состоянию калмыцкого языка.

1. Культурно-исторические, историко-географические факторы.

Территория современной Калмыкии была своеобразным перекрестком культур и цивилизаций, местом постоянных миграций народов. Так, в конце XVIII века изменения в составе населения были вызваны миграционным притоком русского населения. В 20-е гг. XX века общая численность населения растет, но численность калмыков убывает. Военный и послевоенный периоды также характеризуются изменениями в распределении населения республики за счет миграционного притока других национальностей и снижения численности калмыков.

2. Вторая причина - политические.

Преодоление последствий насильственной, причем дисперсной депортации всего народа в декабре 1943 года. Тринадцать лет на чужбине - большой пробел в социально-экономическом и культурном развитии народа. После реабилитации и возвращения на родину в 1956 году калмыкам ещё долго пришлось восстанавливать все сферы социальной, культурной жизни народа, некоторые же сферы, как, например, языковую, не удалось восстановить и развить вплоть до настоящего времени.

3. Социально-лингвистические - четырехкратная смена письменности:

- а. старокалмыцкая (заяпандитская) письменность существовала с 1648 г. до начала XX века;
- б. переход на кириллицу - с 1924 г. до 1930 г., отказ от прежней письменности, как от «тянущей в прошлое»;
- в. переход на латинский алфавит - с 1930 по 1938 гг.;
- г. внедрение вновь кириллицы - с 1939 по настоящее время;

Кроме того, конец 50-х — начало 60-х гг. в СССР был периодом наиболее активной русификации. В 1958 г. началась школьная реформа, приведшая к сильному сокращению количества национальных школ. В 1962 г. в Калмыкии были закрыты последние национальные классы на родном языке.

К числу главных причин необходимо отнести и процессы глобализация и урбанизация. Доминирование языка большинства тоже сказывается на национальных языках особенно малочисленных народов: предпочтение русского языка, которым многие калмыки, преимущественно среднего и младшего возраста, владеют значительно лучше, чем калмыцким [1, с.251].

Таким образом, ситуация, порожденная многими объективными и субъективными причинами, привела к тому, что коренное население практически перестало говорить на родном языке, он сегодня практически не функционирует ни в сфере государственного управления, ни в общественно-политической деятельности, используется в сфере образования и частично в массовой коммуникации. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения, созданный ЮНЕСКО, определяет калмыцкий язык как язык, которому грозит угроза исчезновения с лингвистической карты мира [8].

Вместе с тем, по переписи населения 1979 г. 91,3 % калмыков назвали калмыцкий язык родным, в 2010 г. численность этой группы составила 96 %. В самой республике на ситуацию с родным языком серьезное внимание обращают, как органы власти, так и общественные организации. Особую роль в развитии языка сыграли соответствующие Указы и распоряжения Главы региона, в 2014 году был принят **Закон «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия»** (от 15 декабря 2014 г. № 93-V-3), где в статье 5 калмыцкий и русский языки провозглашаются государственными языками РК и гарантируется социальная, экономическая и юридическая защита.

Современная языковая политика в России характеризуется поиском оптимальных путей решения языковых вопросов в полиэтничном государстве. Так, летом 2018 года ГосДума одобрила в окончательной редакции поправки в Закон «Об образовании в Российской Федерации» в части изучения родного языка из числа языков народов РФ и государственных языков республик, находящихся в составе РФ [9]. Но стоит отметить, что первая редакция, которая предлагала вести преподавание и изучение государственных языков республик на добровольной основе, вызвала критику и резонанс в регионах, в том числе в Калмыкия. Материалы газет того периода отражают гражданскую позицию и читателей, и представителей научной и творческой общественности: в газете «Хальмг унн» (Калмыцкая правда): Судьба родного языка зависит от нас (30.06.18.), Барьеры на пути языка (11.07.2018.), Родной язык – код этноса (25.07.2018.) Изучение калмыцкого языка останется обязательным (31 .07.2018.); в газете «Элистинский курьер»: Нет языка – нет национальности (5.07.2018.), Резолюция митинга граждан Республики Калмыкия, представителей калмыцкого народа в защиту государственности национального языка (19.07.2018.); в «Аргументах Калмыкии»: Язык нуждается в поддержке всего народа (6.02.2016.) и др.

В результате проект был подвергнут серьезной доработке, в том числе с учетом мнений национальных республик. Во втором, основном, чтении Госдума приняла законопроект 24 июля. Это был уже переработанный документ. В новой редакции проекта изучение родных языков осталось обязательным, но выбор конкретного языка предоставлялся родителям учеников.

Если кратко, то суть данного Закона в том, что он устанавливает, что «федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов РФ, изучения государственных языков республик РФ, родных языков из числа языков народов РФ, в том числе русского языка как родного языка» .

Законодательным нововведением стало закрепление выбора русского языка для изучения как родного, до этого решения в школьной программе русский изучался только как государственный язык. Модель, которая теперь принята в законе, может выглядеть следующим образом: все изучают русский как государственный, все изучают родной язык, но кто-то изучает родной язык русский, а кто-то – другие языки народов РФ.

Закон начал внедряться в практику школьного образования с сентября прошлого года, поэтому говорить о результатах применения новшеств в языковом законодательстве еще рано. Вместе с тем нельзя не согласиться с авторитетным мнением В.Ю. Михальченко: «Многоязычные государства обычно проводят языковую политику в двух направлениях: сохранение языкового многообразия и языковое единение страны. Наряду с системой законов о языках имеется необходимость применять основные принципы «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», которая была подписана Президентом страны, но не была ратифицирована Государственной Думой» [3]. Однако попытки ратифицировать Европейскую хартию продолжаются, так как считается, что несмотря на то, что система законов о языках России достаточна для регулирования языковой жизни страны, условия кризиса и слабые возможности языков неблагоприятны для расширения социальных функций языков коренных народов России.

Литература

1. Дякиева Б.Б. Языковая политика и вопросы языкового сознания титульного этноса (на примере Республики Калмыкия). Народы Калмыкии в системе евразийских историко-культурных ценностей: настоящее и перспективы развития. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – 272 с. С. 247-255.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года. URL: <http://constitution.ru/> (дата обращения: 15.06.2016).
3. Михальченко В.Ю. Языковое планирование в полиэтнических странах. *Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН)*. 2016; 27(5): 137-145. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-27-5-137-145>
4. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. URL: минобрнауки.рф/документы/2974 (дата обращения: 19.06.2016).
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Электронный ресурс]: Закон РФ от 9 октября 1992 года № 3612-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_/ (дата обращения: 17.06.2016).
6. О языках народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон РФ от 25 октября 1991 года № 1807-1. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/10148970/> (дата обращения: 08.06.2016).
7. Теория и практика алтайского языка как государственного языка Республики Алтай: учебное пособие для магистрантов по направлению подготовки 032700.68 Филология. Языки народов России (алтайский язык) / А. Т. Тыбыкова, Л. Н. Тыбыкова. - Электрон. текстовые дан. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. - 92 с.
8. Mozly C., 2010. The Atlas of Word Endangered Languages. Issue 3, Paris: Published by UNESCO // URL: www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas.
9. <http://duma.gov.ru/news/27720/>

Языковые контакты и языковое законодательство в немецкоязычных странах

Language contacts and language legislation in German-speaking countries. The paper deals with some issues of the legal status of the German language in the German-speaking countries and its consolidation as an official language in the legal national documents. The analysis of legal documents reveals three legislative models regulating the definition of the national and/or official status of the language: the model of the legally unfixed national and/or official language; the one-component model, or the model of legitimate monolingualism; the three- and four-component model, or the model of legitimate multilingualism. The results of a brief analysis of the dynamics of changes in the legislation governing the status of minority and regional languages of the largest German-speaking countries are also presented.

Немецкий язык выполняет роль государственного и/или официального языка в нескольких европейских странах, тем не менее, он не везде закреплён на высшем законодательном уровне. Неоднозначной остаётся ситуация с законодательным статусом немецкого языка в Германии. С одной стороны, в Основном законе ФРГ отсутствует статья о легитимности государственного языка, но немецкий язык имеет достаточно высокий фактический статус на федеральном уровне. С другой стороны, немецкий язык кодифицирован в нескольких федеральных правоустанавливающих документах, регламентирующих процессы судопроизводства, торговые, налоговые и социальные отношения [1]. Он используется на всей территории страны в качестве официального языка в деятельности государственных органов, судопроизводства, системы образования и СМИ.

Сторонники конституционного закрепления языка неоднократно выступали за правовое признание немецкого государственным языком и подчеркивали, что такая мера не будет иметь отрицательных последствий для миноритарных языков Германии и языков переселенцев (турецкого, русского и др.). Этот вопрос волнует лингвистов, общественных деятелей, политиков. Политические партии, особенно оппозиционные (например, Альтернатива для Германии, нем. AfD – Alternative für Deutschland), стараются оговорить необходимость данного действия в своих программах: «как центральный элемент немецкой идентичности немецкий язык должен быть закреплён в Конституции как государственный язык по примеру многих других стран» [11, с. 93]. При этом указывается на проблемы, связанные с «интернационализацией» немецкого языка вследствие распространения английского и на неприятие навязывания т.н. «политически „корректных“ языковых стандартов» (politisch „korrekte“ Sprachvorgaben) [там же].

Функциональный статус признанных миноритарных и региональных языков в Германии – датского (Шлезвиг-Гольштейн), севернофризского (Шлезвиг-Гольштейн) и восточнофризского, или затерландского фризского (Нижняя Саксония), верхне- и нижнелужицкого (Саксония и Бранденбург соответственно), нижненемецкого (Бремен, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн, Бранденбург, Северный Рейн-Вестфалия, Саксония-Анхальт) и цыганского – регулируются статьями 7 (ч. II) и 8–14 (ч. III) «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» [16, с. 5–6], ратифицированной Федеральным правительством в 1998 г. и вступившей силу 1 января 1999 г.

В Федеральном конституционном законе Австрийской Республики, Конституциях Швейцарской Конфедерации и Княжества Лихтенштейн немецкий язык, напротив, признан государственным. Согласно ст. 8 Федерального конституционного закона Австрии положение государственного языка страны не ущемляет прав других языковых меньшинств: „Die deutsche Sprache ist, unbeschadet der den sprachlichen Minderheiten bundesgesetzlich eingeräumten Rechte, die Staatssprache der Republik“ [7]. Однако отношение австрийцев к немецкому языку не всегда было однозначным, настроения в XX в. менялись «от полного дистанцирования от всего немецкого <...> до попыток провозглашения собственного австрийского языка» [3, с. 33]. Примечательно, что аншлюс Австрии в 1938 г. и дальнейшее существование в составе нацистского рейха не могли не отразиться на негативном отношении австрийцев ко всему, что ассоциировалось с Германией и со всем немецким. Именно с этим был связан отказ от названия *Deutsch* (немецкий язык) при преподавании родного языка в австрийских школах и его официальная замена обозначением *Unterrichtssprache* (язык преподавания) в 1949 г. Однако принятие языка как важного признака национальной идентичности способствовало тому, что уже с 1952 г. наблюдается постепенное

изменение названия школьного предмета, в который вносится компонент *deutsch*: *Deutsche Unterrichtssprache* (немецкий язык преподавания). Возвращение в 1955 г. наименования *Deutsch* в систему школьного образования связывают с «соломоновым решением» канцлера Австрии Леопольда Фигля (Leopold Figl, канцлер в 1945–1953 гг.), объявившим, что «нация – австрийская, а родной язык – немецкий» (*die Nation österreichisch, ihre Muttersprache <...> Deutsch*). Де-юре статус немецкого языка был закреплен в ст. 8 вновь действующей, но принятой еще в 1920 г. Конституции страны: „*die deutsche Sprache <...> die Staatssprache der Republik Österreich*“ (немецкий язык <...> государственный язык Австрийской республики) [5, с. 127].

История Австрийской республики как многонационального государства способствовала необходимости регулирования юридического статуса миноритарных языков страны, что отражено в нормативно-законодательных документах федерального уровня. Так, в 1955 г. в Декларации о независимости Австрии были провозглашены языковые права словенского и хорватского меньшинств (ст. 7, пп. 2, 3) [13]. В результате подписания названного акта в Каринтии (Kärnten), Штирии (Steiermark) и Бургенланде (Burgenland) были узаконены школьная, языковая и культурная автономии, а словенский и бургенландский хорватский стали легитимными миноритарными языками, на которых ведется школьное обучение. Благодаря подписанию «Закона о защите школ национальных меньшинств» (*Minderheitenschulgesetz*, 1959 г.), «Закона об этнических группах» (*Volksgruppengesetz*, 1976 г., с поправками 1993 г.), внесению изменений в ст. 8 Конституции в 2000 г., ратификации «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» в 2001 г. и ряду других законодательных актов юридическую поддержку получили и другие миноритарные языки: венгерский (в Бургенланде и Вене), чешский (в Вене), словацкий (в Вене), цыганский (в Бургенланде) [8, с. 46–57]. Принцип конституционной поддержки (ст. 8 п.3) распространяется и на австрийский жестовый язык (*Österreichische Gebärdensprache*) как самостоятельный язык, использование которого регулируется дополнительными законами: „*Die Österreichische Gebärdensprache ist als eigenständige Sprache anerkannt. Das Nähere bestimmen die Gesetze*“ [7].

Основной закон Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. закрепляет официальный статус четырех действующих в стране языков (немецкого, французского, итальянского и ретороманского): „*Die Amtssprachen des Bundes sind Deutsch, Französisch und Italienisch. Im Verkehr mit Personen rätoromanischer Sprache ist auch das Rätoromanische Amtssprache des Bundes*“ (ст. 70) [6]. В рамках Хартии о региональных языках признан не привязанный ни к какой определенной территории язык этнического меньшинства енишей (*das Jenische*). В стране действуют и другие федеральные и кантональные нормативные акты, регулирующие статус официальных языков кантонов и языковые права граждан с учетом лингвистического плюрализма, см. подробнее [4, с. 323–334].

Как же выглядит ситуация в законодательной поддержке языков в таких государствах как Лихтенштейн и Люксембург? С 1921 г. неизменной остается ст. 6 в Конституции Лихтенштейна, где прописано, что немецкий язык является государственным и официальным языком: *Die deutsche Sprache ist die Staats- und Amtssprache* [15, с. 2]. В повседневной жизни население использует алеманнские диалекты, официально признанные миноритарные языки в стране отсутствуют.

Ситуация многоязычия, характерная для Люксембурга, не могла не отразиться на языковом законодательстве. В ст. 29 Конституции страны указано, что «закон регулирует использование языков в административных и судебных вопросах» [9]. Согласно ст. 1 «Закона о языках в Великом герцогстве Люксембург» от 24.02.1984, национальным языком страны является люксембургский, или летцебургский / летцебургш (*Lëtzebuergesch*) [10]. Языком законов является французский (ст. 2), в качестве административных и судебных языков выступают французский, немецкий или люксембургский (ст. 3), а ответы на обращения, заявления или запросы в административное учреждение выполняются на одном из трех административных языков, на котором поступил запрос от заявителя (ст. 4) [там же]. Исследователи указывают на статус французского языка как *lingua franca* в различных сферах общения [12, с. 23] и важную роль люксембургского языка как родного в разных областях общественной жизни. Функционирование же немецкого языка имеет ограниченный характер: его фактическое использование наблюдается, как правило, в письменной коммуникации (в банковской сфере, прессе (70–80 %), литературных журналах), в образовании [2, с. 16–18]. В школе немецкий изучается чаще всего как второй язык (*Deutsch als Zweitsprache*) и как иностранный (*Deutsch als Fremdsprache*) [12, с. 122; 73–165].

В таких средствах массовой информации как радио и телевидение преимущество отдается люксембургскому. Современная люксембургская пресса выходит преимущественно на немецком языке („*Luxemburger Wort*“, „*Revue*“, „*Tageblatt*“, „*Télécran*“), языками печатных изданий являются также французский („*Le Quotidien*“, „*L'Essentiel*“, „*Le jeudi*“) и португальский („*Contacto*“, „*Correio*“). Использование последнего связано с большим количеством португальцев в Люксембурге: по данным Национального института статистики и экономических исследований Великого Герцогства Люксембург (*STATEC*) в 2018 г. количество португальцев в

стране составило 96,544, т.е. 16 % от всего населения [14]. Некоторые журналы и газеты выходят на двух или трех официальных языках государства („*De Feierkrop*“, „*D’Lëtzebuenger Land*“ и др.) или французском и английском („*Paperjam*“), что можно объяснить доминирующими позициями последнего в современном мире.

В качестве одной из причин невысокого статуса немецкого языка в современной повседневной коммуникации Люксембурга исследователи называют в т.ч. исторические факты, а именно, немецкую оккупацию страны в годы Второй мировой войны [12, с. 374] и вследствие этого рост национального самосознания, неприятие немецкого и повышение роли французского языка, формирование и дальнейшее юридическое закрепление люксембургского языка, развившегося на основе мозельско-франкских диалектов.

Таким образом, в результате краткого обзора законодательства таких стран, как Германия, Австрия, Швейцария, Люксембург, Лихтенштейн можно выделить несколько законодательных моделей, регламентирующих определение немецкого как государственного статуса языка: 1) модель законодательно незакрепленного государственного и/или официального языка; 2) однокомпонентная модель, или модель легитимного одноязычия; 3) многокомпонентная модель, или модель легитимного многоязычия.

Литература

1. *Едличко А.И.* Правовой статус немецкого языка в современной Германии // *Язык. Право. Общество: сб. ст. IV Междунар. научн.-практ. конф. (г. Пенза, ПГУ, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, А.К. Дятловой, Н.А. Павловой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 197–199.*
2. Ключева Т.В. Особенности немецкого литературного языка в Люксембурге. М.: Экон.Информ, 2008. 140 с.
3. Копчук Л.Б. Языковая ситуация в Австрии // Решение национальных вопросов в современном мире. СПб.: Златоуст, 2003. С. 29–44.
4. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 472 с.
5. *Ammon U.* Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin u.a.: de Gruyter, 1995. 575 S.
6. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999 (BV, SR 101). URL: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/c101.html> (дата обращения: 10.05.2016).
7. Bundesverfassungsgesetz (B-VG). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000138> (дата обращения: 10.10.2018).
8. Cillia R., Wodak R. de Ist Österreich ein „deutsches“ Land? Sprachenpolitik und Identität in der zweiten Republik. Innsbruck u.a.: Studienverlag, 2006. 94 S.
9. Constitution du Grand-Duché du Luxembourg. LÉGISLATION: Mémorial A - 908 du 16 octobre 2017. PRISE D’EFFET: 20 octobre 2017. 46 p. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/recueil/constitution/20171020> (дата обращения: 12.03.2018).
10. Loi du 24 février 1984 sur le régime des langues. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1984/02/24/n1/jo> (дата обращения: 12.03.2018).
11. Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. 2018. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf (дата обращения: 17.02.2019).
12. Scheer F. Deutsch in Luxemburg: Positionen, Funktionen und Bewertungen der deutschen Sprache. Tübingen: Narr, 2017. 415 S.
13. Staatsvertrag betreffend die Wiederherstellung eines unabhängigen und demokratischen Österreich, gegeben zu Wien am 15. Mai 1955. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1955_152_0/1955_152_0.pdf (дата обращения: 12.11.2018).
14. *STATEC* (National Institute of *Statistics* and Economic Studies of the Grand Duchy of Luxembourg). URL: <https://statistiques.public.lu/en/actors/statec/index.html> (дата обращения: 12.03.2019).
15. Verfassung des Fürstentums Liechtenstein vom 5. Oktober 1921 // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. Jahrgang 1921. Nr. 15, ausgegeben am 24. Oktober 1921. 42 S. URL: <https://www.gesetze.li/konso/pdf/1921.015> (дата обращения: 17.03.2018).
16. Zur Situation von Regional- und Minderheitensprachen in Deutschland. Berlin: Deutscher Bundestag, 2016. 15 S. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/481532/911a9f36ee4afcefd7e47aabd772dad/wd-10-050-16-pdf-data.pdf> (дата обращения: 07.02.2019).

**Становление нормативно-правовой базы языкового
законодательства Республики Башкортостан
(краткий обзор)**

The formation of language legislation in the Republic of Bashkortostan (short review). The article deals with a generalized analysis of the legal basis of the status of languages in the Republic of Bashkortostan in the legislative acts on languages adopted in the 20th and early 21st centuries. The question of the status of the Bashkir language was first brought up on the first Bashkir meeting in 1917 in the city of Orenburg. The adoption of the Law “On the Languages of the Peoples of the Republic of Bashkortostan” in 1999 and the introduction of appropriate amendments and changes to the Constitution of the Republic of Bashkortostan provide both the legal basis for the functioning of languages and determine the status of each of the languages of compactly living peoples.

Республика Башкортостан (РБ) – субъект Российской Федерации на территории Приволжского федерального округа, который по численности населения (4072,2 тыс. чел. [14]) занимает 1-е место и 7-е место в РФ. По данным Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г. чуть более 20 национальностей представлены численностью свыше 1000 чел.; 77 национальностей и этнических групп составляют до 10 чел., из них 24 представлены одним человеком¹. В связи с этим в 2010 г. по республике у 97,6 тыс. чел. (2,4%) отсутствуют сведения о национальной принадлежности [14, с. 5; 19].

Башкортостан является территорией активного контактирования представителей славянских, тюркских, финно-угорских и других народов. Национальный состав населения в численном соотношении можно представить следующим образом: русские составляют 1432906 (36%), башкиры – 1172287 (29,5%), татары – 1009295 (25,4%), чувашаи – 107450 (2,7%), марийцы – 103688 (2,6%), украинцы – 39875 (1%), удмурты – 21477 (0,5%), мордва – 20300 (0,5%), белорусы – 11680 (0,3%), латыши – 1117 (0,03%), евреи – 1900 (0,05%), другие национальности – 150317 (3%) человек [19].

Специфику языковой ситуации РБ в диахронии определяют следующие её особенности, обусловленные объективными культурно-историческими, социально-экономическими и социолингвистическими причинами:

– в средневековье у башкир и других тюркских народов Урало-Поволжья, Средней Азии, Казахстана и Северного Кавказа был общий письменно-литературный язык «тюрки», основанный на арабской графике. Башкиры пользовались поволжским вариантом среднеазиатского письменного языка тюрки [3];

– в середине XVI в. (1557 г.) произошло важное историческое событие, по-разному трактуемое историками и социологами: башкирские племена вошли в состав России. С момента присоединения к Русскому государству до 1917 г. в республике статус языков не определялся, фактически роль государственного языка выполнял русский язык;

– в 1924 г. поднимается вопрос о латинизации башкирского письма, а через четыре года башкиры переходят с тюрки на латинскую графику; Указом Верховного Совета БАССР от 23 ноября 1938 г. башкирская письменность переводится на кириллицу [3];

– в Конституциях БАССР советского периода пункт о правовом положении языков отсутствовал [8-10];

– в 80-90-е гг. XX века, в период провозглашения суверенитета, в республике происходят демократические преобразования: принятие Конституции РБ (1993 г.) [10], Закона о языках народов РБ (1999 г.) [4], присоединение РБ к Европейской Хартии региональных языков и языков национальных меньшинств (2002 г.) создали оптимальные условия для функционирования языков всех народов республики [16];

– в республике три этноса (русский, башкирский, татарский) составляют 90,9% населения, имеется восемь компактно проживающих этноареальных групп;

– башкирский язык является средством не только внутри-, но и межнационального общения с пред-

¹ При рассмотрении национального состава населения следует иметь в виду, что на численность отдельных национальностей могло повлиять то, что люди имели право не отвечать на вопрос о национальной принадлежности

ставителями тюркоязычных народов республики (тагары, чуваша). Большинство представителей тюркоязычных народов трехязычны [1, с. 839; 2, с. 874].

Провозглашение автономии Башкортостана (март 1919 г.) наметило широкие пути в осуществлении культурного строительства, позволило поднять вопрос о признании башкирского языка в качестве государственного [13]. Политические деятели Башкирии начала XX века уделяли внимание как вопросам государственности, так и сохранению, защите и возрождению башкирского языка.

Впервые задача введения родного языка малых наций и народностей России во всех местных, общественных и государственных учреждениях наравне с русским языком ставится на II съезде РСДРП (1903 г.) [24, с. 10]. В принятой в 1917 г. Декларации прав народов России провозглашается отмена всех национальных и религиозных привилегий и ограничений и право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Вопросы об обязательном обучении детей башкирскому языку наряду с русским, о состоянии и перспективах развития башкирского языка ставились на I башкирском курултае (июль 1917 г.) и на III Всебашкирском учредительном курултае (декабрь 1917 г.), проходивших в Оренбурге [16; 17].

В разработанных в 1918 г. «Положении об автономном управлении Малой Башкирией» и «Положении об автономии Малой Башкирии» башкирский язык объявляется официальным языком Башкирии и предусматривается его использование в органах государственной власти и управления. По утвержденному «Положению БАССР» (1920 г.) государственными языками становятся башкирский и русский, при этом все официальные распоряжения правительственных органов и учреждений должны публиковаться на обоих языках, судопроизводство допускается на любом из государственных языков [21-23].

3 декабря 1919 г. Башревком дает приказ Народному комиссариату юстиции Башкортостана подготовить постановление о придании башкирскому языку государственного статуса. Народный комиссариат юстиции Башкортостана разрабатывает положение о государственном статусе башкирского языка и 23 февраля 1920 г. передает его в президиум Башревкома. Данное постановление явилось важным шагом в деле огосударствления башкирского языка. Если раньше разрабатывались лишь проекты по языковому вопросу, то в данном документе конкретно указывались сферы применения башкирского и русского языков как государственных [14]. Постановлением Башревкома от 24 марта 1920 г. государственными языками на территории БССР признаны башкирский и русский языки [13].

Подготовленный документ о языках не был претворен в жизнь, так как в июне 1920 г. Башревком был расформирован. По этой причине вопрос о языке и его статусе не рассматривался I Всебашкирским съездом Советов, состоявшимся 25 июня 1920 г.

По решению II Всебашкирского съезда Советов (июнь 1921 г.) башкирский язык объявляется полноправным государственным языком и становится обязательным для изучения во всех учебных и военно-учебных заведениях. Эти и другие документы башкирского правительства позволили Центральной комиссии вести планомерную работу по претворению в жизнь законодательства об употреблении башкирского языка и языков других народов республики. Итогом явилось то, что в 68 волостях республики делопроизводство полностью или частично велось на башкирском языке. В 1929 г. на башкирском языке издавалось 6 газет и 8 журналов [16, с. 17].

Начиная с 30-х гг., процесс реализации башкирского языка как государственного стал менять темпы из-за унитаризации политики советского государства. Иными словами, по сталинской теории планировалось слияние в будущем всех наций в одну – нацию с единой культурой и с единым всемирным языком. 1 ноября 1932 г. была ликвидирована Комиссия по языкам [13]. Приоритетным направлением стал принцип добровольности в изучении родных языков. В связи с этим Конституция БАССР, принятая в 1937 г., лишь декларировала отдельные моменты языковой жизни без определения статуса языков, указывая на две сферы их употребления – образование и судопроизводство [8, с. 8].

В 1930-50-х гг. школы с преподаванием на национальных языках остались лишь на соответствующих этнических территориях, в то время как количество школ с преимущественным преподаванием на русском языке стало увеличиваться по всей стране. К началу 1960-х гг. в автономных республиках РСФСР были закрыты почти все школы с обучением на марийском, удмуртском, чувашском, коми языках [13].

Известный политолог, филолог и дипломат РБ И.Г. Илишев, анализируя положения Конституций советского государства по языковым вопросам, отмечает, что «Конституция советского государства 1977 г. утверждала лишь о возможности использования родных языков в школах (ст. 36), тогда как предыдущая Конституция 1936 г. провозглашала право на обучение в школе на родных языках (ст. 121). Изменение формулировки текста Конституции в реальности свидетельствовало о том, что партией был взят курс на проведение политики искоренения и ассимиляции национальных языков. В принципе считалось, что

национальный вопрос в Советском Союзе решен окончательно, но последующие события показали, что советское руководство недооценило мобилизующий потенциал этничности» [5, с. 184; 12].

Проблемы государственно-правового регулирования языковых отношений в РФ на современном этапе приобретают особую актуальность [7]. Для решения вопросов, связанных с языками народов России и русским языком как государственным, законодательная и исполнительная власть России проводит политику, направленную на консолидацию российского многонационального общества [17, с. 152].

В принятом в феврале 1999 г. Законе «О языках народов» РБ (Ст. 3) [4, с. 3] башкирскому языку придан статус государственного языка наряду с русским языком. Это положение позже было закреплено в Конституции РБ [10, с. 4]. Что касается статуса языков других народов республики, то «в местах компактного проживания населения, живущего за пределами своих национально-территориальных образований, наряду с государственными языками РБ в официальных сферах общения используется язык населения данной местности». Статус языков в Башкортостане определен в соответствии с Конституцией РФ (Ст. 68, пп. 1, 2) [11] и законом «О языках народов» РФ (Ст. 3, пп. 1, 2, 3). Как отмечалось выше, ещё первая автономная БССР в составе РСФСР, основываясь на Декларации прав народов России (1917 г.), объявила на территории республики государственными языками башкирский и русский языки. Данный документ в последующие годы не был отменен.

Созданная в республике правовая база регулярно подкрепляется не только научными разработками, но и такими программами, как «Возрождение и развитие башкирского языка», «Сохранение, изучение и развитие языков народов РБ», «Народы Башкортостана», «Программа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов РБ» и мероприятиями разного уровня и статуса – международным семинаром «Европейская Хартия региональных языков и языков национальных меньшинств», проведенным Советом Европы в 2001 году в Уфе, заседаниями консультативного комитета финно-угорских народов (г. Уфа, 2005 г.), отчетом РБ на международной конференции в 2001 г. в Нидерландах, проведением заседаний постоянного совета Международной организации «Тюркской» (с 1993 г. РБ – член данной организации).

Серьезной проблемой языкового строительства в современных условиях является выработка оптимального соотношения функционирования языков основных этносов и рациональное сочетание функций государственных национальных языков и русского языка как языка общенационального значения. Необходимо разработать финансово-экономические стимулы, способствующие развитию русско-национального двуязычия. Основные тенденции мирового языкового развития – от одноязычия к двуязычию и многоязычию – связаны с необходимостью преодоления языковых барьеров и усиления роли языков как международного, так и внутригосударственного значения [6, с. 137; 15]. Идеальная модель языковой ситуации общества – это переход от двуязычия к многоязычию, включая изучение государственных, родных и иностранных языков [18].

28 июля 2018 г. Госдума одобрила законопроект об изменениях в ФЗ «Об образовании в РФ» в части изучения родных языков в школах. В соответствии с ФЗ, родной язык остается в обязательной части школьной программы, при этом родители учеников, написав заявление, смогут выбирать в качестве родного как национальный язык, так и русский. Важное уточнение – родной язык не должен преподаваться в ущерб русскому. Если родители выберут русский, то их ребенок получает дополнительные часы его изучения. В постановлении депутаты зафиксировали план работы – для родных языков должны быть написаны профессиональные учебники, образовательные программы. 26 октября 2018 г. Президент РФ В. Путин подписал Указ о создании Фонда поддержки родных языков, который будет заниматься также проблемами их преподавания [20].

Осуществляя языковую политику, российские национальные республики проявляют умеренность, понимая необходимость считаться с многонациональным и многоязычным составом населения, с ролью русского языка в общественной жизни республик. При реализации мер по возрождению национальных культур и языков российские республики вправе рассчитывать на понимание и поддержку федерального правительства и широкой общественности. Неприятие программ развития народов может привести к обострению межнационального согласия, а значит, всем заинтересованным сторонам важно проявлять терпимость и такт [13, с. 551; 15].

Таким образом, анализ правовых основ статуса языков в РБ в законодательных актах о языках, принятых в XX и в начале XXI вв., практики их применения позволяют утверждать, что они направлены на сохранение и развитие родных языков всех народов РБ. Придание башкирскому языку статуса государственного языка явилось правовой базой, расширяющей его функции во всех сферах жизни общества и создающей благоприятные условия для дальнейшего развития. Принятие «Закона о языках» народов РБ и внесение соответствующих поправок и изменений в Конституцию РБ обеспечивают правовую основу функционирования языков, а также определяют статус каждого из языков компактно проживающих народов.

Литература

1. Аюпова Л.Л., Салихова Э.А. Формирование лингвоэкологического мышления как одна из основ обеспечения региональной этноязыковой стабильности // Вестник Башкирского государственного университета, 2018. – Т. 23. – № 3. – С. 838-846.
2. Аюпова Л.Л., Салихова Э.А. Место и роль русского языка в полиязычном дискурсе-пространстве Республики Башкортостан // Вестник Башкирского государственного университета, 2018. – Т. 23. – № 3. – С. 870-876.
3. Бишиев А.Г. О башкирском алфавите // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. – М.: «Наука», 1972. – С. 49-58.
4. Закон о языках народов РБ [Электронный ресурс. Текст] // Консультант-Плюс. – URL: http://bel-obr.ru/sites/default/files/users/user19/zakon_respubliki_bashkortostan_ot_15_02_99_n_216-z_red_ot_2.rtf. – Дата обращения 15.03.2019 г.
5. Илишев И.Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки). – Уфа: Китап, 2000. 272 с.
6. Искужина Н.Г., Салихова Э.А. Формирование этнической идентичности: возможности в профилактике деструктивной этнорегиональной маргинальности // Вестник ВЭГУ: Научный журнал. – Сер. Гуманитарные науки. – № 2 (70). – Уфа: Восточный университет, 2014. С. 133-138.
7. Искужина Н.Г., Салихова Э.А. Тема этноязыковой ситуации в информационном поле Башкортостана в 2000-2016 гг. (на примере анализа печатных СМИ) // Вестник ВЭГУ: Научный журнал. – № 5 (91). – Уфа: Восточный университет, 2017. – С. 68-77.
8. Конституция (основной Закон) БАССР. – Уфа: Башгосиздат, 1954.
9. Конституция (основной Закон) БАССР. – Уфа: Башгосиздат, 1978.
10. Конституция Республики Башкортостан. – Уфа: Башгосиздат, 2001.
11. Конституция Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 1993.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов. – М.: Политиздат, 1983.
13. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. – 680 с.
14. Национальный состав населения Республик Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. – Уфа: Башкортостанстат, 2012. – 198 с.
15. Млечко Т., Пивовар И. Правовой контекст протекания языковых процессов в Республике Молдова // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. – М.: Азбуковник, 2010. – 771 с.
16. О реализации закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» / Авт.-сост. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: Гилем, 2003. – 80 с.
17. Орешкина М.В. Русский язык в странах СНГ и Балтии: законодательный аспект // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. – М.: Азбуковник, 2010. – 152-185 с.
18. Рахматуллина З.Я. Межкультурная коммуникация в образовательной среде: диалог национальных культур и языков // Межнациональные отношения в полиэтничном регионе: проблемы и пути оптимизации. – Уфа: УФИЦ РАН, 2005. – 178 с.
19. Статистический ежегодник. Республика Башкортостан. В 2 ч. – Ч.1 / Башкортостанстат. – Уфа: Отдел госстатистики г.Уфа РБ, 2011. – 212 с.
20. Указ № 611 Президента РФ от 26.10.2018 г. «О создании фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации» [Электронный ресурс. Текст] // Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71988258/> – Дата обращения 16.03.2019 г.
21. ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан). – Ф.1107. Оп.1. Д.32. Л. 28.
22. ЦГИА РБ. – Ф.798. Оп.1. Л. 2592.
23. ЦГАОО РБ (ЦГАОО РБ – Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан). Ф. 122. Оп. 32. Д. 981. Л. 22, 161, 173.
24. Языки и народы Республики Башкортостан. Государственные языки: история и современность. – Ч. 1. Использование государственных языков в области государственного управления и народного хозяйства. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – 232 с.

Этапы успешного языкового планирования и языкового законодательства во франкоязычной провинции Канады Квебеке

Stages of the successful language planning and language legislation in the French-speaking Quebec of France. The article covers the standoff of the two world languages on the territory of multinational Canada and the impact of the same on the language policy of the state. The author analyzes language policy and legislation in the Canadian province of Quebec. Main attention is paid to the process of Francization, which resulted in the fact that the French-speaking community of Quebec was able to bring back all the social functions that had previously belonged to the English language to their mother tongue.

Канада представляет собой наиболее яркий пример долгого сосуществования на ее территории многочисленных разноязычных народов. История завоевания и освоения территорий Нового Света восходит к XVI в., т.к. хотя жители Исландии и скандинавские викинги плавали у берегов Северной Америки еще в XI – XII вв., но их интересовало рыболовство, а земельные владения их не привлекали [1, с. 3-5]. Регулярные колониальные экспедиции на американский континент, предпринимаемые Францией и Англией, начинаются с XVI века. И с этого времени начинается многовековое противостояние двух мировых языков – французского и английского – сначала в осваиваемых колониях, а затем – на территории Канады. Не останавливаясь на этапах этого противоборства, обратимся к особенностям языковой ситуации и развитию языкового законодательства в Канаде в настоящее время.

По Конституции 1867 г. в Канаде официально признано наличие двух государственных языков – английского и французского, а закон федерального правительства страны от 1988 г. об официальных языках подтвердил их равный статус [7, с. 13-58]. Тем не менее языковая ситуация в стране такова, что во всех провинциях страны, кроме Квебека, функционирует только английский язык. По переписи населения 2016 г. англоканадцы составляют значительное большинство – 74,8 % жителей страны, французский язык является родным языком для 22,16 % населения страны. В Квебеке, единственной франкоязычной провинции, франкоканадцы насчитывают 83,7 % населения, а англоканадцы образуют языковое меньшинство – 12 %. Хотя новая Конституция 1982 г. подтвердила наличие двуязычия в стране, тем не менее, основная масса населения владеет только английским языком. Канадцы французского происхождения вынуждены учить английский язык, тогда как для англофонов, проживающих во всех провинциях, кроме Квебека, знание французского не является необходимостью. Многие проблемы и языковые конфликты, возникающие в Канаде, и в частности в Квебеке, и происходят именно из-за того, что две основные группы населения – франкофоны и англофоны – составляют одновременно или большинство, или меньшинство населения в зависимости от места их проживания.

В прошлом веке было предпринято много попыток, чтобы привести Квебек и англоязычную часть Канады к общему согласию. Но притязания властей Квебека, требовавших для провинции особого статуса, получили решительный отпор англоязычных провинций, которые считали этот статут несовместимым с принципом равноправия всех провинций. Стремление сепаратистски настроенных руководителей Квебека к политической независимости и отделению от Канады оттолкнуло от них и франкоканадцев, живущих за пределами Квебека, так как возможное отделение единственной франкоязычной провинции от Канады привело бы к уменьшению языковых прав франкоязычного меньшинства, т.к. была бы снята необходимость проведения политики двуязычия ввиду слишком малой численности франкофонов в стране.

Отвергая радикальные попытки отделения Квебека, Федеральное правительство Канады поддерживало и поддерживает основное направление борьбы квебекцев за укрепление положения французского языка, как в Квебеке, так и во всей Канаде, поскольку в стране официально закреплено двуязычие. В 1963 году была создана правительственная Анкетная комиссия по билингвизму и бикультуризму, в задачи которой входило изучение ситуации и конфликта, противопоставляющего англоканадцев и франкоканадцев. В работах Анкетной комиссии подчеркивался особый характер канадского двуязычия, так как оба языка имеют мировое значение. В них отмечалось, что двуязычие в Канаде требует соответствующей организации государственной жизни, для того чтобы было обеспечено реальное равенство обоих языков и двух культур в рамках одной нации [6]. В трудах Анкетной комиссии

отмечалась не только языковая, но и экономическая ситуация, в которой находились англофоны и франкофоны в стране. Так, было отмечено, что в Квебеке англоязычные жители имели доход, превосходящий на 35 % доход франкоканадцев, а на всей территории Канады этот показатель равнялся 20 % [2, с. 65]. В работах Анкетной комиссии были вскрыты многие причины кризиса, в том числе и в системе образования. Кризис был вызван тем, что система образования на английском языке была более притягательной, чем система образования на французском языке, особенно у иммигрантов, выбиравших для своих детей англоязычные школы, так как английский язык открывал перед ними более широкие перспективы. Вся деятельность Анкетной Комиссии была ориентирована на исследования ситуации в стране, но не предполагала принятия определенных мер по выходу из тяжелого затяжного языкового и экономического конфликта.

Созданный в 1967 г. Министерством образования Квебека Комитет по изучению проблем образования пришел к заключению, что наблюдаемая в Монреале проанглийская ориентация детей иммигрантов, несомненно, способствует укреплению позиций английского языка, так как именно благодаря этому сохранялся и упрочивался англоязычный характер Монреаля [4, с. 66].

Начиная с 1867 г. франкоканадцы надеялись на соблюдение билингвизма, закрепленного Конституцией, но их стремление расширить функционирование французского языка в Квебеке и вне его территории наталкивалось на противостояние англоканадской части населения. Некоторые права, которые Конституционный Акт признавал за франкоканадцами, те получили только в середине XX века: так, синхронный перевод на французский язык дебатов в Палате общин Парламента начали осуществлять только в 1959 г., а в Сенате – в 1964 г. Только с 1936 г. банковские билеты стали двуязычными. Что касается использования двух языков в государственных учреждениях, то франкоканадцы не могли пользоваться своим родным языком, обращаясь в федеральные административные инстанции, как в англоязычных провинциях Канады, так и в ее столице – Оттаве. И даже в многочисленных министерствах Квебека и в Монреале, деловом центре провинции, преобладало функционирование английского языка [3, с. 16-17].

Со времени вхождения Квебека в Канадскую Федерацию франкоканадцы занимали второстепенное положение в своей стране, что вызывало их недовольство и заставляло бороться как за свои экономические права, так и за сохранение своего языка, своей этнической культуры. Постоянно возникающие конфликты между англоканадцами и франкоканадцами привели к усилению борьбы франкофонов за свои права, начиная с 1960 года, когда к власти в провинции пришла Либеральная партия. Этот период принято называть «тихой революцией», когда в Квебеке начали проводить многочисленные реформы по возрождению функционирования родного французского языка во всех коммуникативных сферах и улучшению экономического и социального положения франкоквебекцев. В этот период франкоканадский национализм теряет свой религиозный и культурный характер и приобретает больше политический с тенденцией к сепаратизму [2].

Если определить главные цели языковой политики, проводимой правительством Квебека, то основной задачей является расширение функций французского языка, его употребление во всех коммуникативных сферах: образования, экономики и производства, управления и законодательства, информации и средств массовой коммуникации, художественной и научно-технической литературы, и, наконец, сфере частной жизни, личных контактов [4, с. 25].

В 1988 г. в Канаде был принят новый Закон об официальных языках [7, с. 13-58], который усиливает и дополняет отдельные аспекты двуязычия, закрепленные предыдущими законами. Так, например, в федеральных учреждениях предполагается издание законов и актов на двух языках, а не на одном, по выбору, как было раньше. Судьи Верховного суда и федеральных судов, которые заслушивают дела, обязаны понимать показания свидетелей без помощи переводчика, на каком бы из двух официальных языков они ни произносились (по предыдущему закону судьи могли прибегать к помощи перевода). По новому закону любой житель Канады может общаться с федеральными властями на любом официальном языке, по своему желанию, а все надписи и вывески федеральных учреждений должны быть двуязычными.

Но самым главным достижением «тихой революции» стала успешно проведенная франсизация всей общественной жизни провинции Квебек.

Кропотливый труд специалистов по разработке программ франсизации подкреплялся законодательными актами. Знаменитая «Хартия французского языка», принятая в 1977 г. и подтвердившая тот факт, что французский язык является единственным официальным языком Квебека, объясняла задачи,

стоящие перед квебекцами: «Являясь языком большинства населения провинции Квебек, французский язык позволяет квебекским жителям выражать свою идентичность. Национальная Ассамблея поддерживает желание квебекцев обеспечить развитие и нормирование французского языка. Она полна решимости сделать французский язык языком администрации и законодательства, также как языком производства, обучения, коммуникации, торговли и деловой сферы. Национальная Ассамблея заявляет о своей решимости в достижении этой цели, при всем уважении к англоязычной части населения провинции и ее коренным народам, за которыми она признает ценный вклад в развитие Квебека» [7, с. 157].

Начавшийся в 1960-е гг. прошлого столетия, процесс франсизации кардинально изменил всю жизнь квебекского общества уже к началу этого века.

В 2001 г. в докладе Комиссии по языковой ситуации и перспективе развития французского языка в Квебеке были отмечены большие изменения в языковой ситуации Квебека: «Более 90 % юных иммигрантов посещают школы с французским языком обучения. Французский язык является основным языком в торговле и рекламе, на предприятиях активно проходит процесс франсизации. Разница в доходах франкофонов и англофонов практически свелась к нулю. Французский язык, официально признанный и повсеместно используемый, ставший неотъемлемой частью духовной жизни франкокебекцев, обеспечил определенную защиту населения провинции» [5, с. 10].

В Квебеке было принято несколько законов о языке: в 1974 году – Закон об официальных языках (закон 22) и в 1977 году – Хартия французского языка (закон 101) [7, с. 157-219]. Основная цель этих законов – перейти в провинции Квебек от двуязычия к приоритетному использованию французского языка, при равенстве двух языков и двух культур в рамках единой канадской нации – была успешно реализована.

В результате планомерно проводимой языковой политики позиции французского языка в системе образования Квебека значительно укрепились: теперь дети иммигрантов обязаны посещать школы с обучением на французском языке. Учиться в англоязычных школах имеют право только дети тех родителей, которые получили начальное школьное образование на английском языке на территории Квебека.

Программа франсизации обозначила две коммуникативные сферы, как основные – сферы образования и производства. В работах Комиссии, как и в других исследованиях, подтверждалось, что до начала «тихой революции» французский язык не являлся рабочим языком большинства квебекских трудящихся, хотя большая их часть были франкофонами [6].

Еще в 1974 г. в Законе о языках (закон 22) была указана необходимость введения французского языка в трудовую деятельность квебекцев. Но закон только инициировал эту необходимость, но не предусматривал никаких обязательств и мер принуждения по отношению к предприятиям. Хартия французского языка, положила начало процессу возвращения французскому языку всей функциональной мощности, которую он должен имеет во франкоязычном обществе. Статьи 135–156 Хартии [7, с. 197-204] законодательно определили сложный процесс франсизации сферы производства. Комитеты по франсизации, созданные на предприятиях, обязаны были анализировать языковую ситуацию на предприятии и предоставлять дирекции отчет, который дирекция обязана отправлять в Квебекское управление французского языка, которое в свою очередь разрабатывало программу франсизации данного предприятия, исходя из описанного состояния функционирования языков на нем. Предприятие обязано было исполнять все пункты своей программы и проводить процесс франсизации по предусмотренным этапам.

Члены комитета по франсизации предприятия должны были проводить свою работу по программе без отрыва от производства, и если они были заняты делами комитета, им были обязаны оплачивать это время как рабочее. Комитет обязан следить за тем, чтобы использование французского языка осуществлялось в полном объеме и на всех уровнях производства: руководители предприятия и весь персонал обязаны владеть официальным языком; всё внутреннее общение, как устное, так и письменное, должно проводиться на французском языке; рабочим языком предприятия должен быть только французский язык, также как на нем должна быть составлена вся документация предприятия; сотрудники предприятия обязаны пользоваться французским языком при общении с администрацией, клиентами, поставщиками, широкой публикой, они обязаны использовать терминологию на французском языке и использовать только этот язык в афишах и рекламе; при найме на работу, продвижении по службе обращалось внимание на знание французского языка. При этом, конечно, учитывалось, что в особом положении находились те работники, которые имели предпенсионный возраст или имели большой стаж работы на данном предприятии.

Программа франсизации пока еще не одержала полной победы на промышленных предприятиях Квебека, так как, несомненно, в XXI в., эпохе всеобщей глобализации, в промышленности, как и в других сферах жизни общества, при выходе на внешний рынок, а для Квебека еще и при контактах внутри страны со всеми другими англоязычными провинциями Канады, необходимо использовать английский язык, которым пользуется весь мир.

Языковое планирование Квебека было направлено не только на изменение языковой ситуации, но и включало в себя прогнозирование дальнейшего развития и кодифицирования квебекского варианта французского языка. Одной из основных задач процесса франсизации было использование нормированного литературного французского языка и, в частности, наличие корректной терминологии. С тех пор, как квебекское правительство объявило о насущной необходимости сделать французский язык рабочим языком Квебека, большое внимание было уделено нормированности квебекского варианта французского языка и разработке словарей разных специальностей. Начиная с 1961 г. Управление французского языка разработало методику для создания терминологических словарей. Помимо создания и обновления двуязычных словарей (в основном, англо-французских), было необходимо систематизировать терминологию разных областей техники, производства, общественной жизни в квебекском французском языке. На крупных предприятиях были созданы языковые службы, занимавшиеся переводом, редактированием текстов, разработкой терминологии данной отрасли. Подобные языковые службы выполняли свою собственную программу франсизации и распространяли литературный французский язык. К сожалению, в последние годы многие предприятия вынуждены были сократить языковые службы в целях экономии. Но следует отметить, что в настоящее время в разных сферах жизни квебекского общества общение происходит в основном на французском языке. Так, более 80 % квебекцев пользуются на своем рабочем месте французским языком, а в государственной администрации этот показатель доходит до 97 %.

К началу XXI в. было создано и опубликовано более 700 изданий по терминологии, в основном, толковых словарей на французском и англо-французских словарей, которые были одним из основных инструментов франсизации во всех учреждениях и предприятиях Квебека. Так как, важно было не только сделать французский язык основным рабочим языком квебекского общества, но и важно было, чтобы квебекцы говорили на правильном литературном квебекском варианте французского языка, как на рабочем месте, так и во всех других сферах коммуникации. Предпринятые правительством Квебека меры по распространению французского языка на сферу производства показали, что процессом франсизации можно управлять, как и любым другим процессом на предприятии. При этом наблюдатели отмечают, что переход предприятий на французский язык, язык рабочих, привел к определенному увеличению производительности труда.

Полстолетия тому назад образ франкоканадца Квебека ассоциировался с языковой ассимиляцией, подчиненным экономическим положением, более низким доходом и борьбой за выживание. А экономика и управление находились в руках англоговорящего меньшинства. В то время дети иммигрантов посещали школы с английским языком обучения. Английский язык доминировал на предприятиях и в торговле. В настоящее время языковая ситуация изменилась кардинально. Во всех сферах общения французский язык занял подобающее ему почетное место единственного официального языка. «Тихая революция» Квебека завершилась внушительной победой франкоквебекцев по возрождению и развитию их родного языка.

Литература

1. *Реферовская Е.А.* Французский язык в Канаде. – Л.: Изд-во «Наука», 1972. -215с.
2. *Черкасов. А.* Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде. [Электронный ресурс] URL: <http://www.niworld.ru/Statei/cherkasov/n1.htm> (дата обращения 20.01.2019).
3. *Corbeil J.- Cl.* Théorie et pratique de la planification linguistique // Langues et usage des langues. Recueil de textes de J.-CL. Corbeil. Québec : Conseil de la langue française, 1990, P. 13 – 27.
4. *L'aménagement de la langue: pour une description du français québécois.* Québec. Conseil de la langue française. Rapport et avis. 1990.- 65 p.
5. *Le français, une langue pour tout le monde: une nouvelle approche stratégique et citoyenne.* Québec: Commission des Etats généraux sur la situation et l'avenir de la langue française au Québec. 2001. - 285 p.
6. *Rapport de la Commission royale d'enquête sur le bilinguisme et le biculturalisme.* Ottawa: Imprimeur de la Reine, 1967. V. 1. Les langues officielles. - 90 p.
7. *Recueil des législations linguistiques dans le monde. T. 1. Le Canada fédéral et les provinces canadiennes.* Quebec: Centre International de recherche en aménagement linguistique, 1994. -300 p.

Кабардино-черкесский язык: аспекты языковой политики на современном этапе¹

Kabardino-Circassian language: aspects of language policy at the present stage. The article deals with the problems of functioning of the Kabardino-Circassian language and the implementation of language policy mainly in the Kabardino-Balkar Republic in some areas of communication – primarily in education, as well as in the field of mass communication and the use of language in communication with the Circassian Diaspora.

Кабардино-черкесский язык входит в северокавказскую семью языков: абхазско-адыгская (западнокавказская) группа, адыгская подгруппа. Близкородственным языком является адыгейский, родственные языки – абазинский, абхазский. Носителями кабардино-черкесского языка являются две общности – кабардинцы и черкесы (кабардинцы, черкесы и адыгейцы именуют себя *адыгами*).

Способ расселения кабардинцев в РФ преимущественно компактный, есть небольшие анклавы; для черкесов характерно компактное и смешанное расселение. Традиционная *территория проживания* кабардинцев и черкесов – Кабардино-Балкарская Республика (КБР) и Карачаево-Черкесская Республика (КЧР). Основная территория расселения кабардинцев – КБР: в 2010 г. всего в РФ проживало 516826 кабардинцев (100 %), из них в КБР – 490453 чел. (94,9 %). За пределами республики проживала небольшая часть кабардинцев (в основном в Ставропольском крае – более 6,5 тыс. чел., в Северной Осетии – около 3 тыс. чел. и в некоторых других регионах). Основная территория расселения черкесов – КЧР: всего в РФ проживало 73184 чел. (100%), из них в КЧР – 56466 чел. (77,2 %); кроме того черкесы проживают в Краснодарском крае (около 4,5 тыс. чел.), в Ставропольском крае (более 2 тыс.чел.) и в других регионах.

За последнее десятилетие соотношение *городских и сельских* жителей среди кабардинцев и черкесов существенно не изменилось: около 50 % кабардинцев и 60 % черкесов по-прежнему проживают в сельской местности.

Демографическая мощь языка в целом значительна: в 2010 г. в РФ проживало всего около 600 тыс. кабардинцев и черкесов, из которых подавляющее большинство (более 87 %) владели своим этническим языком.

Этноязыковые ситуации в двух республиках (КБР и КЧР), где проживают носители языка, имеют сходства и различия. *Социально-коммуникативные системы* и в КБР, и в КЧР являются многокомпонентными, однако СКС в Кабардино-Балкарии – трехкомпонентная (три государственных языка: русский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский); в Карачаево-Черкесии – пятикомпонентная (пять государственных языков: русский, карачаево-балкарский, кабардино-черкесский, абазинский, ногайский). Таким образом, кабардино-черкесский язык имеет правовой *статус государственного* в двух регионах РФ.

Различаются также *численность населения, национальный состав и доля носителей* кабардино-черкесского языка в этих республиках. В КБР в 2010 г. все население составляло 860 тыс. чел. (в 2018 г., по данным Росстата, – 865 тыс. чел.). При этом кабардинцы в КБР являются наиболее многочисленным народом: в 2010 г. их доля составила более половины населения республики – 57,2 % (ср.: русские – 22,5 %, балкарцы – 12,7 %, остальные национальности – ок. 8 %). В КЧР в 2010 г. проживало всего 478 тыс. чел. (в 2018 г., по данным Росстата, – 466 тыс. чел.). Доля черкесов в населении республики значительно меньше – 11,8 % (ср.: карачаевцы – 40,7 %, русские – 31,4 %, абазины – 7,7 %, ногайцы – 3,3 %, на долю остальных национальностей приходится 5,1 %). Абазины являются родственным черкесам этносом. В составе русского населения региона значительную долю составляет казачество.

Литературный кабардино-черкесский язык относится к группе *младописьменных* языков. В соответствии с социолингвистической классификацией литературный язык является *среднеразвитым в функциональном отношении*. В основу литературного языка легли баксанский диалект и говоры Большой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ («Русский язык в полиэтнических регионах Российской Федерации: проблемы правового регулирования»), проект № 18-012-00846а.

Кабарды (КБР), они распространены на территориях, где проживает наибольшее число носителей языка. Функционирование языка в двух субъектах в РФ в различном языковом и диалектном окружении обусловило возникновение *двух близких вариантов* литературного языка, отличающихся некоторыми региональными чертами: 1) вариант, используемый на территории Кабардино-Балкарии («кабардинский язык») и 2) вариант, используемый на территории Карачаево-Черкесии («черкесский язык»). Однако центристские тенденции имеют сильную поддержку благодаря безусловной установке на единство культуры и языка и достаточно интенсивному культурному обмену между КБР и КЧР. К особенностям функционирования языка в регулируемых сферах относится тот факт, что кабардино-черкесский язык более интенсивно используется в КБР и менее интенсивно – в КЧР, что обусловлено различными социально-демографическими и экономическими условиями: в КБР у языка значительно большая демографическая база, кроме того в экономическом отношении КБР является заметно более мощным регионом с развитой инфраструктурой.

Язык функционирует в большинстве сфер *организованного общения* с различной интенсивностью, в сферах *нерегулируемого общения* используется в устной форме в дружеском, внутрисемейном общении, в спонтанном неофициальном общении в различных ситуациях. Наибольшая функциональная нагрузка языка в доминантных сферах: он используется в сфере образования, функционирует в сфере массовой коммуникации. На языке имеется достаточно богатая художественная литература, издано большое число наименований учебной, научной, публицистической, религиозной и др. литературы, издаются газеты, журналы, выходят радио- и телепередачи, регулярно осуществляются разнообразные театральные постановки. Наиболее сформированными функциональными стилями литературного языка являются стиль художественной литературы, учебный подстиль научного стиля, публицистический стиль. В меньшей степени кабардино-черкесский язык функционирует в сферах законодательства, административной деятельности, в сфере промышленного производства и некоторых других сферах. (Более подробно о функционировании кабардино-черкесского языка см. [Колесник 2016, 2000]).

К настоящему времени накопилось немало разнообразных проблем, связанных с функционированием кабардино-черкесского языка и реализацией языковой политики. Сложившаяся в КБР ситуация с языками, оценивается в республике как неблагоприятная, в связи с чем высказываются серьезные нарекания в части осуществления языковой политики в различных сферах общения (особенно в сфере образования). Происходит постоянное сокращение функциональной нагрузки языка во многих сферах, в том числе и доминантных сферах. Отмечается падение уровня владения языком – прежде всего у молодежи. Так, координационный Совет адыгских общественных объединений и ассоциации преподавателей адыгского языка, выражают серьезную озабоченность тем, что молодежь республики плохо владеет родными языками, и ситуация с каждым годом ухудшается – причем в *селах дети владеют как минимум разговорным уровнем, а в городе большинство детей не могут свободно общаться на родном языке*.

Результаты языковой политики в республике во многом оцениваются негативно, и при этом отмечается, что ряд упущений относится не только к последнему периоду – проблемы продолжали накапливаться на протяжении ряда лет.

Упреки наиболее общего характера вызваны тем, что до сих пор не разработаны механизмы формирования и проведения научно обоснованной языковой политики в соответствии с требованиями Закона о языках. С 2000 г. в КБР нет действующих государственных программ, направленных на сохранение, изучение и развитие языков народов КБР, что свидетельствует об отсутствии целенаправленной системной деятельности в этом важнейшем направлении [Сохранению...], в то время, как именно государственные целевые программы, утверждаемые республиканским правительством в соответствии с принятым законодательством, должны быть основой реализации региональной языковой политики, и органы исполнительной власти обязаны обеспечивать их разработку и применение. Однако «последняя государственная программа действовала в период 1996–2000 гг. – вместе с тем, проблемы, на решение которых была направлена основная часть этой программы, до сих пор не решены. [Общественная палата КБР]. Образованный еще в 2013 г. Экспертно-консультативный совет по сохранению и развитию языков (кабардино-черкесского и карачаево-балкарского) до настоящего времени так и не начал свою деятельность. Ситуация усугубляется из-за отсутствия должного контроля со стороны государственных органов (Министерства просвещения, науки и по делам молодежи КБР) за качеством преподавания родных языков.

Наиболее острую критику языковой политики, проводимой республиканскими государственными органами, вызывает положение дел в сфере образования.

Если кратко охарактеризовать ситуацию в *сфере образования*, то приходится констатировать, что на протяжении нескольких лет (последние 10–15 лет) происходило постоянное сокращение объема функционирования языка на всех уровнях образования – от дошкольного до высшего образования.

В *сфере начального и общего среднего образования*, по данным Министерства образования и науки РФ, кабардино-черкесский язык функционировал в качестве средства образования (в КБР и КЧР) и изучался как предмет на территории нескольких субъектов РФ. В качестве *средства обучения* язык использовался в КБР до 2011 г. в начальной школе преимущественно в сельской местности (в КЧР – до 2006 г. в начальных сельских школах). В настоящее время кабардино-черкесский язык как средство обучения не используется. *Как предмет* язык изучался в четырех субъектах РФ: прежде всего в КБР – в начальной и средней школе с 1 по 11 класс (в КЧР – в начальной и средней школе с 1 по 9 класс, а также ограниченно – в Краснодарском крае и Северной Осетии). Однако количество школ и число школьников, изучающих язык, из года в год постоянно уменьшается.

В *высшей школе* в последние годы наблюдается постоянное сокращение числа абитуриентов, поступающих на факультеты с изучением родных языков, уменьшается выпуск учителей родного языка и литературы.

При этом качество преподавания заметно снижается: «Почему наши дети получают «пятерки», а говорить на родном языке не могут? Мы должны признаться, что перестали готовить преподавателей родных языков и литератур на должном уровне, поэтому обучение этим предметам на всех ступенях образования по большей части ведется формально. Если мы не восстановим это самое важное звено, ни о каком сохранении, а тем более развитии языков не может быть и речи», – подчеркнул председатель Общественной Палаты КБР [gosobzor.ru]. «Системообразующей проблемой» в сфере образования называют недостаточный уровень методической подготовки учителей родных языков и литератур, что порождает непривлекательность уроков родного языка для обучающихся.

Языковая политика в сфере образования в республике основывается на федеральном и республиканском языковом *законодательстве*. И тут, пожалуй, наиболее острой проблемой можно признать выбор и оценку законодательной концепции о «*добровольном или обязательном*» изучении родных языков. Как известно, этот вопрос получил широкий резонанс и вызвал оживленную дискуссию в стране, в том числе и в КБР.

В последней редакции (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 25 декабря 2018 г.) *Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»* в Ст. 14 отмечается, что государство предоставляет право на «выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» (п. 1); свободный выбор языка образования и изучаемых как предмет родных языков, «из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей» (п.6) [Федеральный закон].

В последней редакции *Закона об образовании КБР* (2014 г., с изменениями на 17.04.2017) в Ст. 4, п. 1 зафиксировано, что гражданам «гарантируется право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на кабардинском и балкарском языках, право на изучение указанных языков, а также родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования»; и далее: «...введение в общеобразовательных организациях, в которых обучение ведется на русском языке, для обучающихся, для которых кабардинский или балкарский язык является родным, в качестве *обязательного* учебного предмета кабардинского или балкарского языка (по выбору обучающегося) как государственного языка Кабардино-Балкарской Республики» [Закон КБР "Об образовании"].

Абсолютное большинство представителей общественности и экспертов, выражая тревогу относительно будущего языка, считают неправильным отказ от обязательного изучения родного языка. Добровольный принцип преподавания и изучения государственных языков республик Российской Федерации должен учитывать конституционно-правовой статус государственного языка республики.

В КБР еще в 2014 г. при рассмотрении обновленной редакции республиканского Закона "Об образовании" по инициативе общественности была организована широкая дискуссия, в результате которой наиболее приемлемым сочли следующее решение: учащиеся, для которых кабардинский или балкарский язык является родным, в качестве обязательного учебного предмета по своему выбору изучают

кабардинский или балкарский язык. [РИА КБР]. Во время публичных слушаний закона КБР «Об образовании» звучали разные мнения, но большинство пришло к такому компромиссному решению: право на обучение на родном языке, балкарском или кабардинском, оставить в законе записанным как *право*, а изучение родных языков как учебной дисциплины должно быть *обязанностью*. [Обучение...]. В июле 2018 г. депутаты парламента КБР также единогласно проголосовали за то, что преподавание и изучение государственных языков республики должно быть обязательным в отношении тех обучающихся, для которых указанные языки являются родными. [РИА КБР].

Таким образом, республиканское законодательство в настоящее время устанавливает *обязательность* изучения родных языков только для *носителей языка*, для всех остальных – на *добровольной* основе.

При этом отмечалось, что «хранитель языка и традиций – прежде всего семья». Люди других национальностей не смогут сохранить кабардинский или балкарский языки, как бы хорошо их ни изучили. Традиции, культуру и национальный язык могут сберечь только представители этих национальностей [Обучение...].

Еще одним дискуссионным вопросом является вопрос о возобновлении использования родного языка как *средства образования*; однако здесь преобладает мнение о нецелесообразности этого шага в силу ряда причин:

- нет учителей, имеющих соответствующую подготовку для преподавания на родных языках предметов из курса начальной школы;

- в образовательных учреждениях имеются учебники для изучения родных языков, но вместе с тем, учебники на родных языках по разным дисциплинам в республике отсутствуют;

- в случае перехода на обучение на родных языках возникнет необходимость перевода всех действующих учебно-методических комплектов на родные языки, их тиражирования, заключения сублицензионных договоров с издательствами и подготовки соответствующих кадров;

- на сегодняшний день предложений о переходе на обучение на родных языках со стороны родителей в министерство не поступало (Темрокова И., начальник отдела дошкольного и общего образования Министерства образования, науки и по делам молодёжи КБР [Темрокова]).

Те, кто считает возвращение к обучению на национальных языках нецелесообразным, апеллируют к историческому опыту: попытки вести преподавание всех школьных предметов, изучение точных наук на кабардинском или балкарском языках предпринимались в разные периоды истории республики, однако они не прижились, не получили развития [Сохранению ...]. Кроме того, в качестве аргументации используются прагматические аспекты, см., напр., достаточно распространенное мнение, высказанное председателем общественной организации «Алан» (Суфьян Беппаев): «Прежде всего нужно исходить из интересов детей и немножко заглядывать в их будущее, когда им нужно будет продолжать учёбу в вузах страны. Начинать изучение русского языка после начальной школы – большая ошибка, и она приведёт к дополнительным затратам на тех же репетиторов с пятого класса. Без русского языка нельзя, и тотальным внедрением обучения на родных языках проблема не решится... Мы должны придерживаться принципа – не навреди» [Обучение...].

Ситуацию в другой доминантной сфере – *сфере массовой коммуникации* – можно характеризовать в целом как более стабильную.

В КБР выходит в свет *периодика* на государственных языках. На кабардинском издается республиканская газета «Адыгэ псалъэ», журналы «Туашхъэмахуэ» («Эльбрус», литературно-общественный журнал) и «Нур» (детский журнал); газеты «Советская молодежь» и «Горянка» имеют отдельные полосы, отведенные публикациям на кабардинском (и балкарском) языке. При этом отмечается как отрицательная тенденция сокращение периодичности выхода газет: три республиканские газеты, выходящие на русском, кабардинском и балкарском языках, переведены с пятиразового на трехразовый выпуск. Однако здесь надо иметь в виду, что уменьшение выпусков и тиражей периодики – это явление, характерное для всей сферы в целом, и главная причина здесь лежит все же в конкуренции с электронными СМИ, которым бумажная периодика проигрывает. И, кстати, кроме печатной версии, упомянутые газеты представлены и в электронном виде.

На государственных языках КБР ведется *теле- и радиовещание*, выпускаются передачи и программы на кабардино-черкесском языке, подготовленные государственными компаниями. Тематика передач разнообразна, в том числе уроки кабардинского языка выходят в эфир по вторникам и четвергам в 20 часов (уроки балкарского – в то же время по средам и пятницам). Видеоматериалы также размещаются

на сайтах telestudio.pro и allrussia.tv/kabardino-balkarija. Однако доступность республиканских каналов, вещающих на языке, обеспечена только для 76 % населения. Для 100 %-го охвата территории КБР телерадиовещанием необходимо задействовать дополнительные ресурсы; в республиканском бюджете КБР на 2018 и последующие годы не были предусмотрены финансовые средства на указанные цели.

Само вещание ведется в аналоговом формате. Отсутствуют спутниковые каналы вещания, доступные как на территории республики, так и для соотечественников, проживающих за рубежом, при том что вещание на диаспору ведется регулярно.

Интересно сопоставить ситуацию в описанных выше сферах с государственной политикой в такой достаточно специфической, но значимой для адыгских народов сферой, как культурно-языковое взаимодействие с черкесской *диаспорой*.

Наличие обширной диаспоры за пределами России (главным образом в Турции, странах Ближнего Востока и других странах; в большинстве это потомки мухаджиров-переселенцев, покинувших Кавказ в результате войн XIX в.) является характерной особенностью расселения этих народов. Традиционно к черкесской диаспоре относят кабардинцев, черкесов и адыгейцев, к ней же причисляют абазинцев и абхазов, которых там также называют черкесами. Точные количественные данные о диаспоре не известны; различные источники называют сильно разнящиеся цифры – от 600 тыс. до 1,5-2 млн. и более.

Зарубежные черкесы активно поддерживают общение с российскими адыгами. Отметим, что большую роль в межкультурном взаимодействии играет «Международная черкесская ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной», которая является весьма влиятельной общественной организацией [Кушхабиев]. МЧА принимает активное участие в обсуждении многих культурных и этнополитических проблем, в том числе – проблем функционирования и развития языка, проблем репатриации и многие другие.

Языковая политика в данной сфере, проводится не одно десятилетие и имеет своей целью оказать поддержку развитию связей с диаспорой, что зафиксировано также и на законодательном уровне: «Кабардино-Балкарская Республика содействует соотечественникам, проживающим за пределами республики, в организации обучения и воспитания на родном языке». (Ст.8, п.5 Закона о языках КБР) [Закон о языках КБР]. Языковая политика реализуется в таких формах, как обучение студентов и подготовка учителей, социальная и культурная адаптация зарубежных адыгов, другие формы культурно-языкового взаимодействия с диаспорой. В Кабардино-Балкарском гос. университете в 2018 г. обучалось 185 студентов-соотечественников; рост числа иностранных студентов по сравнению с предыдущим годом составил более 30 %. При этом в Указе президента КБР обозначена задача до 2024 г. увеличить не менее чем в два раза количество иностранных граждан, обучающихся в вузах республики. Содействие молодым зарубежным соотечественникам в получении высшего и среднего профессионального образования в вузах Кабардино-Балкарии оценивается как одно из приоритетных. Ведется активная культурно-воспитательная и информационная работа со студентами. Для того, чтобы помочь социокультурной и языковой адаптации репатриантов, организованы курсы по русскому и кабардинскому языкам, семинары по истории и культуре России и республик Северного Кавказа. Студенты, обучаясь в республике по 6-7 лет, знакомятся с исторической родиной, находят родственников, друзей, обзаводятся семьями. Многие выражают желание после окончания вуза остаться жить и работать в республике.

Действуют также специальные госпрограммы для адыгов, проживающих в зарубежных странах. В частности, в рамках этих программ черкесская диаспора регулярно получает учебную литературу [Фонд...], осуществляется еженедельное радиовещание на диаспору, что также рассматривается как важная составная часть национально языковой политики в республике.

Литература

Закон КБР "Об образовании" – Закон Кабардино-Балкарской Республики от 24 апреля 2014 г. N 23-РЗ "Об образовании".

Закон о языках народов Кабардино-Балкарской Республики.

Колесник Н.Г. Кабардино-черкесский язык // «Язык и общество. Энциклопедия». Отв.ред. В.Ю.Михальченко. М.: «Азбуковник», 2016. С. 176-185.

Колесник Н.Г. Кабардино-черкесский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М., 2000. С. 137– 159.

Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик, 2007 - <http://intercircass.org/?p=2929> – вход 10 04 2017.

Обучение на государственных языках КБР право выбора – <http://nalchik.bezformata.com/listnews/obuchenie-na-gosudarstvennih-yazikah-kbr/19220480/> – вход 10.04.2019.

Общественная палата КБР – <http://опкбр.рф/index.php/1368-sokhraneniyu-i-razvitiyu-yazykov-narodov-kbr-ne-udelyaetsya-dolzhnogo-vnimaniya> – вход 21.05.2019.

РИА КБР – Республиканское информационное агентство Кабардино-Балкария – <http://kbrria.ru/politika/deputat-parlamenta-kbr-prokomentirovala-proekt-zakona-o-dobrovolnom-izuchenii-nacionalnyh> – вход 10.0054.2019.

Сохранению ...– Сохранению и развитию языков народов КБР не уделяется должного внимания – Общественная палата, Без формата, 27.06.2018 – <http://опкбр.рф/index.php/1368-sokhraneniyu-i-razvitiyu-yazykov-narodov-kbr-ne-udelyaetsya> – вход 21.05.2019.

Темрокова И. – <http://nalchik.bezformata.com/listnews/obuchenie-na-gosudarstvennih-yazikah-kbr/19220480/> – вход 15.05.2019.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации».

Фонд...– Информационный портал Фонд черкесской культуры «Адыги» – <http://fond-adygi.ru/page/rossija-dlja-vseh-provela-cherkesskij-kruglyj-stol> – вход 10 04 2015.

gosobzor.ru – <http://gosobzor.ru/2018/06/26/pochemu-nashi-deti-poluchayut-pyaterki-a-govorit-narodnom-yazyke-ne-mogut> – вход 10.04.2019.

Языковое законодательство в Республике Крым: опыт и перспективы

Language legislation in the Republic of Crimea – experience and perspectives. The article presents a description of the current linguistic situation in the Republic of Crimea in the conditions of the officially functioning three state languages – Russian, Ukrainian and Crimean Tatar. The article is concerned with the legislation on the language policy in the region before and after joining the Russian Federation.

Опыт языкового законодательства в Республике Крым всегда представлял большой научный и практический интерес, так как Крымский полуостров в силу культурно-исторических причин является поликультурным многонациональным регионом с уникальной языковой ситуацией, которая сложилось, с одной стороны, вопреки ранее проводимой языковой политики, а с другой – является её прямым следствием.

Изучению и описанию языковой ситуации в Республике Крым посвящён широкий круг исследований, авторами которых стали А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев, Р.В. Забашта, Г.Ю. Богданович, А.М. Эмирова и др. [3; 6; 9]. Описание истории развития и регулирования межнационального и языкового взаимодействия в Республике Крым является традиционным направлением исследований, характерным для любого полиэтничного региона. Однако мы считаем, что главной причиной уникальности крымского региона в этом отношении является сочетание ряда факторов, повлиявших на заселение и освоение полуострова, развитие и взаимодействие многих языков и культур. Перечислим основные факторы.

1. Биолого-географические: принадлежность к Восточной Европе; два моря; мягкий климат; Крымские горы, состоящие из известняковых массивов и глубоких каньонов; многообразие животного и растительного мира и др.

2. Исторические факторы: заселённость Крыма с античных времён, строительство пещерных городов и крепостей, например: Неаполь Скифский (древний город, крепость скифов), Херсонесское государство (Херсонес, Сарсона – древнегреческий полис), Боспорское царство и др., создание резиденции наместника хана Золотой Орды и др.

3. Геополитические факторы: принадлежность всего полуострова или его части в разные периоды к Османской империи, Российской империи, Советскому государству, Украине, Российской Федерации. Таврическая губерния – Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика (1921) – Крымская АССР (1929) – Крымская область РСФСР (1945) – Крымская область УССР (1954) – Крымская АССР в составе УССР (1991) – Республика Крым в составе Украины (1992) – Автономная Республика Крым (1994) – Республика Крым и город федерального значения Севастополь в составе Российской Федерации (2014). Так, двадцать три года (1991–2014) Крымский полуостров находился в составе Украины, что стало причиной проникновения в различные сферы (образование, документооборот, художественная литература, СМИ и т. д.) украинского языка.

Статья 6 Конституции Автономной Республики Крым редакции 1992 года устанавливала для русского, украинского и крымскотатарского языков статус государственных языков. Однако, по мнению Г.Ю. Богданович и многих других крымских учёных, эта статья не работала. В 1996 г. произошли изменения, существенно повлиявшие на языковую ситуацию в регионе. В этом году была принята новая Конституция Украины, в которой отношения между языками в Крыму регулировались статьей 10. В статье отмечалось, что в Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств. В новой Конституции Автономной Республики Крым, утвержденной 21.10.1998 г., декларировался статус русского языка как языка межнационального общения в Крыму параллельно с государственным языком [2, с. 217-218]. В этот период русский язык не полностью использовал свои функциональные возможности. Например, в сфере юриспруденции использовался исключительно украинский язык. Большинство русскоязычного населения региона стали билингвами, так как украинский изучался в течение всего периода обучения в школы и частично в высших учебных заведениях. Мы говорим о приобретенном билингвизме и трилингвизме для крымчан, у которых русский не родной язык.

Отметим, что в Севастополе, исторически русскоязычном городе, языковая ситуация отличалась от общекрымской. С одной стороны, влияние и распространение украинского языка в городе было минимизировано, а с другой, оно воспринималось намного острее, чем в республике.

4. Демографический фактор является прямым следствием историко-социального развития региона. В разное время в Крыму проживали скифы, сарматы, тавры, киммерийцы, аланы, эллины, византийцы, греки, хазары, славяно-русы, армяне, гетуэцы и мн. др. [8]. По данным переписи населения, количество постоянно проживающих в Крымском федеральном округе (2014 г.) составило 2284,8 тысяч человек. Сегодня этническое многообразие полуострова создают 175 национальностей. К самым крупным этносам относятся: русские, украинцы, татары, белорусы, армяне, узбеки, евреи, греки, мордва, грузины, турки, таджики, марийцы и др. [8]. Наличие крымских этносов, то есть сформировавшихся в Крыму и относящихся к редким или уникальным, является отличительной чертой крымской языковой ситуации. Учитывая демографический фактор и другие, очевидно, что в Республике Крым одной из основных задач языковой политики является необходимость учитывать языковые интересы основных этнических групп, в которых каждый из языков имеет свои проблемы и нуждается в различных мерах поддержки.

Традиционные исследования языковой проблемы полуострова до крымских событий 2014 г. были тесно связаны с вопросом языковой политики, проводимой СССР и/или Украиной, следовательно, и вопросом соотношения и функционирования трёх главных языков региона: украинского, русского и крымско-татарского. Являясь частью Украины, Крым находился в центре внимания учёных как территория с социально напряженной ситуацией, вызванной нерешённой в пользу крымчан языковым вопросом (речь идет об отказе украинских властей законного признания права крымчан на волеизъявление на родном языке во всех сферах коммуникации – русском (□ для 84 % населения) и крымскотатарском (□ для 8 % населения)). Трудно переоценить роль, которую выполнял многие годы русский язык на полуострове. Русский язык в Крыму всегда был его составной частью, неразрывно с ним связанный, он не только объединял крымчан между собой, но и соединял полуостров с русским миром, без которого невозможно представить историю и культуру Крыма.

Под крымскими событиями 2014 г. мы подразумеваем общекрымский референдум 16.03.2014 г., инициированный Председателем Верховной Рады Автономной Республики Крым в знак недоверия правительству и Президенту Украины и с целью присоединения к Российской Федерации в случае согласия большинства проголосовавших. Так как за присоединение территории крымского полуострова к России на правах субъекта отдали почти 97 % голосов от общего количества голосовавших, то 18.03.2014 г. в Москве главами Российской Федерации и Республики Крым торжественно подписан межгосударственный договор, официально подтверждающий признание результатов проведенного референдума российской и крымской сторонами.

В первую очередь, конечно же, крымчан интересовал «языковой» вопрос как краеугольный камень, поэтому принципиально важным было заявление В. Путина в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов (18 марта 2018 года): «Мы с уважением относимся к представителям всех национальностей, проживающим в Крыму. Это их общий дом, их малая Родина, и будет правильно, если в Крыму – я знаю, что крымчане это поддерживают, – будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымскотатарский».

Действительно, вопрос о статусе языков в Республике Крым в Конституции Республики Крым и ряде других важнейших документов был решён в пользу признания русского, украинского и крымскотатарского языков государственными языками. Конституция Республики Крым от 11.04.2014 г., Закон Республики Крым от 06.07.2015 г. № 131-ЗРК/2015 «Об образовании в Республике Крым»; Проект Закона от 23.05.2017 г. № 2-1236/30-10 «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым» закрепляют право граждан на выбор языка общения и образования, определяют язык нормативных правовых актов и правила использования языков в работе органов государственной власти Крыма, учреждений и организаций, закрепляют общий порядок определения языка написания наименований географических объектов и надписей и т. д. Согласно Закону, государственными языками Крыма являются русский, украинский и крымско-татарский. В Севастополе официальным языком стал только русский. Русский язык после возвращения ему на полуострове статуса государственного перестал испытывать сильное влияние со стороны украинского языка.

С марта 2014 г. началась интеграция полуострова в культурное, языковое, политическое пространство Российской Федерации. Русскому языку возвращён статус государственного, что значительно расширило его номинативный состав за счёт включения единиц из всех сфер употребления, но, в первую очередь, официальной.

Особенность языковой ситуации Крыма, начиная с переписи населения 1926 г. до настоящего времени, заключается в том, что, несмотря на государственную принадлежность, русский язык является преобладающим родным языком для крымчан. Невзирая на национальную принадлежность, русским языком в Крыму владеет 99,8 % всех опрошенных [8]. Так, русский язык в Республике Крым и Севастополе выполняет различные функции: является родным языком для большинства крымчан; государственным языком и преобладает во всех сферах жизни; используется как язык-посредник в актах межъязыкового общения; посредник лингвоэтнических связей региона; язык обучения во всех типах образовательных учреждений; школьный предмет. Следовательно, языковую ситуацию полуострова можно охарактеризовать как область этнического мультязычия, в которой доминирует русский язык во всех сферах социального взаимодействия как государственный язык, как язык титульной нации и используется этническими меньшинствами в качестве второго родного и/или языка посредника. Особенности функционирования русского языка сегодня отчетливо указывают на его полифункциональность [5].

В соответствии со статьей 3 Закона «Об образовании в Республике Крым», «защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов, проживающих на территории Республики Крым, обеспечение <их> языковых потребностей» являются принципом государственной политики в сфере образования в Республике Крым [4]. В Республике Крым законодательно закреплены права граждан на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымскотатарском, а также право на изучение родного языка. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования [4].

В настоящее время в государственных, муниципальных образовательных организациях обучение ведётся преимущественно на русском языке, однако семь языков являются предметом изучения (армянский, болгарский, греческий, крымскотатарский, немецкий, русский и украинский) [1, с. 5].

В соответствии с принципами предоставления общего образования и языковой политики в Республике Крым власти республики принимают меры для обеспечения всех необходимых условий для реализации прав жителей Крыма, независимо от их национальной или языковой принадлежности, на образование на родном языке. С этой целью из бюджета выделяются средства на выпуск учебников, подготовку кадров, осуществляется разработка учебных программ на родных языках народов России, проживающих на территории Крыма. Так, в 2015 – 2017 годы выделено 96 433 569.60 рублей на издание учебной литературы на крымскотатарском языке, в 2018 году – 35 млн. рублей – на крымскотатарском и украинском языках. Формируя и реализуя языковую политику в сфере образования в соответствии с общими положениями, действующими в России. Согласно крымской модели родные языки народов России, проживающих в Республике Крым – «в т.ч. крымскотатарский и украинский – включены в обязательную часть учебного плана школ и изучаются по заявлениям родителей учащихся при приеме на обучение по образовательным программам дошкольного образования, начального общего и основного общего образования на основе добровольного, свободного, информированного выбора» [1, с. 5-6].

Несмотря на статус государственного языка изучение крымскотатарского и украинского языков в школах факультативно. С момента как Президентом РФ был опубликован Указ от 21.04. 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» это несоответствие пытаются устранить активисты, настаивающих на обязательном изучении всех государственных языков в республике. Отметим, практика факультативного изучения родного языка в Крыму практикуется с 1992 г.

Законодательное закрепление трёх государственных языков на территории Крыма является важным шагом на пути реализации интересов основных этнических групп, проживающих в республике.

Ближайшей перспективой в области языкового законодательства является принятие закона «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым». Использование принципа толерантности и учёт опыта других полинациональных субъектов России и интересов всех этнических групп, проживающих в Крыму, активное использование государственных языков в образовательном процессе является залогом создания благоприятных условий для дальнейшего процветания Крыма как полиэтничного, мультикультурного и многоязычного региона Российской Федерации.

Литература

1. *Аблятипов А.С.* Крым: образование на родных языках / А.С. Аблятипов // Форум-диалог «Языковая политика»: доклады участников. – М.: Федеральное агентство по делам национальностей, 2018. – С. 4-11. – Режим доступа: <https://fadn.gov.ru/>
2. *Богданович Г.Ю.* Русский язык в лингвокультурной ситуации Крыма / Г.Ю. Богданович // Учёные записки. Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского. – № 13, – Т. 1, 2016. – Симферополь. – С. 216-219. – Режим доступа: <http://sn-histor.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/12/028bogdanovich.pdf> (дата обращения: 01.04.19).
3. *Дорофеев Ю.В.* Развитие и взаимодействие языков на территории Российской Федерации / Ю.В. Дорофеев // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция: Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН. – М.: Языки Народов Мира, 2018. – 752 с.
4. Закон Республики Крым от 06.07.2015 г. № 131-ЗРК/2015 «Об образовании в Республике Крым» – Режим доступа: https://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_252464.pdf (дата обращения: 01.04.19).
5. *Лановая Т.В.* Особенности языковой ситуации Республики Крым на современном этапе / Т.В. Лановая // Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам VIII международной научно-практической конференции: «Достижения и проблемы современной науки». – С-П.: Научный журнал "Globus", 2016. – С. 101-104.
6. *Рудяков А.Н.* Георусистика, функциональная лингвистика и ... мифы русистики / А.Н. Рудяков // Георусистика: Вызовы XXI: Сб. науч. Ст. / Под редакцией А.Н. Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2011. – С. 5–17.
7. *Степанова А.А.* Языковая ситуация в Республике Татарстан: конфликт или толерантное равновесие? / А.А. Степанова // Вопросы психолингвистики, 2015. – С. 169-181.
8. Федеральная служба государственной статистики / Перепись населения в Крымском федеральном округе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 05.04.2019).
9. *Эмирова А.М.* Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма / А.М. Эмирова // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: матер. междунар. конф. – Киев, 1999. – С. 20-25.

Terminology planning as a crucial aspect of language planning in Mongolia

Разработка терминологии в контексте языкового планирования в Монголии. В настоящей статье основное внимание уделяется терминологическому планированию в целом, а также текущей ситуации в области терминологического планирования в Монголии. Рассматриваются перспективы терминологического планирования.

Terminology planning is activities aimed at developing, improving, implementing and disseminating the terminology of a subject field (ISO 29383:2010). Thus, the most countries have made systematic planning for terminology. But it can be said that there is not systematic terminology policy and planning in Mongolia. Thus, the present paper aims to focus on terminology planning in general (Section 2) and the current situation of terminology planning in Mongolia (Section 3) and a perspective idea for Mongolian terminology planning (Section 4). In the Section 5, we sum up our arguments and draw a conclusion about what we've been writing about in the paper.

1. Introduction

Terminology is a strategic resource and has an important role in a country regarding the functional development of languages and their users. Terminology plays a pivotal role not only in language development but also science and societal development since it is complex cross-disciplinary science. Austrian scientist E. Wüster affirmed terminology science to be a boundary area between linguistics, logic, ontology, computer science and the subject sciences. Therefore, terminology work should have good policy and planning itself.

Terminology planning as a separate discipline or research field is even younger than language planning and much less studied [Anje, 2009]. However, language communities of the world become increasingly aware of the importance of systematic terminology planning. UNESCO (2005) describes this importance as following:

At a strategic level, the positive potential of systematic terminology planning – and especially of terminology policies – in support of information, knowledge or innovation policies, as well as of educational strategies, etc. has been recognized. With this greater awareness, countries and language communities are increasingly feeling the need to formulate systematic terminology policies (comprising also terminology planning strategies) in order to improve their competitiveness [UNESCO 2005, ii].

Another facet of terminologies necessitating planning is their number, which is increasingly steadily growing. Terminology planning consciously and systematically develops special language according to the needs and requirements of domain communication, where a vast number of new technical terms are created every day in hundreds of languages all over the world. Leitchik and Shelov [2003: 82] believe that «...80-90 % per cent of new lexis entering developed languages...are terms and other special lexical units...» (see Grinev 2004). In a similar way, terms actually make up more than 90 % of all new words in Mongolian language as some Mongolian scholars have assumed. Thus, nowadays terminology planning must be significant part of language planning in Mongolian. However, terminology planning has not been considered as important as language planning and there has not been any official terminology planning in Mongolia up to now. For this reason, the present paper aims to focus on terminology planning in general (Section 2) and the current situation of terminology planning in Mongolia (Section 3) and a perspective idea for Mongolian terminology planning (Section 4). In the Section 5, we sum up our arguments and draw a conclusion about what we've been writing about in the paper.

2. Terminology planning as a part of language planning

Since a term is a unit of language, terminology planning is a part of language planning. However, sometimes they overlap and sometimes separate in their goal and scope. About this issue, Austrian well-known terminologists Galinski and Budin (1999) made model of communication planning as following:

According to the above model in Figure 1, both language planning and terminology planning are the parts of communication planning and while language planning concerns with general language issues including orthography, grammar, pronunciation, morphology, lexis, and scripts, terminology planning is subject-oriented focusing on knowledge organization, concepts and representations. However, they are overlapped since a term is a unit of language and naming concepts is the matter of linguistic side of the terminology. Moreover, terminology planning is not only a part of language planning but also it is a part of science and technology planning. Whereas the main aim of language planning is linguistic norm, the main aim of terminology planning is terminology

standardization. Thus, it can be defined that while language planning is the deliberate effort to improve communication in society or a language community at large, terminology planning is the deliberate arrangement to improve communication in a specific domain or subject field. It can take place at different levels – from local to international.

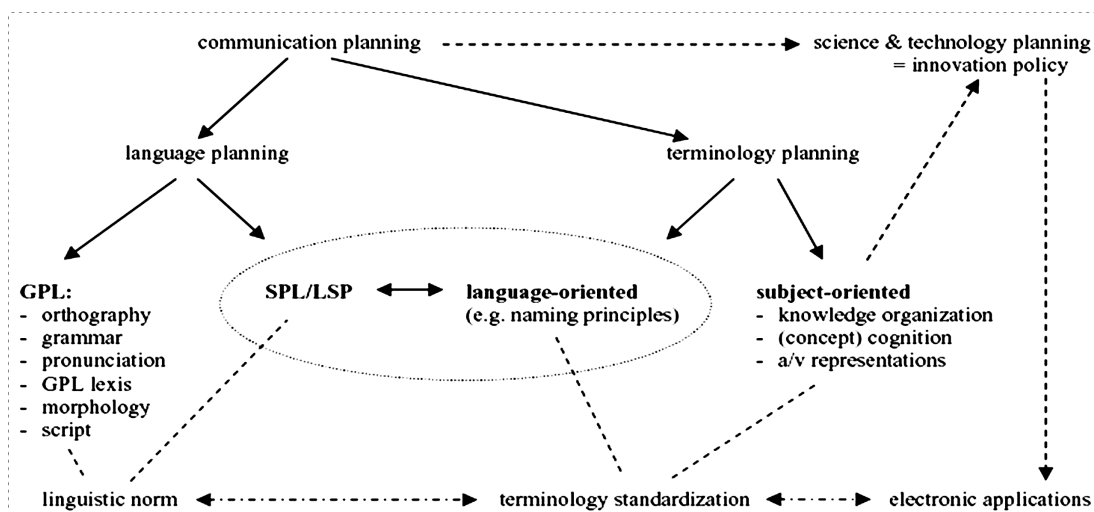

Figure 1: Model of communication planning (Galinski/Budin/de V Cluver, 1999)

Terminology planning has been defined differently by various scholars. For instance, Nedobity [1990: 655] considers terminology planning as «an integral part of special-language planning» GTP [2005: 8] describes terminology planning as an endeavor that «consciously and systematically develops special language according to the needs and requirements of domain communication.» According to ISO standard «Terminology planning is activities aimed at developing, improving, implementing and disseminating the terminology of a subject field (ISO 29383:2010).

Terminology planning is employed to develop and standardize terminology and terminological phraseology in support of the above and to guarantee overall efficient domain communication and knowledge transfer. In other words, terminology planning involves all aspects of terminology work and has among other objectives of achieving vocabulary control through such normative documents as thesauri and terminology standards. Terminology planning as a process consisting of six stages: 1. Research, 2. Standardization, 3. Dissemination, 4. Implantation, 5. Evaluation and measurement, 6. Modernization (Auger 1986: 48 quoted in Quirion 2003).

Terminology research: Since language keeps evolving, performing terminology research is never really a completed task to search for, analysis, synthesis, recording, and processing of terminological data relevant to one or more concepts. *Terminology research* is required in order to identify the *terms* that convey specialized knowledge.

Terminology standardization: Terminology planning is often connected with terminology standardization activities. Standardized terminology leads to exact communication and misinterpretation or misunderstanding are avoided.

Terminology dissemination: Dissemination covers a broad field in terminology, including at least the publication of term resources and drawing the attention of users to resources. Aim of dissemination is – or should be – to empower language users to use and actively engage with terminology resources. Effective dissemination influences different levels of use, such as media, education and official public use.

Terminology implantation: Implantation of suggested or standardized terms among users is one of the most essential criteria for the success of a term-planning organization.

Terminology evaluation: It is a very important aspect of term planning; it allows for corrections and adjustments in the organization’s work, and positive evaluation is an important mark of progress of terminology work.

Terminology modernization: There is also the need to keep term resources up to date from a technological point of view.

3. The Situation of Mongolian Language and Terminology Planning

The tradition of Mongolian terminology studies has long history because Mongolia has had multilateral relations with not only neighboring countries but also third countries in political, economic, cultural, literary and religious aspects since ancient time.

The State Terminological Commission was founded in 1924. Since then till 1990, the State Terminological Commission /STC/ has been playing an important role in terminology in cooperation with specialists and about 120 thousand terms of science and technology have been taken shape (Tumurtoogoo et al., 2007). Before the democratic revolution of 1990s, the terminology work had been more systematic under the control of the State Commission of Terminology.

However, the activity of the commission ceased during the social transition time. As a result of it, terminology work had become messy with many subject field dictionaries which include non-filtered grammatically and semantically incorrect terms formed by private companies, state organizations and individuals without any supervision. In other words, at that time there was not unified policy and control of terminology work as well as any cooperation between subject field specialists, terminologists, linguists, translators and standardization organization.

Nowadays, the government of Mongolia has paid special attention on terminology work adopted «Mongolian language law» which regulates the use of the language and terminology. According to the law, the National Council for Language, the State Commission for Terminology and the Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences are the main bodies who are responsible for terminology work. The Institute of Language and Literature of Mongolian Academy of Sciences, especially the Sector of Applied Linguistics is implementing the main role in terminology studies under the National Board for Language Policy. Our sector (the Sector of Applied Linguistics) has been in charge of research, creation, appropriation, dissemination of new terminology and providing governmental and non-governmental organizations with professional advice concerned with terminology.

There have been some achievements on terminology work such as that the Institute of Language and Literature became a member of the Infoterm, an international organization of terminology and started to implement the project to build online terminology database that contains all subject field key terms in collaboration with other institutes of Mongolian Academy of Sciences. In addition, the cooperation between organizations related to terminology work has improved and the activity of the State Commission of Terminology has been revived comparing to the transition period of Mongolia.

However there are still some problems such as following:

- No cooperation between MASM and Terminology organizations
- lack of knowledge and experience of modern terminology theory and technology
- no specialized terminologists
- inconsistency of terminology

All of these problems may arise due to lack of systematic terminology policy and planning. Thus, in the next section (4), I put forward the claim that in order to solve those terminology problems in Mongolia, we urgently need to organize sequential works to develop terminology science.

4. Perspective Ideas for Mongolian Terminology Planning

4.1. Who should plan terminology? The National Council for Language Policy, the terminology community of the Institute of Language, Mongolian Academy of Sciences, the State Commission for Terminology, education policy makers, subject field specialists;

4.2. What should we do?

In order to improve terminology work in Mongolia, the following proposals should be taken into consideration for terminology policy and planning.

- To make systematized and unified terminology policy: The most important things to include in terminology policy are: 1st structure and system of terminology field, 2nd monitoring term application, 3rd human resource, 4th quality of term standardization
- To reestablish the SCT upgrading its structure and activities in accordance with current social needs under the Parliament.
- To have national terminology standard based on international terminology standard
- **To improve the terminology management.** The most important thing for us is to study terminology management system from terminology developed countries. Especially, we urgently

need to study how to create terminology bank and terminology base in order to harmonize Mongolian terms to international terminological database.

- **Human capacity building: to prepare terminology specialists** in terminology-developed countries, to prepare professional terminologists To prepare terminologists in domestic universities, to include subject of terminology studies in curriculum of universities To send terminologists to master's and doctorate degree training in universities of terminology developed countries

- **To improve the quality of terminology standardization.** As developing country, a priori terminology standardization is rather needed in the form of terminology planning. Such approach, when it is based on successful linguistic planning can provide the preconditions for an accelerated transfer of knowledge, information and technology.

- Terminology training: Training work is important both to improve the quality and use of term resources, and to foster understanding of the use and importance of terminology. It is therefore closely related to dissemination and implantation work.

- Modernization through finding or creating an equivalent for new foreign concepts entering, regarding to what extent they could be disseminated and used by laypeople

- To *disseminate term resources online; make everything available online.* Dissemination needs to take account of how people use terminology websites.

5. Conclusion

Mongolian government has been paying a special attention to the terminological issue within the framework of language policy. Even though there are some improvements, we still have some problems because of systematic terminology policy and planning. Thus, the present paper aimed to make small contribution to terminology development adding some ideas of making terminology planning in Mongolia.

Effective economic, scientific and technological transfer and assimilation of knowledge and skills amongst subject specialists and laypeople, and the communication skills of the citizens of a country are developed through the use of correct and standardized terminology. Correct and consistent terms can help Mongolian development in all spheres. For this reason, terminology standardization can be viewed from a number of perspectives, which not only demonstrate dependencies with each other, but also with standardization in general. In order to standardize correct and consistent terms we need to take appropriate measures in complex regarding human capacity building, terminology work from creation to standardization and usages and terminology technology advancement.

References

Anja Drame. 2009. Terminology Policies and Communication for Social Change, dissertation Vienna, Austria.

Galinski, C., Budin, G. & de V. Chuver, A.D. 1999, «Terminologieplanung und Sprachplanung» in *Fachsprachen/Languages for Special Purposes. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft*, eds. L. Hoffmann, H. Kalverkämper & H.E. Wiegand, deGruyter, Berlin/New York, pp. 2205-2215.

Grinev, Sergey Victorovic. «Terminology in the era of globalization». In Shelov, S.D. and V.M. Leichik (eds.) *Russian Terminology Science 1992-2002*. 2004. 49-61. Termnet.

Leitchik, Vladimir M. and Serguey D. Shelov. «Terminology: where is Russian science today?» LSP and Professional Communication. 3 (1). 2003. 82-109.

Munkhtsetseg, N. «Terminology work and its systemic aspect.» In Proceedings of the conference on Mongolian Terminology Studies-90. 40-48. Ulaanbaatar: Soyombo Printing. Co. 2014. (In Mongolian).

Nedobity, Wolfgang. «Methodological and practical aspects of computer-assisted knowledge transfer to developing countries». In Hans Czap and Wolfgang Nedobity (eds.) *Terminology and Knowledge Engineering*, 654-658. Frankfurt am 389 Main: Indeks (Vol. 1). 1990.

ISO 29383:2010.

Quirion, Jean. «Methodology for the design of a standard research protocol for measuring terminology usage». Journal of Terminology. 9 (1). 2003. 29-49.

Tumurtoogoo D, Adiya O and Purevjav E. Mongolian Terminology: Theoretical, Methodological and Practical Issues, journal «Terminology studies» № 9. 2007. 8-16.

**Языки коренных народов малочисленных народов России в системе образования:
предложения по совершенствованию правовой базы**

Languages of indigenous people of the small people of Russia in an education system: suggestions for improvement of legal base. Reforms in the Russian education system to implement federal standards do not take into account the possibility of following them in the organization of the teaching of the languages of the corridor few peoples. This situation requires a change in the existing legislation in the field of education, given their special status.

Система образования в современном мире играет важную роль в сохранении этнической идентичности национальных меньшинств и малочисленных коренных народов, как особой группы национальных меньшинств, в поддержке их языков, в освоении знаний о культуры своей этнической группы, её вкладе в региональную и мировую культуру. Использование языков малочисленных народов в школьном обучении повышает статус и престиж языка, способствует его развитию, формирует национальную интеллигенцию. Как справедливо отмечено в Гаагских рекомендациях по правам национальных меньшинств на образование: *«Право на сохранение своей самобытности может быть полностью реализовано только в том случае, если они получают должное знание родного языка во время образовательного процесса»*. [2, с.5]. По данным статистики в России нет ни одной частной школы с преподаванием языков малочисленных народов, поэтому эффективная система организации преподавания их языков возможна только в рамках государственных образовательных учреждений.

Широкая дискуссия, которая развернулась в России в 2018 году при принятии закона «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в РФ» [8], получившего в прессе название «закона о родных языках», показала насколько сложной оказалась ситуация с преподаванием языков нерусских народов, независимо от их статуса. Она обнажила ряд острых проблем: отсутствие современных методик их преподавания и соответствующей учебной литературы, недостаточное использование современных технологий в учебном процессе. Их своевременное решение могло бы снизить напряженность между сторонниками более широкого использования языков, имеющих в республиках статус государственных и тех, кто предлагал исключить республиканские государственные языки из числа обязательных предметов и сделать их предметом по выбору родителей учеников. Последние решения федерального центра - создание «Фонда сохранения и изучения родных языков народов России» [5] и Института поддержки развития родных языков народов при Министерстве просвещения России, принятые в ходе обсуждения поправок в уже упомянутый закон, вселяют надежду на перемены в организации преподавания и языков коренных малочисленных народов, участия их представителей и экспертов в разработке Концепции преподавания родных языков народов России с учетом потребностей малочисленных народов, примерных образовательных программ по преподаванию языков, литератур и других предметов этнокультурной направленности, в которых нуждаются школы, где учатся дети малочисленных коренных народов.

Основой для изменения подходов к организации преподавания в школах языков малочисленных народов являются «спящие» нормы закона «О языках народов Российской Федерации (от 25 октября 1991 г.), принятого в период активного возрождения родных языков народов России [3]. Данный закон относит «создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами» к полномочиям федеральных органов власти (ст. 6, часть 5). Как отмечали его разработчики, есть опасение, что о них «государственные органы другого уровня могут вообще не позаботиться» [5, с. 10]. В статье 10 государство гарантирует создание письменностей для бесписьменных народов (часть 2) и условий для их научных исследований (часть 3). В соответствии со ст. 7 закона правительство РФ «разрабатывает федеральные целевые программы сохранения, изучения и развития языков народов РФ и осуществляет меры по реализации таких программ». В настоящее время нет специальной федеральной программы по поддержке языков коренных малочисленных народов, но данная статья с учетом особого статуса коренных малочисленных народов, установленного ст. 69 Конституции

Российской Федерации, где даны гарантии соблюдения их прав «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами», дает основания для принятия отдельной федеральной программы по поддержке языков коренных малочисленных народов. Сейчас только в 10–ти из 28 регионов проживания малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ приняты специальные правовые акты и программы по поддержке языков малочисленных народов [9, с. 215].

К сожалению, при принятии закона «Об образовании в Российской Федерации» и других нормативных актов в сфере образования, не учитывается особый статус коренных малочисленных народов, ни реальное состояние их языков. [10]. Требования по организации их преподавания как учебного предмета в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС), предусматривающие утверждение на федеральном уровне примерных образовательных программ, использование учебников, включенных по итогам четырех экспертиз в федеральный перечень, сразу в виде полной линейки учебников по ступеням обучения (с электронной версией), и приложением методического пособия для учителя, реализуемы лишь в отношении языков некоторых малочисленных народов, по которым имеется достаточная научная база и обладающие соответствующей компетенцией кадры. Они аналогичны требованиям, предъявляемым при обучении русского и иностранному языку. Для большей части языков малочисленных народов до настоящего времени не созданы соответствующие условия для перехода их преподавания в соответствии с ФГОС, за подготовку которых ответственны региональные органы управления образованием. Это ведет либо к переводу их изучения на факультативной основе, либо к полному прекращению их изучению в каких-либо формах, даже при наличии у них письменности.

В 2014 году по поручению Департамента стратегии, анализа и прогноза Минобрнауки Российской Федерации в рамках мониторинга использования языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе школьного образования, было проведено исследование по теме «Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность». По его итогам руководитель проекта А.Л. Арефьев оценил состояние языков коренных малочисленных народов как катастрофическое [1, с. 437]. Среди малочисленных народов происходит сокращение доли считающих родным язык своей национальности. По данным официальной статистики в 1989 году они составляли 52,8 %, в 2010 году - только 35,2 % [1, с.101]. Как правило, реальное владение языком у народов Севера сильно расходится с указанием его родным: оно значительно меньше. Языком своей национальности владеют в основном представители старшего поколения. Фактически уже не используются 6 языков: алюторский, камчадальский, сойотский, тазский, теленгитский, чуванский [1, с.95]. Вместе с тем, система образования, по мнению автора, остается единственным механизмом их поддержки. Своего пика она достигла в начале 2000 годов, потом пошел спад, как по числу школьников, изучающих языки народов Севера, так и по числу учреждений, где они преподаются. Складывается устойчивая тенденция сокращения их изучения как учебного предмета и перевода в кружки. Из 40 языков коренных малочисленных народов в 2014 г. как предмет в школах изучалось 23 языка, еще 5 преподавались на факультативной основе. Ситуация меняется каждый год. В 2016 году как предмет изучались 19 языков народов Севера. Впрочем, с учетом, что сойоты в Бурятии изучают как родной бурятский язык, то всего в школах как учебный предмет изучалось 18 языков северных народов, т.е. менее половины. Это связывают с изменением законодательства. До 2007 г. их преподавание входило в национально-региональный компонент: в рамках его изучались языки, история, культура региона. За подготовку программ и учебников отвечали региональные власти. На него выделялось до 15 % учебного времени. При углубленном изучении языков можно было использовать и школьный компонент, составляющий 10 %. В 2007 году национально-региональный компонент был отменен. Преподавания родных языков стало частью федерального государственного стандарта, что и предопределило массовый перевод родных языков на факультативное обучение. При изучении языков самых малочисленных народов в рамках учебного плана очень сложно соответствовать требованиям ФГОС.

На привлечение внимания общественности и органов власти к проблемам сохранения и развития языков малочисленных народов способствует и решение ООН о провозглашении 2019 года Международным годом языков коренных народов. Оно совпало с ростом общественного интереса к вопросам языковой политики в стране в связи с уже упоминаемой выше проблемой функционирования государственных языков республик в системе образования.

Международные годы ООН как важные механизмы международного сотрудничества, повышающие уровень осведомленности о темах, представляющих общий интерес для мирового сообщества,

воспринимаются в России как важные события. Цель Международного года языков коренных народов - привлечение внимания к критическому состоянию большинства языков коренных народов, повышения их значимости для обеспечения устойчивого развития коренных народов, весьма актуальна для современной повестки. Есть надежда, что Международный год языков коренных народов станет началом системной работы по поддержке языков коренных народов в рамках более длительных акций ООН, как это произошло после проведения в 1994 году Международного года коренных народов, за которым последовало два международных десятилетия коренных народов.

За координацию деятельности по реализации мероприятий Международного года языков коренных народов по решению ООН отвечает ЮНЕСКО, которое по поручению ООН подготовило План действий по проведению в 2019 году Международного года языков коренных народов (далее План). Главной акцент в Плате сделан на совместную работу со «всеми заинтересованными сторонами для обеспечения максимальной позитивной отдачи и социальных преобразований в интересах языков коренных народов и тех, кто говорит на них. [8, с. 5]. Данный тезис, что сохранение языков и культур малочисленных народов должно предусматривать заботу о их носителях, создание достойных условий для их проживания в местах их традиционного расселения, весьма актуален для российских малочисленных народов. Необычен и принцип взаимодействия коренных народов с органами власти при реализации мероприятий года, отводя в реализации его мероприятий центральную роль коренным народам («Ничего для нас без нас»). Такой девиз настраивает всех представителей государственных структур, общественных структур участвующих в реализации программы мероприятия Международного года языков коренных народов России, к диалогу с представителями коренных малочисленных народов и органам власти, установлению партнёрских отношений между всеми участниками мероприятий.

В условиях значительной языковой ассимиляции коренных малочисленных народов России, предложение в Плате действий рассматривать родные языки коренных народов в широком плане, как языки «используемые коренными народами в настоящее время или использовавшиеся ими в прошлом и считающиеся неотъемлемой частью их наследия, систем знаний или идентичности», соответствует реальной ситуации с языками малочисленных народов России [8, с. 5].

Российская Федерация поддержала инициативу ООН по проведению в 2019 году Международного года языков коренных народов. В ноябре 2018 года постановлением правительства РФ был образован Оргкомитет по подготовке и проведению в 2019 году Международного года языков коренных народов, который возглавил руководитель Федерального агента по делам национальностей И.В. Баринов [6]. В его состав вошли и несколько представителей коренных малочисленных народов. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока стала официальным партнёром Федерального агентства по делам национальностей в проведении Форума-открытие Международного года языков коренных народов в России, которое состоялось 20-22 марта в г. Ханты-Мансийские. По инициативе Ассоциации на форуме была проведена секции «Языки коренных малочисленных народов в системе образования». По итогам её работы были подготовлены рекомендации [4]. Ассоциация будет настойчиво продвигать рекомендации форума для совершенствования законодательства по преподаванию языков коренных народов на всех уровнях обучения.

Литература

1. *Арефьев А. Л.* Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М., 2014. 488 с.
2. Гаагские Рекомендации по правам национальных меньшинств на образование (октябрь 1996 г.). [<https://www.osce.org/ru/hcnm/32190?download=true>].
3. Закон РФ "О языках народов Российской Федерации" от 25.10.1991 N 1807-1 (последняя редакция) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/].
4. Каким видят путь сохранения и возрождения своих языков представители коренных малочисленных народов России [<http://www.raipon.info/info/news/3527/>].
5. Комментарий к Закону о языках народов России. М. 193. 70 с.
6. Об образовании организационного комитета по подготовке и проведению в 2019 году в Российской Федерации Международного года языков коренных народов и утверждению его состава. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 года N 2396-px [<http://docs.cntd.ru/document/551589643>]

7. О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов России/ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября № 611 [<http://www.kremlin.ru/events/president/news/58914>].
8. План действий по проведению в 2019 году Международного года языков коренных народов. Записка Секретариата [<https://undocs.org/E/C.19/2018/1>]
9. Родные языки, литература и культура коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Сборник информационно-аналитический материалов Якутск. 225 с.
10. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

Приложение к статье 3.И. Строгальщиковой

Рекомендации секции «Языки коренных малочисленных народов в системе образования»

Участники секции «Языки коренных малочисленных народов в системе образования» Международного форума «Год языков коренных народов» (21 марта 2019 года, г. Ханты-Мансийск), отмечают значение Международного года языков коренных народов для привлечения внимания общественности и органов государственной власти к использованию языков коренных малочисленных народов на всех ступенях системы образования, включая подготовку специалистов по данным языкам в средних профессиональных и высших учебных заведениях. По определению лингвистов среди 150 языков народов Российской Федерации, языки коренных малочисленных народов, которыми владеет менее одного процента населения страны, составляют среди них около половины. Их численность варьируется от нескольких человек до нескольких десятков тысяч, но каждый из них является уникальным языковым и этнокультурным сообществом. Для малочисленных народов особенно важен призыв Плана действий, подготовленного ЮНЕСКО по проведению Международного года, «к применению последовательного подхода и принятию совместных мер всеми заинтересованными сторонами для обеспечения максимальной позитивной отдачи и социальных преобразований в интересах языков коренных народов и тех, кто говорит на них».

Основой для сохранения этнокультурного и языкового многообразия в нашей стране является Конституция Российской Федерации, которая гарантирует «всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Признавая особый статус коренных малочисленных народов, в российской конституции даны гарантии соблюдения их прав «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами». К важнейшим из которых относится учет в образовательной политике государств этнокультурных потребностей коренных народов, направленных на сохранение и развитие их языков как неотъемлемой части их наследия, систем знаний и идентичности.

Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации от 25 октября 1991 года, устанавливающий общие принципы законодательства в сфере языкового регулирования, ответственность за *создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов* относит к компетенции федеральных органов власти. Данное решение принималось с учетом дисперсности расселения малочисленных народов, разделенности территорий их традиционного расселения административными границами, ограничивающими связи внутри языковых сообществ, слабое владение родными языками детьми и молодежью, недостаточной изученности языков коренных малочисленных народов, отсутствия специалистов, необходимых для подготовки учебной и учебно-методической литературы. В большинстве регионов их традиционного проживания отсутствуют законы и программы, предусматривающие государственную поддержку сохранения и развития языков малочисленных народов.

Включение в обновлённой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (далее Стратегия), утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 года, в перечне её приоритетных направлений *сохранение этнокультурного и языкового многообразия; соблюдение прав коренных малочисленных народов*, а в сфере совершенствования государственного управления – *обеспечение условий для участия коренных малочисленных народов Российской Федерации в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы*, подтверждает стремление государства усилить роль федеральных органов власти в реализации прав коренных малочисленных народов, отвечающих их этнокультурным потребностям.

Вместе с тем, действующий федеральный закон «Об образовании» и ведомственные нормативные акты по его реализации, не учитывают особый статус коренных малочисленных народов и этноязыковую ситуацию в регионах их проживания. Федеральное законодательство в сфере образования предоставляют возможность их преподавания в школе как предмета по учебникам, подготовленным в соответствии с федеральными государственными образовательными программами (ФГОС) по таким же условиям как русского и иностранных языков, т.е. после прохождения федеральной экспертизы и внесения их в федеральный перечень учебников.

Как показывает практика, требования ФГОС, в принципе способствующие системной организации изучения языков в рамках школьной программы, реализуемы лишь по отношению к некоторым наиболее исследованным языкам коренных малочисленных народов, по которым имеются специалисты для подготовки учебной литературы, при высокой заинтересованности региональных органов власти в их развитии. Финансирование федеральной экспертизы представленных образовательных программ по преподаванию языков коренных малочисленных народов, проводится за счет региональных бюджетов.

Учебники, подготовленные в рамках национально-регионального компонента (до внесения изменений в федеральный закон об образовании в 2007 г.), не включенные в федеральный перечень могут использоваться при изучении языков и литературы в рамках внеурочной деятельности и на факультативной основе. В 2004 г. из 40 языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации как предмет преподавалось 24 языка, по данным на 2015/2016 учебный год – их число сократилось до 18. На федеральном уровне отсутствуют мониторинг состояния языков малочисленных коренных народов, не используемых в системе образования. Ряд языков не имеют утверждённой письменности из-за отсутствия на федеральном уровне органа уполномоченного по утверждению графической основы алфавитов.

Как показывает сведения региональных органов управления образованием северных регионов за 2017 год, только в 10 из 28 регионов: Республике Карелия, Ненецком автономном округе, Ямало-Ненецком автономном округе, Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Бурятия, Красноярском крае, Республике Саха-Якутия, Хабаровском крае, Амурской области, Чукотском автономном округе ведется работа по подготовке учебников по языкам и литературе коренных малочисленных народов в соответствии с требованиями ФГОС, сроки завершения которой из-за длительности процедуры сложно прогнозировать.

В целях сохранения и развития языков коренных малочисленных народов как национального достояния Российской Федерации и всемирного культурного наследия участники секции рекомендуют:

Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации:

- разработать и принять федеральный закон «О языках коренных малочисленных народов Российской Федерации», учитывающий особый статус данных народов и их этнокультурные потребности;

Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации:

- рассмотреть вопрос о ходе реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации с целью обеспечения повышения доступа к образовательным услугам малочисленных народов Севера с учетом их этнокультурных особенностей (Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 года № 132-р).

Правительству Российской Федерации:

- в соответствии со статьями 6 и 7 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1 подготовить и принять федеральную целевую программу «Сохранение и развитие языков коренных малочисленных народов России» (с подпрограммами по этнолингвистическим группам языков).

Министерству просвещения Российской Федерации:

- создать специальную комиссию по проведению экспертизы учебников родных языков и литературы коренных малочисленных народов России;

- рассмотреть возможность установления льготных условий использования при проведении федеральной экспертизы малотиражных учебников на языках коренных малочисленных народов России;

- рекомендовать региональным органам управления образования, образовательным организациям ввести в структуру ежегодного публичного отчета (публичного доклада руководителя) раздел об изучении родных языков, проблемах и достижениях по этнокультурному образованию коренных малочисленных народов России;

- совместно с Министерством науки и высшей школы Российской Федерации добиться учета результатов ЕГЭ по родным языкам и литературе в перечень вступительных испытаний при приеме на

обучение по образовательным программам высшего образования (бакалавриата и специалитета) по направлениям подготовки «Филология», «Лингвистика», «Педагогическое образование», «Журналистика», «Литературное творчество»;

- пересмотреть содержание федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования и примерной основной образовательной программы дошкольного образования с точки зрения изучения родных языков народов России и развития двуязычия (родной язык и государственный язык) у детей;

- при образовательном центре «Сириус» организовать лингвистическую смену для одаренных детей коренных малочисленных детей народов России.

Министерству науки и высшей школы Российской Федерации:

- включить в государственное задание учреждений Российской академии наук подготовку и финансирование издания серийных академических сводов языковых и фольклорных материалов, работу по составлению академических грамматических описаний и двуязычных словарей на языках малочисленных народов Российской Федерации, а также подготовку электронных корпусов языков коренных малочисленных народов;

- включить олимпиады по родным языкам и литературе в перечень всероссийских предметных олимпиад школьников, результаты которых могут давать льготы при поступлении в высшие учебные заведения по направлениям «Филология», «Педагогическое образование»;

- рекомендовать высшим учебным заведениям включить в перечень индивидуальных достижений, учитываемых при приеме на обучение, результаты всероссийских, межрегиональных, региональных конкурсов по родным языкам;

- рекомендовать высшим учебным заведениям включить в число образовательных программ курс «История, культура и языки народов России» для ознакомления студентов с историей, культурой и языками народов в регионах их традиционного проживания.

Федеральному агентству по делам национальностей:

- *обеспечить* создание системы мониторинга использования языков коренных малочисленных народов Российской Федерации в организациях общего и профессионального образования, культуры, науки, СМИ, Интернете с привлечением к определению критериев оценки их жизнеспособности специалистов по данным языкам среди научной общественности, общественных объединений, языковых активистов, работников культуры и журналистов;

- *формировать государственные заказы (гранты) на проведение всероссийских мероприятий на родных языках и литературе* народов России (олимпиады, конкурсы, фестивали и другие мероприятия по популяризации языков).

Фонду сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации:

- объявить конкурсы по разработке учебно-методических комплектов по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов России;

- **обеспечить** проведение федеральной экспертизы и издание малотиражных учебников для преподавания языков, литератур и предметов этнокультурной направленности на языках коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Благотворительному фонду поддержки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации,

- оказать финансовую поддержку деятельности Межрегионального общественного движения «Ассоциация преподавателей родного языка и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» в проведении четырех научно-практических семинаров по этнолингвистическим группам с целью формированию предложений по составу авторских коллективов для подготовки примерных образовательных программ, учебников по преподаванию языков и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Строгальщикова З.И. – член Организационного комитета по подготовке и проведению в 2019 году в Российской Федерации Международного года языков коренных народов, председатель исполкома Межрегионального общественного движения «Ассоциация преподавателей родного языка и литературы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

СЕКЦИЯ № 2
ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ,
ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ЯЗЫКОВ

DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-129-132

Б.М. Атаев
(Россия, Махачкала)

Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие

Language situation in Dagestan: history and development. The Dagestan lingual situation is a sociolinguistic phenomenon historically developed according to its laws, and the political and administrative borders practically did not have a significant impact on it. The lingual situation in Dagestan since the XVI-XVII centuries to the beginning of the thirties of the XX century remained in the main stable. However, with the emergence of writing in certain Dagestan languages and the expansion of the use of literary languages, the increase in the functions of the Arabic language and regional languages of international communication, the situation gradually became more complex and varied in its quantitative and qualitative parameters.

Языковая ситуация в Дагестане определяется прежде всего *количеством* своих *компонентов* – это двадцать восемь языков и около ста диалектов и говоров. Языки довольно заметно различаются между собой: по количеству говорящих на них и по числу коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым языком. Определенные функциональные различия наблюдаются, в свою очередь, и между доминирующими литературными языками. Разнообразие наблюдается и среди *качественных признаков* языковой ситуации. В республике представлены языки, относящиеся к различным генетическим группам: к дагестанско-нахской, из которой выделяются собственно дагестанские – аварский, агульский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, даргинский, каратинский, лакский, лезгинский, рутульский, табасаранский, хваршинский, цахурский, цезский, чамалинский языки и нахские – чеченский язык; к тюркской – азербайджанский, кумыкский и ногайский языки, к индоевропейской – русский и татский языки.

Различаются языки и по своему статусу. Так, выделяются две большие группы языков с разным статусом. Это четырнадцать письменно-литературных языков (аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский, татский, агульский, рутульский, цахурский, азербайджанский, ногайский, чеченский, русский), признанные государственными языками Республики Дагестан, и четырнадцать бесписьменных языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский) с минимальными общественными функциями. В Азербайджанской Республике представлены четыре бесписьменных языка лезгинский подгруппы дагестанских языков – будухский, кризский, удинский, хиналугский.

Однако и внутри групп языков с равным статусом наблюдаются более или менее заметные различия. Например, на агульском, рутульском, цахурском языках письменность была создана лишь в 1990 году, поэтому эти языки, по сравнению с другими государственными языками республики, выполняют только незначительное количество функций, и то в очень ограниченном объеме.

Характерной особенностью истории языковой ситуации Дагестана является былое наличие в нём нескольких языков межнационального общения. К примеру, духовные лица разных национальностей в свое время переписывались и осуществляли устное общение на арабском языке. Торгово-экономическую, хозяйственно-деловую сферу в один период обслуживали азербайджанский и кумыкский языки. В роли локально ограниченного средства межэтнического средства использовался и поныне продолжает использоваться носителями бесписьменных аваро-андо-цезских языков аварский язык.

Другой характерной особенностью языковой ситуации в Дагестане является противоречивость тенденций: с одной стороны, неотъемлемое право личности на выбор языка, с другой, угроза исчезновения языка малочисленного народа и самого этноса вследствие массового отторжения от родного языка; с одной

стороны, рост социальной престижности русского языка, с другой, ухудшение положения с его изучением и низкий общий уровень культуры русской речи; с одной стороны, естественное желание билингвов, чтобы их родной язык вполне соответствовал их уровню духовного развития, с другой, недостижимость такой адекватности; с одной стороны, бесконечные призывы к изучению родного языка горожанами, не знающими его, с другой, реальная невозможность создать даже минимальные экстралингвистические условия, которые бы стимулировали желание или необходимость знать его; с одной стороны, признание на словах жизненной необходимости русского языка как важнейшего фактора интеграции разноязычных национальностей Дагестана, с другой, сокращение сроков изучения и отводимых на него часов в вузах Дагестана.

Современные дагестанские языки представляют собой достаточно пеструю картину не только с точки зрения их структурного своеобразия или же сложности генетических взаимоотношений, но и в плане своего социального статуса. Среди них, в частности, можно выделить следующие группы языков, обнаруживающих примерно равные социальные условия функционирования:

1) литературные языки, на которых ведется преподавание в начальной школе, изучаемые как предмет в средней и высшей (по филологическим специальностям) школе, на которых издается художественная, общественно-политическая и методическая литература, выходит периодическая печать и др.: аварский, даргинский, лезгинский, лакский и табасаранский, чеченский;

2) новописьменные языки «официально признанных» (т. е. фиксируемых переписями и другими документами) самостоятельных народностей: агульский, рутульский, цахурский;

3) бесписьменные языки с определенным ареалом распространения, на которых говорят народы, не имеющие официального статуса (в переписях, паспортах и т.п.): андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский, цезский, бежтинский, хваршинский;

4) бесписьменные «одноаульные» языки: арчинский, гинухский, гунзибский;

5) «языки» малочисленных народов, традиционно считавшиеся диалектами: кайтагский, кубачинский.

Среди мероприятий, способных стабилизировать лингвистическую ситуацию в Дагестане, безусловно, выделяется введение письменности, позволяющее определенным образом законсервировать оригинальную лексику и своеобразные грамматические конструкции. Важно при этом подчеркнуть, что фиксация этого в научных грамматиках и словарях ни в коей мере не способна заменить живой язык, являющийся неотъемлемой частью духовного богатства человечества. Однако деятельность по введению письменности должна, на наш взгляд, предусматривать, по крайней мере, два компонента: во-первых, обучение чтению и письму на родных языках (что потребует создания букварей) и, во-вторых, собирание фольклора не только как аккумулятора духовной культуры, но и в практических целях: для подготовки материалов по чтению в младших классах и в семье. Дополняемые достаточно полными словарями, эти меры помогут определенной стабилизации грамматической структуры и словарного фонда бесписьменных языков.

Как показывает наши исследования, неминуемого исчезновения бесписьменных языков малочисленных народов путем слияния с языком более многочисленного народа в Дагестане не наблюдается. Бесписьменные языки Дагестана функционируют в своих узких сферах общения, представители этих языков, владея, к примеру, и аварским литературным языком, являются носителями диглоссии. Они, уже зная и русский язык, являются также носителями национально-русского двуязычия.

Таким образом, дагестанская языковая ситуация – это исторически сложившееся по своим законам социолингвистическое явление, на которое политико-административные границы практически не оказывали существенного влияния. Языковая ситуация в Дагестане начиная с XVI-XVII вв. до начала тридцатых годов XX в. оставалась в сущности стабильной. Однако по мере возникновения письменности на тех или иных дагестанских языках и расширения сфер употребления литературных языков, увеличения объема функций арабского языка и региональных языков межнационального общения она поступательно усложнялась и становилась разнообразной в своих количественно-качественных параметрах.

Аварский, азербайджанский, кумыкский, лакский языки, выступавшие в качестве вторых, в силу объективных географических, экономических и социально-политических обстоятельств, целыми группами народов использовались как **региональные языки межнационального общения**. Региональные языки – аварский в Западном Дагестане (для народов андийской, цезской групп, арчинцев и др.), азербайджанский язык в Южном Дагестане (для лезгин, рутулов, цахуров, табасаранцев, будухов, крызов, хиналугов, удин, а также для татов и др.), лакский язык в Центральном Дагестане (для агулов, аварцев,

арчинцев, даргинцев,, в том числе кубачинцев, а также рутулов, нижнекатрухских азербайджанцев), кумыкский язык в Северном Дагестане (для аварцев, даргинцев, русских и др., а также для тех, кто переселился на равнину) выполняли функции не только языка устного межнационального общения, но в известной мере и языка фольклора (в том числе песенного), обряда.

Степень функциональной активности по всем позициям этих языков как языков межнационального общения не была одинаковой. Региональные языки по своей распространенности, по активности употребления, по количеству сфер употребления и по объему выполняемых функций, наконец, по своему престижу заметно отличались друг от друга. В этом смысле среди этих языков выделяется, например, лакский язык; он менее активно, чем все другие языки межнационального общения, употреблялся для **взаимного** общения народами, для которых он был вторым языком.

Дагестанские языки, в частности, те, которые впоследствии стали письменно-литературными, до возникновения письменности и после в **устной** форме употреблялись в функциях языка обряда (традиционные календарные обряды, свадьба, похороны), игр, фольклора, в том числе песенного творчества, а также в проповедях, судопроизводстве, общественных мероприятиях, сходах, административной деятельности, в учебном процессе в мусульманских школах всех уровней (объяснение урока, общение учителя и учащихся). Все это способствовало становлению языка **наддиалектным**, в известной мере **нормированным** и **стандартизированным** формированию в нем стилей.

Количество функций, выполнявшихся дагестанскими литературными языками, объем каждой отдельной функции, степень активности употребления языка в той или иной общественной сфере зависели не только и не столько от «качеств» самого языка, сколько от экстралингвистических условий их функционирования в тогдашнем Дагестане, которые, в свою очередь, определялись экономической и политической жизнью, уровнем социального развития населения и его культурной ориентации. Поэтому дагестанские литературные языки (аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский и др.) по своим общественным функциям и широте сфер употребления, по характеру нормализационных процессов и уровню нормированности, а также по степени обособленности от разговорной формы представляли довольно пеструю картину, и по этим параметрам их нужно отнести к разным типам литературных языков.

Более того, эти языки не обнаруживают полного единообразия даже по одному из трех измерений, принятых в современной социолингвистике – а) по охвату сфер общения, б) по характеру единства и уровню нормализационных процессов, в) по степени обособленности от разговорных форм.

Каковы перспективы развития языковой ситуации в полиэтническом Дагестане:

1. Несмотря на нынешние, казалось бы, непреодолимые трудности, наметится рост числа дагестанцев, заинтересованных в сохранении языка своего этноса, обучении детей родному языку в семье и школе. Такой рост явится следствием подъема этнического самосознания дагестанцев.

2. Более интенсивно будет расширяться круг носителей национально-русского двуязычия, в связи, с чем повысится интерес к овладению русским языком в совершенстве.

3. Ни арабский, ни турецкий языки не получают массового распространения в Дагестане, так как здесь не возникает социальных сфер, с которыми бы не справилось национально-русское двуязычие и потребовалось бы непременно постижение новых языков широкими слоями народа.

4. В связи с вовлечением дагестанцев в международные предпринимательские связи возникнет потребность в знании иностранных языков, особенно английского. Овладевать английским и другими иностранными языками также станут по культурно-образовательным соображениям.

5. Будет и впредь актуальной проблема изучения родного языка горожанами-билингвами, так как упомянутое выше противоречие между суверенным правом личности на выбор языка общения, образования и интересами сохранения этногенофонда малочисленных народов нельзя преодолеть без соответствующих экономических и социально-культурных стимулов. А их создание (например, перевод преподавания в городской школе на дагестанские языки) в ближайшей перспективе неосуществимо. А предлагаемые репрессивные меры, к примеру, обязательные экзамены во всех учебных заведениях, будут малоэффективны.

6. Специфика полиэтнического региона не позволяет требовать от русских, армян, грузин и граждан других национальностей, живущих в Дагестане, чтобы они овладели одним из местных языков (по выбору). Такое требование, вполне оправданное в однонациональном регионе, в Дагестане выглядит бессмысленным капризом, который выставляют некомпетентные люди, так как нет таких сфер общения,

которые плохо обслуживаются русским языком. Алогизм постановки вопроса изначально заложен в скобочной конкретизации «по выбору», так как отсутствуют критерии выбора.

Итак, в полиэтническом, полилингвистическом Дагестане остро стоят проблемы сохранения и развития родных языков. Решение их требует государственного вмешательства, государственного внимания и заботы, так как нерешенные или некомпетентно трактуемые языковые проблемы перерастают в национальные, усугубляя межнациональные отношения и политическую ситуацию в регионе.

В целях проведения более эффективной языковой политики в республике на наш взгляд необходимо принять глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана, в которой должно быть предусмотрено:

- системное изучение языковой ситуации в Дагестане; поддержание национальных языков Дагестана; сохранение, возрождение и их развитие за пределами республики;
- поддержка национально-культурных и культурно-просветительских объединений, ставящих своей целью изучение и распространение родного языка;
- разработка мероприятий по подготовке кадров и совершенствованию системы народного образования на языках народов Дагестана;
- поддержка различных средств массовой информации, радио-, теле- и кинокомпаний, осуществляющих вещание и создание фильмов на языках народов Дагестана;
- содействие изданию художественной, публицистической, научной, учебной и другой литературы на родном языке;
- публикация фольклорных текстов и памятников словесности;
- научное исследование дагестанских языков, их истории и современного состояния, процессов взаимодействия между этнокультурными и языковыми общностями, межкультурного и межъязыкового общения, характера двуязычия и многоязычия;
- разработка и внедрение проекта, специально ориентированного на образовательный аспект сохранения и возрождения дагестанских языков, предусматривающего развернутую постановку обучения родному языку в семье, в детских учреждениях, младших классах школ; создание и выпуск азбук, букварей и других учебных пособий, радиои телевизионных программ; целевую подготовку и переподготовку учительских кадров и т.д.;
- усиление региональной ориентированности образования – подготовку специалистов двойного профиля: национальной и русской филологии, национальных и иностранных языков;
- более эффективное внедрение новейших информационных технологий в сферу образования и использование родных языков при обучении национальных меньшинств в других субъектах Российской Федерации, к примеру, дистанционное обучение родным языкам для дагестанцев, проживающих за пределами республики в РФ;
- обеспечение повышения уровня подготовки педагогических кадров, поощрение использования лучших традиций народной педагогики в целях воспитания толерантной личности, способной уважать мировоззрение, религию, национальность другого человека, а также формирование разумного сочетания различных уровней идентичности: этнической, религиозной, общedaгестанской, общероссийской.

Конфликт ценностей в условиях контакта культур¹

The conflict of values in terms of contact cultures. In the article the ways of reflection of cultural values in language are considered. The special attention is paid to the research of values conflict in the conditions of culture contact. The estimated sign of evaluation can be changed depending on the point of view that the value fixes: the view from the inside or the view from the outside. The structure of views about the same event can not correspond in different cultural communities. Even having similar experience people of different cultures can differently perceive and evaluate the same facts. The article deals with the activity approach to language which makes it possible to form national and cultural identity.

Конфликт, являясь одной из ключевых проблем современного общества, постепенно становится объектом изучения многих наук. Природа и сущность конфликта изучаются в социальной психологии, социологии, политологии, социолингвистике и ряде других областей знания. Конфликты являются предметом пристального внимания в специальной научной отрасли – конфликтологии, которая исследует причины и следствия конфликтов, механизмы их эскалации, возможности и способы прогнозирования конфликтов, их предупреждения, локализации, минимизации и разрешения конфликтных ситуаций. Конфликт представляет собой «сложное социальное и психологическое явление, успешность изучения которого во многом зависит от качества исходных методологических и теоретических предпосылок и используемых методов» [1, с. 81].

Причиной конфликта нередко становятся различные аспекты языка, в частности, его символическое значение, инструментальная функция, языковые ресурсы и др. Языковой конфликт, как правило, провоцирует политика глоттофагии, т.е. вытеснения языка меньшинства языком большинства. При этом необходимо подчеркнуть вслед за В.Ю. Михальченко, что «межэтнические языковые конфликты зачастую являются частью национальных конфликтов, затрагивающих социальные, культурные, политические проблемы» [7, с. 210]. В подобных ситуациях язык нередко выступает лишь как символ конфликта, происходящего в других сферах – в экономике, политике, образовании, культуре. Как отмечает С. Хантингтон, «языковые войны» обычно разгораются накануне выборов, вспыхивают в связи с инициативами правительства, работодателей или учебных заведений [14].

В данной работе остановимся на одном из «скрытых» конфликтов, обусловленных языком, – конфликте ценностей. Как показано в многочисленных исследованиях, нация не может не откладывать свой отпечаток на язык. Для М. Хайдеггера мир родного языка – это «интимное лоно культуры», дом бытия [13]. Человек обитает в жилище языка. Язык является основным средством хранения, передачи социального опыта, культурных ценностей, инструментом объективации различных субъективных смыслов и средством воздействия на людей. Именно этот набор функций лежит в основе конструирования этнической идентичности: одна из основных потребностей человека состоит в способности взаимодействовать с окружающим миром, в возможности отождествлять себя с определённой культурой, идеями, ценностями, социальными группами [4, с. 112]. Эти характеристики входят в понятие «идентичность», введённое в научный оборот американским психологом Э. Эриксоном, согласно учению которого, идентичность является не только фундаментом любой личности, но и может служить показателем ее психосоциального благополучия, жизненной успешности, личностной реализованности в рамках данной культуры [15]. П. Сорокин определял культуру как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [10]. Человек, как носитель культуры, не может воспринимать мир абсолютно объективно, поэтому язык, являясь инструментом оценивания, не только служит для выражения оценки, но и содержит средства для обозначения ценностей. Именно ценности служат основой и фундаментом единой культуры. Вероятное разрешение конфликтов также лежит в сфере ценностей.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-04-00053 «Перспектив грамматика русского языка для активных речевых действий».

Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций, что и обеспечивает их трансляцию от поколения к поколению. Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [2, с. 351]. Так, например, слова типа *доносчик, ябеда, фискал, стукач* не только сообщают о том, что реально делают люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна, в некоторых западноевропейских культурах передавать информацию о каких-либо нарушениях в полицию и другие органы считается правильным и оценивается положительно.

Значения слов языка, создающие языковую картину мира, составляют интерпретацию действительности в её измерениях физических, психологических, социальных, духовных, ценностных [3, с. 32]. Язык в его деятельностном, активном понимании формирует культурную идентичность, которая, в свою очередь, способствует установлению ценностного отношения человека к другим людям, к самому себе, к миру в целом. Лингвистический подход к изучению культурной и языковой «несимметричности», чтобы не быть односторонним, должен дополняться другими подходами, с помощью которых высвечиваются различные грани этой сложной проблемы. Ценностный аспект представлен в исследованиях по лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, социолингвистике, когнитивной семантике и др. Однако изучение языковых расхождений предполагает ещё более широкий спектр исследований, включая географический, социальный, политический, философский, психологический и собственно лингвистический аспекты.

Российская Федерация с этнолингвистической точки зрения представляет собой полиэтничный феномен [16, с. 7], что допускает очаги напряжённости и потенциальной конфликтности. В условиях новой России историческое осмысление культурной, когнитивной и интегрирующей роли русского языка как орудия постижения окружающего мира, носителя русской ментальности и культурных ценностей становится особенно необходимым и значимым.

Национальные ценности и их ранжирование особенно ярко проявляются при контакте культур. При этом некоторые ценности могут выявить разную степень значимости для разных культур только при их столкновении. Так, например, любовь и уважение детей к родителям кажется естественной ценностью и нравственным императивом для подавляющего большинства культур. В структуре языка выделяются участки, эксплицирующие своего рода «кодекс морально-нравственных правил, оценок бытия» [11, с. 74], к которым относится, в частности, фразеология, поговорки, пословицы. Так, в русском языке есть много пословиц, доказывающих ценность семьи (*Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет; Вся семья вместе, так и душа на месте; Дерево держится корнями, а человек семьёй* и др.), пословиц, призывающих ценить, любить, уважать и почитать родителей [6]: *Жалей отца с матерью, других не найдёшь; На свете всё найдётся, кроме отца с матерью; Отца с матерью почитать – горя не знать; Кто матери не послушает, в беду попадёт; Родителей чти – не собьёшься с истинного пути; Живы родители – почитай, померли – поминай; Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает* и др. Ценность и важность родителей в жизни человека может содержаться в поговорках имплицитно. *Ради красного словца не пожалеет и родного отца*, – так говорят о человеке, который готов совершить плохой, безнравственный поступок только ради того, чтобы произвести впечатление на окружающих. О человеке ненадёжном, эгоистичном, с предательской сущностью с неодобрением говорят: *Продаст родную мать за грош*, что указывает на общественную оценку такого поведения и одновременно на самое дорогое, что есть у человека, – мать. Казалось бы, трудно представить ситуацию культурного сбоя, связанного с неоднозначным пониманием любви детей к родителям. Однако эксперимент, который автору удалось провести во время работы в Южной Корее, доказывает обратное. Остановимся на анализе данных этого эксперимента. Заметим, что эксперимент был невольным, но полученные результаты оказались во многих отношениях показательными. Корейским студентам (38 человек) был предложен для аудирования текст без названия и без окончания. В тексте в доступной форме рассказывалось о мальчике Мише, который жил на севере и страстно мечтал учиться. Но его отец препятствовал тому, чтобы сын учился. Отец хотел, чтобы сын продолжал его дело и стал рыбаком. Но Михаил проявил настойчивость, вопреки воле отца ушёл из дома и пешком отправился в Москву учиться. Послетекстовое задание предполагало, что студенты напишут окончание этой истории. Варианты продолжения текста удивили своим единодушием в том плане, что в фокусе внимания оказалась не судьба Миши, а судьба его отца («старый отец заболел, тосковал о сыне, умер» и т.д.). В русском культурном сознании этот момент остаётся в тени. Действия нашего героя резко осуждались корейскими учащимися:

нарушил волю отца, не уважает и не почитает родителей, плохой сын, за что и был наказан. Наказания ему за непослушание были такого рода: спился, вёл безнравственный образ жизни (общался с «плохими женщинами»), заболел и даже умер. Был представлен и ещё один вариант: Миша осознал свои ошибки и вернулся к отцу, который простил его (ср. притча о блудном сыне; ср. также русск. посл.: *Блудный сын – ранняя могила отцу*). Абсолютно все корейские учащиеся, воспитанные в глубоком почитании традиционных семейных ценностей, отрицательно оценили тот факт из биографии М.В. Ломоносова, который связан с его уходом из родного дома. По их мнению, он не должен был противиться отцовской воле, не должен был покидать родительский дом, а обязан был заботиться об отце, кормить его в старости, ухаживать во время болезни и т.п. Для русского сознания эти факты оказались периферийными, важным в этой ситуации стало страстное желание учиться, сила воли, целеустремленность, т.е. те качества, которые высоко оцениваются членами русского культурного сообщества. Но именно эти черты характера остались вне культурного сознания корейских учащихся. В результате эксперимента «высветились» как русские, так и корейские доминантные ценности. Корейские ценности: послушание, почитание отца и долг перед родителями. К русским ценностям, оказавшимся в фокусе, можно отнести учёбу, самостоятельность, целеустремлённость (идти вперёд наперекор трудностям) и др. Из этого небольшого эксперимента следует, что структура представлений об одном и том же явлении может разительно не совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта люди разных культур могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же факты, что ещё раз подтверждает мысль М. Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют её языком и её схемами восприятия [12, с. 37].

Исследования показали, что оценочный знак того или иного культурного феномена может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне [4]. Так, преподавание русского языка в национальной школе в период СССР даёт некоторые примеры коммуникативных неудач, связанных с разными оценочно-ценностными установками. Так, например, учитель русского языка и литературы предложил киргизским школьникам прочитать по ролям басню «Волк и ягнёнок», но никто не захотел озвучить роль *ягнёнка*, потому что именно «*волк* вызывал у школьников исключительно позитивные ассоциации – добрый, грозный, сильный, храбрый, красивый, лукавый...» [5, с. 88]. В русском сознании слабый и незащитный (*ягнёнок*), несправедливо гонимый и обижаемый, вызывает жалость и симпатию, волк же, напротив, ассоциативно связан с агрессией, злобой, жестокостью (*набросился как волк, злой как волк, волчий оскал, волчара* и др.). Рассмотренный пример убеждает, что язык, как считал А.А. Потебня, «не есть только известная система приёмов познания <...>, язык есть вместе с тем путь осознания эстетических и этических идеалов» [9, с. 163].

Отрицательно оцениваются представителями других культур герои некоторых русских сказок. Иванушка-дурачок, Емеля и другие персонажи, воспринимаемые русскими как положительные, вызывают недоумение и антипатию у людей с другими ценностно-культурными установками. Причина несовпадения оценок состоит в том, что в характере одних и тех же героев представители разных культур выделяют различные доминантные черты: глупость, лень, бездействие (такие качества у героев русских сказок выделяют, в частности, японцы), с одной стороны, и доброту, простодушие, бескорыстие (эти черты выделяют русские), с другой стороны.

Носителям других культур крайне трудно понять смысл русской сказки «Морозко». Отрицательную оценку вызывает у многих из них тот факт, что в сказке одна девушка говорит неправду, обманывает старика и получает богатое вознаграждение, а другая говорит правду, что ей холодно, и за это её наказывают. Фильм «Морозко», показанный в США (в переводе), оказался в числе 100 худших фильмов, американцы оценили его как «ужасный, отвратительный фильм» [8, с. 29-30]. Русские ценности, такие, как *терпение, смирение, кротость, скромность*, остались вне поля зрения американцев, однако в славянском мире эти качества являются любимыми. Так, фильм «Морозко» много лет с успехом идёт в Чехии в канун новогодних праздников. Очевидно, что национальные ценности лучше всего высвечиваются при сопоставлении одного и того же сюжета. Так, в частности, в немецком аналоге сказки «Морозко» («Метелица») находим другие ценности: на первый план выходит труд как мерило ценностей. «Хорошая девочка» в немецком варианте трудолюбива и чистоплотна, она проходит испытание трудом (в русском варианте – испытание холодом на терпение и скромность). А плохая девочка – ленивая и нечистоплотная, ничего не может и не хочет делать, за что и наказывается [8, с. 30].

В заключение следует отметить, что представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и конфликтов. Разностороннее изучение русских

культурных ценностей с учётом прогнозирования возможных межэтнических конфликтов предполагает учёт разных факторов, в частности может быть дополнено результатами исследований структурного баланса и когнитивного диссонанса.

Литература

1. *Анциупов А.Я., Шитилов А.И.* Конфликтология. СПб: Питер, 2013. 512 с.
2. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Том 2. М: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
3. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
4. *Богданова Л.И.* Язык как деятельность: к проблеме развития культурной идентичности в современной России // В сб.: Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Отв.ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 112-118.
5. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.Т. 1-4. М.: Русский язык, 1999.
7. *Михальченко В.Ю.* Языковой конфликт в полиэтническом государстве // В кн.: «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире». М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. С. 210 – 213.
8. *Павловская А.В.* Русский мир. Характер, быт и нравы. В двух томах. М.: Слово, 2009. Том 1. 1136 с.
9. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
10. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. / Ред. и сост. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
11. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288с.
12. *Фуко М.* Слова и вещи. М.: А-сэд, 1994. 408 с.
13. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.
14. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ. Транзиткнига, 2004. 635 с.
15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
16. *Языковая политика в контексте современных языковых процессов.* М.: Азбуковник, 2015. 472 с.

Роль дошкольного образования в сохранении миноритарных языков: международный опыт и перспективы

The role of preschool education in the preservation of minority languages: international experience and prospects. The article is devoted to the role of preschool education in terms of minority languages preservation. Analyzing the international experience, the author concludes about a need for language training in preschool educational institutions and about prospects of using a methodology of creation artificial language environment based on the «language nests» methodology.

Исчезновение языков – это одно из наиболее негативных последствий процесса глобализации. По данным Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения (2010 г.) в критической ситуации находится около 2500 языков, при этом более 200 из которых уже исчезли за последние 50 лет. Процессы глобализации, урбанизации, ассимиляции сводят к минимуму основу существования любого языка – его функциональность. Наиболее угрожающими факторами, влияющими на степень функциональности языка национальных меньшинств являются:

- промышленное освоение, сужающее ареал традиционного образа жизни;
- замещение коренного населения в сельской местности, приводящее к преобладанию языковой среды более крупных по численности народов;
- отсутствие системной государственной политики сохранения языков национальных меньшинств, обеспеченной необходимым уровнем финансовой поддержки.

В сложившихся условиях последняя надежда на улучшение языковой ситуации возлагается на образование. Отметим, что существующая система обучения миноритарным языкам в российском образовании не соответствует необходимым требованиям, в результате чего число родного носителей неуклонно снижается¹. Причинами отрицательной тенденции является: дефицит квалифицированных педагогических кадров, владеющих языком на уровне полноценного носителя; нехватка учебно-методической литературы и материала соответствующего уровня; малое количество часов преподавания родного языка (не более двух в преобладание неделю); преобладание факультативной формы обучения родному языку. Еще печальнее обстоит дело в дошкольном образовании – системного обучения родному языку в детском саду в среде многих малочисленных народов практически нет.

Специалисты педагогики давно отметили важнейшее значение дошкольного образования при решении задач овладения родным языком [5, с. 4]. В случае, когда отсутствует естественная языковая среда в семье, только дошкольное образование способно предоставить условия для получения базовых языковых знаний в условиях искусственной языковой среды. Кроме этого знакомство с родным языком в дошкольном возрасте играет решающую роль в самоидентификации ребенка, побуждая его этническое самосознание: «Язык помогает ребенку проникнуть в дух своего народа... Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка» [6, с. 318].

Наиболее удачные примеры возрождения языка, в первую очередь, основаны именно на внимании к дошкольному образованию. Так, введение обязательного двуязычного образования (английский и валлийский) в Уэльсе привело к тому, что функционирование валлийского языка в детской образовательной среде постепенно изменило отношение к языку в семье и обществе [3]. Сейчас говорить на валлийском языке в Уэльсе (и в Великобритании целом) престижно, язык обретает новую функциональную среду, тем самым процесс гибели языка удалось остановить. На сегодня валлийским языком владеет 583 тыс. жителей Уэльса, что составляет 20 % от общей численности населения территории [7].

---

¹ Прежде всего, такая критическая ситуация наблюдается в отношении малочисленных народов, не имеющих статуса титульной нации и собственной административно-территориальной единицы.

Применительно к языковой ситуации малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока показателен пример языка маори – коренного населения Новой Зеландии. До 40-х гг. XX в. для большинства маори родной язык оставался основным, но уже к концу 80-х гг., число носителей языка составляло не более 20 %, что заставило этническую общественность принять меры к его сохранению. В 1987 г. был принят Закон о языке маори, предоставившем языку статус государственного. Была инициирована масштабная кампания по возрождению языка, в основе которой была впервые введена методика «языкового гнезда», разработанная педагогами Новой Зеландии в конце 1970-х годов. Суть методики состояла в том, чтобы дети до 6 лет находились в маори Kōhanga reo («языковом гнезде») — языковой среде маори. Принятые своевременные меры и внедрение методики языкового гнезда позволили остановить процесс исчезновения языка маори [9]. К настоящему времени языком маори владеет около 4 % населения Новой Зеландии, что составляет 148 тыс. чел – эта цифра включает в себя 21,3 % от общего количества этнических маори, а также 23 тыс. людей, не являющихся маори [8]. Показатели не так впечатляют, но указывают возможность, как минимум стабилизировать языковую ситуацию в течение нескольких десятков лет.

После того, как методика языкового гнезда показала свою эффективность в Новой Зеландии, на неё обратили внимание в разных странах. На Гавайях методика вкуче с другими государственными мерами была применена к гавайскому языку. В этом отношении ситуация с гавайским языком является весьма показательной: в конце XVIII в. на гавайском языке разговаривало 500 тыс. чел., но уже к началу XX в. осталось чуть более 35 тыс. носителей языка, а концу XX в. их число составляло не более 7-8 тыс. чел. Языковая политика и внедрение методики языкового гнезда позволили за 20 лет увеличить число носителей языка в 3 раза и на сегодня гавайским языком владеет около 27 тыс. чел., что составляет не менее 20 % от коренного населения [2].

В качестве наиболее успешного современного опыта сохранения и развития языков национальных меньшинств следует выделить деятельность по сохранению саамского языка в Скандинавских странах, особенно в Финляндии, где методика языкового гнезда получила широкое распространение, начиная с 1997 года. Общая идея этой системы в Финляндии не нова и заключается в том, что и обучение, и общение детей между собой и с преподавателями проходят в условиях полного языкового погружения в изучаемый язык. В дошкольных учреждениях Саамского региона, в которых применяется эта система, дети говорят исключительно по-саамски. В инари-саамских и колтта-саамских школах в нулевых, первых и вторых классах школы образование также ведётся только на саамских языках, затем, постепенно, некоторые предметы начинают преподаваться на финском языке. В шестом классе число предметов на финском достигает примерно половины от их общего числа. На более распространённом северо-саамском языке преподают практически все предметы с нулевого по девятый класс в обычной школе и даже в гимназии [4]. Таким образом, дети, которые не могут освоить язык дома, имеют возможность получить начальные знания в языковом «гнезде» в детском саду и совершенствовать язык в начальных, средних и старших классах школ. По мнению руководителей программы «языковых гнёзд» в Саамском регионе Финляндии, сохранение и возрождение языков национальных меньшинств возможно лишь в том случае, если эта методика будет применяться одновременно как в дошкольных учреждениях, так и в школах. Особенно важно в данном случае – не ограничиваться лишь изучением родного языка в школьной программе, необходимо преподавание других предметов на родном языке.

Как видим, не все языки мира оказались обречены на гибель в условиях утери естественной языковой среды. Процесс сохранения и развития языков, находящихся под угрозой исчезновения, зависит от ряда факторов, важнейшим из которых является необходимость обеспечения системного подхода по созданию искусственной языковой среды в дошкольном образовании. Научно-педагогический анализ применения языковых гнезд в дошкольном образовании демонстрирует высокую эффективность методики, и возможность её внедрения в отношении языка практически любого народа, в особенности – имеющего необходимый кадровый потенциал педагогов, владеющих родным языком.

Следует стремиться к внедрению обучения родному языку во всех учреждениях дошкольного образования в местах компактного проживания миноритарных этносов. Данный тезис особенно важен в связи с неуклонным снижением числа носителей у большинства малочисленных народов России. В данном случае подготовка педагогических кадров из числа носителей языка является ключевым фактором для успешного решения проблемы. К сожалению, в современных условиях подобная практика в России в ближайшем обозримом будущем вероятно лишь на уровне эксперимента в отдельных группах детских садов, т.к. широкое внедрение искусственной языковой среды в дошкольных образовательных

учреждениях требует значительных финансовых ресурсов. Другие стороны проблемы, а именно – методические, не видятся критичными, т.к. накопленный международный опыт открыт для использования.

Литература и источники

1. Долженко С.Г., Баянова Е.В. «Языковое гнездо» как способ решения проблемы исчезновения языков коренных малочисленных народов Севера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-2 (60). С. 191-193.
2. Как гавайцам удалось возродить свой язык [Электронный ресурс]: Информационный центр ООН в Москве. Режим доступа: <http://www.unic.ru/event/2019-02-03/v-mire/kak-gavaitsam-udalos-vozrodit-svoi-yazyk>.
3. Королев А.А. Валлийский язык // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000. 472 с.
4. Пасанен А. Малые языки можно спасти...[Электронный ресурс]: Информационный центр Финно-ургорских народов. Режим доступа: <http://finugor.ru/news/annika-pasanen-malye-yazyki-mozhno-spasti-i-eto-ne-zavisit-ot-chisla-ih-nositeley>.
5. Сохин Ф.А. Психолого-педагогические основы развития речи школьников. М., 2003. 223 с.
6. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: Т. 8: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, т. 1. 1950. 774 с.
7. Нувел М. Jones. Darlun ystadegol o sefyllfa'r Gymraeg [Электронный ресурс]: Welsh Language Comissioner's website. Режим доступа: <http://www.comisiynyddygybraeg.cymru/Cymraeg/Rhestr%20Cyhoeddiadau/Darlun%20ystadegol%20Cymraeg.pdf>.
8. Maori Language Act 1987 [Электронный ресурс]: Parliamentary Counsel Office. Режим доступа: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/1987/0176/latest/DLM124116.html>.
9. The Kohanga Reo National Trust [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.kohanga.ac.nz/>.

Функциональность эвенкийского языка в электронной среде

Evenki language functionality in electronic environment. The article is devoted to the problem of minority languages functionality in terms of globalization. The main functions of Evenki language in the electronic environment are considered in the article. As a result of analysis, the author concludes that there is a prospect of using the electronic language environment as a way to preserve and develop language.

Функциональность подавляющего большинства миноритарных языков в повседневной жизни неуклонно снижается. Естественным образом, эта тенденция наблюдается и в электронной среде. По данным ЮНЕСКО попытки введения миноритарных языков в киберпространство остаются пока на экспериментальном уровне [4]. Функциональность миноритарных языков в электронной среде значительно уступает языкам более крупных народов, доходя в некоторых случаях практически до нулевого значения.

Согласно всероссийской переписи населения родным языком владеет не более 12 % от общего числа эвенков, проживающих в России [1]. По мнению специалистов, к настоящему времени этот показатель не превышает 8-10 %. Эвенкийский язык, несмотря на критическое состояние, сравнительно хорошо представлен в электронной среде.

Важной функцией эвенкийского языка в электронной среде на сегодняшний день является общение. Несмотря на то, что общение на родном языке в электронной среде происходит не массово, считаем эту функцию весьма перспективной. Исторически, крайне большой ареал расселения эвенков всегда создавал трудности общения и обмена информацией. Появившаяся возможность общения посредством интернет и, в особенности, средств мобильной связи используется весьма широко. Перечислим основные существующие виды общения на эвенкийском языке в электронной среде:

1. *Прямое голосовое общение на родном языке* (посредством мобильной связи) ограничено узким кругом носителей языка. В большинстве случаев при общении людей, владеющих родным языком в недостаточной степени, часто используются фрагменты эвенкийской речи. При общении по телефону весьма популярными становятся простые обращения, приветствия: «Мэндун!» – Здравствуйте!; «Ая тыманит!» – Доброе утро!; «Ая инэнит!» – Добрый день! и пр. Часто используются обыденные формы вопросов и ответов: «Экун улгур бийин?» – Какие новости?; «Экун-кэт улгур ачир» – Особых новостей нет; «Он биденни?» – Как живете?; «Аят бидем» – Хорошо живу и т.д.

2. *Личная и публичная переписка* (в социальных группах мессенджеров) на эвенкийском языке распространена в большей степени, чем при голосовом общении по телефону. При переписке, люди используют более сложные формы обращений, вопросов и ответов. Это обусловлено тем, что при переписке, человек, не владеющий родным языком в достаточной степени, имеет возможность не торопясь понять (перевести) суть диалога, подготовить письменное сообщение, чтобы избежать грубой ошибки при ответе.

По информации участников группы, для составления предложений, вопросов и ответов люди, не владеющие языком в достаточной степени, используют печатные издания (словари, учебники), а также существующие электронные пособия («Дылгани Азбука», «Русско-эвенкийский разговорник», электронную программу «Эвенкийский для начинающих») и мобильные приложения («Эвдик»). При письменном общении многие пользователи WhatsApp, изучающие язык самостоятельно не совершают крупных ошибок, что подтверждает эффективность самостоятельного изучения языка при помощи современных технологий.

В большинстве случаев общение эвенков в социальных группах мессенджеров происходит на трех языках – подавляющее большинство на русском, в меньшей степени, на эвенкийском и якутском¹:

3. *Информационный обмен*: обмен новостями, этнокультурной информацией (стихи, песни на родном языке, аудио и видеофайлы). К примеру, очень популярны стихотворения на эвенкийском языке, которые широко используются в дошкольном и школьном образовательном процессе, а также в рамках различных конкурсов по эвенкийскому языку и культуре.

Существовавший в недавнем времени дефицит поэтических текстов нового времени² был восполнен эвенкийской интеллигенцией – за период с 2010 по настоящее время появились несколько новых имен

¹ В Якутии проживает большая часть эвенков России (более 22 тыс. чел.), значительная часть которых в совершенстве владеет якутским языком.

² До начала 2000-х гг. основу поэтического наследия эвенков составляли стихотворения эвенкийских

эвенкийской поэзии: Варвара Данилова, Евгений Федоров-Эдян и мн. др. Большой вклад в национальную поэзию внесли эвенки-тунгусоведы – Анна Мыреева и Галина Кэптукэ. Талантливые ученые, понимая важность подобного лингвистического материала, подготовили значительный объем поэтических текстов для детей. Некоторые популярные стихотворения являют собой варианты тестов известных русских авторов, переведенные на эвенкийский язык.

В ходе информационного обмена, значительная часть информации посвящена эвенкийскому языку – о времени проведения конкурсов, выходе педагогической литературы и пр.:

4. *Международное общение*: общение в электронной среде эвенкийского народа происходит не только в рамках национального масштаба. При общей численности эвенков немногим более 60 тыс., около половины проживает в Китае. Электронная среда предоставила возможность общения эвенкам России и Китая. Чаще всего общение происходит посредством электронной почты и общения в социальных сетях. Такое общение достаточно популярно в узком кругу научных специалистов и небольшой части молодежи. В виду отсутствия единого алфавита и существенно отличающейся голосовой интонации российских и китайских эвенков¹, специалистами тунгусоведения была испытана экспериментальная методика переписки на латинице. Этот метод оказался оптимальным для беспрепятственного общения эвенков двух стран:

- *Mendu Alexander! Bi Beijindu bide, havaldem. Sindu ekun ulgur bisin?*

- *Mendu Mila! Bi Yakutsktu bide. Kete ulgur achin. Havaldem nyan. Ayat bihinni-gu?*

Фрагмент переписки эвенков-ученых из Пекина и Якутска

Существующие диалектные различия (например, звуки «c/s», «x/h», выделенные в диалоге выше) в языке эвенков России и Китая не составляют принципиальных сложностей. Нередко для международного общения требуется привлечение двух и более языков (эвенкийского, русского, английского).

Важной функцией для любого языка является обучение. Проблема использования электронной среды в обучении языку является актуальной в современном мире цифровых технологий. Наиболее изученной является тема обучения иностранному языку в ВУЗах. По мнению исследователей, обучение иностранному языку в электронной образовательной среде является перспективным, т.к. удовлетворяет потребности современных студентов, привыкших к использованию цифровых технологий в повседневной жизни [2, с. 169]. В образовательной среде весьма популярны электронные учебно-методические комплексы, позволяющие изучать языковой материал дистанционно модулями с последующим закреплением материала с помощью практических заданий, что отвечает нуждам занятых или неспособных к посещению занятий студентов [5, с. 848]. Электронная образовательная среда используется и в школьном образовании. Так, одной из наиболее популярных электронным систем обучения языку является электронная обучающая среда Moodle – инновационная платформа, позволяющая учителю и ученику, на основе сотрудничества и взаимодействия, осуществлять эффективную коммуникацию на языке. В такой системе учитель не является единственным источником информации, а служит проводником для её получения и осуществляет помощь и контроль» [3, с. 949-950].

В сети интернет обучение эвенкийскому языку происходит преимущественно самостоятельно, благодаря возможностям крупнейшего специализированного веб-сайта по эвенкийскому языку «Эвенгус». Ежедневно сайт «Эвенгус» посещает около 200 человек², из них людей, мотивированных к изучению языка – не менее 10 %³. Возможности сайта широко используются педагогами, и людьми, интересующимися эвенкийским языком. Благодаря веб-ресурсу за последние годы около 50 человек сумели самостоятельно овладеть основами разговорной речи, из них представителей других народов – не менее 10 человек⁴. Как отмечалось выше, главным преимуществом веб-ресурса является предоставленная возможность для изучения эвенкийского языка самостоятельно. Этому способствует активное использование «живого звучания речи» – аудиофайлов, сопровождающих учебный материал.

авторов середины и второй половины XX в.

¹ При речевом общении отличия в голосовой интонации сильно мешают быстрому восприятию речи.

² Данные статистики, полученные от владельца сайта.

³ По статистике длительности просмотров страниц сайта и скачиваний представленных продуктов и приложений.

⁴ Примерная статистика ведется инициаторами проекта и учеными-тунгусоведами Якутии.

Для изучающих эвенкийский язык предоставлена возможность скачать и установить значительную часть обучающего материала на свой компьютер (чтобы не быть в постоянной зависимости от скорости сети интернет).

Отметим, что в последнее время в качестве средства обучения эвенкийскому языку активно используются мессенджеры мобильной связи, главным образом WhatsApp. Так, в Якутии силами специалистов науки и педагогики на общественных началах реализуется экспериментальный проект «Языковое гнездо Эвэды» – социальная группа, в которой объединены эвенки, желающих изучать родной язык. Группа создана 10 ноября 2017 г. на основе существовавшей ранее группы «Курсы эвенкийского языка» (существовала с 16 апреля 2016 г.). По статистике группы и в результате устного опроса авторов проекта, в настоящее время группа «Языковое гнездо Эвэды» объединяет 43 человека, из них 3 носителя эвенкийского языка, 3 педагога родного языка, 4 человека, владеющих на разговорном уровне (из них 2 научных сотрудника), остальные родным языком не владеют. Подавляющее большинство участников группы проживают в Якутии, из них более половины в г. Якутске. Большая часть участников группы – пенсионеры, а так же люди среднего возраста, молодежь и студенты.

Обучение посредством общения происходит при участии педагогов и носителей родного языка. Первоначально проект задумывался в соответствии с идеей «языковых гнезд» – предполагалось воссоздание искусственной языковой среды для овладения родным языком на начальном уровне с последующим совершенствованием. Для этого носители языка инициировали публичную переписку, сопровождая синхронным переводом на русский язык.

В ходе эксперимента было установлено, что ограничение лишь общением на родном языке в сопровождении перевода недостаточно, так как основная часть участников группы не имеет начальных знаний по эвенкийскому языку. Участниками группы было принято решение в рамках общения проводить более системное обучение на начальном уровне. Для этого решено использовать материалы существующих обучающих разработок, адаптированных под электронную среду. В электронной среде мессенджеров наиболее эффективно сочетание текстового материала и аудиофайлов, демонстрирующих звучание речи.

Также используются собственные методики педагогов-участников группы. Как правило – это простые задания по овладению правилами языка и закреплению учебного материала.

В виду отсутствия распространенного опыта использования мессенджеров для обучения языку инициаторам обучающего эксперимента предстоит самостоятельно выработать оптимальную методику обучения в мессенджерах мобильной связи. Авторами общественного проекта планируется выработать методические рекомендации для использования идеи в перспективе.

Таким образом, электронная среда предоставляет удобные, функциональные средства для языкового общения, обучения и является весьма перспективной сферой применения миноритарных языков. Исходя из анализа источников и предварительного изучения темы исследования, проблема функционального статуса эвенкийского языка требует внимания научного сообщества и дальнейшего изучения с целью поиска возможностей по сохранению языка в современных условиях.

Литература

1. Всероссийская перепись населения (2010г.) [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm.
2. Громогласова Т.И. Особенности обучения иностранным языкам в электронной образовательной среде // Могущество Сибири будет прирастать?! Сб. докл. межд. науч. форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов»: в 4 т., 2018. С. 166-169.
3. Изотова Н.В., Сахарова В.В. Преимущества применения электронных обучающих сред в обучении иностранному языку в современной школе на примере среды MOODLE // Аллея науки, 2017. Т.3. №16. С. 945-950.
4. Многоязычие в киберпространстве [Электронный ресурс]: Информационно-аналитический журнал «Университетская книга». Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/kultura/100-monogoyazishie.html>.
5. Смоловик О.В., Гришунина М.А. Использование электронной образовательной среды при обучении студентов иностранному языку // Аллея науки, 2018. Т.2 №11. С. 846-849.

Языковая лояльность и проблема сохранения этнической идентичности якутов, проживающих в инокультурной среде (на материале Приленья)

Linguistic loyalty and the problem of preserving the ethnic identity of Yakuts living in a foreign cultural environment (jn the material of Prilenye). The article is devoted to the peculiarities of the language situation in Prilenye, the region where active Yakut-Russian contact takes place. It is shown that for Prilensky Yakuts the most important sign of ethnicity is culture, customs, traditions.

Проблема сохранения этноязыкового разнообразия является особенно актуальной в пределах крупных полиэтнических сообществ, к числу которых относится Российская Федерация. Стратегиями и целями государственной национальной политики Российской Федерации являются на период до 2025 г., с одной стороны, упрочение общероссийского гражданского самосознания, с другой – сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России [1].

Языковая жизнь в республике Саха (Якутия) на современном этапе представляет сложный процесс, связанный с глубинными процессами трансформации в этническом самосознании якутского этноса. В якутском социуме продолжают процессы урбанизации, увеличилась миграционная активность сельских мигрантов, в столице Республики Саха (Якутия) изменилась диспропорция национального состава населения республики. До 1990-х годов из-за притока мигрантов сокращалась доля якутов, а также живущих в республике представителей коренных малочисленных народов Севера – эвенков, эвенов, юкагиров, но в переходный период начался обратный процесс. Особенно быстро меняются пропорции в национальном составе в столице республики, хотя в промышленных городах и на крайнем севере по-прежнему доминирует русское население. В г. Якутске проживает 145 тыс. якутов, 114 тыс. этнических русских, а также кавказцы, преимущественно ингуши [2]. Столица Якутии, город Якутск, большой административный центр, который в основном определяет национальную и национально-языковую политику республики. Численность коренного населения Якутии по переписи 2010 г. составила 53,5 %, включая саха (якутов), эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей. Общая численность – 958 528 чел., мужчин – 48,6 %, женщин – 51,4 %, городское население – 64,1 %, сельское население – 35,8 % [3]. Главным фактором успешности якутской модели межэтнического согласия выступает сохранение баланса интересов населяющих Якутию этносов, не допускающего привилегированного положения одних и ущемления прав других. Этому способствует продуманная и исторически сложившаяся в Якутии национально-языковая политика. Исходя из приоритетов государственной национальной политики, включающих развитие национальных культур, правительством принята государственная программа Республики Саха (Якутия) Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012 - 2019 годы, направленная на укрепление в обществе гражданского мира, межнационального и межрелигиозного согласия. В постсоветский период в социальной жизни якутского общества решающее значение стал иметь религиозный фактор. В Якутске восстановлены православные храмы, построены католическая церковь, мечеть, буддийский дацан, Дом Арчы. Представители различных религиозных конфессий стали оказывать определенное влияние на своих прихожан, в результате социально-духовная жизнь якутян приобрела некоторую эклектику различных взглядов и образа жизни.

Одна из основных потребностей человека состоит в способности взаимодействовать с окружающим миром, в возможности отождествлять себя с определенной культурой, идеями, ценностями, социальными группами. Именно такие характеристики входят в понятие «идентичность», введенное в научный оборот американским психологом Э. Эриксеном. Идентичность понимается как чувство собственной истинности, полноценности и одновременно как чувство единства, сопричастности миру и другим людям. Согласно учению Э. Эриксона, идентичность является не только фундаментом любой личности, но и может служить показателем ее психосоциального благополучия, жизненной успешности, личностной реализации [4, с. 113.]. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, языка и ценностных ориентаций, данных ему в том числе и через родной язык. Под «языковой лояльностью» понимается совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, кото-

рая определяет степень их приверженности к данному языку. У каждого народа существует определенный набор основных характеристик, по которому можно судить о его языковой лояльности: признание родным своего этнического языка, использование родного языка в общении, защита языка правовыми актами, стремление к расширению социальных функций родного языка, изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, передача языка подрастающим поколениям [5, с. 626]. Якутский язык входит число языков с высокой долей сохранности: указали якутский язык в качестве родного языка 99,9 % респондентов. По данным Ивановой Н.И., у 87,4% якутов национальная принадлежность и родной язык совпадают: 5,5 % признали родным русский язык (по переписи 2010 г. – 5,7 %); 10,3 % – оба языка [6, с. 68]. В ходе социолингвистического опроса выявились следующие критерии в выборе родного языка у якутов в Олекминском районе (табл.1). Респонденты выбирали несколько вариантов ответов в предлагаемой шкале, поэтому в ней нет 100% генеральной совокупности в результатах. Олекминский район входит в зону Приленья, где контакты русского населения и коренного населения носили постоянный характер.

Таблица 1
«Как Вы определяете свой родной язык?» %

Ответы респондентов, %	
На этом языке говорят почти все окружающие люди	15,8
Это язык моих родителей	40,4
Потому что я принадлежу к данной национальности	70,2
На данном языке я говорю свободно, выражаю свои чувства, эмоции	14,0
Потому что я впервые заговорил на этом языке	11,4

По результатам исследования, 70,2 % опрошенных информантов этническую принадлежность считают основополагающей при определении родного языка.

Таблица 2

«Что роднит Вас с людьми Вашей национальности? », %»

Ответы респондентов	<i>якуты</i>		
	<i>районы</i>		
	2000 г.		2000г.
	Олек.	Ленск.	Нюрб.
Язык	62,2	46,6	48,2
Культура, обычаи, обряды	52,6	49,3	35,7
Родная земля, природа	57,9	28,7	54,2
Черты характера. Психология	19,3	19,2	12,5
Внешний облик	21,9	13,7	10,5
Исторические судьбы, прошлое	16,7	13,7	9,6
Общая государственность	8,7	19,2	8,5

*Таблица составлена по данным опроса городского и сельского населения 2010 г.

В таблице № 2 наглядно видно, что среди информантов приленских районов Республики Саха (Якутия) важным этнодифференцирующим фактором является родной язык. Особенно это характерно для Олекминского и Нюрбинского районов Якутии. Для якутов Ленского района, где компактно проживает русское население, важным признаком является культура, обычаи, обряды. Результаты социолингвистических исследований, свидетельствуют о том, что в неоднородной языковой среде ассимиляционные процессы идут по нарастающей. В 2002 году в г. Покровске и в селах Хангаласского района РС (Я) было опрошено 188 респондентов, возрастная группа 16-20 лет, проживающих в городской среде – 48,6 % и в сельской среде – 51,6 %. Был разработан вопросник на основе методической разработки Г.У.Солдатовой «Этническая аффилиация», выявляющий корреляции этнической идентичности с языковой компетенцией индиви-

дов [7, с.134-193] . Результаты данного исследования выявили, что сельские респонденты, хорошо владеющие письменной и устной формой родного языка, указали индикаторы, отражающие высокую потребность в этнической принадлежности (этноаффилиативные тенденции). Часть информантов, в языковой компетенции которых фигурирует второй язык или оба языка, показали низкую потребность в этнической принадлежности (антиэтноаффилиативные тенденции). Испытуемым был предложен тест, состоящий из 18 индикаторов (психологический блок) и языковой блок, состоящий из трех вопросов. Результаты показали, что у горожан в целом менее выраженная этническая идентичность. У сельчан этот показатель составил 55,8 %, среди городских респондентов – 44,2 %. Настораживает тот факт, что антиэтноаффилиативные тенденции выразили 40,4 % информантов, проживающие на селе (табл.3)

Таблица 3

	город	село
Этноаффилиативные тенденции	44,2 %	55,8%
Анти-этноаффилиативные тенденции	59,6%	40,4%

* Таблица составлена по данным опросов 2010 г.

При этом в данном исследовании были получены следующие результаты: 70,3% считают родным языком якутский язык, русский и оба языка – 6,5 % и 22,7 %. В выборку были включены учащиеся г. Покровска и сельских населенных пунктов Хангаласского района Республики (Саха) Якутия. Проведенное исследование показало, что в молодежной городской среде усилились ассимиляционные тенденции: 25 % респондентов проявили индифферентность к этнической принадлежности, 11,2 % – затруднились дать определенный ответ.

Безусловно, языковая лояльность индивидов формируется различными факторами, и тип языковой среды имеет определяющее значение. Знание родного языка, выбор языка в качестве обучения, языковая компетенция зависит от многих экстралингвистических факторов, от места проживания, условий проживания, воспитания, от традиций и культуры взаимного общения.

Литература

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
2. Электронный ресурс <http://fb.ru/article/243568/yakutsk-naselenie-chislennost-goroda-i-natsionalnyiy-sostav>(дата доступа: 1. 04. 2019г.)
3. Численность коренного населения по переписи 2010 г.// URL: [http:// viewtopic.jsp?id= 4373007](http://viewtopic.jsp?id=4373007) (дата доступа 1.04.2019)
4. *Богданов Л.И.* Язык как деятельность: к проблеме развития культурной идентичности в современной России// Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве; Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв.ред. А.Н.Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Языки народов мира, 2018. 752 с.
5. Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 872с.
6. *Иванова Н.И.* Языковая лояльность носителей якутского языка в условиях языковой неоднородности Республики Саха (Якутия)// Вестник СВФУ, №6, 2014.том 11.
7. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М: Смысл, 1998.389 с.

Как же быть Украине с её языком?

How to be to Ukraine with its language? The author of the article reflects on the ways of further development of the Ukrainian language in Ukraine as the only state language and offers specific extraordinary measures to achieve this goal. In particular, the author considers a number of special measures for the early inclusion of children aged 3–6 years from Russian-speaking families into the sphere of phonetic, prosodic, grammatical and lexical norms of the Ukrainian language. At the stage of growing up (17–22 years old), the author recommends introducing compulsory higher education in Ukraine with a degree in the Ukrainian language and literature for all young people who have not passed special secondary oral and written secondary school exams in the Ukrainian language.

Возникший языковой конфликт или точнее горячая война с русским языком на Украине, полагаю, назревал очень долго, начиная с момента образования УССР. В силу доминирования русского языка в СССР, этнические языки в республиках сохранялись только в семьях коренных жителей или этнических носителей.

Я помню, что моя одноклассница, дочь офицера украинца, переведённого к нам в Читинскую область в первой половине 80-х годов прошлого века, хорошо владела украинским языком в возрасте 13 лет. Наша учительница русского языка и литературы поручила мне и ей читать наизусть «Слово о Полку Игореве» на литературном вечере. Я читал на древнерусском, а она – на украинском. Далее во время службы в Советской Армии в 1989–1991 годах мне также довелось быть в одном подразделении с украинцами из сельских районов, для которых украинский язык был основным, родным, они не очень хорошо говорили по-русски.

И всё же в силу того, что при образовании УССР, в её состав были включены большие территории с преобладающим русскоязычным населением, подавляющее большинство жителей этой республики было русскоязычным. К тому же сама советская система не способствовала активному развитию украинского и прочих языков. В стране был один язык, одна партия, и фактически один народ – советский.

Таким образом, даже этнические украинцы, коренные жители Украины постепенно переставали пользоваться родным языком. В результате после распада СССР во вновь образованном украинском государстве сложилась парадоксальная ситуация: государство провозгласило политику одного языка, которым владеют очень немногие.

Учитывая, то, что экономическая ситуация после распада СССР во всех республиках была неблагоприятной, Украине следовало бы выбрать один из европейских вариантов (Финляндия, Швейцария) с полным равноправным сосуществованием двух или нескольких основных языков и, мобилизуя всё своё общество, работать в едином порыве и развивать государство. И потом уже, накопив достаточные финансовые ресурсы, решать языковой вопрос нестандартными, научно обоснованными методами, не жалея средств.

Но, к сожалению, был избран очень непродуктивный вариант. При номинальном сосуществовании украинского и русского, обществу сразу было показано, что будущее только за украинским. Это выражалось и выражается даже в очень бытовых вещах. Например, на телевидении при ведении диалога, ведущий всегда говорит на украинском, а собеседник, не владеющий украинским, на русском. И очень странно было наблюдать такие телепередачи. Здесь сразу возникает множество вопросов. А всё ли до конца понимает русскоязычный участник диалога? Значит украинский такой понятный для русскоязычного, что его можно не учить? И тому подобные.

Мало того, но даже на бытовом уровне такие практики существуют. Я лично был невольным свидетелем следующей сцены. Посетив с ознакомительными целями кафедру китайского языка Киевского национального университета имени Тараса Шевченко в 1998 году, я спустился на цокольный этаж в гардероб за одеждой. В этот момент как раз два студента забирали свою одежду и перебрасывались обычными фразами типа «ты куда сейчас?» и т. п. Так вот, один из них говорил на русском, а второй намеренно отвечал только на украинском. Видимо, он был из семьи этнических украинцев и строго соблюдал личную языковую дисциплину, готовя себя для вхождения в украинскую элиту. И это похвально и достойно подражания.

И благо языки достаточно похожи. Ведь при столкновении не таких близкородственных языков едва ли такое общение возможно.

Откровенно скажу, меня уже тогда в 90-е годы прошлого века очень заботила проблема превращения Украины в моноязычную страну. Заботило не то, что устраняют русский язык: здесь как раз можно было понять стремление независимого государства сделать национальный язык единственным, сильным и развитым. Я искренне усиленно размышлял о том, как же Украине сделать украинский единственным языком страны. Я наивно полагал тогда, что вот уйдёт со временем из жизни поколение русскоязычных жителей страны и их дети будут уже говорить на чистом украинском языке – ведь они ходят в украинскую школу, все учебники на украинском языке. И сейчас эту статью я пишу также с искренним желанием помочь Украине сделать украинский язык полноценным государственным языком.

Дело в том, что там проживают мои родственники. Я ставил себе такой вопрос. Вот семья моих родственников. Они и не думают учить украинский. Подростающие их дети хотя говорили, что в школе изучают украинский и умеют говорить на нём, тем не менее дома и в повседневной жизни не использовали украинский. Сейчас эти дети выросли, им по 30 с лишним лет, но они не говорят по-украински.

Будучи любителем языков по своему характеру, я в подростковом возрасте пытался учить чешский, финский, китайский (в результате стал китаистом). И некоторое знание чешского, а также общие знания по лингвистике очень мне помогли в достаточно приличном понимании телепередач на украинском языке, в то время, когда я бывал там в гостях у родственников. Меня всегда удивляло, почему они не пытаются учить украинский. Но понять людей можно: работа, заботы по дому, дети. Да и не всех привлекает изучение иностранных языков. Но их дети, которые там оказались в младенческом возрасте вполне могли бы овладеть украинским языком. Однако проблема в том, что они росли в русскоязычной семье бывшего советского офицера. И в школах тогда, в 90-е годы прошлого века, не все учителя на должном уровне владели украинским языком.

К тому же, как известно, близкородственные языки учить, с одной стороны, проще, но в то же время существует проблема достаточно большого количества одинаковых слов, например, моряк, казарма, клин, клуб, посол (дипломат), сон, сорока, штраф, варварство, автограф, прокурор, гонорар и т.д. [1, с. 190, 127, 135, 136, 326, 396, 397, 454, 31, 8, 346, 79]. И наличие таких слов часто может становиться для русскоязычных учащихся фактором, который не даёт полного ощущения погружения в украинский язык. Такие слова часто могут тормозить коммуникацию, так как обучающиеся задумываются о том, действительно ли на украинском данное слово произносится также как на русском. И здесь очень важно усиливать обучение именно произносительным, просодическим нормам стандартного украинского языка, которое поможет сделать человека более вовлечённым в мир украинского языка.

При наличии в украинском и русском языках большого количества одинаковых или похожих слов, украинский язык обладает не меньшим количеством слов, которые совершенно непонятны русскоязычному человеку. Поэтому я считаю, что без специальной подготовки обычный русскоговорящий человек не способен полностью понимать поток речи на стандартном беглом украинском языке. Особенно это касается телепередач, радиопередач, лекций на разнообразные специальные темы (культура, литература, философия, искусство, финансы, экономика, наука и т. п.).

В пылу обретения долгожданной независимости, в течение этих 28 лет на Украине были совершены большие ошибки. Украинский язык сразу стал внедряться в делопроизводство и прочие сферы жизни как единственно возможный вариант. При этом руководство страны не задумывалось о том каково это, например, преподавателям вузов в 50-60 лет составлять, например, учебные программы на незнакомом иностранном языке. Наверняка они прибегали к помощи переводчиков и оплачивали их услуги.

Не выстраивалась научно обоснованная эффективная модель постепенного и неуклонного обучения детей и молодежи из русскоязычных семей украинскому языку. В результате многие поколения украинцев так и не овладели национальным государственным языком.

Авральная спешка сделать украинский единственным языком страны привела к обратному результату. Теперь придётся продлить период достижения этой цели. Для сохранения лояльности русскоязычных граждан страны, считаю, что власти Украины должны объявить политику использования русского языка во всех сферах наравне с украинским на переходный период. Это должно означать, что поколение людей, которым сейчас более 30 лет могут без ограничений трудоустроиваться и использовать русский язык в повседневной жизни и публичном пространстве. Этот период, полагаю, может составлять 30-40 лет. В то же время власти должны чётко дать понять, что те, кто моложе 30 лет обязаны использовать в работе и публичном пространстве украинский язык.

Всё усиливающаяся агрессивная политика украинизации русскоязычного населения плодов не дала, а политизация языкового вопроса привела Украину к трагедиям и хаосу. Сейчас, когда точка кипения достигла предела и русский язык фактически под запретом, хочется выразить надежду, что рано или поздно эта страна поймёт, что такая нестандартная языковая ситуация требует нестандартных решений. Если Украина и в дальнейшем намерена добиться своей цели и сделать всё население украиноязычным, то, это не получится сделать быстро. Необходимо разработать долгосрочную программу, насыщенную разнообразными мерами.

Если же Украина ждать не готова, то это неизбежно приведёт к отъезду большей части русскоязычного населения из страны, ведь люди не смогут жить немymi, без перспектив карьерного роста и развития, они не смогут долго прикидываться и говорить на несурзном украинском языке. Рано или поздно им это надоест, и они уедут. Но нужна ли сама себе такая Украина, демографически и экономически ущербная? Едва ли.

Полагаем, что будущие лидеры этой страны, если они хотят сохранить весь потенциал своего государства, смогут задействовать нестандартные механизмы для обеспечения овладения украинским языком всем населением страны в долгосрочной или даже среднесрочной перспективе.

Таковыми механизмами, полагаю, могут стать внедрение программ подселения детей из русскоязычных семей в украиноязычные семьи на 1-2 года в возрасте 3-6 лет, чтобы с детства сформировать фонетическую, просодическую, грамматическую норму украинского языка. Также возможно создание специальных интернатов, в которых бы дети из русскоязычных семей в благодатном возрасте (4-6 лет) могли бы воспринять раз и навсегда произносительные, просодические, грамматические, лексические нормы украинского языка. Далее содействовать ребёнку из русскоязычной семьи в школьном обучении максимально погружаться в мир украинского языка. В первую очередь необходимо ввести специальный экзамен на знание украинского языка для учителей средних школ.

Что касается дальнейшего укрепления норм украинского языка в речи выходцев из русскоязычных семей, то полагаю, Украине необходимо ввести систему двойного высшего образования. Под таким образованием я подразумеваю параллельное обучение молодых людей (17-22 лет) сразу по двум специальностям. Первая и обязательная для всех специальность – «Украинский язык и литература». Вторая – любая интересная молодому человеку, если он желает получить специальное высшее образование. То есть украинский язык должен преподаваться как иностранный по усиленной программе, с максимумом часов, посвящённых только языку. Таким, образом, молодые люди смогут овладеть украинским языком на достаточном уровне, чтобы сделать его языком бытового общения. И своих детей они уже сами смогут приобщить к этому языку. Понятно, что не все смогут так просто сразу отказаться от русского языка, на котором они общаются с родителями и другими родственниками. По способностям к изучению языков люди также различаются. Поэтому и потребуются многолетний переходный период.

Разумеется, что такие меры потребуют дополнительных затрат государства, экономика которого и без того ослаблена возникшими пертурбациями. Полагаю, что обучение украинскому как иностранному в вузах поголовно всех русскоязычных молодых людей должно быть за счёт государства. Получается, что ради развития своего национального языка Украине необходимо ввести обязательное высшее образование для всех молодых людей по специальности «Украинский язык и литература». Причём это образование должно охватывать и тех, кто якобы владеет украинским и родился в этнической украинской семье. Ведь известно, что существует множество регионов, где украинский язык не соответствует норме, и школьники из этих регионов также должны получить обязательное высшее образование по украинскому языку. Полагаю, всех выпускников средних школ необходимо тестировать устно и письменно по украинскому языку. При недостижении определённых баллов, направлять на дальнейшее обязательное обучение в вуз.

Поэтому и необходимо Украине в самое ближайшее время сосредоточиться на созидании, на единении нации, на возвращении русскому языку легального статуса во всех сферах. Ведь полное искоренение русского языка из эфиров радио и телевидения не приведёт к тому, что все будут использовать украинский язык в повседневной жизни. Тем более, молодые люди больше пользуются сетью интернет, где и смогут слушать язык, который им хочется слушать. Но если принять описанные выше меры и с детства включить человека в сферу украинского языка, то он уже сам будет искать и слушать, смотреть контент на уже родном украинском языке.

Для всех семей знание украинского языка должно восприниматься как важный незаменимый элемент успешного жизненного и карьерного пути их ребенка.

Разумеется, что наиболее продуктивным и экономичным, был бы путь сосуществования украинского и русского языков, признание их как двух государственных языков. Но, учитывая тот трудный путь, который Украине и её языку пришлось пройти в своём развитии и становлении, боязнь мощной конкуренции со стороны очень похожего и сильного русского языка, полагаю, необходимо поддержать стремление Украины к превращению в моноязычную страну.

Будем верить, что новое поколение украинского руководства выберет разумные и действенные меры по оказанию помощи в овладении украинским языком детям и молодым людям из русскоязычных семей. Подобные же меры, думаю, могут быть применены и в прочих республиках бывшего СССР.

Литература

1. Сучасний російсько-український українсько-російський словник: 50 000 слів + граматика / Упорядник М. А. Тищенко. – Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2008. – 688 с.

Проблемы преподавания русского языка в полиэтнической среде

Problems of teaching Russian in a multi-ethnic environment. The article deals with the problems of teaching Russian in a multi-ethnic environment. Indicates that a modern, multicultural and multilingual Russia's multi-ethnic education become a priority. The author analyzes modern documents in the field of Russian language teaching. It is noted that there is a need for a comprehensive solution of substantive, organizational, methodological and personnel issues in the field of teaching the Russian language in a multi-ethnic environment.

Рост информационного, культурного, экономического обмена и сотрудничества порождает интеграционные процессы в современном обществе, поэтому разнообразные народы и культуры не могут пребывать разрозненно, изолированно. Межкультурная и межэтническая коммуникация существенно расширяется за счет роста количества этнически смешанных семей, создания многонациональных социальных институтов и конгломераций.

Стремительный рост в последние десятилетия мигрантов, прибывших в Россию из стран ближнего Зарубежья, привел к изменению существовавшей прежде в школах моноэтнической ситуации на полиэтническую. И поскольку школам России, где вместе обучаются носители многообразных этнических групп с различными национальными обычаями и культурами, присущ полиэтничный образовательный характер, особенно результативной образовательной стратегией в настоящий период становится полиэтническое образование: терпимость к иным взглядам, обычаям, знание специфики собственной культуры во взаимодействии с культурами других народов и мировой культурой в поликультурном обществе, умение понимать мир как комплекс сложных связей и взаимовлияний.

Одной из важнейших тенденций современного полиэтнического образования является направленность образовательно-воспитательного процесса на формирование основных черт языковой личности ребенка в процессе изучения языка и культуры для достижения межкультурного взаимопонимания. Основой формирования поликультурной личности является полиязычие, так как эффективная коммуникация служит залогом успеха в реализации политической, социально-культурной, финансово-экономической деятельности. При этом усвоение русского языка играет для обучающихся роль ключа к социальному и культурному признанию, к равноправию и самореализации.

В «Профессиональном стандарте учителя русского языка» указывается: «Русский язык в большей степени, чем большинство других школьных предметов, является прикладной и жизненно важной дисциплиной. Русский язык формирует мышление и речь учащихся. От овладения им зависят уровень освоения национальной культуры, обретение российской гражданской идентичности» [3].

Проблемы преподавания русского языка в полиэтнической среде приобретают особую актуальность в связи с усилением миграционных процессов, внедрением нового государственного стандарта общего образования и компонентов его содержания (федерального, национально-регионального и школьного), введением единого государственного экзамена.

Как отмечается в «Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации», «Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» закрепляется статус русского языка как государственного, определяется интегративная функция русского языка как инструмента межнациональной коммуникации народов и основа гражданской идентичности и единства российского общества» [2].

Русский язык как язык образования играет важную роль в выравнивании стартовых позиций молодых граждан страны. Основной государственный экзамен и итоговая государственная аттестация (ОГЭ и ЕГЭ) предусмотрены только на русском языке, программы высшего образования также реализуются только на русском языке, в силу этого полноценное владение русским языком дает равные шансы на успешное прохождение государственных экзаменов, продолжение образования и трудоустройство. Свободное владение русским литературным языком является неотъемлемым условием трудоустройства на позиции высокого уровня квалификации. Кроме того, русский язык дает возможности для внутренней трудовой миграции, особенно интенсивной в последние годы.

В Концепции обозначены основные проблемы преподавания русского языка в полиэтнической среде: содержательные, организационные и кадровые.

Содержательные проблемы становления русской речи у детей-билингвов связаны с выработкой единой билингвальной образовательной модели. Такая модель учитывает тот факт, что учащийся развивает речевые умения и навыки одновременно на двух или более языках без ущерба для каждого из них в отдельности. В многонациональной этнокультурной России есть все условия для создания универсальной билингвальной образовательной модели в образовательном пространстве, предоставляющем гражданам равные возможности самореализации. Наиболее рациональной и эффективной является такая организация образования, при которой обучение основным предметам образовательной программы ведется на русском языке с начального этапа на всей территории Российской Федерации.

Предлагаемая модель билингвального образования в России включает три содержательных компонента: предметный, языковой и межкультурный. Предметный компонент представляет собой формирование знаний, умений и навыков по учебным дисциплинам, в том числе по русскому и родному языкам. Языковой компонент обеспечивает формирование умений и навыков во всех видах речевой деятельности на русском и родном языках. Под межкультурным компонентом имеется в виду формирование компетенций в сфере межкультурной коммуникации, при этом обязательным является воспитание этнической и религиозной толерантности.

Среди организационных проблем преподавания русского языка как неродного и организационно-методических компонентов, позволяющих их решать, Концепция определяет следующие: наличие общеобразовательной программы и государственного профессионального стандарта, учитывающих специфику преподавания русского языка как неродного; введение образовательного модуля и системы повышения квалификации педагогических работников, обеспечивающих готовность к профессиональной деятельности в условиях многоязычной среды

Кадровые проблемы преподавания русского языка как неродного возможно решить с помощью создания системы непрерывной профессиональной поддержки учителей и директоров школ, работающих в полиэтнической среде.

Для решения задач обучения современный учитель русского языка должен владеть методиками, нацеленными на развитие практических навыков владения русским языком с учетом прогнозируемого влияния межъязыковой интерференции. Учителя основных предметов обязаны способствовать развитию речевых компетенций учащихся для успешной коммуникации на русском языке в области преподаваемой дисциплины. Руководителям образовательных учреждений следует организовывать учебный процесс таким образом, чтобы преподавание основных предметов происходило одновременно с формированием речевых компетенций в области русского языка, изучением и сохранением родного языка и традиционной культуры.

Важно, чтобы предлагаемые меры профессиональной поддержки носили не разовый, а системный и непрерывный характер. Ядром системы непрерывного дополнительного профессионального образования педагогических и управленческих кадров должны стать открытые электронные образовательные среды, обеспечивающие доступ к программам повышения квалификации вне зависимости от места проживания.

Таким образом, обучение русскому языку в полиэтнической среде – сложный, многоаспектный процесс. «Основная и весьма ответственная задача предмета «русский язык» – стать инструментом социализации ребенка в современном поликультурном обществе, научить любить и понимать собственную культуру, обучить диалогу культур, развить учебные, коммуникативные и общие интеллектуальные навыки» [1, с. 323]. И эту задачу можно решить только при комплексном подходе к проблемам преподавания русского языка в полиэтнической среде.

Литература

1. Герасименко И. Е. Русский язык в условиях полиэтнической и поликультурной среды // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Междунар. конф. Доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. – М., 2018. – С. 321-324.
2. Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pushkin.institute/projects/gosconcept/concdox/Concept_project_final.pdf (дата обращения: 19.03.19).
3. Профессиональный стандарт учителя русского языка и литературы [Электронный ресурс]. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/69978028/> (дата обращения: 19.03.19).

Словарь как форма отражения языковой ситуации в регионе¹

The dictionary as a form of reflection of the language situation in the region. The article discusses the features of the reflection in the dictionaries of the variability of the Russian language at the present stage. The regularities of the lexicographic description of nominative units associated with the regional division of the language, and the conditionality of their functioning by the language situation are demonstrated.

Процесс развития языков, связанный с динамикой языковых ситуаций, особенностями отражения различных социальных, исторических и региональных условий является важнейшим объектом исследования современной лингвистики. В связи с этим в языкознании постепенно получает все большее признание идея о том, что системное изучение всей совокупности форм существования конкретного языка в их взаимодействии позволяет установить не только их различия и перспективы конкуренции, но и общие закономерности функционирования языков на современном этапе с учетом экстралингвистических причин, определяющих центробежные или центростремительные тенденции в языке. На первое место в таких исследованиях выходит принцип функциональной дополнительности, который предполагает возможность сосуществования в рамках отдельной коммуникативной среды таких явлений, как литературная форма языка (в том числе более, чем одна литературная форма), территориальные варианты, региональные варианты, социальные варианты, и даже формы, традиционно считавшиеся маргинальными (например, русские пиджины [3]). Традиционно перечисленные формы противопоставляются друг другу как нормативные/ ненормативные, кодифицированные/некодифицированные, хотя такая оппозиция во многих отношениях утратила сегодня актуальность (см., например, [4; 5]).

Интерес лингвистов к перечисленным формам существования языка является следствием общей антропоцентрической тенденции: «В последней четверти XX в. постепенно стало очевидно, что интерес к языку есть в то же время интерес к самому человеку» [1, с. 225]. Поэтому, если первоначально подобные формы языка единицы связывались только с кругом специфических явлений, характерных для отдельных социальных групп или ареалов, то сегодня исследование вариативности языка вышло далеко за рамки отдельных направлений (например, диалектологии). И региональное/социальное членение языка рассматривается как один из ведущих факторов, определяющих границы функционирования тех или иных единиц и вследствие этого способствующих расширению, обогащению и дифференциации словаря носителей языка в целом. Такой подход является закономерным, так как невозможно использование языка вне пространственной и социальной специфики, и поэтому движение языков по пути развития вариантов является неизбежным и даже необходимым. О непреложности этого процесса свидетельствуют факты истории. Как распад латыни на несколько вариантов народной латыни привел к возникновению романских языков, так и распад праславянского и прагерманского языков послужил основой для появления соответствующих групп индоевропейских языков. И хотя в каждом случае наблюдаются свои особенности в плане конвергенции/дивергенции форм языка, по нашему мнению, необходимо признать, что такой путь есть следствие онтологии языка вообще и вариантность одних языков нельзя рассматривать как нечто исключительное и отличающее их от прочих языков.

Функциональная стратификация отдельного языка, включающая совокупность региональных и социальных вариантов, складывается исторически и отражает современную языковую ситуацию в соответствующих регионах мира. Согласно пространственному критерию выделяют формы существования, характерные для определенных государств, ареалов, деревень, городов, городских районов. Каждая региональная (и даже локальная) коммуникативная среда, как правило, обладает своей речевой спецификой, в результате чего формируются отдельные варианты языка. Согласно социальному критерию разграничивают варианты, присущие закрытым и открытым социальным группам: образованным и необразованным слоям населения, профессиональным общностям, определенным классам, и, наконец, отдельному лицу.

---

¹ Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00187-ОГН

Поэтому следует исходить из того, что «системные отношения между компонентами социально-коммуникативных систем задаются не внутрискруктурными связями, а связями социальными, определяющими как распределение этих компонентов по сферам использования, социальным функциям и социальным ситуациям, так и социальную иерархию этих компонентов» [7, с. 77]. Многообразие таких связей и приводит к билингвизму, диглоссии, интерференции и т.п. явлениям. При этом мы полагаем, что нельзя рассматривать уникальные случаи как несущественные и что «их удельный вес в науке менее значителен сравнительно с удельным весом проблемы развития и функционирования того или иного общенационального языка» [2, с. 102]. Ведь на самом деле в речевой действительности ничего, кроме особых случаев, мы не можем наблюдать (не случайно М.В. Панов писал, что человек, возможно, за всю жизнь не произносит двух абсолютно идентичных звука [а]).

Таким образом, именно языковая ситуация обуславливает особенности сосуществования и взаимодействия друг с другом всех форм языка в функциональном плане, а также большие или меньшие расхождения между ними. При этом различия между вариантами отражают коммуникативные нужды говорящих и являются следствием нескольких причин. Среди них следует назвать следующие: 1) невозможность обозначить объекты и явления действительности номинативными единицами, характерными для противопоставленного варианта (подходящего средства может вообще не существовать в той форме языка, которая используется в других коммуникативных условиях); 2) соображения экономии и желание более компактно выразить мысль, чем это допускает система номинаций противопоставленных вариантов; 3) стремление к экспрессивности и оригинальности; 4) необходимость указания на свою принадлежность к пространственно или социально ограниченной группе.

Возможность существования нескольких вариантов для экспликации языковых единиц является закономерной, и для современной лингвистики принципиально учитывать вариативность выражения единого для языка сигнификата совершенно разными номинативными средствами, которые используются в различных типовых ситуациях. Такие типовые ситуации рассматриваются нами как позиции, обуславливающие выбор определенного средства выражения. Проблема создания типологии позиций, способной объяснять и прогнозировать предпочтение одного из средств выражения сигнификата в определенной коммуникативной позиции, является одной из приоритетных задач функционального исследования системы вариантных форм языка. Для нашей работы важными являются две взаимосвязанные позиции употребления номинативных единиц: социальная и региональная. Именно эти две характеристики являются основными компонентами языковой ситуации, и поэтому должны найти отражение в словарях современного русского языка.

В отечественной лингвистике существует определенная традиция описания вариативности языка, которая проявляется, прежде всего, в определенных типах словарей, отражающих в большей или меньшей степени пространственное и социальное членение коллектива. Наиболее типичными словарями такого типа являются словари территориальных и социальных диалектов русского языка.

Так, например, диалектная лексика, представленная в Псковском областном словаре, охватывает широкий пласт номинативных единиц, которые частично представлены в общезыковом ядре, но в большинстве представляют собой обозначения специфических явлений, предметов быта, географических условий и т.п.: *абазулиться* (выйти из повиновения), *бабаха* (оладья, лепешка), *бегитка* (походка), *большан* (крупная рыба), *вбить* (с усилием проникнуть куда-нибудь), *вертеп* (глубокий овраг), *выпрать* (выстирать), *гадюк* (змея), *гоготуха* (гусыня), *горбак* (крайний ломоть каравая), *доступить* (попасть куда-нибудь), *еженёнок* (детеныш ежа), *жалковать* (печалиться, горевать), *забраться* (накупить товаров), *заглумной* (плохо соображающий, дурной), *издеватель* (тот, кто издевается над кем-то), *кандычить* (выпрашивать), *квасовар* (человек, который готовит квас), *кокористый* (упрямый). Данные примеры наглядно демонстрируют, как потенциально возможное в языке актуализируется в условиях, отличающихся от тех, в которых функционирует литературная форма. И неслучайно представители московской лингвистической школы рассматривали территориальные варианты как диалектный язык, охватывающий все говоры данного языка, тот есть как макросистему, реализацией которой является отдельно взятый говор. Такая позиция обусловлена тем, что часть элементов этой макросистемы присутствовала во всех говорах, а часть была представлена в виде соотносительных вариантов, которые получили название противопоставленных и непротивопоставленных диалектных различий и которые в рамках теории вариантности определяются как соответствия между разными типами вариантов или дивергентные и аналоговые различия.

Общие закономерности варьирования наблюдаются и в процессе анализа социальных вариантов (диалектов; социолектов), представляющих собой более или менее устойчивую подсистему языковых

средств (как правило, номинативных), характерных для речи какой-либо социальной группы (потенциально таких групп может быть неограниченное количество: профессиональные, возрастные, сословные и т.п.) в рамках конкретного национального языка. В этом случае также возникают соответствия, носящие, однако, не пространственный, а социальный характер. В пределах этих вариантов обнаруживаются общие для всех форм языка закономерности: противопоставление другим формам существования; наличие специфических номинативных средств; выделение объединенной по социальному признаку группы из числа ей подобных; связь с коммуникативной средой и языковой ситуацией в регионе.

Рассмотрим с этой точки зрения ряд социально ограниченных в плане функционирования номинативных единиц, характерных для русского языка: *бахнуть* (*выпить спиртного*), *башли* (*деньги*), *бекапить* (*создавать резервную копию*), *отпадный* (*прекрасный, достойный удивления*), *упасть* (*остановиться, где-то присесть*), *гуманоид* (*студент гуманитарного факультета*), *двинутый* (*ненормальный*), *забацать* (*сыграть что-то*), *зависать* (*находиться где-то на протяжении определенного времени*), *железо* (*аппаратная часть компьютера*), *клёвый* (*красивый, прекрасный*), *кусок* (*тысяча денежных единиц*), *минор* (*бедный человек*), *наворот* (*что-то сложное для понимания*). Анализ словарных статей таких единиц позволяет увидеть следующие особенности. Во-первых, они характеризуются как речевые особенности относительно обособленных групп людей и потому противопоставляются средствам реализации тех же сигнификатов в других вариантах языка (собственно, толкование нередко строится на том, что составители словаря приводят общеупотребительный аналог). Во-вторых, они существенно отличаются от соотносительных с ними литературных единиц не только в плане экспрессивности (на самом деле эта характеристика не является преобладающей), но и, что гораздо важнее, как явный показатель принадлежности к определенному кругу, то есть на первый план в значении этих слов выступают семы, удачно названные А.Н. Рудяковым «мы-семами» и выполняющие демаркационную функцию [5, с. 9]. В-третьих, такой тип варьирования также демонстрирует уже отмеченные выше закономерности возникновения подобных единиц в рамках общей системы языка.

Необходимо отметить, что суть варьирования не сводится к созданию номинативных единиц, выступающих как аналог слов, характерных для литературной формы языка. Нельзя в этом случае и говорить об отношениях синонимии, это особый тип соотношения вариантов в рамках единой системы, для которой способ выражения «профессионализмом», «диалектизмом» и другими сходными единицами является периферийным и связан со строго ограниченными рамками социальной или пространственной среды, за пределами которой данный вариант выражения непонятен и поэтому лишен смысла [6, с. 55; 175-176]. Например, сигнификат *устройство, действующее автоматически по заранее составленной программе или последовательности команд, для решения рода задач* может быть выражен семемами *компьютер, ЭВМ, электронно-вычислительная машина, комп, пьюжк, компутер*. Нередко отдельная семема используется, когда необходимо передать значение, выражающееся в литературной форме только словосочетанием: *играть на музыкальном инструменте* – *лабать*; *прибегнуть к помощи поисковой системы* – *загуглить*; *тренажерный спортивный зал* – *качалка*. Сам факт предпочтения одного средства выражения другому в определенной коммуникативной ситуации служит сигналом перехода к иному речевому коду, символизирующему общность данного речевого коллектива. Таким образом, этот коллектив выделяется среди других и может ассоциироваться с определенным социальным престижем.

Сегодня в отечественной лексикографии значительное место отводится словарям региональным. Единицы, представленные в таких словарях, отражают исторические, культурные, пространственные и социальные особенности языка и являются актуальными для коммуникации в отдельном достаточно большом ареале (республике, области и т.п.). Источником таких регионально маркированных номинативных единиц, в частности, являются переводы на русский язык сказок, эпоса, поэтических и прозаических произведений народов России. Как правило, такие переводы сопровождаются развернутым комментарием и/или словариком, в котором разъясняется значение многих так называемых *реалий*. Последние в силу их семантического наполнения не переводятся с помощью аналогов, что позволяет сохранить не только региональный колорит, но и соответствующее каждому народу мировосприятие.

Например, в бурятских сказках нам встречаются следующие единицы: *алтан* (золото), *амбань* (губернатор, сановник), *арза* (молочная водка), *батор* (богатырь, герой), *мэргэн* (меткий стрелок), *тэрлик* (летний халат), *хоймор* (северная, почетная, сторона в юрте) и др.; в чеченских и ингушских сказках также широко представлены подобные единицы: *аба* (накидка, халат), *беркат* (благодать, изобилие), *вета* (пуговица из ниток), *захал* (сват), *кунацкая* (комната для приема гостей), *ниха* (хмельной напиток), *турнал* (богатырь, герой) и др.; то же и в якутских сказках: *алаас* (поляна, круглое поле или пастбище, окаймленное

лесом), *баай* (сосуд из бересты), *иччи* (хозяин, домовый, дух), *олонхо* (якутский героический эпос), *саламат* (кушанье из муки и сливочного масла) и др. Подобные единицы отражают специфические условия жизни отдельного региона, а их функционирование в языке выступает как средство объективации культурной оппозиции. При этом некоторые единицы, выражающие понятия, которые представляют достаточный интерес и важность для более широкого круга людей, могут стать частью общей инвариантной системы данного языка и даже перейти в другой язык. Специфичность разных форм языка наглядно прослеживается именно в функционировании регионально маркированных единиц. Поэтому их включение в словари позволяет очертить границы развития языка в определенный период времени, показать общность процессов, происходящих в разных регионах.

Наличие множества средств экспликации одного сигнификата рассматривается нами как проявление регулятивной функции языка, поскольку выбор одного из номинативных средств всегда соответствует региональной и социальной позиции его употребления, а отсутствие выбора свидетельствует об ограничении ситуаций речевого взаимодействия, в которых возможно использование той или иной единицы. Мы полагаем, что причины такой дивергенции в рамках одного языка восходят к его онтологии и связаны с необходимостью противопоставления того коллектива, который осознается как свой, всем прочим. И такое противопоставление является стимулом развития не только для языка, но и для его носителей.

Литература

1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. Пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2008. 304 с.
2. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М.: Издательство Московского университета, 1974. 264 с.
3. *Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. СПб: Алетейя, 2008. 363 с.
4. *Рудяков А.Н.* Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: «ЛЕКСРУС», 2016. 392 с.
5. *Рудяков А.Н.* Георусистика, функциональная лингвистика и ... мифы русистики // Георусистика: Вызовы XXI: Сб. науч. ст. / Под редакцией А.Н. Рудякова. Симферополь: Антиква, 2011. С. 5-17.
6. *Словарь социолингвистических терминов* (под ред. В.Ю. Михальченко). М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
7. *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

Проблемы сохранения и развития эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия)

Problems of preservation and development of the Evenki language in the Republic of Sakha (Yakutia). The situation with the Evenki language, but also in the whole of Russia has become acute. As never before, the question of not only preservation, but also the question of the revival of the Evenki language remains relevant. There is a steady decline, as it is used by a smaller number of carriers and the language is not functional, a steady decline in the number of speakers, the language is on the verge of extinction, and the ethnic group threatens to lose not only the language, but also the original culture and identity.

В Республике Саха (Якутия) эвенки проживают в 10 районах – Алданском, Анабарском, Булунском, Жиганском, Мирнинском, Нерюнгринском, Олекминском, Оленекском, Усть-Майском, Хангаласском, Амгинском муниципальных образованиях Республики. Из них три района имеют статус «эвенкийского национального района». Численность эвенков в России по данным переписи 2010 г. составляет 38396 чел., из них в Республике Саха (Якутия) – 21008 чел., что соответствует 54,7 % от общей численности эвенков. Родным языком владеют 4802 чел. Данные показывают, что языковая ситуация у эвенков крайне сложная: из всего числа эвенков на родном языке говорят 12,5 %, против 45,1 % в 1989 г. [11]. Несмотря на то, что в Республике Саха (Якутия) проводится определенная работа и проблеме языка уделяется внимание, ситуация с родным языком не улучшается и с каждым годом становится все трагичнее. Вот уже на протяжении трех десятилетий перед эвенками стоит острый вопрос возрождения языка. К сожалению, и в настоящее время проблему снижения численности владеющих эвенкийским языком, не удается решить.

Якутия является территорией проживания эвенков, где они наряду с другими народами Севера имеют свой неповторимый уклад жизни, язык и самобытную культуру, пронесенную сквозь века из поколения в поколение. Вследствие мирового прогресса и модернизации, под негативное воздействие попадает вся культурная ценность, включая язык. Язык каждого народа является не только культурным, но и природным наследием всего человечества, позволяющим на основе сравнения всех уровней языковой структуры каждого языка выявить универсальные свойства речи, которые дали возможность человеку выделиться в *homo sapiens* и *homo loguens* из живой природы [12, с. 445].

Социолингвисты, при оценке языковой ситуации и проведении языковой политики, предлагают необходимый комплексный дифференцированный подход, который состоит из таких компонентов, как: степень сохранения родного языка, наличие этноязыковых оазисов, устойчивости национально-языковой, этнической памяти народа, компактность и дисперсность расселения народа, сферы и среды употребления языка, основных форм существования языка: диалектная (койне), (обще)народно-разговорная, литературная: устная, письменная [12, с. 448-449].

Сложная языковая ситуация эвенкийского языка показывает, что существуют проблемы в преподавании языка в школах республики, в развитии художественной литературы, в популяризации фольклора, в работе средств массовой информации. Эвенкийский язык используется в устной и письменной речи – в с. Иенгра Нерюнгринского и с. Тяня Олекминского районов; в остальных районах, где компактно проживают эвенки, надо признать, что эвенкийский язык практически не функционирует.

По данным Министерства образования и науки РС (Я) от 8 апреля 2019 года, эвенкийский язык в общеобразовательных организациях Республики Саха (Якутия) в 2019 учебном году ведется в 20 школах с охватом в 1423 учащихся - 8 районах в местах компактного проживания эвенков. В детских образовательных учреждениях эвенкийский язык изучают в 7 национальных районах, 15 ДОУ – 339 детей. Министерство образования и науки РС (Я) в своей справке не уточнило, каким образом учащихся обучают эвенкийскому языку, и ведется он, как предмет или факультатив. Как предмет эвенкийский язык преподается в двух школах с. Иенгра Нерюнгринского района и в с. Тяня Олекминского района. Преподавание эвенкийского языка ведется в Экспериментальной школе-интернате «Арктика» (г. Нерюнгри). В остальных школах родной язык преподается в качестве факультатива. В Северо-Восточном федеральном университете готовят преподавателей родных языков, ежегодно получают диплом менее 5 эвенков. Сведений об изучении в учреждениях начального профессионального образования эвенкийского языка не имеется.

Ситуация осложнена еще и тем, что в республике с малых лет овладевают как минимум двумя языками и зависит это от территорий расселения, демографических и социальных процессов и т.д. По исследованиям социолингвистов, этноязыковая ситуация показывает, что в муниципальных районах коммуникативные возможности якутского и русского языков неодинаковы: в моноэтнических сельскохозяйственных улусах во всех сферах жизнедеятельности преобладает якутский язык, русский – функционирует в промышленной зоне и в городских поселениях [13, с. 20]. Языком межнационального общения в местах компактного проживания является якутский, в единственном эвенкийском селе Иенгра Нерюнгринского района язык общения остается русским. В городах республики, например, в столице г. Якутске в связи с интенсивной урбанизацией населения отсутствует языковая среда, которая бы минимально обеспечивала преемственность родного языка. Ситуацию не может спасти даже преподавание эвенкийского языка в МОБУ «Средняя общеобразовательная школа № 38 (с углубленным изучением отдельных предметов) Городского округа г. Якутск». Использование всего спектра родного языка, как языка обучения в системе школьного образования необходимо рассмотреть – преподавание родного языка следует вести как предмет.

В Республике Саха (Якутия) заложена нормативно-правовая основа сохранения, возрождения и развития языков коренных народов Севера, в том числе и эвенкийского – это зафиксировано в Конституции (Основной закон) Республики Саха (Якутия); Законах «О языках в Республике Саха (Якутия)»; «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»; «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера (новая редакция)»; «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)»; «О государственной поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)»; Указом Президента РС (Я) «О совершенствовании языковой политики в Республике Саха (Якутия)». При Главе Республики Саха (Якутия) функционирует Совете по развитию языков, в 2018 году было создано Управление по вопросам развития языков, основной целью которого является реализация государственной политики в области развития, защиты и поддержки. На основании законов и нормативно-правовых актов в местах компактного проживания этноса эвенкийский язык имеет статус официального. Несмотря на прочную правовую основу, направленную на содействие развитию языков и направленность на создание условий для сохранения, равноправного и самобытного развития языков коренных народов Севера существует ряд проблем. Так, в законе РС (Я) «О статусе языков КМНС РС (Я)» указанное в ст. 3 право [8] на использование в официальных сферах общения наравне с государственными языками, предполагающее употребление языка в публичной жизни общества – данное право на практике не применяется. По данным предоставленными администрациями районов республики, в большинстве мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера отсутствует использование национального языка в официальных вывесках, наименованиях улиц, атрибутике и информации, за исключением Эвено-Бытантайского национального улуса, Жиганского национального эвенкийского района, с. Тяня, с. Бясь-Кюель Олекминского района, с. Андриюшкино Нижнеколымского района, с. Себян-Кюель Кобяйского района [курсив мой – М.Д. – места компактного проживания эвенков]. Так же констатируется тот факт, что на основании ст. 9 закона родные языки в поселениях и районах не используются в официальном делопроизводстве и документообороте, ни тем более переводами на них основных нормативно-правовых актов, не разработаны языковые квалификационные требования по знанию официального языка для муниципальных служащих. Тем не менее, Управлением организована работа по созданию муниципальных комиссий по развитию и сохранению государственных и официальных языков при Главах муниципальных образований Республики Саха (Якутия). Созданы комиссии всего в 15 муниципальных образованиях Республики, из них 6 районов проживания эвенков: это Булунский район, Жиганский национальный эвенкийский район, Мирнинский район, Олекминский район, Оленекский эвенкийский национальный район, Усть-Майский улус (район) [7].

В средствах массовой информации эвенкийский язык представлен на телевидении в программе «Геван», выходящем с периодичностью один раз в неделю, продолжительностью 25-30 мин., радио – 15 мин. В газете «Илкэн» не выходит в виде приложения странички на эвенкийском языке. По словам редакции, эта проблема сохраняется ввиду отсутствия материала и авторов, пишущих на эвенкийском языке.

Книгоиздания публикаций на эвенкийском языке выходят только в малом тираже и лишь в различных фольклорных сборниках, что, естественно, не восполняет потребности в них. С 2013 года вышли в свет издания по фольклору «Дулин буга Торгандунин – Торгандун среднего мира» [6], «Нюнгун нюнгунтоно Нюнгурмок – ахаткан-кунгакан – Шестипрядевые косы, имеющая шестикосая Нюнгурмок – девочка-сиротка» [9], «Эпос алданских эвенков» [3], «Обрядовая поэзия и песни эвенков» [10]; исследования по фольклору: Яковлева М.П. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве

сказителей рода Бута» [16], Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков [2], Варламова Г.И., Варламов А.Н., Захарова Н.Е., Яковлева М.П. «Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса: словарь-указатель» [4]; издаются различные учебно-методические пособия по изучению языка с использованием современных технологий: Андреева Т. Е., Стручков К.Н. «Эвенкийско-русский разговорник» [1], Электронное пособие по эвенкийскому языку «Дылгани азбука» сост.: Варламов А.Н., Варламова Г.И. [15], Варламов А.Н., Варламова Г.И. «Электронная обучающая программа «Эвенкийский для начинающих» [14], Варламова Г.И., Варламов А.Н., Пикункина З.Н., Дьяконова М.П. «Учим эвенкийский язык» (с приложением CD)» [5]; учебники по эвенкийскому для начальной школы с 1-3 класс – Ф.М. Лехановой. В день родного языка и письменности ежегодно вручается премия Главы РС (Я) им. Г.М. Василевич. Несмотря на предпринимаемые усилия, практически повсеместно ощущается дефицит или отсутствие литературы для чтения, адресованной различной аудитории.

Решение вопросов и проблем сохранения языка осуществляется силами общественных организаций. Члены Ассоциации эвенков Якутии организуют и принимают активное участие в Днях эвенкийского языка и литературы в рамках республиканской декады родных языков – в населенных пунктах, где проживают эвенки – в Усть-Майском, Мирнинском, Оленекском районах. Открыты чаты в социальных сетях группы по изучению эвенкийского языка «Говорим по-эвенкийски», «Языковое гнездо». В основе методики используется создание искусственной среды общения на родном языке посредством мессенджеров и социальных сетей. Создаются видеоролики на стихи поэтов. Якутские школьники активно принимают участие в международной олимпиаде по эвенкийскому и ороченскому языкам, проводимой Амурским госуниверситетом. Преподавателями Северо-Восточного Федерального университета ежегодно проводится «Тотальный диктант» по эвенкийскому языку. В с. Иенгра в 2017 и 2018 годах был организован молодежный эвенкийский языковой лагерь «Удя» (След), в котором прошли обучение около 20 молодых людей. С октября 2018 года на базе Национальной библиотеки РС (Я) начался курс обучения эвенкийского языка для не владеющих языком. Занятия ведутся два раза в неделю. Организуются и проводятся различные фестивали, конкурсы, в которых организаторы стараются, чтобы звучала эвенкийская речь, например, это постановка спектакля, на эвенкийском языке «Аяври хоктоли», который с успехом прошел осенью 2017 г.

Несмотря на всю проделываемую работу, общая ситуация, связанная с эвенкийским языком, остается острой и, очевидно, необходимо принять кардинальные меры для сохранения языка.

Важно обозначить проблемы для развития интереса к культуре и формирования потребности в изучении языка, прежде всего, включение в учебную программу средних общеобразовательных школ в местах компактного проживания эвенков уроков эвенкийского языка, а не в виде факультатива 1 час в неделю. Одним из средств, расширяющих сферу влияния, а значит, способствующих внедрению материнского языка в повседневность, выступает преподавание на нем других общеобразовательных предметов.

Таким образом, актуальным и своевременным остается вопрос возрождения языка, свободное общение на родном языке среди молодежи во всех сферах, в первую очередь на бытовом уровне. Издание не только детской, но и для взрослых литературных произведений эвенкийских авторов, но и переводческой, предполагающей вложение большого труда.

Немаловажным индикатором востребованности языка является использование языка во всех сферах деятельности, СМИ и издание на них художественной литературы. Традиционным форматом возрождения языка является его изучение в школе, и надо признать, что данный формат устарел. Необходима программа, ориентированная для не владеющих языком учащихся. В целом, в сохранении языка, возможно, следует пересмотреть и поменять подходы. Данные показывают, что за последнюю четверть века, несмотря на все усилия, проблемы никак не решаются, а еще более усугубляются. Используя современные технологии, необходимо ввести обучение онлайн, разработать языковые приложения по эвенкийскому языку, создать большой электронный словарь. Важно принять на государственном уровне и придать статус «исчезающего» языка не только эвенкийскому, но и другим языкам коренных народов Севера.

Таким образом, несмотря на государственную поддержку и усилия общественности, предпринимающиеся различные меры по развитию и сохранению языка не способны решить до конца проблему исчезновения эвенкийского языка и, проблема продолжает оставаться острой.

Анализ современной ситуации эвенкийского языка с учетом вышеупомянутых критериев позволил внести ее в группу, где эвенкийский язык имеет неблагоприятные параметры по большинству позиций, сохранение и развитие которого в наибольшей степени зависит от целенаправленных усилий государ-

ственной и языковой политики. Сохраняется устойчивое мнение, что при таких обстоятельствах языки коренных малочисленных народов Севера, в том числе и эвенкийского, процесс ассимиляции неизбежен, и его крайне сложно предотвратить.

Как показывает практика, эвенки не разделяют понятие об обреченности исчезновения языка. Даже при условии сохранения языка немногих носителей и при создании благоприятных условий язык может не только сохраняться, но и даже возродиться. Необходимо в этом случае объединение усилий самого народа и структур государственного управления.

Литература

1. Андреева Т. Е., Стручков К.Н. Эвенкийско-русский разговорник. Исполнители: Якутск, 2015.
2. Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков. – СПб: «Лань», 2018. – 308.
3. Варламова Г.И., Варламов А.Н., Дьяконова М.П. Эпос алданских эвенков. – Воронеж: ООО «КОВЧЕГ», 2018. – 201 с.
4. Варламова Г.И., Варламов А.Н., Захарова Н.Е., Яковлева М.П. Имена собственные персонажей эвенкийского эпоса: словарь-указатель /— Новосибирск: Наука: Издательство СО РАН, 2019. 349 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 37).
5. Варламова Г.И., Варламов А.Н., Пикунова З.Н., Дьяконова М.П. Изучаем эвенкийский язык. Учебно-методическое пособие. (с приложением CD). – Воронеж: ООО «КОВЧЕГ», 2018. – 150 с.
6. Дулин буга Торгандунин - Торгандун среднего мира / Сост. А.Н.Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2013. – 85бс. –(Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока; Т.31).
7. Жиркова Р.Р. Выступление на правительственном часе на тему «О ходе реализации Закона РС (Я) «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера РС (Я)» 10 апреля 2019 г.
8. Закон РС(Я) «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера РС (Я)» от 20.02.2004, З№244-III.
9. Нюнгун нюнгунтоно Нюнгурмок – ахаткан-кунгакан = Шестипрядевые косы имеющая шестикосая Нюнгурмок – девочка-сиротка/ РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера; [сост.: Г. И. Варламова, А. Н. Мыреева, А. Н. Варламов]. Якутск: ЦИКЛ, 2015.
10. Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. – Новосибирск: Наука, 2014. - + компакт диск. – 487 с. (Памятники фольклора народов Сибири и дальнего Востока. - Т.32).
11. По данным https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвенкийский_язык
12. Роббек В.А. Устойчивое развитие народов Севера России: фундаментальные и прикладные исследования: сборник научных статей /В.А.Роббек. – Новосибирск: Наука, 2011. – 662 с.
13. Стручков К.Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы / К.Н.Стручков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 120. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири Дальнего Востока; Т 22).
14. Электронная обучающая программа «Эвенкийский для начинающих» сост.: Варламов А.Н., Варламова Г.И. Якутск, 2013.
15. Электронное пособие по эвенкийскому языку «Дылгани азбука». сост: Варламов А.Н., Варламова Г.И. Якутск, 2014.
16. Яковлева М.П. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода Бута. – Воронеж: ООО «КОВЧЕГ», 2018. – 164 с.

Регионализация русского языка в Республике Крым как фактор лингвокультурологической самоидентификации¹

Regionalization of the Russian language in the Republic of Crimea as a factor of lingvo-cultural self-identification. The article is devoted to the determining the Crimean regional version of the Russian language, which functions in the context of the language situation of the Republic of the Crimea in the period after 2014, from the standpoint of its perception by a native speaker of the Russian language as a means of linguistic and cultural self-identification; and also to the raising the question of the lexicographical description of the regional vocabulary of the Crimea.

Of particular interest to the language situation in the Republic of Crimea and the regionalization of the Russian language on the peninsula is due to the processes of integration of Crimea into Russian society and its information space. The Crimean language consciousness is currently experiencing a fully important period of self-reflection, stimulating the study of the peculiarities of the picture of the world of Russian speakers in a non-national republic and the speech behavior of speakers of the Russian language as a whole. At the level of language policy development, the issue of the formation of language competences of speakers of the Russian language is a matter of cultural and language construction in the coexistence of several ethnic groups: Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages in 2014 became the state languages of the Republic of Crimea. Consequently, the study of the linguistic situation on the peninsula in modern conditions, in particular, the peculiarities of the functioning of the Russian language, is in the special focus of the actual problems of Russian studies and is one of the independent tasks of georistics.

The processes of local variability of the Russian language, including the socio-psychological actualization of units of historical, cultural and sociopolitical semantics, after 2014 are estimated by Crimeans as the regional specificity of the Russian language, implemented in the speech of its speakers as an important means of self-identification.

Особый интерес к языковой ситуации в Республике Крым и к регионализации русского языка на полуострове обусловлен процессами интеграции Крыма в российское общество и его информационное пространство. Крымское языковое сознание в настоящее время переживает важнейший период саморефлексии, стимулирующий исследование особенностей картины мира русскоговорящих в ненациональной республике и речевого поведения носителей русского языка в целом. На уровне разработки языковой политики вопрос о формировании языковых компетенций носителей русского языка является вопросом культурно-языкового строительства в условиях сосуществования нескольких этносов: русский, украинский и крымско-татарский языки в 2014 г. стали государственными языками Республики Крым. Следовательно, изучение языковой ситуации на полуострове в современных условиях, в частности, особенностей функционирования русского языка, находится в особом фокусе **актуальных проблем русистики** и представляет собой одну из самостоятельных задач георусистики.

Цель предлагаемой статьи заключается в определении крымского регионального варианта русского языка, функционирующего в условиях языковой ситуации Республики Крым в период после 2014 г., с позиций его восприятия носителями русского языка как средства лингвокультурологической самоидентификации; а также в постановке вопроса о лексикографическом описании региональной лексики Крыма.

Современные исследователи русского языка (Л.П. Крысин, А. Мустайоки, Ю.Е. Прохоров, В.И. Беликов, А.Н. Рудяков, И.Н. Кошман, Ю.В. Дорофеев и др.) особое внимание обращают на влияние экстралингвистических факторов в вопросе межрегионального, регионального или локального заимствования. Среди данных факторов отмечают следующие: социальная реальность общества, поликультурный код, коммуникативный режим общения, языковая самоидентификация, статус информанта и т.п.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ), проект «Русский лингвокультурологический словарь Крыма» № 17-04-00187 (а).

Дискуссионный вопрос о сохранении русского языка в Крыму в период 1991–2014 гг. в современных социологических исследованиях занимает особое место именно в аспекте сохранения крымчанами своей лингвокультурологической идентичности: «Несмотря на постсоветский курс украинизации, жители Крыма сохранили в качестве национального достояния знание и употребление русского языка наряду с обретением второго, а в некоторых случаях и третьего языка. Мало кто из исследователей языковой и этнополитической жизни крымчан задумывался над тем, на каком основании именно в Крыму, несмотря на различные формы и типологию двуязычия, сохранилась русскоязычная среда лучше, чем в остальных регионах Украины, в т.ч. юго-восточных и южных областях. <...> О масштабах реального двуязычия, если судить о них по самооценке крымчан, свидетельствуют данные этносоциологического опроса, проведенного в Симферополе и в прилегающих к нему поселениях в 2012–2013 гг. К числу позитивных показателей языковой жизни симферопольцев, в частности, можно отнести тот факт, что 64 % русского населения сохранили русский язык и одновременно владели украинским языком, в т.ч. около 15% «свободно говорили, читали и писали» на нем и еще около 46 % могли разговаривать и читать, хотя думали при этом на русском или каком-либо ином языке» [2, с. 4–5]. С одной стороны, жители Крыма сохранили русский язык, однако в период с 1991 по 2014 гг. фактически были лишены полноценного коммуникативно-цивилизационного контакта с ментальным пространством России, отсутствие которого не могло не сказаться на языковом сознании жителей полуострова. С другой стороны, воссоединение Крыма и г. Севастополя с Российской Федерацией в 2014 г. стало переломным этапом в истории русского языка крымского региона, поскольку его носители фактически были подключены к культурно-информационному пространству Русского мира. В этом смысле актуальность исследований, посвященных вариантности русского языка и его региональным особенностям, заключается в сравнительном анализе тенденций в проявлениях русской речи в период до 2014 г. (когда Крым входил в состав Украины) и после, учитывая прошедшие пять лет.

За последние два десятилетия в русистике интенсифицировалось направление, связанное с изучением русского языка в условиях полилингвокультурной ситуации в Крыму. Вопросам о вариативности русского языка и его лингвокультурологической специфике в Крыму посвящен ряд работ: монография А.Н. Рудякова «Георусистика: русский язык в глобальном мире» (2016 г.), сборники научных статей «Георусистика. Первое приближение» (2010 г.), «Георусистика. Вызовы XXI века» (2011), монография Ю.В. Дорофеева «Лингвистический функционализм и вариантность языка» (2012 г.), коллективная монография «Современная картина мира: крымский контекст» (2 выпуска: 2017–2018 гг.), монография Г.Ю. Богданович «Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии» (2003 г.), «Аналитический сборник по результатам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе» (2007 г.) и некоторые др. В данных исследованиях, основным посылом выступает мысль о том, что «феномен Крыма включает концептуальную картину мира всех населяющих его граждан, что делает языковую картину, а вместе с ней и языковую ситуацию, специфической и многомерной» [8, с. 14].

В одной из наших статей, среди основных особенностей функционирования русского языка в Республике Крым, мы выделили следующие факторы, обуславливающие регионализацию русского языка на полуострове: «1) межъязыковое взаимодействие (прежде всего русско-украинское и русско-крымско-татарское), 2) влияние южнорусской языковой стихии, 3) культурно-историческая архитектура региона, 4) территориально-административное своеобразие, 5) культурно-психологическая значимость определенных концептов для носителей русского языка Крыма» [3, с. 18]. Учет данных факторов открывает перспективы составления нового типа словаря, описывающего региональные особенности русского языка в Крыму. Следовательно, актуальность описания региональной лексики полуострова обусловлена необходимостью составления сводного лексикографического произведения, отражающего лингвокультурологический компонент данного региона России, такой компонент, который определяет самобытность русской речи жителей Крыма, репрезентированной как в текстах, так и в социально и культурно значимых словесных реакциях (полученных экспериментально).

В работах Е.А. Оглезневой предложено следующее понимание термина «язык региона»: отмечается, что специфика русского языка в регионе связана прежде всего:

«1) с диалектным влиянием, проникающим в различные сферы речевой коммуникации и обуславливающим довольно широкое распространение некоторых диалектных лексем, а также диалектных фонетических особенностей;

2) с наличием в региональной речи особых терминологических лексических систем, обусловленных развитием актуальных для региона промыслово-хозяйственных и других областей деятельности;

3) с геополитическим фактором, определяющим, например, источники заимствований из других языков в регионе;

4) с возможностями самой языковой системы, ведущим к своеобразной, своеобразной реализации, что проявляется, например, в лексических новообразованиях» [7, с. 20].

Описание региональной лексики опирается на понятие «формы бытования русского языка», предложенное в трудах Ю.Н. Караулова [4, с. 65], в частности, в практическом отношении используется тезис о том, что единицы «неисконной русской речи» являются формой бытования русского языка в определённых локальных условиях. При этом важно учитывать такой признак, как нормативность использования в речи носителем русского языка определенных слов, конструкций, прецедентных фраз и т.п. В отношении нормативного аспекта региональных проявлений русского языка, А. Мустайоки отмечает следующее: «Кроме кодифицированной официальной нормы, можно выделить коллективную норму (то, что языковой коллектив считает правильным) и ситуативную норму. Однако языковой материал отражает в прямой форме не норму, а узус. Разновидности русского языка представляют собой разные узусы» [6, с. 21]. Следовательно, крымский региональный вариант русского языка можно воспринимать как форму адаптации общей системы к локальным условиям ее функционирования, обусловленную действием ряда геолингвистических факторов, т.е. такую форму, которая проявляется в речи носителей современного русского языка, владеющих его литературной разновидностью.

Для решения задачи описания взаимодействия языков на территории Республики Крым в наши работы мы используем терминологический аппарат, используемых в концепции георусистики (А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев). А. Н. Рудяков предлагает ценностную структуру модели русофонии, включающую понятия *центра, ядра и периферии*: «Термины «центр», «ядро» и «периферия» не имеют значение «столица» и «провинция», «главное» и «второстепенное», «лучшее» и «третьесортное». Если ядро – это носитель качественной определенности системы, то периферия выполняет не менее важную функцию – она обеспечивает взаимодействие с другими языковыми системами. В случае Русофонии – с другими языковыми мирами» [1, с. 15]. В современных условиях русофония становится подвижной системой: распространение русского языка и его адаптивные свойства к локальным условиям (как в Российской Федерации, так и за рубежом) обусловлены отношением к русскому языку и его статусностью. Особое значение данные показатели имеют в так называемой «полилингвокультурной ситуации», когда на одной территории, имеющей особую историко-культурную архитектуру, функционирует несколько взаимовлияющих друг на друга языков. В результате такого взаимодействия в ядерной части русофонии развиваются региональные варианты языка в том случае, если для большей части населения данной территории русский язык является родным, в том числе в условиях иноязычного окружения (для Крыма – украинский и крымско-татарский языки). Если же для большей части населения региона русский язык не является родным, но используется как средство межнационального общения, следует говорить о зоне ближней периферии. Принятие Крыма и г. Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 г. фактически изменило геолингвистический статус русского языка в регионе: из зоны ближней периферии русофонии он вошел в ее ядерную часть.

Лингвокультурологическое освещение региональной лексики, маркированной коллективноцентрическим компонентом значения «Крым», предполагает обращение к такой форме практической деятельности филологов, как составление словаря. Лексикографическое описание региональной лексики предполагает определение состава этой лексики, её анализ, разработку концепции словаря и составление такого словаря. В результате работы над данным лексикографическим произведением было сформулировано название «Русский лингвокультурологический словарь Крыма» (проект по составлению словаря был поддержан в 2017 г. Российским гуманитарным научным фондом, реализуется сейчас при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований). Под лингвокультурологическим освещением понимается описание единиц, использование которых маркировано либо культурно-историческими признаками региона, либо территориально-административными признаками.

Т.В. Лановая предлагает перечень следующих таксономических групп, для формирования словника «Русского лингвокультурологического словаря Крыма»:

1) антропонимы (политики, общественные деятели, меценаты, ученые, писатели, архитекторы и т. п.): *С.В. Аксёнов, В.И. Вернадский, Н.П. Краснов, П.С. Паллас, А.С. Пушкин, Д. Севастопольская, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов* и др.;

2) топонимы: *Гаспра, Керчь, Коктебель, Крым, Ливадия, Мисхор, Новый Свет, Севастополь, Симферополь, Судак, Феодосия, Фиолент, Чонгар, Ялта*;

- 3) этнонимы: *караимы, крымские татары, крымчаки, крымцы, урумы* и т. д.;
- 4) растения: *кедр, кипарис, крымская роза, крымский лук, лаванда* и др.;
- 5) блюда: *караимский пирожок, лепешка, самса, пахлава, янтых*;
- 6) предметы быта, домашней утвари: *рушник, тандыр* и т. д.;
- 7) регионализмы: *кресты, Кубик, пайта, перевал, Розочка, топик, штрих*;
- 8) праздники, памятные даты: *День воссоединения Крыма с Россией, День памяти жертв депортации народов Крыма, Крымская весна* и др.;
- 9) бренды, торговые марки, наименования фирм, магазинов: *вода «Крымская», «Крымская Роза», «Крымский молочник», «Молочный доктор», «Скворцово», «Чай Крыма», «Царство ароматов»* и др.;
- 10) архитектурные достопримечательности: *Бахчисарайский дворец, Владимирский собор, Воронцовский дворец, Генуэзская крепость, дворец Дюльбер, кенасы, Ласточкино гнездо, Ливадийский дворец, Херсонес* и др.;
- 11) художественные произведения: *«Бахчисарайский фонтан», «Дама с собачкой», «Севастопольские рассказы», «Севастопольская страда»*;
- 12) важные исторические события: *крымская весна, Крымская война, Крымское ханство, Оборона Севастополя, референдум в Крыму, присоединение Крыма к Российской империи, Ялтинская конференция* и др.;
- 13) термины и терминологические сочетания из общественнополитической области, экономики: *блэкаут, Государственный Совет Республики Крым, крымский кризис, Крымский мост, меджлис, референдум* и др.;
- 14) документонимы: *Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, Закон об образовании в Республике Крым, Закон об образовании в городе Севастополе, Конституция Республики Крым* и др. [5, с. 160–161].

Представляется теоретически обоснованным и практически оправданным моделирование макроструктуры словаря с применением идеографического описания понятий, вербализованных в единицах, составляющих словник.

Несомненный интерес представляют единицы, использование которых маркировано либо культурно-историческими признаками региона, либо территориально-административными признаками (например, топонимы: *Аю-Даг, Ласточкино гнездо, Массандра* и т.п.), либо культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма (например, *ватник, укроп, блэкаут, вежливые люди, Крымский мост, Крымская весна, крымнашевец, Аксёнов*, слоган-хэштег *«КрымНаш», «КрымРоссияНавсегда»*, прецедентные фразы: *«Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань», «Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты»* и др.). Подобное описание позволит представить все основные региональные особенности использования русского языка в многонациональном Крыме.

Представляется возможным сделать следующие **выводы**:

1. Функционирование русского языка в Крыму в определенный период может дать обширный эмпирический материал как для описания особенностей русского языка за пределами Российской Федерации (1954–2014 гг.), так и его региональных особенностей в новый исторический период. Для крымских георусистов одним из наиболее актуальных вопросов становится вопрос о постепенном изменении норм речевого поведения крымчан в направлении от норм украинского варианта русского языка к нормам современного российского варианта, что является следствием смены статуса русского языка в Крыму: из ближней периферии русофонии в ее ядерную часть.

2. Факторами, обуславливающими регионализацию лексикона, являются межъязыковое взаимодействие (фактически распространено 2 вида двуязычия: украинско-русское и крымско-татарско-русское), влияние южнорусской языковой стихии, культурно-историческая архитектура региона, его территориально-административное своеобразие, а также культурно-психологическая значимость определенных концептов для носителей русского языка Крыма. Процессы локальной изменчивости русского языка, включающие в том числе социально-психологическую актуализацию единиц историко-культурной и общественно-политической семантики, после 2014 г. оценивается крымчанами как региональная специфика русского языка, проявляющаяся в речи его носителей как важное средство самоидентификации.

3. Крымское языковое сознание в настоящее время переживает важнейший период саморефлексии, стимулирующий исследование особенностей картины мира русскоговорящих в

ненациональной республике и речевого поведения носителей русского языка в целом. Кроме того, составление «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» имеет не только теоретическое значение для русистики, но и прикладное, а именно: приобщение всех русофонов к истории, культуре и современным реалиям Крыма.

Литература

1. Георусистика. Первое приближение: сб. науч. ст. / под ред. А. Н. Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2010. – 152 с.
2. Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / М. Н. Губогло, Р. А. Старченко. – М., ИЭА РАН, 2014. – Вып. 239. – 72 с.
3. Забашта Р.В. Применение идей функциональной семантики к культурологическому описанию региональной лексики Крыма / Р. В. Забашта // Язык и социальная коммуникация: сб. научн. тр. по материалам I Междунар. научн.-практич. конф. / Международный научно-информационный центр «Наукофера». – Смоленск: ООО «Новаленсо», 2017. – С. 18–23.
4. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики / Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т рус. яз., 1991. – С. 65.
5. Лановая Т.В. Функциональная модель лексикографического описания номинативных единиц с региональным компонентом значения ‘Крым’ / Т. В. Лановая: Дис. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.01 – русский язык. – Симферополь, 2018. – 355 с.
6. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания / А. Мустайоки. – №5. – С. 3–27.
7. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е. А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – 2013. – Вып. 10. – С. 20–37.
8. Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 1 / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др.; [под ред. Г. Ю. Богданович]. — Симферополь, 2017. – 382 с.

Смешение языков в речи билингов и полилингов

Language mixing in bilingual and polylingue speech. This article discusses the phenomenon of language confusion the example of speech bilinguals Evenks. It is concluded that the modern Evenk can build his speech from several parts of the languages known to him, choosing for this word and expression, which (in his opinion) most clearly reflect his thoughts.

При совмещенном (смешанном) двуязычии речь на втором языке (далее Я2), который человек знает хуже, строится с использованием средств на первом языке (далее Я1). В индивидуальном сознании билинга его Я2 достраивается до коммуникативной силы Я1. Тогда оба языка для него сближаются, и в речи на Я1 такой билингв может прибегать к средствам Я2. Когда процессы сближения языков происходят в языковом сознании и речевой деятельности многих говорящих, то они перестают быть индивидуальными, но охватывают язык, и тогда можно говорить о процессе смешения языков [4, с. 172-173].

Так, академик Л. В. Щерба, придававший большое значение явлению смешения языков, разделил посвященные этой проблеме работы на три категории: 1) заимствования в собственном смысле слова, сделанные данным языком из иностранных языков; 2) изменения в том или ином языке, которыми он обязан влиянию иностранного языка; 3) факты, являющиеся результатом недостаточного усвоения какого-либо языка [5, с. 60-61]. Исходя из этого можно заключить, что понятия «смешение языков» не может быть, так как вторая и третья категории, в сущности, означают одно и то же явление, которое в современной лингвистической науке получает название *интерференция*. А первая категория, включающая заимствования, является одним из типов взаимодействия языков. Но в то же время два племени, одинаковых по значимости и говорящих на разных языках, которые потеряли всякий контакт с родственными племенами и вынужденные жить вместе, одной социальной группой, будут пользоваться для общения между собой смесью двух языков. Следовательно, из этой смеси образуется единый язык, приспособленный к потребностям новой социальной группы, – язык, не продолжающий для говорящих ни один из двух первоначальных языков [5, с. 65-66].

В данном случае языки должны соответствовать и обладать одинаковой социальной значимостью, т.е. языки должны иметь равноправные условия. В нашем конкретном случае ситуация в Якутии не соответствует этому, и выглядит следующим образом: 1) реально существует язык (якутский), который в определенной степени ассимилировал язык (эвенков); 2) также существует язык (русский), который является языком интернациональным в данном социуме; 3) отметим другую важную особенность функционирования эвенкийского языка в Якутии – все эвенкийские села находятся в удаленных от других населенных пунктах мест и располагаются компактно, в нашем исследовании они получили название *места совместного проживания* (далее – МСП). Так, мы имеем в наличии еще и определенную замкнутость эвенкийского языка, ограждающую от влияния якутского языка (используется только разговорный якутский язык, функционирующий непосредственно в данном поселении) и в меньшей степени от русского (русскоязычное обучение в образовательных организациях, СМИ, Интернет, художественная и иная печатная продукция, в основном, на русском языке).

С.Г. Васильева в своем исследовании вводит понятие «разноязычие» и дает этому интересное объяснение: «Во-первых, номинация *смешанная речь* для национального мышления имеет некоторые коннотации в силу своей идентификации со смешением языков, во-вторых, она вследствие своей внутренней формы (идея совмещения) соединяет в одно целое разные по своей природе речевые феномены» [2, с. 5]. Разноязычие рассматривается автором как особый тип гетерогенной (разносистемной) речевой деятельности индивидов, который отличается от речевой деятельности на основе использования заимствований и речевой деятельности на основе использования смешанного языка. Если при смешанном языке индивид попеременно использует в речи целостные высказывания то на Я1, то на Я2 и т.п., то при разноязычии, по С.Г. Васильевой, индивид использует целостные высказывания на Я1+Я2. Если смешанный язык и разноязычие возможно использовать при условии, что коммуниканты владеют и Я1, и Я2, то в случае, когда адресат не владеет одним из языков, используемых в речи, то вступает третий тип

речевой гетерогенности – переключение кодов. Обратим внимание также на явление интерференции, которое подразумевает» случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речидвуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [1, с. 22]. Таким образом, это явление принципиально отличается от разноязычия.

Обращение к вопросу смешения языков, переключения кодов и интерференции не случайно: эти процессы являются сегодня обязательным условием би- и полилингвальных социумов. Рассмотрение этих процессов не является целью нашего исследования, однако приведем несколько примеров, подтверждающих присутствие таких явлений в исследуемых языках.

№1

ногам ыалдьар – нога болит (высказывание построено на якутском языке, с русским вкраплением *ногам*);

илишту дай – руку дай (высказывание построено на русском языке, с якутским вкраплением *илишту*).

На первый взгляд можно предположить, что это примеры смешения языков (в данном случае якутского и русского), т.к. в языке, на котором построено предложение, отклонений нет. Но в то же время, слова *ногам* и *илишту* ни к якутскому, ни к русскому языку не относятся:

нога-м (русское слово *нога* + конечный якутский согласный *м*, по аналогии с якутским суффиксом от *атаҕым* – букв. *моянога*)

илиш-т-у (якутское слово *илиш* «рука» + якутский суффикс *т* по аналогии от *илиштэн* «за руку» + русское окончание *у* по аналогии с *руку*).

Таким образом, мы наблюдаем явление *интерференции*.

№2

Павлик моторит куугунаппыт – высказывание состоит из двух частей на эвенкийском и якутском языках.

Эвенкийская часть высказывания *Павлик моторит* осложнена русским заимствованием *моторит* от *мотор* + эвенкийский суффикс *-ит* (букв. *на моторе*) переводится как «Павлик на моторной лодке».

Якутская часть высказывания *куугунаппыт* (букв. *заставил шуметь*) переводится как «быстро уехал».

Таким образом, это явление смешения языков, в данном случае – эвенкийского и якутского.

№3

Тар бэе мотыва умун пуляну олок сэпсем варэн. – Тот человек одной пулей убил лося наповал.

Вышеприведенное высказывание на эвенкийском языке осложнено русским *пуля-нун* (от рус. *пуля*) и якутским *олок* «совсем» заимствованиями, а также *сэпсем* (от рус. *совсем*), заимствованного из русского языка посредством якутского. Интересно использование якутского и русского заимствований со значением «совсем» одновременно. Это придает эвенкийскому слову *варэн* «убить» значение «сразу наповал».

Н.И. Иванова в работе, посвященной явлениям интерференции в речи билингвов-саха, пишет: «специфика речевых нарушений билингва-саха – представителя национальной интеллигенции, наиболее близкого к координативному типу билингвизма, живущего в двуязычном пространстве, выражается в упрощении языкового кода, обусловленном влиянием родного языка и действием структур, моделей русского языка» [3, с. 6]. Кроме того, на выбор билингвом слова для выражения своих мыслей выступают совмещенные образы культур (как мы уже говорили выше), которым он принадлежит. Так, чтобы разобраться в процессах взаимодействия и смешения языков, необходимо обратиться к индивиду – носителю языка.

С.Г. Васильева выяснила, что характер и интенсивность смешанной речи индивида в первую очередь зависит от того, к какому типу он принадлежит как носитель языка. Было выделено четыре типа носителей языков [2, с. 309]: 1) носитель языковых систем координативного (одноуровневого) профиля: а) носитель языковых систем координативного (одноуровневого) профиля с личностной ориентацией на функциональную доминантность одного из языков; б) носитель языковых систем координативного (одноуровневого) профиля безличностной ориентации на функциональную доминантность одного из языков; 2) носитель языковых систем субординативного (разноуровневого) профиля с личностной ориентацией на функциональную доминантность Я1 (с личностной ориентацией на межъязыковую субординацию); 3) носитель языковых систем субординативного (разноуровневого) профиля с личностной ориентацией на функциональную симметрию языков (с личностной ориентацией на межъязыковую

координацию); 4) носитель элементов вторичной языковой системы. При этом все типы носителей языка используют разноразличия.

Таким образом, носитель языков – это индивид, представитель этнической культуры, порождающий тексты и воспринимающий тексты с помощью своего этнического языка и других известных ему языков, когда в одном индивиде «живут», сосуществуют два и более языков, и это не просто смешение нескольких языковых систем, не взаимопроникновение или их наложение. Благодаря сложной нейрофизиологической деятельности, он может построить свою речь из нескольких частей известных ему языков, подбирая для этого слова и выражения, которые (на его взгляд) наиболее четко отражают его мысли.

Литература

1. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. Киев : Вища школа, 1979. 263с.
2. *Васильева С.Г.* Разноразличия (смешанная речь) и типология билингвизма личности: дис. ... докт. филол. наук / Васильева Светлана Георгиевна. М., 2000. 351с.
3. *Иванова Н.И.* Интерферентные явления в устной речи билингвов- саха (на материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Иванова Нина Иннокентьевна. Якутск, 2002. 22с.
4. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207с.
5. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. М., 2007. 432с.

**Социолингвистическая ситуация в трансграничном регионе: к вопросу о
сохранении и функционировании языка коренного малочисленного народа Севера
(саамский язык)***

Sociolinguistic situation in a transboundary region: on the issue of preserving and functioning of the indigenous minority people of the North (Sami language). The article aims to analyze the functioning of the Kola Saami languages within the ethnic space of the Murmansk Region. It is emphasized that the languages that function in a given territory — the transboundary space of the Arctic (Saami, Norwegian, and Russian) have different demographic and functional capacity. The Saami, the indigenous small-numbered people of the Murmansk Region, understood and mastered the conversational Russian language since the 18th century. In modern conversational practice with native speakers, code switching is noted. Coherent speech in the Saami language is not marked. It is noted that the optimization of the process of functioning of the language of the indigenous people of the North - the Saami language can only contribute to changing its status.

Цель статьи – проанализировать функционирование саамского языка в полиэтническом пространстве Мурманской области. Новизна постановки проблемы обусловлена поиском эффективных способов сочетания социальных функций языков в специфических условиях Арктического региона.

Демографическая мощьность, вслед за В. Ю. Михальченко, понимается в данной статье как количество носителей данного языка, что является важным фактором, определяющим перспективы языка. Функциональная мощьность языка определяется числом коммуникативных сфер, обслуживаемых данным языком, в отношении к общему числу таких сфер [8, с. 133, 518; 3, с. 19].

Языки, являющиеся объектом нашего исследования (русский, норвежский и саамские), имеют разную демографическую и функциональную мощьность на данной территории – трансграничном пространстве Арктики.

Саамские языки существовали и до сих пор существуют на территории Мурманской области и Северной Норвегии. Кольско–саамские языки развивались на Кольском Севере в ситуации русскоязычного окружения и оказались на грани исчезновения. Демографическая мощьность кольско–саамских языков с течением времени характеризуется следующим образом: хотя количество саамского населения Кольского полуострова с XVI в. практически не изменялось, количество говорящих на данных языках стремительно уменьшалось и в настоящее время практически свелось к небольшой группе (примерно 100 человек, владеющих кильдинским саамским языком). Значительно сузилась и сфера их употребления, т. е. функциональная мощьность. Употребление кильдинского саамского языка свелось к фактам бытового общения, хотя ранее он был представлен и на государственном уровне (например, язык радио, периодической печати). Изменилась ситуация и с этносоциальной функцией кильдинского саамского языка: консолидирующая роль языка в прошлом и в настоящем имеют разные векторы. Кильдинский саамский язык объединял саамов в прошлом, так как был в данной этнической группе единственным средством общения. В настоящее время кильдинский саамский язык является средством этнической самоидентификации, играет важную социально–политическую роль (см. об этом: [2, с. 45]).

Саамы населяли Кольский полуостров и север Скандинавии с конца I тысячелетия нашей эры, хотя предки современных саамов обитали здесь с I тысячелетия до нашей эры. В первой половине XI в. на Белое море проникли новгородцы, а к концу XI в. новгородцы и ладожане освоили пути на Севере вплоть до Югры (Северный Урал) и начали вести меновую торговлю с местным населением. Жители Крайнего Севера, не зная русского языка, показывали рукою на товары новгородцев, «просящее железа», и когда получали нож или топор, с радостью платили за них «скорою», то есть мехами, шкурами. К концу XII в. русские поморы уже плавали вдоль северного побережья Кольского полуострова и доходили на Финнмаркена и вели борьбу за земли и дань с норвежцами. Поскольку земли саамов официально не были разграничены, каждая сторона (русские и норвежские сборщики даней. – *О.И.*) считала саамскую тундру с ее морскими побережьями своей территорией. Письменные источники XIV-XV вв. не дают полного представления о русской колонизации Кольского полуострова. Судя по материалам былинного эпоса, русское население

приходило с «Поморского» (Карельского) берега. Первые русские поселенцы Терского берега были потомками выходцев из Новгородской земли. Это подтверждается особенностями говора коренных жителей современного Терского района. В русских поселенцах саамы видели наиболее подходящих партнеров для меновой торговли. Постепенно прежнее малочисленное население Терского берега от Умбы до Пялицы усвоило русский язык, путем браков породнилось с русскими, восприняло их обычаи и слилось с пришельцами. Заселение Поморья русскими крестьянами ускорило развитие народностей Севера, саамов в том числе.

Длительное общение саамов с русским населением и распад патриархально-родового строя подготовили почву для перехода их к христианству. Угроза обращения саамов Кольского полуострова в лютеранство, которое в 20-х гг. XVI в. стало распространяться в скандинавских странах, побудили Русскую церковь и московское правительство ускорить приобщение «дикой лопи» к православной вере. Соловецкому монаху Феодориту и отшельнику Трифону предстояло поселиться среди саамов, усвоить саамский язык, завоевать доверие язычников. Усилиями монахов большинство саамов было обращено в православное христианство.

Примерно с XV в. торговые связи саамов с русскими стали устойчивыми, систематическими. Самые ранние сведения о численности саамов на Кольском полуострове относятся к началу XVII в., когда был проведен довольно тщательный учет всего тяглого населения края.

Находясь в тесном общении с русским населением, многие саамы, особенно мужчины, хорошо владели русским языком. Большинство остальных саамов понимало обиходную русскую речь. Когда встречались саамы разных племенных групп, они нередко объяснялись между собою на русском языке, так как, говоря на родном наречии, не всегда могли понять друг друга [6, с. 29–45, 58, 63, 103, 105, 107]. Как отмечал И. Ф. Ушаков, уже по опросу 1785 года все лопари–мужчины и 70 % женщин владели русским языком (разговорной речью). Лопари знали многие русские песни, сказки, поговорки. Многие перенимая у русских, лопари сохраняли родной язык и самобытную культуру [7, с. 272–273].

В 1895 году священником Пазрецкого прихода Архангельской губернии Константином Щеколдиным была создана «Азбука для лопарей» [1]. На территории этого прихода, находящегося вблизи русско-норвежской границы, жили коллта–саамы, одна из групп кольских саамов. К. Щеколдин занимался просветительской деятельностью, знал лопарский язык, записывал саамские сказки. В 1884 (по другим источникам – 1894. – *О.И.*) году Щеколдин издал перевод Евангелия от Матфея на саамский язык, тиражом, превышавшим число грамотных саамов

В настоящее время русский язык вытеснил кольско–саамские языки из всех сфер использования языка (официальных и неофициальных). Русский язык выполняет и выполняет функцию межнационального общения, в том числе и в разных этнических группах саамского населения.

В речи носителей кильдинского саамского языка отмечаются случаи переключения кода. В саамскую речь вставляются русские слова: служебные части речи, числительные, отдельные лексемы. Так, носитель кильдинского диалекта саамского языка, владеющая русским и английским языком, постоянно проживающая на территории Мурманской области, общающаяся в семье с мужем и детьми на русском, в общении с носителем своего родного языка употребляет русские слова *недавно, мобильник, понятно, плёнка, карточка, наверно, потому что, уже, вот, так вот, ну, во сколько, родительская суббота, Троица, после обеда, может, праздник, сколько, менять, шестьдесят девять*. В данной ситуации, с нашей точки зрения, можно говорить о мене кода, то есть о речевой стратегии, под воздействием которой в поток речи включаются отдельные слова другого языка и более длинные фрагменты речи. Необходимо оценить и то, как умело говорящие пользуются меной кода, встречаются ли в их речи колебания, паузы, повторы.

Тексты с переключением кода говорящего на саамском языке представлены в исследованиях Д. Пинеды [4; 5; 9]. Исследователь отмечает преобладание русского языка в речи саамов, даже когда они «вынуждены» для лингвистического эксперимента говорить на саамском языке. Д. Пинедя пишет, что, если бы не присутствие лингвиста, саамский информант перешел бы на русский язык, так как информант постоянно спрашивал у другого участника диалога: «Как это по–нашему? Как это по–саамски?» [4, с. 46]. Переключение кода на русский язык Д. Пинедя отмечает в речи саамов при употреблении числительных, дискурсивных слов, союзы и модификаторы высказывания [5, с. 30].

Причины переключения кода с миноритарного на мажоритарный в речи саамов традиционные для миноритарных языков: носитель миноритарной культуры не привык говорить на родном языке; носитель не привык говорить на родном языке с не–носителями своей культуры; разговор касается определенных тем, где употребление слов родного языка неуместно или невозможно по причине их отсутствия (лакуны).

Явление употребления русских слов и фраз в саамской речи следует определить как переключение кодов, потому что у вставленных в саамскую речь русских слов и фраз присутствует дискурсивная функция и эти слова и фразы находятся в ментальном лексиконе у носителя саамского языка

Определено, что сохранение (в случае с кольско–саамскими языками) и поддержка (в случае с языком русской диаспоры в Северной Норвегии) возможна при условии активной просветительской и образовательной деятельности государственных и / или общественных организаций.

Исследование социолингвистической ситуации на Кольском Севере в диахронии и синхронии позволило выявить некоторые пути оптимизации процесса функционирования языка коренного малочисленного народа Севера – саамского языка, существующего только на территории исследуемого региона. Исследование еще раз продемонстрировало единственный, с точки зрения авторов монографии, оптимальный путь сохранения и возрождения кольско–саамских языков — это изменить их статус. Обращение к этой идее имеет свои основания и влечет последствия. Среди оснований следует назвать отсутствие среды функционирования кольско–саамских языков. А последствием изменения их статуса будет увеличение количества изучающих языки, изменение мотивации по отношению к их изучению. У кольских саамов уверенность в возрождении языка и культуры поддерживается прежде всего положительным примером скандинавских саамов, с которыми у кольских саамов очень активные контакты.

Литература

1. Азбука для лопарей, живущихъ въ Кольскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. – Архангельск: Типо-литография С. М. Павлова, 1895. – 22 с.
2. Головкин, Е. В. Язык как инструмент этнической самоидентификации // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. Институт языкознания РАН. Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М.: Языки Народов Мира, 2018. – С. 44-46.
3. Михальченко, В. Ю. Социолингвистика как научная дисциплина в прошлом, настоящем и будущем // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. Институт языкознания РАН. Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М.: Языки Народов Мира, 2018. – С.13-23.
4. Пинедда, Д. В проблеме «парадокса наблюдателя» и переключение кодов // Poljarnyj vestnik. – 2007. – Vol.10. – Рр. 40–52. [Электронный ресурс]: URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1309> (дата обращения 07.01.2019)
5. Пинедда, Д. Переключение кодов или «смешанный лект»? // Poljarnyj vestnik. – 2009. – Vol.12. – Рр. 26–42. [Электронный ресурс]: URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1289> (дата обращения 07.01.2019)
6. Ушаков, И. В. Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. – Мурманск: Книжное издательство, 1997. – Т.1: Кольская земля. – 648 с.
7. Ушаков, И. В. Избранные произведения: В 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. – Мурманск: Книжное издательство, 1998. – Т.2: Кольская земля. – 376 с.
8. Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 872 с.
9. Pineda, D. “Куэссъ не получается с̄амас, рушас полегче” – codeswitching on the Kola Peninsula // Poljarnyj vestnik. – 2008. – Vol.11. – Рр. 47–62. [Электронный ресурс]: URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1301> (дата обращения 07.01.2019)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской области в рамках научного проекта № 18-412-510001

Проблемы полилингвальных сообществ: языковые конфликты и способы их разрешения

Problems of multilingual communities: language conflicts and ways to resolve them. The paper deals with language conflicts arising in multilingual countries from the point of view of studying their causes. The article explores the methods which are undertaken to resolve them, as well as incentives that prevent the resolution of such conflicts.

В многоязычных ситуациях и социальных конфликтах языковой конфликт возникает, когда вступают в противоречие потребности, права или желания разных групп, говорящих на разных языках. Этот термин, «языковой конфликт», более конкретно применяется к разногласиям, которые связаны с языком, например, какой язык должен быть официальным языком в области, допустим, государственного управления; на каком языке дети должны получать образование; какой язык должен использоваться в судах.

Языковой конфликт понимается как «столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» [6, с. 276]. Существуют внутри этнические языковые конфликты, то есть, возникающие между представителями единого этноса, а также межэтнические языковые конфликты, то есть существующие среди людей, которые являются представителями различных этнических групп, внутри которых отдельно можно выделить миноритарные языковые конфликты. Деятельность по языковому планированию государства часто направлена на решение проблем, возникающих в результате языкового конфликта. При этом именно языковой вопрос затрудняет процессы стабилизации и требует значительного времени и сил [5].

Основываясь на классификации этнополитических конфликтов Р. Ставенхагена [8, с. 64], выделяются четыре общих фактора, сопутствующих возникновению конфликтных этнических ситуаций, и которые можно рассмотреть в более узком контексте, а именно в применении к языковым конфликтам. Все эти факторы рассматриваются как дополняющие стимулы этнополитического конфликта, то есть как его часть.

1. Наличие этнокультурной идентичности членов этнической или миноритарной языковой группы, причем чем больше члены этой языковой группы отличаются от их языкового окружения, тем сильнее выражена их языковая идентичность.

2. Побудительные стимулы к политической борьбе, как например, осознание сужения функций используемого языкового кода и/или отсутствие надежды на позитивные изменения в этой ситуации в будущем.

3. Способность членов группы к коллективным действиям, однородность языковой группы, то есть, осознание коллективной идентичности и общих интересов, а также компактность проживания языковой группы и наличие значимых лидеров.

4. Существование *возможностей* в политическом окружении, которые повышают шансы членов этнической или миноритарной языковой группы на успех.

В решении языковых конфликтов, вероятно главная задача – это их предотвращение, соответственно необходимо принимать грамотный план мер для разрешения возможных конфликтных ситуаций, как это было сделано и продолжает предприниматься в Швейцарии. В 1940-х годах Швейцария столкнулась с рядом языковых проблем и сложностей. Это было связано с несколькими факторами: со статусом национальных языков (французского, немецкого, итальянского и ретороманского), которые были неравномерно распределены по территории страны и, зачастую, языковые границы не совпадали с границами кантонов; трудностями с определением позиции ретороманского языка, который нуждался в официальном статусе, но при этом являлся языком немногочисленной группы населения; а также были сложности со статусом местных диалектных форм. В результате в 1999 году в принятой Конституции была утверждена свобода языкового выбора, причем немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки стали национальными языками Швейцарии [2, с. 91].

Конфликтная ситуация кантонов Берна и Юра, или история юрасийского сепаратизма, продлившаяся около двухсот лет, была обусловлена не только исторически, но и усугубилась вследствие социально-экономических особенностей регионов страны. «Республика и кантон Юра» (*République et Canton du*

Jura”) выступала за отделение от Берна и за «свободную Юру», причем противостояние доходило до открытых столкновений. Решение языкового конфликта лежало в поиске политических компромиссов и путем проведения референдумов, и с 1970-х годов было проведено более десяти референдумов, в итоге последнее решение на референдуме 2017-го года позволило северным областям Юра отстоять свое право на самоопределение, но не менее важны были выбранные пути решения конфликта между немецкоязычным населением кантона Берна и оставшимися в кантоне южными областями кантона Юра [1, с. 5].

Бельгия имеет свою историю языкового конфликта, и время от времени, вспыхивают разногласия среди населения страны относительно языковых прав между ее голландским, французским и немецкоязычным населением. Основная часть населения Бельгии состоит из фламандцев (германский народ, близкородственный голландцам, который составляет около 60 % населения страны) и валлонов (около 40 % населения), которые говорят французском языке. Последние владеют также валлонским языком, который не имеет официального статуса, являясь местным языком. В столице страны, Брюсселе, и в Брюссельском районе проживает около миллиона человек и жители не считают себя ни фламандцами, ни валлонами.

Долгое время французский язык был единственным государственным языком страны. В 1929 году был достигнут компромисс и оба языка, французский и фламандский (нидерландский), стали государственными, но это не способствовало смягчению языкового конфликта. Французская часть населения не желала изучать фламандский, считавшийся прежде языком простого народа, а сами фламандцы отказывались использовать в общении какой-либо другой язык, кроме родного [4, с. 191]. В 1970-х годах в результате кризиса между двумя разноязычными группами населения, появилась четкая языковая граница, выделяющая территорию, на которой фламандский язык должен использоваться в институциональных сферах общения [3, с. 160-163]. К 1980-м годам оба языка фактически получили равные права, были выделены отдельно территории использования только французского и только нидерландского языков, что привело к новым проблемам и сложностям и даже правительственным кризисам 2007 и 2010 года. Таким образом, языковой вопрос в Бельгии так и не удалось решить путем политических мер, а в отдельных районах он до сих пор стоит крайне остро.

Норвежский языковой конфликт продолжается уже более ста лет и связан он с существующими вариантами норвежского языка. В средние века датский язык был официальным языком и стандартным письменным языком в Соединённых Королевствах Дании и Норвегии вследствие общего датского правления. После разделения двух стран в начале девятнадцатого века датский язык оставался официальным языком страны, который со временем постепенно изменялся, инкорпорируя норвежские слова и речевые обороты. Наряду с этим появился народный вариант норвежского языка, благодаря усилиям талантливого лингвиста Ивара Осена, который не только воссоздал норвежский язык, но и писал на нем стихи и пьесы, и во многом способствовал его возрождению.

Ивар Осен создал ландсмол (буквально – язык страны), позднее превратившийся в нюнорск, альтернативу государственному стандарту норвежского языка того времени – риксмолу, норв. riksmål), который был очень похож на датский язык. Датско-норвежский (риксмол) постепенно превратился в букмол (норв. Bokmål, что буквально значит книжный язык), ставший, наряду с нюнорском (ново-норвежским) одним из двух официальных письменных языков Норвегии. В 1885 году был издан закон о том, что обе формы письменного норвежского языка должны быть одинаково официальными.

В 1907, 1918 и 1938 годах были проведены реформы правописания. Эти изменения приняли не все норвежцы и языковой вопрос стал политическим: консерваторы поддерживали сначала датский язык, затем букмол, а либералы выступали за ландсмол, который позднее получил название нюнорск или нюношк, они ратовали за принятие законов в пользу использования нюнорска в сфере образования и других институциональных сферах.

Одной из идей того времени даже стало объединение норвежцев посредством общего искусственно созданного языка самнорска, от которой позднее отказались. В течение всего времени и до наших дней было предпринято много попыток сблизить две языковые формы друг с другом, но это не удается из-за большого сопротивления обеих сторон, поэтому Норвегия продолжает говорить на двух официальных языках – букмоле и нюнорске. Параллельно еще существует хегнорск, это норвежский, очищенный от любых вкраплений букмола, то есть он наиболее близок к языку, изначально созданному Иваром Осеном. Языковая ситуация с норвежским остается нерешенной, до сих пор вызывает жаростные споры. В дополнение к этому, как пишет Р. Дьюпедал, из-за отсутствия единой письменной нормы учащимся трудно овладеть высоким уровнем грамотности. [7]

Таким образом, на основании изученных конфликтов и кратких обзоров языковой ситуации в трех странах можно сделать несколько выводов. Прежде всего о том, что языковые конфликты редко являются чисто языковыми, они, как правило также обусловлены историческими и социально-экономическими, а также и политическими факторами. Также одно из направлений деятельности по языковому планированию может быть направлено на постепенное увеличение языковых различий между родственными вариантами языка, в результате которой появляются отдельные стандартные языковые формы, вызывающие впоследствии конфликтные ситуации. Языковое равноправие обычно отражено в конституции страны, но на практике реализация этой идеи проходит с затруднениями. В полиэтнических странах подобные конфликты отражают противоречие желаний групп говорящих в отношении функциональной нагрузки используемых ими языков. А также очень часто язык становится лишь средством выражения конфликта, а не ее причиной, а в других случаях он является движущей силой и символом противостояния.

Литература

1. Журавлева А.М. Языковые конфликты и пути их решения: опыт Швейцарии // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 2. – С. 1 - 13.
2. Ермакова Н.Н. Языковая политика Швейцарии // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. - М., 2014. - С. 89-94.
3. Марченко Ю.М. Характеристика языковой ситуации в Бельгии в условиях национально-лингвистического кризиса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 2 (68). No 2. Ч. 1. 2016 г. С. 159–166.
4. Миретина М.С. К вопросу об обострении языковой ситуации в Бельгии // Древняя и Новая Романия. 2013. Т. 12. № 2. С. 185-194.
5. Михальченко В.Ю. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. - М., 2014. - С. 209-214.
6. ССТ: Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 стр.
7. Djupedal Reidar The Linguistic Situation in Norway. 2015. <https://www.aasentunet.no/iaa/en/nynorsk/The+Linguistic+Situation+in+Norway.d25-SxdLYXY.ips> [дата обращения 08.06.2019]
8. Stavenhagen R. Ethnic conflicts and nation-state. – L. etc.: Macmillan, etc.,1996 - XII, 324 p.

Будущее марийского языка в восприятии современной молодежи*

Future of the Mari language in the eyes of modern youth. The article is devoted to the study of the problems of the vitality of the Mari language in the perception of modern Mari youth. The article is based on the results of a sociological survey conducted in the Republic of Mari El in autumn 2018.

Язык – явление социальное, поэтому его будущее во многом определяется уровнем развития общества и условиями существования языка в обществе. «Наиболее важная особенность языка состоит в том, что он обслуживает общество абсолютно во всех сферах человеческой деятельности и не может существовать вне общества. Если общество его не использует, он перестает функционировать, развиваться и отмирает...» [7, с. 461], – отмечает Е.А. Кондрашкина.

Марийский язык, несмотря на имевшиеся правовые формы его общественной защиты, в настоящее время обслуживает, главным образом, жизнь марийского этноса. В качестве сфер его использования выступают сегодня бытовое общение, традиционная религия, сфера обучения, средства массовой информации, филологическая наука; он почти не используется или используется в очень ограниченных масштабах в сферах хозяйственной деятельности, делопроизводстве, общественно-политической жизни.

Исследователи отмечают, что «для тех наций, язык которых не является средством межнационального общения» (к таковым, по сути, относится и марийский язык), «будущее заключается в развитии и укреплении своего родного языка и одновременном овладении вторым языком межнационального общения» [1]. В этом контексте весьма важным является изучение общественного сознания современной молодежи, от языкового сознания и поведения которой, собственно, и зависит будущее языка. И в этом плане весомую помощь современной лингвистической футурологии, предметом которой является прогнозирование языковых моделей «будущего, которые логичным образом вытекают из реалий сегодняшнего дня» [4], могут оказать исследования социолингвистической направленности.

Целью данной статьи является обобщение результатов новейших социологических исследований среди молодежи Республики Марий Эл (далее – РМЭ) – в аспекте восприятия ею будущего марийского языка. Работа является продолжением исследований авторов статьи о витальности марийского языка, основанных на результатах опросов предыдущих лет [5; 6], и открывает возможности для изучения динамики общественного сознания молодежи по вопросам марийского языка в XXI веке.

В процессе исследования были охвачены 752 человека в возрасте 15–29 лет (обучающаяся, работающая и неработающая молодежь). Опрос проводился в сентябре-октябре 2018 года в двух из 4-х городов РМЭ (город Волжск и город Йошкар-Ола – столица РМЭ, сосредоточившая в себе почти всю инфраструктуру профессионального образования и соответственно насыщенная молодежной средой), а также в 6-ти сельских районах из 13 районов республики (Волжском, Мари-Турекском, Медведевском, Моркинском, Сернурском и Советском), в 5-ти поселках городского типа (Мари-Турек, Медведево, Морки, Сернур, Советский). Опросом были охвачены примерно 50 % территориальных образований РМЭ, что позволило достичь репрезентативность и объективность исследования [См. материалы опроса в кн.: 2].

Фактором, обеспечивающим марийскому языку будущее, можно считать этническую идентификацию современной марийской молодежи по языку. Так, примерно 40 % молодых марийцев назвали родным языком марийский; марийский язык представлен также в структуре ответа «русский и марийский» на вопрос «Какой язык Вы считаете родным языком» (это 46,7 %). Таким образом, более 87 % марийской молодежи отождествляет свой родной язык с языком своего этноса. Исключительно русский называют своим родным языком 12 % опрошенных.

Больше всего молодых марийцев, считающих родным языком марийский, среди живущих в селе – более 93 % (табл. 1), в том числе только марийский язык – примерно половина опрошенных, вкпе с русским языком – около 43 %. В городе считающих родным языком только марийский примерно в два раза

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 18-411-120002.

меньше, чем в селе; в городской среде основная часть молодых мари марийский язык в качестве родного называет в паре с русским языком (это почти половина опрошенных горожан). Цифры показывают, что марийский язык в качестве родного сохраняет свою актуальность в общественном сознании марийской молодежи, в том числе и той, которая живет в городских условиях.

Таблица 1

Родной язык марийской молодежи РМЭ
в зависимости от места жительства (в % от числа опрошенных)

Язык (языки), признаваемый(е) родным(и)	Место жительства		
	Город	Поселок	Село
1) русский	27,8	8,5	5,6
2) марийский	25,0	33,9	51,0
3) татарский	0,0	0,0	0,7
4) русский и марийский	45,8	57,6	42,7
5) русский и татарский	0,0	0,0	0,0
6) другой	1,4	0,0	0,0

Респонденты-мари с родным только марийским языком в большей степени связаны с этнической составляющей социума (семьи, социальной среды, в которой они воспитывались и т.д.). Об этом ярко свидетельствует понимание ими семантики самого понятия «родной язык». Для более 40 % опрошенных родной язык – это язык родителей (табл. 2), для более 53 % – язык, усвоенный в детстве, для более четверти опрошенных – язык, на котором говорит большинство населения, где они родились. В среде марийской молодежи, адаптированной к русскоязычной среде и признающей родными языками одновременно марийский и русский языки, данные показатели значительно ниже.

Таким образом, положительные прогнозы на будущее марийского языка в основном держатся на сельской и этнически ориентированной марийской молодежи.

Таблица 2

Семантика понятия «родной язык» в восприятии молодых респондентов-мари
в зависимости от языка (языков), признанного(ых) родным(и)
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Язык (языки), признаваемый(е) родным(и)	
	марийский	русский и марийский
1) родной язык – это язык матери	18,9	8,6
2) родной язык – это язык отца	16,2	8,6
3) родной язык – язык, на котором говорит большинство населения, где Вы родились	26,1	39,1
4) родной язык – язык социальной среды, где Вы воспитывались	21,6	29,1
5) родной язык – это язык, усвоенный в детстве	53,2	32,8
6) родной язык – это язык родителей	40,5	32,0
7) ничего не означает	1,8	1,6
8) язык, на котором легче всего общаться и думать	13,5	11,7
9) язык, которой в наибольшей степени мною освоен	7,2	11,7
10) другое	3,6	0,8

Определенные надежды на витальность марийского языка в будущем дают и данные о диапазоне образовательного охвата и уровне лингвокомпетенции современной марийской молодежи.

В целом по РМЭ 92,3 % марийской молодежи так или иначе изучали или изучают марийский язык

(такая же цифра зафиксирована по изучению русского языка; английский язык как изучавшийся или изучаемый отмечен 87,6 % респондентов-мари).

70,8 % молодых мари (в селе примерно три четверти, в городе около 60 %) считают, что каждый человек обязательно должен знать свой родной язык; равнодушных к этому вопросу (не задумывались об этом) оказалось лишь 16,4 %, но в городе их число значительно больше (почти четверть) (табл. 3).

Таблица 3

Ответы марийской молодежи РМЭ на вопрос «Должно ли быть обязательным для каждого человека знание своего родного языка?» в зависимости от места жительства (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Место жительства		
	Город	Поселок	Село
1) да	59,7	72,9	75,5
2) нет	16,7	16,9	9,1
3) не задумывался об этом	23,6	10,2	15,4

Несмотря на то, что значительный процент марийской молодежи в настоящее время свободно и в полной мере (пишет, читает и говорит) владеет марийским языком (70,8 %) (табл. 4), есть некоторыестораживающие моменты, которые могут негативно повлиять на жизнеспособность марийского языка в социуме. Так, примерно десятая часть утратила способность такой важнейшей формы этнокоммуникации, как устная речь на марийском языке (ответ «понимаю, но не говорю»). Если присоединить к этой группе еще и не владеющих марийским языком и по какой-то причине уклонившихся от ответа на вопрос, то получается, что примерно 15 % марийской молодежи полностью выключена из марийской лингвокоммуникации.

Таблица 4

Уровень лингвокомпетенции марийской молодежи РМЭ на марийском языке (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Показатель
1) пишу, читаю, говорю	70,8
2) читаю, говорю, но писать не умею	6,2
3) говорю, но ни читать, ни писать не умею	2,6
4) говорю с затруднениями	5,5
5) понимаю, но не говорю	10,6
6) не владею	2,9
7) не ответили	1,4

Конечно, более благоприятная ситуация обнаруживается в условиях села, где у марийцев самый высокий уровень лингвокомпетенции по марийскому языку – около 90 % (табл. 5). Но и среди деревенской молодежи сегодня уже обнаруживаются те, кто не способен реально поддерживать разговор на этническом языке (5,6 %), причем, этот процент год от года растет. В городе численность молодых мари, в полной мере владеющих родным языком, в настоящее время значительно не дотягивает до их половины (41,7 %).

Таблица 5

Уровень лингвокомпетенции марийской молодежи РМЭ на марийском языке в зависимости от места жительства (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Место жительства		
	Город	Поселок	Село
1) пишу, читаю, говорю	41,7	62,7	88,8
2) читаю, говорю, но писать не умею	12,5	10,2	1,4
3) говорю, но ни читать, ни писать не умею	6,9	0,0	1,4
4) говорю с затруднениями	8,3	8,5	2,8

5) понимаю, но не говорю	18,1	15,3	4,9
6) не владею	6,9	3,3	0,7
7) не ответили	5,6	0,0	0,0

По словам Г.Н. Старовойтовой, «утрата национального языка нередко сопровождается выражением установки на знание этого языка детьми» [3, с. 96). Почти 90 % опрошенных мари (в селе – 94,4 %, в городе тоже их немало – 81,9 %) хотят, чтобы их дети знали родной язык (для сравнения: значимость этого фактора в РМЭ наиболее выражена у татарской молодежи по отношению к их татарскому языку – 91,5 %).

Угроза уменьшения в семейном и общественном социуме роли этнического языка активизирует рефлексию молодежи относительно путей сохранения его значимости. В этом плане представляют интерес ответы респондентов, выражающие их отношение к общению представителей одной национальности на их родном языке. Полное («полностью согласен») и относительное согласие («скорее согласен, чем не согласен») с утверждением, что представители одной национальности должны общаться между собой на своем родном языке, выразили 54,1 % процент молодых мари. Безусловно, это важный численный показатель в плане перспектив функционирования марийского языка в будущем, но нельзя упускать из виду и то, что почти 34 % молодежи открыто не соглашается с этим утверждением (ответы «скорее не согласен, чем согласен», и «совершенно не согласен») и в своей практике общения пользуется, главным образом, русским языком. Попутно заметим, что ответы молодых респондентов РМЭ других национальностей заметно отличаются от мнения марийской молодежи: русская молодежь проявляет наибольшую лояльность по вопросу необходимости общения представителей одной национальности именно на родном языке (согласны с утверждением, что представители одной национальности должны общаться между собой на своем родном языке, примерно 39 %, не согласны в той или иной степени – примерно 47 %), татарская – наименьшую (соответственно примерно 57 % и 25 %).

В наибольшей степени ратуют за обязательное общение представителей одной национальности на родном языке молодые мари, проживающие в селе (примерно 61 %), в наименьшей – жители города (меньше половины опрошенных – 45,8 %) (табл. 6). Сохранение самой тенденции, связанной с осознанием возможности сохранения родного языка за счет обязательного внутригруппового (этнозамкнутого) общения на нем, очевидно, следует считать неким фактором его жизнеспособности в ближайшем будущем.

Таблица 6

Отношение марийской молодежи РМЭ к утверждению, что представители одной национальности должны общаться между собой на своем родном языке, в зависимости от места жительства (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Место жительства		
	Город	По-селок	Село
1) полностью согласен	12,5	16,9	31,5
2) скорее согласен, чем не согласен	33,3	30,5	29,4
3) скорее не согласен, чем согласен	20,8	23,7	21,0
4) совершенно не согласен	18,1	16,9	7,7
5) затрудняюсь ответить	13,9	12,0	9,8
6) не ответили	1,4	0,0	0,6

Итак, проведенный анализ общественного сознания современной марийской молодежи РМЭ позволяет сделать следующие выводы о факторах, определяющих судьбу марийского языка в социуме, приверженной законам глобализации:

– обнадёживающими факторами витальности марийского языка можно считать высокий уровень этнической идентификации современной молодежи по родному языку; неплохой уровень полноценной (пишет, читает и говорит) лингвокомпетенции по марийскому языку;

– будущее марийского языка во многом обеспечивается усилиями сельской молодежи, ее привязанностью к этническим ценностям, к которым относится и язык родителей;

– в городских условиях трудно удержать необходимый статус марийского языка в семейном и общественном социуме, городская молодежь осознает это, она не только привержена общему процессу русификации общения, но она еще и рефлексировать по поводу потерь, связанных с утратой языка и этниче-

ской идентичности, и своими ответами на вопросы анкеты выражает свое видение способов сохранения родного языка, к которым, к примеру, относятся: понимание каждым человеком обязательности знания им и его детьми своего родного языка, обязательное общение представителей одной национальности между собой на своем родном языке.

Литература

4. *Вендина Т.И.* Введение в языкознание. М.: Высш. школа, 2003. 288 с. // <https://studopedia.org/7-49488.html> (дата обращения: 12.03.2019).
5. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (материалы социологического исследования в Республике Марий Эл 2018 года) / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабьков. Йошкар-Ола, 2018. 185 с.
6. *Старовойтова Г.Н.* Этническая группа в современном советском городе (социологические очерки). Л.: Наука, 1987. 274 с.
7. Футурология 21 век: Бессмертие или глобальная катастрофа? // <http://scientifically.info/load/8-1-0-73> (дата обращения: 10.03.2019).
8. *Шабьков В.И., Кудрявцева Р.А.* Проблема витальности марийского языка (социолингвистический аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. 8-1 (58). С. 203–206.
9. *Кудрявцева Р.А., Шабьков В.И.* Язык в системе коммуникации и этнического сознания обучающейся молодежи Республики Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. 2012. № 10. С. 83–86.
10. Язык и общество: энциклопедия / Ин-т языкознания РАН, Науч.-иссл. центр по нац.-языковым отношениям; гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. 872 с.

Dialect diversity and Chinese economy: a brief review

Разнообразие диалектов и китайская экономика: краткий обзор. В статье представлен предварительный анализ исследований, посвященных влиянию диалектного разнообразия на китайскую экономику. Рассматриваются три типа отношений: диалекты и трудовой капитал, диалекты и предприятия, диалекты и экономический рост на микро, мезо и макроуровне. Кроме того, поднимается вопрос влияния диалектов на общественное доверие.

The role dialects play in the Chinese economy has attracted growing attention in recent years. Following basic assumptions originated from theories of institutional economics, that languages can mould culture groups, affect both individual and organisational behaviour, and eventuality influence the market, Chinese economists have correlated various economic data to indices of dialect diversity, trying to prove those assumptions quantitatively. Their findings can be summarized on three levels.

I. The Micro-level: Dialect and Human Capital

On the micro-level, relations between dialects and labour migration patterns have been examined most thoroughly. One of the pioneering studies, Liu et al.(2016) noticed that in China most labor migrations occur within the same dialectal region, and put forward a generalized model that under certain conditions, dialectal distance will at first promote and then hinder labour migration, showing an inverted U-shaped pattern.

The paper created an index of dialectal distances for 278 prefectures from a family tree based on *Dictionary of Chinese Dialects* and *Language Atlas of China* (LAC), and match it to the labour migration data in *China Labor-Force Dynamic Survey* (CLDS 2012), and validated the model. Specifically, within the same dialectal region, if dialectal distance rises by one level, the probability of cross-prefecture migration will rise by 30%, but will fall by 3% across main dialectal borders. So the optimal dialectal distance for labour migration is crossing minor dialectal areas but staying within the main dialectal region, making a good example of both the complementary effect and the identification effect. With such factors as marriage and family, social network, *hukou* system, geographic topography, and Mandarin usage being considered and controlled, the inverted U-shaped pattern stays robust.

Another interesting angle was provided by Jin et al.(2017), which discusses the relations between dialect and credit opportunities for the migration labor in China. The paper also employed CLDS (2012), which included 16 253 surveys on individuals' education, migration, social involvements, as well as language/dialect proficiency and loan activities. The latter two sets of data were matched, showing that dialect proficiency have significantly positive impacts on credit opportunities through social capital, i.e. an implicit mechanism of trust based on cultural identification. Moreover, this effect is more significant on low-income social groups than on the high-income ones, suggesting that the latter groups incline to get loans from formal financial institutions, and the former groups from informal markets, in which social capital is essential due to the absence of mortgages. By controlling factors such as Standard Mandarin and foreign languages proficiency, conclusions remain robust.

Relations between language abilities and wages, which were discussed extensively in western literature, have also been taken into account. One of the latest studies, Ma & Zhao (2019) found that dialectal diversity significantly decreases labour income among migrants in China's urban labour markets. Using data sets of *China Household Finance Survey* (CHFS) in 2011, the paper proved that when the index of dialectal diversity increases by 0.1, the labour income will decrease by 7.52%, surpassing the impact of gender. Probable mechanisms include higher transaction cost to spread knowledge and skills, and higher expenses to build individuals' social networks, both of which caused by dialectal diversity, and the paper found no obvious empirical evidence to support the former one. With factors such as geographical features, Standard Mandarin proficiency and rural/urban distinctions controlled, conclusions remain robust.

The paper also revealed some heterogeneity of the effect, that its impacts on the service sector and on women are more prominent than on industrial or agricultural sectors, and on men. Specifically, when the index of dialectal diversity increases by 0.1, the labour income in the service sector will decrease by 9.06%, and the labour income of men and women will decrease by 6.1% and 8.9% respectively. The second heterogeneity seems contrary to the common sense that women are more gifted in language learning, and this may be caused by

samples in the data sets in which there are more women engaged in the service sector. The income itself is also relevant to the heterogeneity of the effect, that the lower the income, the stronger the impact. Groups with the income near the third quartile (richer) get only half the impact of those with the income near the first quartile (poorer).

II. The Meso-level: Dialect and Enterprises

On the meso-level, researchers focused on the impacts dialects impose on business management and interactions between enterprises.

Dai et al.(2016) tried to answer the question whether local accent can reduce agency cost in companies. The paper collected birthplaces of chairpersons of the board and CEOs of all A-share listed companies from 2009 to 2014, and then matched the data to the three layers of dialectal regions dialects constructed by *LAC*, and derived some interesting findings:

(a) The companies whose chairperson and CEO come from the same dialectal region will have lower agency cost, and this effect becomes more significant when dialects are classified finer.

(b) This effect is further influenced by the nature of property, operating locations and migration. In state-owned enterprises where both chairpersons and CEOs are appointed by governments, the effect is much minor than in the private ones, and in companies operating away from hometown, the effect is also weaker comparing to those operating in hometown. In addition, due to the increasing complexity of local cultural environment and uncertainty of mutual trust caused by migration, the effect in net inflow area is stronger than in net outflow area.

As for enterprise interactions, Li et al.(2018) discussed the complex relations between dialects and company mergers and acquisitions. By matching dialect data from *LAC* to the locations of acquirers and target companies listed between 2000 and 2012, the paper found that the greater the dialect distance is, the less the shareholder value is, exemplifying a typical case of how dialect or regional culture exerts influence on specific financial activities between companies.

The mechanism however, is through human capital and culture identity. As a form of corporate capital, identical dialect background can facilitate the process of company mergers and acquisitions, and enhance corporate performance afterwards.

Further analysis shows that this effect is enhanced when informal institutions play a complementary role or information asymmetry is encountered, and is more obvious in private enterprises than in state-owned enterprises.

III. The Macro-level: Dialect and Economic Growth

On the macro-level however, multiple studies proved the inhibiting effect of dialect diversity to regional growth and openness.

Xu et al.(2015) studied the correlations between dialect diversity and the amount of income/output per capita. According to *The Dictionary of Chinese Dialects*, which includes dialect data of 2113 counties, the paper firstly constructed an index of dialect diversity for 278 prefectures and cities, and then matched it to the their corresponding economic performances in 2010, and found significant negative effect of dialect diversity on economic growth. Other factors being constant, by completely eliminating dialect diversity, the output and income per capita can be increased by 33 % and 30 % respectively.

By controlling factors such as Mandarin or non-Mandarin regions, northern or southern regions and coastal or inland regions, conclusions are still robust. By controlling the factor of Standard Mandarin level, the effect remains prominent, suggesting that cultural identifications and the resulting psychological distances caused by dialects cannot be eliminated by Standard Mandarin, which is acquired through human capital investment. This in turn proves that the main mechanism that dialect diversity hinders economic development is not through obstructions in communication, but through psychological distances.

Li et al. (2017) studied the relations between dialect diversity and degrees of regional openness. By matching 276 cities' foreign trade data from 2005 to 2013 provided by *China Statistical Yearbook for Regional Economy*, to the index of dialect diversity constructed by Xu et al.(2015), the paper found that by increasing the dialect diversity of just one dialect, the openness degree of a city will be reduced by 2-2.4 % percent, showing an obvious hindrance effect of dialect diversity. Having factors such as the city's GDP, industrial structure and distances to the main ports controlled, the conclusion remains robust.

This effect have major impact on foreign trade, but not on foreign investment, suggesting its main mechanism is through impeding the accumulation of human capital and the resulting disparity of human capital among different regions.

IV. A Generalized Explanation: Dialect and Social Trust

As the economic consequences of dialects being revealed and explained, some researchers thought even further, pursuing a generalized explanation on how dialects affect the economy. One of the recent studies was Huang & Liu (2017), which correlated social trust data based on *China Comprehensive Social Survey* (CGSS) in 2005, to the index of dialect diversity constructed by Xu et al.(2015), and three empirically proved findings:

(a) the use of identical dialect among strangers is beneficial to establish trust, and on a large scale affect the formation of social trust;

(b) the mechanism how dialect can affect social trust is through its symbolic function of identifying people's hometown, therefore enhancing the sense of solidarity;

(c) The effect is weakened in populations of higher education levels, higher immigrant portions and regions of higher income levels. Another feature of heterogeneity lies in regional difference on dialect diversity. In eastern cities where dialect diversity is much higher than central or western cities, the effect is also more obvious.

Studies above have depicted quite a complex picture about the roles dialects play in the Chinese economy. It shows that besides its linguistic and cultural values, social and economic values of dialects are too important to be neglected. In such a culturally diversified country as China, social spheres of dialects should be elaborately planned just as Standard Mandarin, in order to balance the positive and negative effects on different levels.

References

- Dai Yiyi, Xiao Jinli, and Pan Yue, 2016, Can "Local Accent" Reduce Agency Cost?--A Study Based on the Perspective of Dialects, *Economic Research Journal*, Vol. 12, p.p. 147-186.
- Huang Jiuli & Liu Chang, 2017, Dialect and Social Trust, *Journal of Finance and Economics*, Vol. 43, p.p. 83-94.
- Ma Shuang and Zhao Wenbo, 2019, Linguistic Diversity and Labour Income of the Migrants—An Empirical Research Using CHFS, *China Economic Quarterly*, Vol.18, p.p. 393-414.
- Jin Jiang, Yin Feifei and Zhang Li, 2017, Dialect and Credit Opportunities of The Migration Labor, *South China Journal of Economics*, Vol.9, p.p. 85-102.
- Li Guangqin, Cao Jianhua, and Shao Shuai, 2017, Linguistic Diversity and Regional Openness Disparity in China, *The Journal of World Economy*, Vol.3, p.p. 144-168.
- Li Lu, He Yuqian, and Tang Xiaoyan, 2018, Cultural Differences, Dialect Feature and M&As, *Journal of Finance and Economics*, Vol.6, p.p. 140-152.
- Liu Yuyun Xu Xianxiang and Xiao Zekai, 2016, The Pattern of Labor Cross-dialects Migration, *Economic Research Journal*, Vol. 10, 134-162.
- Xu Xianxiang, Liu Yuyun, and Xiao Zekai, 2015, Dialect and Economic Growth, *China Journal of Economics*, Vol. 2, p.p. 1-32.

Motivation of CFL learners in Russia

О мотивации к изучению китайского языка в России. В докладе рассматриваются способы повышения мотивации к изучению китайского языка у русскоязычных учащихся в России.

Learning motivation has been widely discussed in second language acquisition and psychology fields. Learning motivation correlates with learning process. It is the core which stimulates learners to reach the goal of learning achievement in both internal and external aspects. Dörnyei (1994) conceptualized motivation to the framework 'Components of Foreign Language Learning Motivation' to analyse learners' motivation. The framework he categorized to discuss motivation including 'Language Level', 'Learner Level' and 'Learning Situation Level'. Dörnyei's framework not only demonstrated various aspects which affect learning motivation, but provided foundation to further research of motivation. This research tends to investigate learning motivation of CFL learners in Russia. Participants are Russian university students. The research grounded on Dörnyei's framework to analyse learning motivation of CFL learners. In addition, to discuss the difficulty of achieving 4 skills (listening, reading, speaking and writing) which might affect motivation in CFL learning. Furthermore, to induct potential factors which might affect motivation of Russian CFL learners, attempting to adopt feasible methods to promote learners' motivation in CFL learning.

Судьба эвенского языка в эпоху глобализации

The Even language in globalization epoch. The article deals with the problem of preserving and developing the Even language in modern society. The transfer of the native language to young people took place in a natural way - through communication with elders, through participation with them in work activities. But due to globalization, informal intergenerational communication has come under serious threat of extinction.

Эвены – малочисленный народ Севера, который создал уникальную культуру, своеобразные материальные и духовные ценности, выжил в экстремальных условиях севера и хозяйственно освоил самую холодную часть планеты Земля. Отличительной особенностью культуры эвенского народа является гуманистический и экологический характер взаимодействия человека с окружающей природой.

Известны такие самоназвания эвенов как: илканы, орочи, мэнэ, намотканы, донрэткэны, тюгясиры, ламунхи... В настоящее время все они объединены общим названием – эвены. Численность по данным переписи 2010 г. составляет 21380 человек. Из них 15071 человек проживает на территории Республики Саха (Якутия), владеющих родным языком только 25%. Остальные эвены расселены небольшими группами в Магаданской области, на Камчатке, Чукотке, Хабаровском крае и Корякском автономном округе.

Эвенский язык относится к тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских языков, содержит около 20 диалектов и говоров, произношение слов и словарный состав отличаются в некоторых районах проживания эвенов. В основу литературного эвенского языка положен ольский говор – по названию поселка Ола в Магаданской области. Передача молодым людям родного языка, накопленных предыдущими поколениями знаний, умений, традиционных норм поведения, верований в течение многих веков происходила неформальным, естественным путем – через общение со старшими, участие вместе с ними в трудовой деятельности.

Ситуация с эвенским языком настоящее время оценивается специалистами как кризисная, происходит утрата родного языка. «Национальный язык и информация, хранимая и передаваемая с его помощью, оказываются дифференцированными друг от друга посредством действия целой суммы новых культурных стереотипов, касающихся как норм пользования языком как средством общения, так и общей системы ценностей духовной культуры этноса» [1, с. 24].

Язык – это исторический субъект, ядро духовной культуры этнической группы – это не только средство передачи знаний и культурных ценностей, но и средство познания окружающего мира, а потеря языка - это, по сути, исчезновение нации. Степень консолидации эвенского этноса, в отличие от других народов, имеет недостатки из-за исторических и географических факторов. Экономические и культурные различия между территориальными группами также весьма важны и обусловлены различными климатическими условиями и этнокультурными связями. Якутский язык в Якутии играет почти ту же роль, что и русский язык в других областях, населенных малочисленными коренными народами Севера, особенно как язык межэтнического общения. Особенности языкового положения коренных малочисленных народов Севера ставят много серьезных проблем в преподавании родных языков, изучении художественной литературы, в развитии фольклора. Нынешнюю ситуацию нельзя считать нормальной. Языковая среда, в которой язык удобен и стабилен, представляет собой смешанную языковую среду. Представители небольших этнических групп нуждаются в определенных мотивациях поддержке. В связи с утратой традиционных функций общения с языками аборигенов и уменьшением масштабов и условий их деятельности концептуально важно, чтобы развитие языков малых народов Севера было сосредоточено на преподавании этих языков на Севере. Более 70 % детей, изучающих языки коренных народов, не говорят на нем. Доступные учебники не соответствуют современным требованиям, рассчитаны только на хорошо владеющих родным языком детей. Необходимы учебники родного языка народов Севера, соответствующие реальной языковой ситуации. Поощрение использования родных языков в общественной жизни в местах, заселенными коренными народами Севера, представляется важным направлением активного возрождения языков: это культурные мероприятия, работа со средствами массовой информации, использование родного языка в административных органах. Сегодня в регионах республики не издано ни одного издания на языках малочисленных народов Севера, нет эффективных программ и курсов повышения квалификации и т. д. Для того, чтобы

вовлечь взрослое население в освоение родным языком необходимо использовать родные языки в административных и государственных учреждениях. В этой ситуации было бы желательно, чтобы в каждом населенном пункте, где компактно проживают малочисленные народы Севера, была введена практика проведения курсов для обучения взрослых их родному языку, чтобы начать использовать официальные языки на их территории для работы в офисе, в тексте и названии рекламных щитов, плакатов, табличек и т. д. Лингвистическая поддержка развития языка также имеет большое значение. Это – создание различных типов русско-эвенских и эвенско-русских словарей разного размера и назначения, публикация фольклорных произведений и т. д. [4, с. 188]

В связи с глобализацией самобытное развитие коренных народов Севера, Сибири и Арктики оказалось под серьезной угрозой исчезновения. Например, в решении этой проблемы необходима организация системы общинного кочевого образования – это не дань моде, а социальный заказ народов Севера, которые оказались на грани этнической катастрофы и взяли курс на создание системы устойчивого развития. Новые модели предусматривают привитие навыков кочевой жизни, основ работы по традиционным отраслям хозяйства: оленеводству, охоте, рыболовству; изучение культурных традиций, обычаев, языка в естественных жизненных ситуациях в процессе труда и традиционного образа жизни; постепенный переход обучения по всем предметам в начальных классах на родном языке. Если эта программа будет осуществлена, то можно будет не только воспитать носителей традиций и культуры, образа жизни, языка своего народа, но и квалифицированных специалистов в различных областях деятельности.

Для сохранения народа как этноса – необходимым условием является сохранение языка. Язык — своеобразный генофонд национальной культуры. Язык в жизни народа занимает одно из ведущих мест, так как выступает носителем духовной самостоятельности нации.

Для сохранения национальных языков важнейшим условием является сохранение традиционных видов хозяйственной деятельности. Только при непосредственной привязке к территориям традиционного проживания коренных народов будут созданы условия для сохранения традиций, обычаев, культуры, а значит и народа как этноса.

Коренные малочисленные народы Севера имеют право возрождать, использовать, развивать и передавать будущим поколениям свои языки, фольклор, письменность и литературу и содействовать их развитию. Они имеют право на свободный взаимообмен своими духовными ценностями. Государство должно принимать в этих целях эффективные меры.

Литература

1. *Бурькин А.А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). – СПб. 2004. 384 с.
2. *Мурашко О.* // Мир коренных народов. Живая Арктика. №13. 2003. С. 34.
3. *Попова М.Д.* Сохранение родного языка в условиях глобализации / В сборнике: Теория и методика обучения языкам, литературам и культуре народов РФ в контексте диалога культур в поликультурном образовательном пространстве // Материалы Всероссийской научно-методической конференции. 2012. С. 123-125.
4. *Шарина С.И.* Особенности языковой ситуации у малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.И. Шарина // European Social Science Journal. Европейский журнал социальных наук. – 2012. – № 6 (22). – С. 188-191.

**О факторах, способствующих сохранению
регионального варианта национального языка
(на материале шампанского и арденнского региолектов)**

About factors contributing to the preservation of the regional variant of the national language (based on Champagne and Ardennes regiolects). The article describes the factors influencing the preservation of the vitality of the regional variant of the national language. The study was conducted on the material of Champagne and Ardennes regiolects, which was collected during nine business trips to the Grand Est region (France).

В ходе работы над научным проектом «Региональные варианты французского языка: социолингвистическое и лингвостилистическое описание (на материале шампанского и арденнского региолектов)» (2016-2018 гг.), поддержанным РФФИ, разработаны индикаторы, указывающие на степень живучести регионального идиома (подробнее об изучении витальности регионализмов см. в работе [1]), и выявлены факторы, оказывающие влияние на жизненную силу локально ограниченных в употреблении лексем.

Следует отметить, что именно комплексный подход к анализу обозначенного языкового субстрата и репрезентативный отбор компонентов регионального вокабуляра позволяют не только описать современное состояние территориальных модификаций французского языка и осуществить «сегментирование территорий» (*fragmentation du terrain* / термин Гилен Брен- Триго [3, с. 51]), на которых функционирует региональный идиом, но и выделить экстра- и интралингвистические факторы, способствующие сохранению региолекта и обеспечению преемственности в региональной культуре.

Так, к экстралингвистическим факторам отнесем нижеследующие параметры:

1) признание статуса регионального варианта языка как «нематериального культурного наследия» («*patrimoine culturel immatériel*» [4]);

2) придание значимости территории, на которой функционирует региональная форма существования языка;

3) потребность позиционирования региолекта как формы языка, позволяющей локализовать ее носителей;

4) потребность использования регионализмов в эстетической функции (в частности, для создания регионального художественного и публицистического текстов; работа по региолектографированию (см. [2]) показывает, что писатели-областники постоянно обращаются к лексическому фонду шампанского и арденнского идиомов).

В свою очередь, интралингвистические факторы представлены такими показателями, как:

1) обращение исключительно к лексическому фонду региолекта (отсутствие денотата в общестандартном лексическом репертуаре);

2) потребность использовать регионализмы для обозначения и экспликации региолекторецептивных реалий;

3) введение в речь регионализмов, в лексических значениях которых актуализируется дополнительная сема, в большинстве случаев передающая пейоративную или мелиоративную оценку объекта номинации.

Небезынтересно отметить, что носители региолекта проявляют интерес к апробации различных форм ревитализации регионального языкового субстрата. В качестве примера приведем коллективную работу по постановке пьес, в текст которых инкорпорированы регионализмы, и организацию квестов на знание элементов региональной лингвокультуры.

Литература

1. Ретинская Т.И. Методология изучения витальности регионального слова (на материале шампанского и арденнского региолектов) // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 4 (77). – С. 143-147.

2. Ретинская Т.И. Глоссарий регионализмов из произведений шампанских и арденнских авторов. – Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева, 2019. – 56 с.

3. Brun-Trigaud G. Les enquêtes dialectologiques sur le parler du *Croissant* : corpus et témoins // Langue française. – 1992. – Vol. 93. – № 1. – P. 23-52.

4. IIIe Table ronde des ministres de la culture « Le patrimoine culturel immatériel, miroir de la diversité culturelle ». – Istanbul, Turquie, 16-17 septembre 2002. – Режим доступа: http://portal.unesco.org/fr/ev.php_URL_ID=6209&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

Норма в эпоху полицентризма русского языка¹

Norm in the era of Russian polycentrism. The article is devoted to the analysis of the functioning of the Russian language in modern conditions and the peculiarities of the formation of norms in the framework of the polycentric language world, which covers various variants of the Russian language.

Начну с того, что по моим ощущениям, острым, как у человека, который совсем недавно оказался в центральной зоне русскоязычного мира, а до этого сполна хлебнул «счастья» быть носителем русского языка как языка национального меньшинства на Украине, представление о реальном устройстве этого мира у определенной части российских русистов можно сравнить с представлениями об устройстве Универсума до Галилея.

Напомню: в системе взглядов Птолемея в центре мироздания была Земля, а все звезды и иные небесные тела вращались вокруг этого центра. Мировосприятие, в равной степени объяснимое с позиции присущего человеку антропоцентризма и абсолютно не соответствующее реальности.

Не знаю, насколько читателю эта аналогия покажется соответствующей теме статьи, но я убежден в том, что такая модель русского языкового мира (Русофония), когда наличие нормы признается только у русского литературного языка в его российском варианте, а любые иные варианты русского, неизбежно и закономерно возникающие и функционирующие в иных компонентах русского языкового мира объявляются априори испорченными, не кодифицированными, достойными наименований *суржик*, *трасянка* и прочих с отчетливой негативной коннотацией, является принципиально «птолемеевской».

Хочу сразу сказать, что, именуя такие взгляды «птолемеевскими», я не вкладываю в эту номинацию никакой отрицательной оценки. Такое видение не хорошо и не плохо: оно есть закономерный этап в развитии людских представлений об устройстве мире. Этап, который большинство наук преодолели давно. Такое преодоление ждет и русистику. Необходимость в этом, прежде всего внешнеполитическая, назрела давно. Я говорю «давно» (хотя лет прошло не так много), потому что скорость истории стала неизмеримо выше по сравнению с прошлым.

Представление о том, что существуют всего две разновидности нормы русского литературного языка – московская и ленинградская, мы унаследовали от прошлого века, в котором варьирование русского языка было в разы менее интенсивным прежде всего потому, что русский язык обеспечивал социальное взаимодействие в разы же в меньшем количестве государств.

Потому обсуждение проблемы нормы сегодня должно учитывать два обстоятельства. Во-первых, мы должны видеть некую мифологичность самого феномена нормы русского литературного языка, существование которой настойчиво декларируется, но степень ее реального описания достаточна невелика. Невелика и социальная ценность соблюдения норм в современном социуме. Во-вторых, следует понимать, что сегодня русский язык в силу известных исторических катаклизмов оказался вынужден совершенствоваться (!!!) в том смысле, о котором писал Николай Крушевский, указывая, что совершенствование языка заключается в стремлении ко все более полному соответствию «мира слов миру понятий» [1]. Это соответствие языковой картины мира реальности, существующей в том или ином государстве, является важнейшим условием для того, чтобы русский язык смог обеспечить социальное взаимодействие своих носителей в новых – отличных от российских – условиях. В этой ситуации постулат только о двух нормах – питерской и московской – становится еще одним очевидным мифом, препятствующим адекватному восприятию закономерностям организации русского языкового мира.

Подчеркну, что лексические и грамматические отличия могут быть минимальны и порой скрыты от непосредственного наблюдения. Различаются, в первую очередь, и очень значительно «картины мира», кодируемые вариантами русского языка в разных странах.

Следуя логике русистов-«птолемеевцев», мы должны заключить, что те носители русского литературного языка, которые в результате глобальных политических катаклизмов оказались за пределами России, вдруг все стали говорить на суржиках, трасянках и прочих «спенглишах». Так ли это?

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 17-04-00187-ОГН-А

В этой системе представлений русский языковой мир организован «по-птолемеевски» просто. Есть инвариант – русский литературный язык в его российском варианте. Любое его варьирование – даже обусловленное объективными причинами, о которых я писал выше, – признается ошибкой, порчей, отклонением от нормы. Старый стереотип: дихотомия «норма и варианты», в которой последний компонент всегда плох и «портит» норму, до сих пор является господствующим в нашем лингвистическом общественном сознании.

Все было бы неплохо, если бы не один минус: эта система представлений не имеет ничего общего с реальностью. Она «не работает». Она, очевидно, препятствует разработке и внедрению соответствующей нашей сложной эпохе внешней языковой политики. Необходимость модернизации этой модели, на мой взгляд, очевидна. Возможно ли это? Да, конечно! Я уже писал об этом в «Георусистике» [2].

Следствием таких изменений станет и изменение представлений о норме. Глобализация нормы. Каким образом?

Прежде всего следует учесть, что феномен, который мы именуем «русский язык» существует в нескольких формах (вариантах).

Для многих лингвистов этот термин связан с оппозицией «норма-вариант», в рамках которой вариант рассматривается как отклонение от «нормы», порча «нормы» и т.п. С этих позиций все внероссийские (здесь важно выбрать нейтральную номинацию, поскольку «иностранные» не «работают»: российский вариант русского является иностранным по отношению, например, к белорусскому варианту русского языка) реализации русского языка воспринимаются в качестве неправильных, ошибочных, достойных осуждения и исправления.

Традиция таким образом организовывать тот или иной языковой мир восходит к далекой античности [3]. Но пригодна ли данная схема для манифестации того феномена, что именуется русским языковым миром? Возможно, но это восприятие очень далеко от реальности. Не говоря уже о том, что такая «картина мира» достаточно оскорбительна для носителей русского языка в тех странах, в которых русскому языку приходится видоизменяться, чтобы соответствовать иной, отличной от российской, реальности. И если парламент в этой реальности называется Меджлис или Рада, например, а русский язык будет предоставлять пользователю только слово «Дума», то русский язык в этом случае не выполнит свою функцию. И речь не должна идти только об изменениях, видимых «невооруженным взглядом», изменения в семантике намного значительнее. Я хорошо помню, как, будучи жителем Украины, севером страны считал Чернигов. Сегодня для меня «на севере» означает совсем иные края.

И хотя при этом русский язык остается русским в каждом из своих воплощений, он видоизменяется в результате взаимодействия с иным языком или языками и под влиянием иной государственной реальности. И я полагаю необходимым последовательно разграничивать те языковые явления, которые обусловлены государственным устройством страны, и те, которые связаны с региональной вариативностью.

Во-первых, это так называемый «русский язык вообще». Это и есть инвариант по отношению ко всему множеству реализаций русского языка в конкретных цивилизационных условиях. Именно «русский язык вообще» противостоит иным – «нерусским» языкам-инвариантам – китайскому, немецкому, английскому и т.д. и т.п. Это некий набор универсалий, кодирующих «русскость» языка.

Во-вторых, это множество функциональных вариантов инвариантного русского, закономерно возникающих и существующих в конкретных государствах, регионах, социальных и территориальных условиях. Здесь мы сталкиваемся с достаточно сложной для понимания категорией функционального тождества, когда группы реальных, различаясь субстанционально (иначе говоря, лексически, семантически, морфологически), тождественны функционально. Так вот – диалекты, жаргоны, региолекты, а также национальные варианты русского языка (существование которых вызывает наибольшее число споров) – функционально тождественны. Смысл их бытия – быть реализациями инвариантного русского в тех или иных социальных условиях. Если вспомнить – и это здесь уместно – определение фонемы как ряда позиционно чередующихся звуков, данное М.В. Пановым [4], – то вторая форма бытия русского языка есть «ряд» позиционно чередующихся вариантов. При этом «позицией» здесь являются уже упомянутые государства, регионы, социальные и территориальные группы.

Функциональные тождества пронизывают всю жизнь человека. Но все еще являются загадкой для русистов. Рассказывая об этом студентам и слушателям, я привожу самые простые и наглядные примеры. Мелок, гушиное перо, шариковая ручка, принтер – по своим субстанциональным свойствам (цвет, материал, размеры ...) абсолютно различны. Но по своей функции они тождественны и предназначены для

графической фиксации устной речи в разных «позициях», в качестве которых выступает учебная доска и класс, пергамент, лист бумаги и многие другие. В этот ряд «позиционно чередующихся» орудий письма войдут и другие подручные средства, и инструменты (например, палка, которой я пишу что-нибудь на песке).

Возникновение того или иного функционального варианта обусловлено возникновением новой «позиции»! Это, на мой взгляд, закон, действующий объективно и всеобъемлюще. Второй закон – это непрерывный поиск человеком новых субстанций для уже существующих функций. Лучше всего, на мой взгляд, это стремление иллюстрируют, например, лекарства, прошедшие долгий путь от толченой ивовой коры до таблетки аспирина. Применительно к русскому языку этот постулат означает, что если в пределах русского языкового мира возникает новая «позиция» (возьмем самый дискуссионный случай – государство), то это закономерно приводит к возникновению еще одной реализации «русского языка вообще».

Иначе говоря, если на политической карте планеты возникает новое государство, и если его граждане используют русский язык в качестве средства социального взаимодействия, то это в обязательном порядке приводит к возникновению новой реализации инвариантного русского. Нового «национального варианта русского языка». Термин пишу в кавычках как рабочий и вызывающий возражения у людей, до сих пор не знающих, что содержание языковой единицы и ее «внутренняя форма» есть не совпадающие вещи. Термин я в свое время заимствовал из словаря под редакцией В.Ю. Михальченко: «Национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [5].

Внимательный читатель и здесь заметит влияние «птолемеевской» картины лингвистического мира: в качестве примера приводятся национальные варианты любых языков, только не русского.

Думаю, что феномен «русского языка вообще» как абстрактного набора универсалий, формирующих «русскость» языка и, во-первых, противостоящего в этом качестве всем языкам «нерусским»; и во-вторых, являющегося инвариантом по отношению к реально существующим и существовавшим в прошлом диалектам социальным и территориальным, вариантам региональным и национальным, вызовет меньше споров и недоумений, чем устройство русского языкового мира, включающего все только что названные компоненты.

Еще раз повторю, все эти компоненты функционально тождественны. Но не в смысле набора выполняемых социальных функций, а в том смысле, что их роль в мире заключается в представлении языка инварианта в конкретных исторических условиях.

Австралийский английский отличается от британского не потому, что австралийцы его испортили. Наверное, есть в Британии те, кто именуют австралийский английский всякими уничижительными кличками. Но мне не удалось найти в сети британские аналоги наших слов а la «суржик» по отношению к австралийскому варианту английского. Это не значит, что их нет, конечно, и тем не менее.

Я могу продолжить этот ряд на примере немецкого, испанского, арабского языков, и ни один из них не вызовет сопротивления в российской аудитории. На «ура» пройдет и тезис о том, что реализации инвариантного английского, немецкого, испанского и других полинациональных языков равноправны, функционально тождественны и что среди них нет «испорченных» или «исковерканных» вариантов.

Возражения начнутся тогда, когда я заговорю о реализациях русского языка в разных странах. И тут окажется, что все языковые миры планеты живут по одним законам, а русский языковой мир – по другим.

И тут окажется, что в господствующем восприятии право на существование имеет только русский литературный язык, понимаемый, к сожалению, не как российский вариант инвариантного русского, существующий наряду с белорусским, казахстанским, украинским, эстонским и другим реализациями, а как некий мифический канонический образец, всякое варьирование которого – даже вызванное объективными причинами (другая страна, активное взаимодействие с другими языками...) – преступно, наказуемо, избличаемо и клеймено.

Не очень охотно признается и факт взаимовлияния реализаций русского языка. Но как объяснить проникновение в российский русский формы «в Украине», которая, по моим ощущениям, стала доминировать в дипломатическом дискурсе.

При этом никто не станет отрицать, что именно российский русский является основным вариантом инвариантного русского. Но в равной степени не стоит отрицать и то, что российский русский не

совершенен, если вспомнить Н. Крушевского, для осуществления социального взаимодействия за пределами России.

Еще сложнее в системе «птолемеевских» взглядов признать, что, скажем, белорусский национальный вариант среди своих реализаций – территориальных и социальных диалектов – обладает и таким социальным диалектом как литературный язык, нормы которого по определению будут несколько отличаться от норм российского социального диалекта, который мы по традиции именуем «русский литературный язык», не уточняя его государственную принадлежность.

Нам бы начинать изучать варьирование норм русского литературного языка в зависимости от страны его функционирования. Нам бы осознать, что фрикативный «г» на Украине уже не ошибка в речи носителя украинского русского (но ошибка в речи носителя российского русского), а вариант нормы. Нам бы увидеть и зафиксировать, что переднезубные фрикативные звуки на месте аффрикат являются нормальными для носителей, скажем, вьетнамского варианта русского языка. Думаю, что множество подобных примеров мы можем почерпнуть у специалистов по РКИ.

Нам бы признать, что нормы русского языка сегодня также глобальны и не сводимы к рамкам одной страны, пусть даже такой великой и мощной, как современная Россия. Нам бы понять, что архаичные представления об устройстве русского языкового мира затрудняют формирование адекватной внешней языковой политики, а «птолемеевство» наших взглядов отпугивает от нас наших собеседников.

В этом я вижу основную задачу георусистики и перспективу развития нашей науки в будущем.

Литература

1. Крушевский Н.В. Очерки по языковедению. Варшава, 1893. С. 68-69.
2. Рудяков А.Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: «ЛЕКСРУС», 2016. 392 с.
3. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений; под ред. С. Ф. Гончаренко. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 96-97.
4. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 255 с.
5. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В.Ю. Михальченко). М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 35.

**Языковое планирование и развитие языков в полиэтнических
многоязыковых государствах Африки**

Language development and planning in polyethnic multilingual states of Africa. The paper gives an overview of the way the hundreds of minor ethnic languages co-exist with not so many major indigenous languages and one or two official European (mostly English and French) languages in the crassly multilingual states of Tropical Africa, and the way these languages are included in language development and planning programs. The matter is that English and French are the only ethnically neutral languages and they function as the first official ones in almost all African countries. Major indigenous languages are national languages while minor ethnic idioms are only local ones. Tanzania is unique amongst the African countries in having African language Swahili as a national and the first official one.

Для языковых ситуаций в странах Африки южнее Сахары, или Тропической Африки типичными являются: а) многоязычие при наличии большого числа бесписьменных языков¹; б) распространенность немногочисленных функционально доминирующих автохтонных языков, обеспечивающих межэтническое общение; в) исключительное предпочтение языков бывших метрополий в качестве официальных (государственных) языков² и языков среднего и высшего образования.

¹ Общее число автохтонных языков, на которых говорит местное население стран Африки южнее Сахары, превышает две тысячи. Языки распределены между четырьмя макросемьями: койсанской, афразийской, нило-сахарской и нигеро-кордофанской. Изучены крайне мало и неравномерно. О многих известны лишь названия. Грамматические описания имеются не более чем для 10% языков [5, с. 4]. Не определен языковой и диалектный статус большинства идиомов.

² Исключения представлены единицами. Так, в Сомали и Эфиопии государственными являются соответственно языки сомали и амхарский. В Танзании в условиях высокого этноязыкового разнообразия национальным и первым государственным языком служит африканский язык суахили (банту).

Государственное многоязычие и связанные с ним языковые контакты естественным образом согласуются в странах Африки с массовым характером индивидуального многоязычия, при котором типичным для жителя Африки является владение двумя или более языками: родным этническим идиомом и часто идиомами соседствующих этносов, за которыми следует доминирующий автохтонный язык, выполняющий на конкретной территории функцию языка межэтнического общения и, наконец, официальный европейский, которым в той или иной степени владеет около 10% африканского населения [5, с.1]. При общении носителей разных языков абсолютно преобладает устная форма.

В период массового выхода африканских стран из системы колониализма (60-е – 70-е гг. XX столетия) правительства независимых государств неизбежно столкнулись с проблемой развития собственных (обще)национальных литературных языков, способных заменить языки бывших метрополий и стать важнейшей частью политики консолидации страны и формирования нации. В наследие от колониального режима в Африке осталось несколько сравнительно развитых языков, которые могли бы претендовать на роль общенациональных. Однако признака развитости еще недостаточно для того, чтобы автохтонный африканский язык принял на себя эту функцию. Важнейшим социолингвистическим условием обретения языком высокого официального статуса является в Тропической Африке его этническая нейтральность, немаркированность в этническом отношении. Чрезвычайно развитый здесь трибализм, т.е. осознание своей клановой исключительности и приверженность собственному языку, крайний языковой национализм, исключает не только выдвижение любого местного языка на роль ведущего в стране, но даже может препятствовать конвертированию диалектов в единый язык.

Отличительной чертой современных стран Африки, ставших независимыми после почти векового колониального управления, является сохранение раннефеодальных форм социально-экономической организации, а местами даже родоплеменных отношений. В Африке отсутствует категория нации как надэтни-

ческого социального образования с классовой структурой. В современных городах, возможно, начинает складываться рабочий класс, но этих городов слишком мало, и не они определяют социальный облик африканского населения, которое в массе своей остается патриархально-сельским. [ВКП 15]. Традиционная социальная структура народов Африки по сей день покоится на этнических основаниях, и именно с категорией этноса или этнической группы соотносится категория языка. Совпадение границ этноса и языка является для Африки наиболее типичным, но не обязательным. Число языков на отдельных территориях может уступать количеству этносов вследствие утраты одним из этносов родного языка. Реальные социолингвистические процессы часто протекают в Тропической Африке в границах традиционно сложившихся коммуникативных сред или этноязыковых ареалов [3, с.15], а не в рамках государств с их установленными метрополиями искусственными политическими границами, не совпадающими с границами этнолингвистическими

В настоящее время немногочисленные большие города современного типа с их предельно высокой степенью этнической проницаемости (примерами чего служат массовые смешанные браки, некомпактное расселение людей одной этнической принадлежности, отрыв людей от родной этнической среды, использование неродного языка для постоянного общения) создают определенные условия для этнической интеграции вплоть до крайних случаев полной ассимиляции одного этноса другим, и даже для развития городских койне в целях межэтнического общения. Однако в целом современную ситуацию в странах Африки с точки зрения перспектив для развития общенациональных (государственных) литературных языков на местной основе и для осуществления национальной интеграции вряд ли можно признать благоприятной.

Выбор в качестве средства общения на уровне общегосударственного многоязычия одного из языков бывших метрополий является в настоящее время общим моментом для всех африканских государств. Эти абсолютно нейтральные в этническом отношении языки прочно вошли в общественную жизнь стран Африки, их престиж в глазах местного населения чрезвычайно высок, но владеет ими чуть более 10% населения – «немногочисленная образованная элита, растворенная в море преобладающей неграмотности» [2, с. 73]. Уровень грамотности и образования в целом по африканскому региону – самый низкий в мире; доля населения с высшим образованием не превышает 10%, и потому задача увеличения процента умеющих читать и писать (и понимать то, что читают и пишут) является одной из наиболее насущных в странах африканского континента.

Государственное языковое планирование и программы языкового развития демонстрируют очевидную ориентацию правительств африканских государств на местные языки, расширение системы их преподавания, подготовку грамотных специалистов. Речь, разумеется, не идет обо всех автохтонных языках, большинство из которых являются не только бесписьменными, но и малоизученными и функционируют как нормальное средство общения лишь в пределах традиционной африканской деревни. Их развитие стало бы длительным и дорогостоящим процессом. Имеет место ориентация на идиомы, наиболее представительные в культурном и демографическом отношении, прежде всего на родные языки крупных этнических групп, которые (языки) в условиях чрезвычайного африканского этноязыкового разнообразия обеспечивают межэтническое общение в качестве второго языка, лингва франка и даже разговорного койне. Количество подобных идиомов достаточно велико, при том что ни один из самых крупных автохтонных языков не может быть назван абсолютно доминирующим в какой-либо из стран. В большинстве государств бытуют идиомы, которые к моменту установления независимости имели удовлетворительную степень нормализации и кодификации, позволявшую использовать их в прессе, на радио, в школьном обучении и при обучении взрослого населения функциональной грамотности, а также издавать на них книги и даже вводить в качестве рабочих в определенные сферы экономической жизни.

Крупнейшие и наиболее лингвистически и социокультурно развитые языки Африки южнее Сахары – это хауса (Нигерия, Нигер, Камерун, Гана, Того и др.), йоруба (Нигерия, Бенин, Того, Сьерра-Леоне), игбо (Нигерия), эве (Гана, Того, Бенин), акан (Гана), бамана (Гвинея, Мали, Сенегал), фула, именуемый также фуль, фулани, фульфуде, пель (Нигерия, Гвинея, Сенегал, Мали, Камерун, Нигер и др.), лингала (ДРК), шона, (Зимбабве), гереро (Намибия), диула, волоф (Сенегал), ндебеле (Зимбабве, ЮАР), зулу (ЮАР) и др.

Все они как «национальные» упоминаются в Конституциях соответствующих стран наряду с официальными (государственными) европейскими языками. В Конституциях, как правило, содержится положение о необходимости развития «национальных» языков, и в качестве таковых принимаются крупнейшие языки страны, а порой и все автохтонные языки, бытующие в стране (Ангола, Бенин). Статус национальных языков и сферы их использования Закон не определяет [1, с. 243]. Но их сохранение как выразителей

традиционной национальной культуры в большинстве стран не оспаривается, и языковая политика предполагает опору на развитие местных языков. (что не всегда согласуется с практической деятельностью правительств, ссылающихся на нехватку средств и незначительность самой проблемы в сравнении с безработицей, высоким уровнем бедности и т.п.; политические деятели, выступающие против начального образования на местном языке, называют в качестве основных аргументов не только экономический, но и идеологический фактор – «подрыв единства страны при политике развития многих языков») [6, с. 459].

Что касается бывших колониальных держав (прежде всего Франции и Великобритании), то степень их сознательного участия в языковом планировании и их влияние на развитие языковых ситуаций в бывших Французской и Британской Африке естественным образом вытекали из общих принципов проводимой ими политики управления колониями. Франция придерживалась политики «прямого управления», Британия предпочла политику «косвенного управления». Для французских колоний характерно стремление властей ограничить употребление местных языков только устным и бытовым общением, во всех сферах внеэтнической жизни использовался только язык метрополии, в немногочисленных начальных школах преподавание велось без всякого использования местных языков. Французская политика в принципе была направлена на ассимиляцию коренного населения и сопровождалась стимулированием местной образованной элиты к полной галлизации.

В английских колониях с их политикой «косвенного» управления наблюдалось стремление к известному распределению функций между английским и местными языками, существовал даже список африканских языков, рекомендуемых для изучения колониальными чиновниками, проводилась работа (во многом усилиями христианских миссионеров) по графизации и модернизации наиболее крупных африканских языков, на многие языки была переведена Библия, на некоторых языках издавались книги и периодические издания. Однако по существу фронтальное языковое строительство не являлось задачей ни одной из колониальных администраций, и то положение важнейших языков континента, которого к середине XX в. достигли суахили, хауса, йоруба, ибо, волоф, фула, лингала, луба, мандинг, зулу и др. это прежде всего результат их собственной истории, а не спланированной колониальной языковой политики. В настоящее время это стандартизованные, унифицированные языки, на которых издается художественная литература. Они широко используются региональными администрациями, и в качестве второго языка или как лингва франка распространились далеко за пределы своих этнических ареалов. Так, хауса - один из наиболее значимых национальных языков Нигерии, занимает первое место в Тропической Африке по числу этнических носителей, и оценка общей численности говорящих на нем (как на родном языке и как на втором или лингва франка) достигает 35 млн. [3, с. 83].

В этом он значительно уступает суахили (банту) – крупнейшему африканскому контактному языку Восточной и Центральной Африки, к которому как средству межязыкового общения прибегают (по разным данным) от 80 до 150 млн представителей разнообразных, этносов, проживающих в Танзании, Кении, Уганде, Руанде, Бурунди, Анголе, Конго, Демократической Республике Конго, Мозамбике, Малави, Замбии, Республике Коморские острова, Сомали. Из них около 15 млн приходится на ассимилированных этнических африканцев. Исконных носителей языка насчитывается не более 2 млн.

В настоящее время суахили является общенациональным и государственным (наряду с английским) языком Кении, одним из общегосударственных языков Уганды и ДРК, пользуется официальным статусом в Руанде, Бурунди, Мозамбике, на Коморских островах. Он – один из рабочих языков Восточноафриканского сообщества, Организации африканского единства и ряда других международных африканских организаций. Танзания первой среди молодых независимых государств Африки признала его национальным и первым официальным языком.

Своим уникальным социолингвистическим положением суахили в первую очередь обязан отсутствию у него собственной этнической базы. *Kiswahili* (самоназвание языка суахили) это ‘язык побережья’ (от араб. *sawahil* ‘морские берега’), который к XI-XII вв сложился на восточно-африканском побережье Индийского океана «в обстановке перемешивания, с одной стороны, диалектов островных и береговых племен банту, а с другой – диалектов рабов, также банту, доставленных на побережье из глубины Тропической Африки, и арабского языка» [4, с. 47]. На нем разговаривали *Waswahili*, т.е. ‘прибрежные мусульмане’. Такое название получили от этнических африканцев исповедующие ислам «афро-арабы», лишённые африканской этнической принадлежности. Для носителей исконных африканских языков суахили – «ничей язык». Он этнически, социально и политически нейтрален, отчего и смог стать языком самого широкого распространения на континенте и получить высокий официальный статус в полиэтнических государствах. Распространение суахили в качестве контактного языка в континентальной Африке еще до уста-

новления европейского правления имеет исторические, политические, географические и даже лингвистические причины. Но то, что язык получил достаточное развитие, чтобы занять положение наиболее значимого государственного идиома, безусловно, целиком является заслугой британских колониальных властей и христианских миссий. Правительство Танзании с первых дней независимости проводило целенаправленную языковую политику по превращению суахили в современный рабочий язык нации, не уступающий по выразительным возможностям европейским языкам. Над реализацией этого намерения трудятся более десяти государственных и общественных организаций. В результате в настоящее время суахили в Танзании является обработанной, нормированной и кодифицированной формой языка с единым, зафиксированным нормативными грамматиками и словарями стандартом, и с собственной системой функционально-стилистических вариантов.

Все этнические языки Танзании (а их около 130) полностью лишены государственного признания, ни один из них не преподается в школе. Этнические монолингвы составляют в Танзании менее 10% населения. Государственное языковое планирование нацелено на расширение коммуникативных возможностей суахили и сокращение сфер деятельности, в которых используется английский язык.

Литература

1. *Бабаев К.В.* Введение в африканское языкознание. М., 2018
2. *Виноградов В.А.* Языковая политика в Камеруне // Проблемы языковой политики в странах Тропической Африки. М., 1977
3. *Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я.* Социолингвистическая типология. Западная Африка. М., 1984
4. *Жуков А.А.* К изучению этнолингвистической ситуации в Восточной Африке (о роли языка суахили). «Советская этнография», 1971, № 1.
5. *Nurse D., Philippson G.* Introduction // *The Bantu Languages*. London; New York, 2006.
6. *Ben Ohi Elugbe.* Literacy and Language Development in Nigeria // *African Linguistics at the Crossroads*. Koln 1997.

Сказка на уроке английского языка как средство формирования нравственных ценностей в полиэтническом государстве

Fairy Tale for English Teaching as a Means of Moral Values Formation in a Multi-ethnic State. The article raises the problem of moral values formation in primary foreign language education in a multi-ethnic state. The author shows the value of young learners' education by means of fairy tales and folk tales in the context of foreign language education.

В современном полиэтническом государстве особое значение имеет сохранение самобытности культуры каждой этнической группы. Анализ сложившейся в республиках Российской Федерации культурно-языковой ситуации, связанной с условиями функционирования русского и национального языков, позволяет заключить, что обучение иностранным языкам в начальной школе в республиках РФ должно носить поликультурный характер. Однако, сложившаяся языковая ситуация во многих республиках страны характеризуется функционированием русского языка во всех сферах жизнедеятельности и слабой востребованностью национального языка в государственной и общественно-политической сферах. Данные социологических исследований свидетельствуют о неуклонном падении уровня владения родными языками среди представителей разных культур и, в первую очередь, среди молодежи. В сложившейся ситуации особую важность приобретает вопрос о поликультурном образовании, как способе повышения уровня знаний о культурах и ценностях различных этнических групп. В современных научных исследованиях делаются попытки определить компоненты поликультурного образования. Так, в своих работах ученые выделяют три основных компонента поликультурного образования: когнитивный (знания о культурах, традициях и обычаях других народов); эмоционально-ценностный (воспитание толерантного отношения к отличным от собственных культурным ценностям и культурного многообразия); поведенческий (развитие навыков общения с людьми, представляющими другие культурные системы) [3, с.17]. Особо важным нам представляется эмоционально-ценностный компонент образования, поскольку воспитание уважительного отношения к ценностям каждой культуры полиэтнического государства занимают существенное место в развитии личности школьника. Как утверждал П.Ф. Каптерев, для воспитания молодого поколения, обладающего общечеловеческим мышлением, необходимо рассматривать культуру не одного, а многих народов для сопоставления их ценностей и норм. Сопоставляя, учащиеся научатся заимствовать ценное, приобщаясь, таким образом, к общечеловеческим ценностям.

Однако, в условиях многоязычия и поликультурности проблема воспитания уважительного отношения к ценностям каждой культуры не может быть решена только на основе диалога между культурой страны изучаемого языка и родной национальной культурой. Мы полагаем, что современное иноязычное образование в республиках Российской Федерации должно осуществляться через полилог трех лингвокультур (национальной, русской и иностранной). В отличие от диалога культур, который может иметь место в рамках любого школьного предмета, полилог культур может быть реализован только при обучении иностранному языку (далее - ИЯ), и именно в содержании обучения ИЯ в начальной школе каждый компонент (знания, речевой материал, ситуации, темы) должен включать культуру страны изучаемого языка, культуру своей республики и культуру России.

Так, в работах Манджиевой С.И., исследующей поликультурный аспект содержания обучения английскому языку в Республике Калмыкия, отмечено, что на уроках иностранных языков используются материалы, отражающие специфику региона и обладающие культурологической ценностью, составлен лексический минимум, содержащий географические названия, символику, имена людей. Учителя иностранных языков на своих уроках проводят сравнительный звукобуквенный анализ двух языков, переводят калмыцкие благопожелания, сказки и т.д., составляют учебные тексты о Калмыкии, ее истории, географическом и климатическом положении, о традициях и обычаях в соответствии с темами используемого учебника. Все это очень помогает детям почувствовать родственное между языками и ощутить иностранный язык более реально существующим, более близким, чем им могло показаться раньше [3, с.30].

Анализ основных характеристик поликультурного языкового образования, а также учёт необходимости формирования системы нравственных ценностей у младшего школьника позволяет нам выделить следующие положения:

- поликультурное языковое образование должно способствовать формированию представлений младшего школьника о нравственных и культурных ценностях народов как норме сосуществования и развития в современных поликультурных сообществах;

- поликультурное языковое образование должно обеспечивать тесную взаимосвязь языка обучения: русского, иностранного и национального, а также иностранной, национальной и русской культур и их ценностей;

- поликультурное языковое образование следует осуществлять в младшем школьном возрасте, поскольку начальный этап закладывает фундамент обучения любому языку, а также обладает широкими возможностями для реализации воспитательной функции образования и способствует наиболее глубокому усвоению системы национальных и общечеловеческих ценностей.

Реализация выделенных положений поликультурного языкового образования позволит обеспечить целенаправленное поликультурное языковое образование, включающее в себя этнокультурное развитие школьников в контексте их приобщения к культуре и ценностям своей страны, иностранной и национальной культурам. Кроме того, это позволит создать благоприятные условия для развития когнитивных способностей и личностных качеств младшего школьника, будет являться основой для дальнейшего нравственного развития ребёнка и способствовать усвоению детьми знаний о культуре изучаемого языка, культуре России и своей республики, созданию у школьника положительной мотивации к изучению как иностранного, так и родного языков [3, с.38].

Согласимся с Никитенко З.Н., автором концепции «развивающего иноязычного образования», что невозможно обеспечить становление личности с адекватным отношением к окружающему миру, способной к созидательной творческой деятельности не воспитав нравственность [4, с.89]. Обращаясь к проблеме воспитания младшего школьника, автор трактует его как «нравственное развитие и саморазвитие младшего школьника, которое заключается в формировании у него личностных качеств и нравственных ценностей». [4, с. 106]. В качестве цели воспитания выдвигается формирование у учащегося нравственных и культурных ценностей; значимых для носителей языка, и личностных качеств, необходимых для общения с представителями различных культур. Формирование ценностей и качеств личности обеспечивает становление нравственной способности у ребёнка – способности к нравственной ориентации в ситуациях межкультурного общения и к добродетельным поступкам. [5, с.140].

Обратимся к проблеме воспитания младших школьников в контексте поликультурного аспекта содержания иноязычного образования. Очевиден тот факт, что огромным воспитательно-образовательным потенциалом обладает такой жанр художественной литературы как сказка. Дошедшее до нас из глубины веков, устное народное творчество, и особенно сказка, является хранителем народной мудрости, считается одной из ранних форм мировосприятия. В сказке, как и в фольклоре в целом, в образной форме отражаются первые попытки человека познать самого себя, свое место в окружающем мире, выработать определенную систему поведения, формирует уважение к культуре народа и его ценностям.

Прекрасный воспитательный потенциал сказки был оценён ещё В.А.Сухомлинским, который в своём педагогическом труде «О воспитании» писал так: «Слово сказки живёт в детском сознании. Благодаря сказке ребёнок познаёт мир не только умом, но и сердцем. И не только познаёт, но откликается на события и явления окружающего мира, выражает своё отношение к добру и злу. В сказке черпаются первые представления о справедливости и несправедливости. Первоначальный этап нравственного воспитания тоже происходит благодаря сказке»[6].

В сказке отражается мировоззрение народа, язык которого изучается в различные исторические эпохи, его философия и психология, нравственные нормы, представляющие как общечеловеческие, так и сугубо национальные ценности [1, с.42]. Так, например, народная сказка служит эффективным средством передачи культурного наследия, а волшебные сказки и сказки о животных способствуют формированию у изучающего иностранный язык жизненных сценариев или типа поведения. Чтение сказок помогает школьнику узнать о самых важных нравственных понятиях, о том, как жить и как оценивать свое поведение и поведение других людей. Через любимых сказочных героев, их поведение учащемуся передаются преимущества нравственного поведения. Из народной сказки ученик получает информацию об особенностях жизни и деятельности человека в обществе, о взаимоотношениях между людьми, о проблемах и способах их решения.

Представляется важным отметить, что только при взаимодействии с другой культурой выявляются специфические признаки собственной национальной культуры. Взаимодействие с другой культурой является непременным условием осознания и закрепления собственных национально-специфических особенностей. В процессе диалога культур проявляется общечеловеческое и специфическое каждой культуры. В связи с этим национальное своеобразие английских, американских сказок наиболее ярко проявляется при их сравнении со сказками других народов. Отсюда следует, что наиболее эффективное усвоение иноязычной культуры в процессе соизучения языка и культуры возможно при условии организации взаимодействия двух культур (родной и иноязычной). Поэтому нам представляется необходимым в процессе использования англоязычных народных сказок сравнивать их с национальными народными сказками для выявления общих и национально-специфических особенностей взаимодействующих культур. Сравнение различных сказок позволяет ставить и обсуждать проблемы сходства и отличия в их содержании и языковых средствах, и на этой основе обучать восприятию и пониманию иной культуры, формировать представления о национальных и общечеловеческих ценностях [1, с.48].

Как пишет В.М. Жирмунский, внесший большой вклад в изучение сказочного жанра, «сравнительное изучение различных национальных версий того или иного международного сказочного сюжета позволяет наиболее наглядным образом установить своеобразие каждой из них и то специфическое национальное содержание быта, социальных отношений и народной идеологии, которое наполняет и видоизменяет в определенном направлении традиционную международную сюжетную схему и делает сказку культурным достоянием именно этого народа» [2, с.339].

В заключение подчеркнем, что воспитание в начальном иноязычном образовании является сложной и многоаспектной проблемой в том числе, в силу того, что Российская Федерация является полиэтническим государством. В данной статье мы лишь попытались осветить решение этой проблемы, наметив стратегию формирования у младших школьников нравственных ценностей путём их знакомства со сказочным жанром на уроках иностранного языка.

Литература

1. *Вторушина Ю. Л.* Формирование межкультурной компетенции в контексте профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка : на материале преподавания английского языка с использованием народного фольклора : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02.- Москва, 2007.- 218 с.
2. *Жирмунский В.М.* К вопросу о международных сказочных сюжетах // В. М. Жирмунский. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. - Л.: Наука, 1979. – 495 с.
3. *Манджиева С.И.* Поликультурный аспект содержания обучения иностранным языкам в начальной школе : английский язык, Республика Калмыкия : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Манджиева Светлана Ильинична; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. - Москва, 2008. - 196 с.
4. *Никитенко З.Н.* Иностранный язык в начальной школе: теория и практика: учебник / З.Н.Никитенко. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 328с.
5. *Никитенко З.Н., Саперова Д.А.* Чтение как средство нравственного развития младших школьников в начальном иноязычном образовании // Общероссийский научно-педагогический журнал «Наука и школа». Москва, 2018. – № 2. – С. 140-144.
6. *Сухомлинский В.А.* О воспитании / В. А. Сухомлинский. - 4-е изд. - М. : Политиздат, 1982. - 270 с.

Языковая политика и языковая ситуация по иностранным языкам в современной Монголии

Language policy and language situation on foreign languages in modern Mongolia The report considers the regularities of functioning, coexistence of different languages in one social-communicative system, and investigates the specifics of situation in foreign languages in Mongolia. During the analysis of the language situation in modern Mongolia, special attention is paid to the Russian language that is one of the most common and popular foreign languages in Mongolia, as well as the dynamics of its functioning, position of Russian language in Mongolia after the 1990s and its development trends at the present stage in Mongolia.

Перестройка и языковая политика

В восьмидесятые годы XX века произошло крупное событие в мире – перестройка. Перестройка, начатая в 1980-ые годы в СССР, повлекла за собой глобальные изменения во всём мире. Произошёл распад некогда могучего СССР, начались серьёзные общественные и экономические изменения в бывших республиках СССР, в странах бывшего социалистического лагеря, установился новый мировой порядок.

Перестройка повлияла также на языковую ситуацию в мире, в самой России – новой России, новообразованных государствах – в бывших республиках СССР.

Перестройка повлияла и на положение русского языка во всём мире. В мире русский язык изучали во все времена, правда с разной целью, разной силой заинтересованности и т.д.

После перестройки начался новый спрос на изучение русского языка. Так, благодаря перестройке в странах так называемого капиталистического лагеря оживился интерес к изучению русского языка. А в бывших республиках СССР, в странах социалистического лагеря, наоборот, начали отказываться от русского языка, служащего в своё время языком межнационального и международного общения. В постсоветский период в этих странах проводилась политика "дерусификация", "отказ от коммунизма", что нашло своё отражение в языковой политике.

В обиходе языковой политики активизировались понятия "государственный язык", "официальный язык", "язык титульной нации".

Статус русского языка сегодня

В настоящее время русский язык по числу владеющих им (500млн.человек, в том числе более 300млн. за рубежом) занимает в мире третье после китайского (свыше 1млрд.) и английского (750 млн.).

Русский язык занимает 2-ое место среди интернет-пользователей.

Русский язык – это национальный язык русского народа, государственный язык Российской Федерации.

Русский язык используется как средство межнационального общения в самой России и в ближнем зарубежье.

Русский язык входит в клуб европейских языков.

Русский язык является одним из официальных языков ООН.

Русский язык является также официальным или рабочим языком в большинстве авторитетных международных организаций (ОБСЕ, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, ВОЗ и др.).

Русский язык сегодня принадлежит к высшему рангу в функциональной классификации языков – Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale (EGIDS) <https://www.ethnologue.com/about/language-status>.

Языковая ситуация в Монголии на современном этапе

После 90-ых годов XX века в связи с установлением нового мирового порядка языковая политика по отношению к иностранным языкам в Монголии резко изменилась. Языковая ситуация в Монголии своеобразна, что вызвано совокупностью экстралингвистических (геополитических, политических, экономических и культурных) и лингвистических факторов. Следует отметить, что с давних времен монголы традиционно изучали разные иностранные языки: санскрит, тибетский, манчжурский, китайский, русский, английский, немецкий и т.д., т.е. накоплен достаточно богатый опыт изучения иностранных языков.

В настоящее время на языковой карте Монголии в качестве иностранных языков присутствует довольно много языков, однако степень их распространения, востребованности, значимости различны в силу ряда причин. Как показывает проведенный нами социологический опрос, наиболее **востребованными** из иностранных языков оказались 1) английский, 2) русский, 3) китайский, 4) японский, 5) немецкий, 6) корейский и 7) французский языки, а самыми **распространёнными** являются 1) английский, 2) русский, 3) китайский, 4) японский, 5) корейский, 6) немецкий, 7) французский языки. Заметим, что языки даны в той последовательности, которую дали респонденты.

На современном этапе в Монголии английский язык занимает первое место по своей востребованности, чему способствует не только его статус мирового языка, но и как языка глобального использования, а также государственная политика Монголии.

Что касается русского языка, то в настоящее время он по своей востребованности и распространённости уступает английскому языку и пока занимает второе место. Ведь русский язык до 90-ых годов XX века был первым иностранным языком в Монголии, т.е. он имел статус “самый распространённый иностранный язык в Монголии” и статус “самый востребованный иностранный язык в Монголии”. Нынешней позиции русского языка в языковой карте Монголии способствует не только статус русского языка как мировой язык, но и многолетние добрососедские дружественные отношения между нашими народами в XX веке. Китайский язык по показателям демографической и коммуникативной мощности пока уступает английскому и русскому языкам. Однако наблюдается тенденция сильной конкуренции со стороны китайского языка. Этому способствует не только его статус мирового языка, но и бурное экономическое развитие Китая, активная позиция правительства Китая по распространению и преподаванию китайского языка.

Японский язык по своей востребованности и распространённости занимает третье и четвертое место.

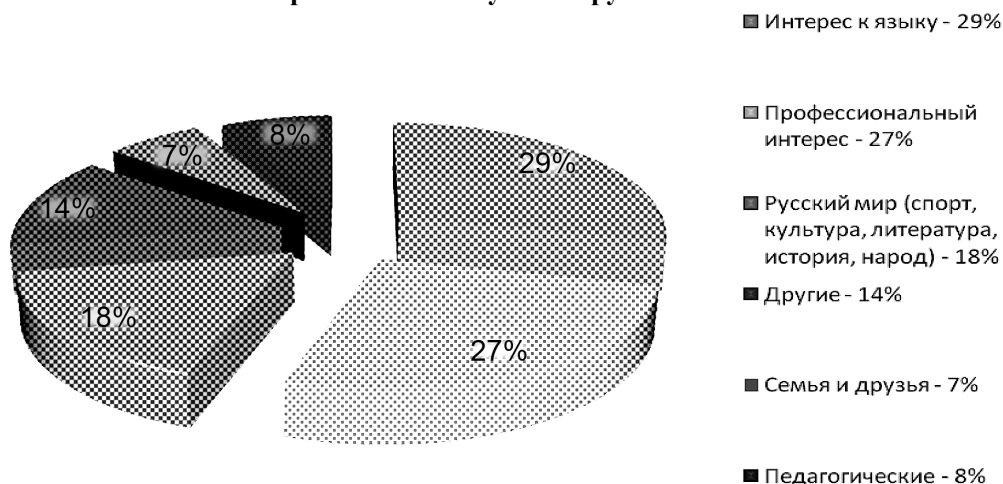
В ближайшее время по всей вероятности на языковой карте Монголии по прежнему будет сосуществовать английский, русский, китайский, японский, корейский, французский, немецкий и другие иностранные языки. Однако приоритетными иностранными языками выступят английский, русский и китайский, которые являются мировыми языками, т.е. официальными и рабочими языками международных организаций: ООН, ЮНЕСКО и др., а также международных Конгрессов, Симпозиумов, конференций.

Русский язык в Монголии

Как видим, русский язык *по своей востребованности* оказался на втором месте, а по признаку “самый распространённый иностранный язык” занимает тоже второе место, а до 2000 года он всегда занимал первое место и по критериям “самый востребованный иностранный язык в Монголии” и “самый распространённый иностранный язык в Монголии”.

С целью определения мотивов изучения русского языка у монгольских студентов, изучающих русский язык в Монгольском Государственном Университете (далее МонГУ) нами был проведен социологический опрос. Для сбора данных был выбран метод анкетирования. Так, например, с целью выяснить мотивы изучения русского языка у монгольских студентов был задан респондентам вопрос: **Что привело Вас к изучению русского языка?** См. график.

Что привело Вас к изучению русского языка?

Обнаружены следующие мотивы: 1/ интерес к русскому языку, 2/ Связь с профессиональной деятельностью, работой, бизнесом, 3/интерес к русскому миру: история, география, культура, народ, спорт, 4/ Влияние семьи и друзей, 5/ Интерес к путешествиям, 6/ Педагогические причины, 7/ Интерес к литературе вообще и к русской в частности, 8/ По принуждению, безвыходности и жизненной необходимости, 9/ Другие.

Мотивы: “Интерес к языку” и “профессиональный интерес” для респондентов оказались важными и соответственно они занимают первое и второе места.

Интересен был следующий ответ студентов: в качестве *Других* они перечислили: 1/Русский язык – один из официальных языков ООН, 2/. Россия-наш вечный сосед, 3/. Во многих странах мира можно общаться на русском языке, 4/. Есть много литературы по всем областям науки на русском языке.

Итак, первые результаты проведенного нами социологического опроса и его предварительного анализа позволяют составить следующий общий портрет монгольского студента, изучающего русский язык:

В университет поступают абитуриенты, 61 % которых в какой-то мере изучали русский язык.

В целом студенты интересуются русским языком, русским миром, Россией и связывают свой профессиональный успех с русским языком. Об этом свидетельствуют в частности следующие факты: интерес к языку (29 %), профессиональный интерес (27 %), интерес к Русскому миру (18 %).

У подавляющего большинства студентов позитивные положительные мотивы к изучению русского языка.

Уникальность языковой ситуации в Монголии состоит в том, что на языковую политику по иностранным языкам нашей страны будут влиять геополитические интересы великих держав Китая, России и США. Китай и Россия – наши вечные южный и северный соседи.

Выводы

Перестройка повлияла на языковую политику и статус русского языка в мире.

Серьезное влияние на языковую политику в Монголии оказывают политические сдвиги и экономические факторы.

Несмотря на политические и экономические изменения русский язык сохраняет статус распространённый и востребованный язык в мире.

Литература

1. Российская Федерация Федеральный Закон «О государственном языке Российской Федерации». М., 2005.
2. *Алпатов В.М.* Русский язык на постсоветском пространстве (1991-2006) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М.: МГУ, 2007.
3. *Зацепина О.* Роль русского языка в мире: современные тенденции //www.russkiymir.ru.
4. *Ивахин А.Ю.* Русский язык в языковой политике Российской Федерации //Монголын орос хэл судлал. Монгольская русистика. I-ое издание. Улан-Батор, 2007, С. 180-189.
5. *Михалёв А.В.* Русский язык в политическом пространстве постсоциалистической Монголии// Журнал Политическая экспертиза. 2008.
6. *Саранцаурал Ц.* «Социологический портрет монгольских студентов, изучающих русский язык в МонГУ» // Международный региональный Форум русистов стран Азии. Москва-Улан-Батор, 2010.
7. *Саранцаурал Ц.* Русский язык в Монголии в начале XXI века // Первый Конгресс РОПРЯЛ, ОХУ, Санкт-Петербург, 2008, С. 223-229.
8. *Саранцаурал Ц.* Language situation in Mongolia in early 21st century. // “The word in intercultural and interpersonal communication” олон улсын эрдэм шинжилгээний симпозиум USA, Washington DC, 2009
9. *Сидорова М.Ю.* Актуальные проблемы исследования русского языка как языка образования и науки. // Юбилейная международная научная конференция “Русский язык –язык образования и науки. Тезисы докладов и материалы. Улан-Батор., 2017. С.16-19.

Китайский язык в Китае и на Тайване: особенности лексического строя и проблемы его изучения

Chinese language in China and Taiwan: particular features of lexical system and its learning problems. The article deals with the particular features of the lexical system of the Chinese language in mainland China and Taiwan. It proposes a classification of lexical differences in these territories and identifies the main historical, geopolitical and sociocultural causes of their occurrence. The paper also raises some topical issues of teaching Chinese as a foreign language in Russia.

Язык – живой организм, он рождается, развивается, реагирует на изменения в окружающем мире, приспосабливается к тем условиям, в которых он существует. После Гражданской войны 1946 – 1950-х годов Китай фактически раскололся на две части, в которых утвердились различные социально-политические системы. С одной стороны, КНР, совершив социалистическую революцию, начала строить коммунистическую страну с "китайской спецификой"; с другой стороны, Китайская Республика продолжала свое существование на острове Тайвань, стремясь развивать демократический строй по западному образцу. С этого момента началась дифференциация китайского языка на двух независимых территориях, которые избрали свои собственные пути экономического и политического, внешнего и внутреннего развития. В качестве примера можно привести следующее: слово "同志" изначально означало «соратник по какой-то деятельности», «сподвижник», но постепенно в Китае под влиянием коммунистических идей сформировалось значение, полностью заимствованное из русского слова «товарищ»; на Тайване же это слово было наделено совершенно другим значением – «друг нетрадиционной ориентации», «гомосексуалист». Слово "爱人" (досл. «любимый человек») в Китае понимается как «супруг» или «супруга», а на Тайване – как «любовник» или «любовница». Слово "土豆" (досл. «земляные бобы») в Китае значит «картофель», а на Тайване – «арахис». Для обозначения такси в Китае используется слово "出租車" (досл. «арендованная машина»), а на Тайване – "計程車" (досл. «машина по расчёту»). Северная Корея в Китае переводится как "朝鮮" (из названия полуострова), а на Тайване – "北韓" (досл. «северная Корея»). День независимости в Китае называется "国庆节", празднуется 1-го октября, а на Тайване – "國慶日", празднуется 10-го октября. Даже само слово «китайский язык» имеет разные обозначения: в Китае – "普通話" (досл. «всеобщий язык»), а на Тайване – "國語" (досл. «государственный язык»).

Обобщая вышеприведенные примеры, тщательно проанализировав различия лексического строя в китайском языке на двух отдельных территориях по разные стороны Тайваньского пролива, мы можем представить классификацию этих словарных различий. Мы выделяем следующие лексические группы.

1. Слова, совпадающие по написанию, но различные по значению (同形異義詞)

Как упоминалось выше, слова "同志", "爱人", "土豆" имеют общие форму начертания и произношение, но употребляются в разных контекстах. Их значение эволюционировало различным образом на фоне общественно-политических, экономических и культурных перемен, происходивших в конце XX – начале XXI веков. Такого рода явление наблюдается, прежде всего, в форме обращения. Кроме слов "同志", "爱人", в этой функции употребляется также слово "小姐" («дама, госпожа»). На Тайване оно широко используется в качестве вежливой формы обращения к женщине практически любого возраста, на материке же это слово употребляется реже, и оно обычно наделяется отрицательной коннотацией. Как известно, данное слово имеет еще и другое значение – «девушка по вызову». Тайваньцы четко различают эти два значения и не испытывают неловкости при употреблении этого слова, а на материке носители языка стараются избегать неоднозначных ситуаций. Еще один пример – слово "导师" («наставник»). В Китае оно чаще всего употребляется в высших учебных заведениях и означает «научный руководитель», а на Тайване используется в школах при обращении к классному руководителю.

В формировании "тайваньского варианта" китайского языка важную роль играет местная культурная традиция. В течение 50 лет, начиная с 1895 года, Тайвань был под властью Японии. Естественно, язык на острове испытал определенное влияние со стороны японского языка. Например, слово "料理" означает «управлять», «заботиться о ком-то», это значение слова сохранилось до сих пор в обоих вариантах китайского языка, но на острове, где происходило заимствование у японцев их кулинарных обычаев, слову придали новое значение – «еда», «кухня». Другой важный фактор, который определял характер воздействия на

формирование "тайваньского китайского языка", – влияние южноминьского языка. Это один из диалектов, распространенных в китайской провинции Фуцзянь, на Тайване и во многих странах Юго-Восточной Азии. Приблизительно 70% населения острова владеет этим языком. Не удивительно, что он "обогатил" словарный фонд китайского языка на Тайване. Вышеупомянутое слово "土豆", его семантические развитие, наглядно демонстрирует этот процесс. Изначально слово означало в китайском языке «картофель», а в южноминьском языке – «арахис». На Тайване люди предпочли более близкое им значение. Поэтому в современном китайском языке за этим словом закрепилось два значения, каждое из которых используется на отдельных территориях.

Некоторые китайские слова и выражения имели единый смысл на всем пространстве распространения китайского языка, но сейчас по причине общественно-политических различий между Китаем и Тайванем они понимаются по-разному. Как уже говорилось выше, День независимости в Китае называется "国庆节", и он празднуется 1-го октября. В этот день в 1949 году было провозглашено образование КНР. На Тайване "國慶日" празднуется 10-го октября – именно в этот день в 1911 году началось Учанское восстание, послужившее толчком для Синьхайской революции, в результате которой была свергнута маньчжурская династия Цин и было провозглашено создание Китайской республики. Таким же образом можно интерпретировать и другие примеры: "教师节" – День учителя, который отмечается на материке 10-го сентября, в начале нового учебного года, а на острове он отмечается 28-го сентября, в день рождения великого мыслителя и философа Конфуция; "儿童节" – День ребенка на материке, как и во многих социалистических странах, празднуется 1-го июня, а на Тайване, согласно принятому в 1931 году решению, этот день празднуется 4-го апреля.

2. Слова, совпадающие по значению, но различные по написанию (同義異形詞):

В данную категорию входят два разных по форме слова, обозначающие один и тот же предмет или понятие. Наглядным примером здесь является само слово «китайский язык», о котором уже было сказано выше. Слово "國語" (досл. «государственный язык») широко употреблялось на материке для обозначения китайского языка еще с начала прошлого века. Однако после образования КНР была проведена серия реформ в области языка, в результате которых в 1955 году было объявлено о переименовании "國語" в "普通話" (досл. «всеобщий язык»). А на Тайване, по старой традиции, до сих пор используется слово "國語". На самом деле, тенденция сохранения архаичной лексики ярко выражается в тайваньском варианте китайского языка. В то время как на материке происходили колоссальные социалистические преобразования во всех сферах общественной жизни и в связи с этим началось активное использование таких слов, как "领导" («лидер», «начальство»), "副部长" («замминистра»), "战友" («боевой товарищ») "邮递员" («почтальон»), на Тайване бережно хранили их старые формы "長官", "次長", "袍澤", "郵差" и используют эти формы по сей день.

Другая причина лексической дифференциации в китайском языке на материке и на Тайване заключается в актуализации различных семантических признаков в семантической структуре словарного значения. В качестве примера можно привести слово «такси», которое уже рассматривалось ранее. В Китае такси называется "出租车" (досл. «арендованная машина») – здесь главный акцент делается на способах использования данного вида транспорта; а в тайваньском названии "計程車" (досл. «машина по расчету») подчеркивается необходимость оплаты при проезде на этом транспорте. Таким же образом можно интерпретировать и слово «велосипед»: в Китае его называют "自行车" (сам везет); а на Тайване "腳踏車" – дословно переводится как «машина, работающая с помощью педалей». Стоит особо отметить, что некоторые слова, входящие в данную категорию, имеют схожую внешнюю форму, но порядок морфемного состава в них неодинаков, например: "地道" и "道地" («подлинный» и «аутентичный»), "夜宵" и "宵夜" («закуска перед сном»), "熊猫" и "貓熊" («панда»), "棒冰" и "冰棒" («мороженое на палочке») (вначале приводится вариант слова, употребляемого на материке, затем – вариант слова, употребляемого на Тайване).

3. Заимствованные слова (外來詞)

Насчитывается немалое количество случаев лексической дифференциации в переводах названий стран, городов и других собственных имен, употребляемых на двух отдельных территориях, что часто вводит людей, и даже самих носителей языка, в заблуждение. Кроме вышеприведенного примера, касающегося Северной Кореи, можно указать еще ряд таких случаев: Грузия "格魯吉亞" (на материке) – "喬治亞" (на Тайване), Новая Зеландия "新西蘭" (на материке) – "紐西蘭" (на Тайване), Дубай "迪拜" (на материке) – "杜拜" (на Тайване), Сидней "悉尼" (на материке) – "雪梨" (на Тайване). Владимира Владимировича Путина на материке называют "普京", на Тайване – "蒲亭"; а имя американского президента До-

нальда Джона Трампа на материке переводится как "特朗普", а на Тайване – "川普". По мнению лингвиста Чу Цзянина, на материке при переводе иноязычной лексики больше внимания уделяется точности сохранения фонетических признаков исходного языка, в то время как на Тайване стараются более точно передать словарное значение [2, с. 17].

Вместе с тем, стоит также учитывать тот культурно-исторический фон, который оказал влияние на развитие современного китайского языка. В первой половине XX века китайский язык на Тайване, испытывавшем влияние со стороны Японии во время японской колонизации, впитал многие японские слова, они вошли в речь жителей острова и продолжают активно употребляться в наши дни. Наряду с исконными китайскими словами "生鱼片" (сасими), "盒饭" (еда в коробке), "司机" (водитель) тайваньцы стали также употреблять такие слова, как "沙西米", "便當" и "運將". Далее, на рубеже XX – XXI веков в мире произошла грандиозная информационно-техническая революция, которая практически полностью изменила (и изменяет до сих пор) наш образ жизни. Появились такие неологизмы, как «компьютер», «интернет», «смартфон» и др. Поскольку сами эти изобретения в основном были заимствованными продуктами с Запада, в условиях политических и географических пропастей между Китаем и Тайванем лексика данной сферы, употребляемая на этих территориях, сильно различается. Ниже приведены несколько таких ярких примеров.

Значение	На материке	На Тайване
информация	信息	資訊
интернет	网络	網路
ноутбук	笔记本电脑	筆記型電腦
экран	屏幕	螢幕
мышка	鼠标	滑鼠
программа	软件	軟體
принтер	打印机	印表機
смартфон	智能手机	智慧型手機
смс-сообщение	短信	簡訊

4. Слова, употребляющиеся только на одном берегу Тайваньского пролива (單方特有詞)

В силу того, что уже почти 70 лет Китай и Тайвань развиваются каждый в своем направлении и, соответственно, реализуют собственную общественную, экономическую и культурную политику, в языке появляется новая лексика, отражающая своеобразие социально-политической жизни на данных территориях. Для жителей материка, наверное, очень сложно разгадать смысл таких слов, как "藍營" (синяя коалиция, т.е. политический лагерь партии Гоминьдан), "綠營" (зелёная коалиция, т.е. политический лагерь Демократической прогрессивной партии) и "拜票" («просить голоса», т.е. кандидат выходит на улицу перед выборами и просит избирателей проголосовать за себя). Данные политические явления характерны только для Тайваня, поэтому в лексике Китая подобные обозначения отсутствуют. А для жителей острова трудно в полной мере понять значение словосочетаний "计划生育" (политика планирования семьи), "改革开放" (политика реформ и открытости) и "黄金周" («золотая неделя», т.е. 7-дневный отпуск). Эти явления и, соответственно, понятия родились в материковом Китае и существуют только на его территории, они не совсем понятны носителям китайского языка на Тайване.

Среди заимствованных слов уникальными являются те слова, которые появились в языке как следствие внешней политики, проводимой этими территориями. Как известно, советский политический строй и общественно-экономическая политика оказали сильное воздействие на создание государственности Китайской Народной Республики. Вместе с коммунистическими идеями, идеологическими учениями в повседневную жизнь народа на материке проникает и русский язык. Русифицированные слова "布拉吉" (платье), "列巴" (пышный хлеб из дрожжевого теста, сделанного по русскому рецепту), "拖拉机" (трактор) появились именно по этой причине. А на Тайване, кроме влияния японского языка, проявляющегося, в частности, в заимствовании слов, наблюдается, как уже говорилось выше, заметное влияние южноминьского языка. В словарный фонд тайваньского варианта китайского языка попадает лексика из этого диалекта, это такие слова, как "拍謝" (извините), "歹勢" (прошу прощения), "甘溫" (спасибо) и "凍蒜" (победить на выборах), которые вряд ли понимают жители материка.

5. Проблемы изучения лексического строя китайского языка иностранными учащимися

При рассмотрении четырех основных групп слов, иллюстрирующих языковые различия между Китаем и Тайванем, может создаться впечатление, что между двумя территориями существует огромная языковая пропасть. На самом деле разница в языке не такая большая, как кажется. По данным статистики, опубликованным в «Современном словаре китайского языка на двух берегах Тайваньского пролива» [1, с. 1], из 46000 словарных статей 43700 являются общими для обеих форм языка, что составляет 95% лексики. Получается, что количество слов, которые различаются по своему употреблению на этих двух территориях, составляет лишь 5%. Но именно эта 5-процентная разница в лексике вызывает трудности во взаимопонимании жителей обеих территорий и, с точки зрения работников сферы преподавания китайского языка как иностранного, создает проблемы при изучении разных вариантов китайского языка. Стоит подчеркнуть, что практически любой ведущий язык мира сталкивается с подобной ситуацией, об этом свидетельствует множество примеров: английский язык в Великобритании и в США, испанский язык в Испании и в Южной Америке, корейский язык в Южной Корее и в Северной Корее и т.д. Для учащихся или специалистов, имеющих дело с иностранным языком, важно глубоко понимать тот культурно-исторический фон, который послужил отправной точкой для языковых изменений, и стараться переключаться в разные "режимы" при общении с представителями разных регионов. В нашем случае факторы, обусловившие различия в лексическом строе китайского языка на материке и на Тайване, можно представить в следующем виде.

Исторические факторы. Явления расхождений в лексике китайского языка в Китае и на Тайване можно рассматривать как результат различной языковой политики, проводимой Коммунистической партией Китая и Гоминьданом еще до 1949 года. Объединяя в своих рядах представителей класса старой интеллигенции и землевладельцев, Гоминьдан способствовал сохранению множества архаичных форм китайского языка. Тем временем КПК, состоящая в основном из представителей рабочих и крестьян, пыталась внедрять в общение простой разговорный язык, чтобы "слиться" с народной массой. Все это оказало большое влияние на развитие и формирование современного китайского языка. Также причиной расхождения лексического строя китайского языка на двух территориях являются разные источники заимствования: японский язык на Тайване и русский язык на материке.

Политические факторы. Нельзя не игнорировать тот факт, что язык – это важный признак национальной идентичности. Пока вопрос о воссоединении Тайваня с КНР или о приобретении островом независимости остается нерешенным, язык будет продолжать развиваться по двум руслам. К счастью, начиная с 90-х годов прошлого века по мере всестороннего улучшения отношений между двумя берегами Тайваньского пролива жители обеих сторон начали поддерживать тесные связи. В настоящее время доля тайваньцев, работающих на материке, составляет 50 % от общего числа тайваньцев, работающих за рубежом. Сериалы и фильмы из материкового Китая пользуются большой популярностью среди жителей острова; а с другой стороны, тайваньская популярная музыка и телепередачи также проникают в повседневную жизнь жителей материка. Расцветает взаимный туризм и бизнес. Несмотря на то, что высшее руководство обеих сторон пока не нашло общего языка, простой народ уже на нем общается.

Географические факторы. Нормативный вариант китайского языка на материке базируется на пекинском диалекте, в котором ярко выражены черты народов с севера; а тайваньский вариант китайского языка впитал особенности диалектов юга, в том числе южноминьского языка, языка хакка и языков аборигенных народностей малайско-полинезийского происхождения.

Влияние новейших технологий. Этот фактор нашел отражение в основном в лексике, относящейся к сфере электроники и сетевой коммуникации. Главной причиной различий в данном случае является большое количество вариантов способов перевода наименований западной продукции и молодежных сленгов, которые широко распространены в интернете.

Подводя итоги, отметим, что в последние годы после ухудшения отношений с Западом Россия начала активно укреплять свои связи с восточными странами. Тайвань, как один из динамично развивающихся финансово-торговых и культурно-образовательных центров Азиатско-Тихоокеанского региона, играет весьма важную роль в этом процессе. Чтобы лучше понимать менталитет тайваньского народа, необходимо детально разбираться во всех тонкостях его языка, отличать его от привычного варианта китайского языка, бытующего в материковой части Китая. Китайский язык на Тайване не ощутил на себе сильнейшего влияния Культурной революции, происходившей в 1960-1970 гг. на материке, и сохранил бесценные традиционные черты, присущие великой китайской цивилизации. Знание специфичной лексики китайского языка на Тайване поможет изучающим познать глубины китайской истории и культуры, понять роль китайского языка в развитии мировых языков.

Литература

1. 《兩岸現代漢語常用詞典》。台北：中華語文出版社，2006，頁2093。Современный словарь китайского языка на двух берегах Тайваньского пролива. – Тайбэй: Изд-во Тайбэйского лингвистического института, 2006. – 2093 с.
2. 竺家寧，〈兩岸外來詞彙的翻譯問題〉，《華文世界》。台北：世界華語文教育學會，第81期（1996年），頁1-17。Чу Цзянин. Проблемы перевода заимствованных слов в китайском языке на двух берегах Тайваньского пролива // Мир китайского языка. – Тайбэй: Изд-во Всемирной ассоциации по преподаванию китайского языка как иностранного, 1996. № 81, С. 1-17.

**Сохранение родного языка в полиэтнических общностях (анализ опыта бурят
Внутренней Монголии Китая)¹**

Preservation of the native language in multiethnic communities (the analysis of experience the Buryat of the Inner Mongolia of China). The article is devoted to the actual problem of the preservation and development of the native language in the modern integrating society of peoples and ethnic groups. Based on the characteristics of the language situation in the Chinese Buryat environment, it was concluded that their native language is one of the priority components of traditional culture, it is in demand and is actively functioning, being the language of family, everyday communication of the whole society. The author points to the objective processes of modern reality, narrowing the scope of its use, highlights the experience of preserving the native language of the Buryats of Inner Mongolia of China.

Локальная этническая группа бурят, компактно проживающая в Эвенкийском хошуне Автономного района Внутренняя Монголия Китая, более известна в России как «шэнэхэнские буряты» по названию местности Шэнэхэн, расположенной в 30 км. от г. Хайлар, где обосновались первые переселенцы в период начавшихся обострений на межнациональной основе еще после революции 1905-1907 годов. Миграция бурят получила массовый характер во времена потрясений гражданской войны в России и начавшихся революционных преобразований в стране. Оказавшись изолированными от материнского этноса, они сознательно / бессознательно выбрали замкнутый круг традиционного уклада жизни, чему способствовало несколько объективных факторов. Во-первых, компактность и этническая однородность расселения; во-вторых, схожие с местами исхода природно-географические условия; в-третьих, фактором сплочения шэнэхэнских бурят служила религия (буддизм школы гелугпа). Кроме того, одной из ключевых причин интеграции мигрантов и принимающего общества заключалась в том, что не стояла проблема выбора между родственными бурятским и монгольским языками; делопроизводство велось с использованием монгольского языка с графикой старомонгольского письма.

Период советской эпохи явился для бурят Внутренней Монголии временем отсутствия каких-либо контактов с Родиной (особенно начиная с середины 30-х годов XX в.), ибо официальная власть, наложив на представителей этого сообщества «клеймо» врагов народа, контрреволюционеров, панмонголистов, преследовала / запрещала установление каких-либо связей с ними. В итоге в середине 80-х годов мало кто из бурят в России знал, кто такие шэнэхэнские буряты. С начала 90-х гг. XX века в среде шэнэхэнских бурят начинается реэмиграционное движение, реальное возвращение в страну исхода. Вернувшись, мигранты нашли для себя занятия в сельскохозяйственной отрасли, так как ими не были утрачены навыки традиционного ведения скотоводства, овцеводства. Кроме того, в тот период крайне актуальными и востребованными оказались опыт, культурный багаж шэнэхэнских бурят как носителей, хранителей и знатоков традиционной национальной культуры, бурятских обычаев, норм и ценностей. Как справедливо отмечает М.С. Михалев, «представителей бурятской диаспоры в КНР ... на исторической родине общественное мнение наделяет статусом хранителей утерянных знаний» [4, с. 361].

Прежде всего, показательной является ситуация с сохранением родного языка небольшой по численности группой бурят (около 7000 человек) в многонациональном государстве, каковым является Китайская Народная Республика, характеризующаяся поликомпонентной языковой ситуацией, когда широко функционирует в стране не один, а достаточно много языков различных этносов. «На фоне сложной системы диалектов и языков национальных меньшинств точное число языков в КНР ... по разным данным варьируется. Например, в базе данных Ethnologue отмечается, что в общей сложности в КНР представлено 298 языков, из них 274 – автохтонные [<http://www.ethnologue.com/country/CN>]; в издании «Языки Китая» 2007 г. выделяют 128 языков, в списке языков аналитических отчетов по языковой ситуации в КНР представлено 134 языка [Language Situation...2013 : 401 – 403]» [3, с. 65].

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ-МОКНМ_а в рамках научно-исследовательского проекта № 18-512-94003 «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая»

Активное функционирование и востребованность родного языка бурятами Китая имеют исторические корни. По мнению Д.Ц. Бороневой, у шэнэхэнцев всегда существовал миф-мечта о возвращении на родину: «...когда представители старшего поколения этнической группы, которые хорошо помнили исторические события переселения и обоснования на новой земле, принципиально не учили китайский язык, поскольку были уверены в возвращении на родину» [2, с. 187]. Подтверждением того, что у основной массы шэнэхэнских бурят первой волны миграции сохранялась и поддерживалась внутренняя, потаенная надежда оказаться в местах прежних кочевий на родных степных просторах служит зафиксированный у бурят Эвенкийского хошуна АРВМ в 2012 году фольклорный материал. Как вспоминает поэтесса из Хулун-Буира Намнаанай Сэмжэд, в ее детской памяти навсегда запечатлелась картина, когда ее дедушка поднимался на небольшой холм, всматривался вдаль в сторону Маньчжурии и говорил, что мечтает оказаться «*хойто нутагтаа*» – на своей северной родине. В записанной в Шэнэхэне народной песне, которая так и называется «*Бусаха тухай дуун*» («Песня о возвращении») звучит идея, что уехали они только на время смуты в более безопасное место, но ждут, когда на территории СССР восстановятся мир и спокойствие, чтобы вернуться [6, с. 200-201].

В современных условиях шэнэхэнцы, в подавляющем большинстве, активно используют родной язык, поскольку он является для них функционально первым, языком семейного общения. При этом, безусловно, важными факторами степени сохранности родного языка китайскими бурятами выступают социальные условия – стабильность, компактность расселения, приверженность к традиционному ведению хозяйства, преемственность основных семейных ценностей воспитания, способствующие формированию устойчивого этнического самосознания и сплоченности. Именно сохранение языка и приоритет национальной самобытности, несмотря на влияние внешних неизбежных контактов с другими этносами, влияние массовой китайской культуры, обеспечили высокую планку внутренней самоидентификации бурят по языку и культуре.

Вместе с тем, растущее влияние рыночной экономики, процесса обмена информацией, знаниями, интеграции культур глобализирующегося мира разрушает замкнутость и самоизоляцию бурятской диаспоры в Китае, неизбежно растет территориальная и социальная подвижность молодежи, получившей образование в вузах Китая и занятой в здравоохранении, образовании, культуре. Наблюдается объективный процесс формирования бурятско-китайского двуязычия, так как владение китайским языком – это путь к экономическому процветанию, современному образованию, престижным профессиям, карьере.

В этой ситуации актуальной и насущной становится проблема сохранения исконных самобытных бурятских традиций, обычаев, культурного наследия предков, в том числе его языковой составляющей. Старшее поколение бурят Внутренней Монголии, преимущественно интеллигенция, озабоченное растущим сужением сферы употребления детьми родного языка, предпринимают активные шаги, чтобы сберечь и передать молодежи, своим потомкам драгоценное нематериальное культурное наследие – язык. Основываясь на базовый элемент овладения языком, когда непреложным является обучение родному языку с младенческих лет, считают необходимым наличие, прежде всего, благоприятного языкового окружения в семье, где все общались бы на родном, бурятском. Следующим основным источником восприятия языка и пополнения языковых знаний ребенком вне дома становится дошкольное учреждение, в котором официальным языком общения детей является бурятский язык, таким образом, малыши погружены в глубокую языковую среду. По мнению специалистов образования, если они на этом этапе обучения получили навыки говорения, общения на родном языке, то эти знания закрепляются навсегда и никогда не забудутся. А в дальнейшем, убеждены работники детских садов, можно освоить любой язык – китайский, английский.

Учитывая важность родного языка, являющегося «стержневым элементом, на котором основывается культурная самобытность наций» [1, с. 45] в Шэнэхэне преподаватели и активисты предпринимают целенаправленные меры по сохранению и развитию языка, в числе которых подготовка и публикация образцов устного творчества бурят – улигеров, сказок, легенд, преданий на бурятском языке [5, 7]. Опубликованные тексты, насыщенные выразительным, богатым языком устного словесного искусства, ценны в плане передачи, преемственности традиций фольклорного наследия бурят.

Кроме того, в последние годы появились и реализуются проекты подготовки изданий с подбором бурятских слов из традиционного быта, малоупотребительных и теряющих свою актуальность в наши дни, с объяснением их значений. О своей озабоченности по поводу экологии родного языка один из знатоков бурятской старины говорит так: «*Зүбхэн буряад аман аягада яригдадаг шимэрхүү үрмэс хэлэлгэ маш*

арбан байха. Гэбэшье одооной хүмүүсэйн дунда дэмы яригдхаа больжо байна. Иимэһээ хойшо үеын залуу багашууд буряад хэлнэйнгээ эдгээр үрмэсэ һайхан хэлэлгые орхижо, хаялгүйгөөр ярьжа байхые эндэ һануулаяа» (Подобные древнейшие слова очень много употребляются в исконно бурятской речи. Но в наши дни люди перестают использовать их активно. Поэтому для того, чтобы дети, молодежь последующих поколений не позабыла, не предала забвению столь выразительные коренные бурятские слова, мы напоминаем им) [Материалы фольклорной экспедиции 2018 г. в Эвенкийский хошун АРВМ КНР].

Наиболее эффективным, по мнению нашего информатора из Шэнэхэна С.Н. Эрдэни, является применение и широкое включение в повседневную речь пословиц и поговорок, фразеологизмов, чтобы дети учились родной речи на лучших её образцах. Он, в частности, приводит в качестве иллюстрации пример, когда, приучая ребенка быть выдержанным в поступках, не пороть горячку, можно употребить образные, меткие слова: *«Ямарш юумэнэй урда хинамгайхан байха, болгомжотойхон ябаха юмэ, түр гэхэ, тар гээд лэ, дэбэржэ, хорбогонжо болодоггүй, хүхиржэ хөөрөөд, нэрээш мэдхээ болёод, холигонжо болдоггүй юм байха гэжэ һургадаг»* (В любых обстоятельствах надо быть сдержанным, уравновешенным, нельзя при каждой стычке, случайном раздоре выходить из себя, пороть горячку, в порыве гнева забыв имя свое, нельзя вести себя как полоумный, так учили) [Материалы фольклорной экспедиции 2018 г. в Эвенкийский хошун АРВМ КНР]. Методика использования красивых фразеологических оборотов эффективно для запоминания детьми наставлений взрослых.

Следующей примечательной формой приобщения китайских бурят к родному языку, по мнению пожилых шэнэхэнцев, является знакомство с народной культурой через пересказ детям произведений устного народного творчества. Чтобы воспитательный процесс был эффективным, и для того, чтобы закрепить какое-то нравоучение или наставление в памяти ребенка, предлагается рассказать какой-то эмоционально насыщенный случай в форме преданий, легенд, поучительных рассказов по типу того, как раньше буддийские монахи давали наставления в форме притч. *«Иигэжэ һургажа хэлэхын хамтада сэдхэл һанаандан һуугдасатай байг даа гээд лэ, аймшагтай, аюултай домог түүхые ярижа, шэмхэрүүлхэ гэжэ зоридог»* (Наряду с наставлениями стремились рассказать какие-нибудь страшные, ужасные легенды, истории, чтобы они крепко засели в их памяти и сердце) [Материалы фольклорной экспедиции 2018 г. в Эвенкийский хошун АРВМ КНР].

Таким образом, бурятский язык для этнической группы бурят Внутренней Монголии является языком семейного, бытового общения всего социума. Несмотря, во-первых, на неизбежный процесс монголлизации языка, связанного с обучением детей на родственном монгольском языке, во-вторых, на бурятско-китайское двуязычие как результат межэтнических контактов, все же родной язык для них является одним из приоритетных составляющих как хранилищк традиционной культуры народа. Китайские буряты как носители языка, исконных бурятских традиций на данном этапе развития этноса являются гарантами сохранения национальной идентичности в условиях глобализации.

Литература

1. Асанова Д.А. Сохранение родного языка и культуры в условиях многонационального государства // Теория и практика современной науки. 2017. № 2 (20), С. 44-48.
2. Бороноева Д.Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6, С. 186-190.
3. Каплунова М.Я. Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР. Дисс. ... канд. филол.наук. М., 2017. 202 с.
4. Михалев М.С. Хранители традиций: «Культурная» миграция и ее особенности. – XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3– 6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. 512 с.
5. Санжаа-Ешын Сэмжэд. Шэнэхээн соёлой ундарал (Истоки культуры шэнэхэнцев). Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. 192 н.
6. Цыбикова Б-Х.Б. Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.
7. Цырендашшин Дугурмаа. Буряад ардын аман үльгэр (Бурятские народные сказки). Хайлар: Хайларское кн. изд-во, 2018. 258 н.

СЕКЦИЯ № 3
ЯЗЫКОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-208-210

М.А. Горячева
(Россия, Москва)

**Возможности и принципы прогнозирования функционального развития языков
в коммуникативной сфере образования**

Opportunities and principles for predicting the functional development of languages in the communicative field of education. The report examines the possibilities and principles of forecasting in relation to the communicative field of education. Forecasting is considered as a necessary preliminary element of language planning, which, in turn, is an important part of the national language policy of the state. The report is a development of sociolinguistic forecasting in the communicative field of education. Sociolinguistic methodological and logic methods are taken into account.

Языковое прогнозирование является той необходимой ступенькой, с которой следует начинать подготовку языкового планирования. Национально-языковая политика государства и языковое прогнозирование находятся в диалектически связанных отношениях. При осуществлении прогноза исследователь учитывает главные идеи, генеральную линию государственной политики, а национально-языковая политика при разработке и применении своего основного инструмента – планирования должна учитывать и использовать результаты осуществленного прогнозирования, корректируя способы и сроки достижения поставленных промежуточных и конечных целей.

Во все времена коммуникативная сфера образования была в центре языковой политики, являясь как объектом, так и инструментом ее проведения. Высочайший уровень реформаторской активности всегда характеризовал эту сферу. Объясняется этот факт тем важнейшим местом, которое данная сфера занимает в жизни языка. Именно там создаются условия для дальнейшего функционирования языка в разных сферах общения. Массовость обучения определенной возрастной группы создает предпосылки для языкового единения и самоидентификации этноса. Интегрирующая функция образования способствует развитию норм литературного языка. В современных условиях глобализации и урбанизации на первый план выступает такая функция использования языка в сфере образования, как престижная. Для самосознания народов России необыкновенно важным является сам факт использования языка в сфере образования.

В настоящее время языковому планированию уделяется огромное внимание. С самых высоких трибун говорят слова о «языковой политике», «языковом прогнозировании» и даже «языковом строительстве» и «нациестроительстве». Главное направление определил В.В. Путин: «задача – сохранить все многообразие народов России и укрепить нацию». Эта задача является достаточно сложной, поскольку несет в себе два потенциально разнонаправленных вектора, и нужно иметь большую политическую мудрость, чтобы объединить их в один. Мы считаем, что сфера образования по своей важности является доминантной. Она включает следующие ступени, которые можно рассматривать как отдельные подсферы: дошкольное обучение, школьное обучение (три ступени), среднее специальное и высшее обучение. Основное внимание следует уделять подсфере школьного обучения, что объясняется такими ее характеристиками, как массовость и обязательность.

Чтобы осуществить прогнозирование, представляется целесообразным применить подобный алгоритм.

- 1) Прежде всего, настоящее время (момент прогнозирования) следует принять за точку отсчета и досконально изучить современную ситуацию, в которой находится объект прогнозирования.
- 2) Во-вторых, необходим четкий анализ ситуации в динамике, за достаточно большой промежуток времени, на основе методов проведения диахронических исследований.
- 3) В-третьих, выявляется максимальное число факторов, влияющих на объект в настоящем времени (в момент совершения прогнозирования). Векторы поиска данных факторов являются разнонаправленными.

ми, что обеспечивает объемность получившейся картины. Из привлеченных разноаспектных факторов выбираются наиболее важные, по мнению исследователя. На данном этапе неизбежны ошибки в оценке уровня важности влияния фактора на объект и выбора ряда доминантных факторов. Поэтому в процессе исследования уточняется место и уровень значимости выбранных факторов и проводится соответствующая корректировка.

4) В-четвертых, на основе выявленных закономерностей и с учетом привлеченных на предыдущем этапе факторов, влияющих на объект в настоящем времени, осуществляется прогноз наиболее вероятного развития объекта прогнозирования. Поскольку в той временной точке, в которой находится исследователь, невозможно гарантированно спрогнозировать дальнейший вектор и уровень развития всех факторов, то обоснованным представляется наряду с наиболее вероятным прогнозом предоставить ряд параллельных схем развития событий по бинарной логической связке «если... то».

Таков общий алгоритм. Попробуем применить его к сфере образования.

1) Безусловно, сфера образования – та коммуникативная сфера, изучение которой невозможно или сильно ограничено без привлечения количественных параметров. К главному источнику сведений предъявляются следующие требования: достоверность информации; преемственность информации; надежность поступления информации.

Прежде всего, выявляются языки, в той или иной функции используемые в сфере образования. Список таких языков сопоставляется со списком всех языков в анализируемом регионе (ряд стран, одна страна, субъект, город, район и так далее, в зависимости от поставленных в исследовании территориальных рамок). Главным параметром является число детей, изучающих данный язык. Применительно к школьному обучению, удобно пользоваться аббревиатурами ЧШС (число школьников, использующих язык как средство обучения) и ЧШП (число школьников, изучающих язык в качестве школьного предмета), отражающие объем использования языка в двух основных школьных функциях. Суммировать эти два показателя нельзя: одни и те же дети могут использовать обе функции языка. Например, язык изучается как предмет и на нем же преподается ряд дисциплин гуманитарного цикла (родная литература, родная история и т.п.). Значимой переменной является и показатель «число школ, в которых язык используется в одной из функций». При этом по сравнению с числом учеников важность данной переменной ниже, поскольку она может отражать характер расселения этноса (компактный / дисперсный) и процессы укрупнения школ.

Помимо работы с абсолютными числами, показательно будет ввести индексы, показывающие соотношение числа детей школьного возраста данного этноса и числа детей, использующих язык данного этноса в школьном обучении. Если нет информации по числу школьников среди представителей рассматриваемых этносов, то их можно посчитать на основе возрастных данных, приведенных в переписи населения. Применительно к нашей стране, Перепись 2010 года (как и предыдущие) предлагает следующую возрастную градацию: 5–9, 10–14, 15–17 лет. Представляется целесообразным исключить 10–11 классы, потому что неизвестно, какой процент детей каждого этноса остается в школе, а какой уходит в профессиональные учебные заведения. Итак, нас интересует число детей 7–15 лет включительно, которые в момент проведения исследования учатся в 1–9 классах. Можно предположить, что число детей в каждом году колеблется незначительно, и просто исключить из суммы четыре года: 5, 6, 16 и 17 лет. Однако погрешность можно уменьшить, если работать с цифрами каждого возрастного интервала непосредственно. Для этого используем формулу: (Число детей 5–9 лет разделить на 5 умножить на 3) плюс (число детей 10–14 лет) плюс (число детей 15–17 лет разделить на 3). Таким образом, мы получаем данные о числе детей возрастного диапазона 7–15 лет. Их мы с уверенностью можем сравнивать с данными по числу детей, использующих язык в школьном обучении как средство (выводим индекс ИШС) / как предмет (индекс ИШП). Индекс, равный единице, будет отражать полный охват изучением представителями данного этноса языка своего этноса, если он больше единицы, то язык изучают также представители других этносов, если же он меньше единицы, то не все изучают язык своего этноса. Следует соблюдать особую осторожность при подсчете числа школьников у самых малочисленных этносов, потому что при работе с небольшими величинами погрешности возрастают.

2) Теперь исследователь получил точку отсчета и может сделать диахронический срез. Здесь особенно важен фактор преемственности информации. Следует учитывать и такие «подводные камни», как изменение границ регионов и номенклатуры этносов, а также некоторые другие. Применительно к нашей стране, нужно обращать внимание на укрупнение субъектов федерации и выделение ряда субэтносов в отдельные этносы. При сравнении числа языков в сфере образования следует учитывать территориальные

изменения рассматриваемого региона. Так, применительно к нашей стране, число языков, используемых в функции средства обучения, изменилось незначительно за счет прибавления языков нового региона – Крыма. Поэтому так необходима детализация, прежде чем делать конкретные выводы. Уменьшение показателя «число школ, в которых язык используется в одной из функций» при рассмотрении в динамике отражает тенденцию закрытия сельских малокомплектных школ и имеет опосредованное влияние.

3) Факторы, влияющие на выбор языка при прогнозировании, можно разделить на следующие основные группы:

- демографический;
- политический, законодательный;
- общий уровень демографической и коммуникативной мощности языка;
- социально-психологический (отношение к языку, наличие и уровень сплоченности местной интеллигенции);
- религиозный;
- географический (языковые контакты и др.);
- экономический.

Каждая из этих групп факторов заслуживает отдельного рассмотрения, выходящего за рамки доклада. Отметим только, что учесть все факторы невозможно, и каждый исследователь сосредотачивается на нескольких из них, исходя из своих задач и возможностей. Имеет место также такое явление, как переплетение взаимосвязей и причинно-следственных связей между факторами.

4) Таким образом, при прогнозировании изменения репертуара и объема функций языков в сфере образования следует изучить динамику ряда выбранных количественных показателей и учесть действие ряда выбранных доминантных факторов. Любое прогнозирование имеет лишь определенный уровень вероятности. Даже самые серьезные факторы лишь создают предпосылки, а не обязательное следствие. Логические импликации в русском языке представлены в следующем виде:

- Если **А**, то **Б**
- **Б** в том случае, если **А**
- При **А** будет **Б**
- Из **А** следует **Б**
- В случае **А** произойдет **Б**
- **Б**, так как **А**
- **Б**, потому что **А**
- **А** – достаточное условие для **Б**
- **Б** – необходимое условие для **А**

Применительно к языковому прогнозированию, их правильно будет выразить через обороты «возможно», «предположительно», «вероятнее всего», «может» и т.п.

В статье [Горячева 2018] был осуществлен сравнительный анализ данных по использованию языков в подсфере школьного обучения за 2006/07 (последний год перед отменой регионального компонента Базового учебного плана) и 2015/16 учебный год (последний год использования сводимых статистических форм, имеющих обращение еще со времен СССР). В планах автора доклада провести многофакторное диахроническое исследование, на основе которого не только будет изучено влияние различных факторов, но и, надеемся, получится сделать некоторый прогноз относительно функционирования языков народов России в сфере образования.

Литература

Горячева М.А. Сфера образования как объект исследования социолингвистики: цели и методы // Вопросы филологии, 2008, № 1, С. 15–24.

Горячева М.А. Российская Федерация: функционирование языков в современном образовательном пространстве. М.: Новый Хронограф, 2010. 17 п.л.

Горячева М.А. Динамика использования языков народов России в сфере образования за последнее десятилетие в контексте социолингвистической проблематики (0,6 а.л.) // Вопросы филологии, 2018, № 1 (61). М., 2018. С. 20–26.

Применение практик форсайт-исследования в прогнозировании перспектив миноритарных языков

Practic application of a foresayt-research in forecasting of prospects of minority languages. The article is devoted to the study of using of SWOT analysis in predicting the future of minority languages. It allows the researchers to determine the most likely risks for the future of a language, as well as to develop effective strategies for their neutralization. Based on the data obtained, it is possible to make a scientific forecast of development of minority languages with the analysis of the strengths and weaknesses of the current language situation.

Вопросы обеспечения лингвистической безопасности, главной проблемой которой, по мнению исследователей, является «обеспечение устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками» [4, с. 105], требуют пристального внимания социолингвистов. Анализ и прогнозирование развития языковых ситуаций в многонациональных российских регионах является важным направлением развития современного отечественного языкознания в силу зачастую противоречивого характера языковой ситуации в субъектах Российской Федерации. С одной стороны, основой государственной языковой политики нашей страны является многоязычие, законодательно закрепленное такими документами, как Конституция РФ, Федеральные законы «О государственном языке РФ» и «О языках народов РФ», а также региональные конституции и законы о языках. С другой стороны, в большинстве многоязычных регионов РФ отношения между языками при равнозначном юридическом статусе функционально неравноправны: русский язык по своей демографической и коммуникативной мощности многократно превосходит региональные языки. Всё это актуализирует необходимость разработки и применения новых методов и приемов исследования и поддержки миноритарных языков.

Примером такой инновационной стратегии могут являться форсайт-исследования будущего миноритарных языков. Согласно определению Б. Мартина, «форсайт – это систематические попытки оценить долгосрочные перспективы науки, технологий, экономики и общества, чтобы определить стратегические направления исследований и новые технологии, способные принести наибольшие социально-экономические блага» [3, с. 8]. В настоящее время практически не существует аналогов использования форсайта в языкознании, поскольку он создавался и изначально использовался для прогнозирования политического, экономического и промышленного будущего. На наш взгляд, применение методов и инструментов форсайт-исследования в дополнение к традиционным социолингвистическим методам позволяет не только всесторонне осветить языковую ситуацию, но и определить наиболее вероятные риски для будущего того или иного языка, а также разработать эффективные стратегии их нейтрализации. Комбинация социолингвистических методов и методов форсайт-исследования дает возможность охарактеризовать перспективы функционирования миноритарных языков и сделать научно обоснованные рекомендации по нейтрализации существующих угроз и максимально эффективному использованию имеющихся ресурсов.

Наиболее подходящим для этого методом форсайта мы считаем SWOT-анализ. Аббревиатура SWOT расшифровывается как strengths (сильные стороны), weaknesses (слабые стороны), opportunities (возможности) и threats (угрозы). «Силы и слабости являются факторами внутренней среды изучаемого объекта (т.е. тем, на что сам объект способен повлиять); возможности и угрозы являются факторами внешней среды (т.е. тем, что может повлиять на объект извне и при этом не контролируется объектом)» [1, с. 152]. Содержание метода состоит в том, что «экспертам предлагается разработать несколько сценариев развития исследуемого явления – сценарий негативного будущего, в котором не будут усилены слабые стороны и не учтены все риски, а также позитивный сценарий, согласно которому развитие пойдет в соответствии с выявленными сильными сторонами и перспективными возможностями» [2, с. 49]. Исследование перспектив витальности миноритарных языков с помощью SWOT-анализа может на первом этапе представлять собой изучение упомянутых параметров функционирования языка, а затем – разработку позитивного и негативного сценариев его будущего. Так, в числе «сильных сторон» миноритарного языка могут быть названы его официальный статус и оказание государственной поддержки, наличие литературного варианта, функционирование в сферах образования, массовой

информации и духовной культуры, издание книг на данном языке. Наиболее существенными «слабыми сторонами» большинства миноритарных языков России является низкая демографическая мощность и ограниченный характер функционирования в приоритетных коммуникативных сферах. На основе этих данных можно предположить, что наибольшей угрозой для исследуемого языка является дальнейшее сокращение количества его носителей (особую опасность представляет прогрессирующее нарушение межпоколенной передачи языка от родителей к детям), а также сужение сфер его функционирования. При этом грамотное использование имеющихся ресурсов (таких? как государственная поддержка, оказываемая миноритарному языку в виде целевых программ по сохранению и развитию или других мероприятий; целенаправленная работа по пропаганде изучения языка этническим большинством) позволяет усилить позиции миноритарного языка. Учёт и анализ этих характеристик даёт возможность разработать план корректирующих мероприятий, реализация которых поможет воплотить в жизнь позитивные сценарии будущего. Всё вышеизложенное даёт основание предположить, что применение практик форсайт-исследования в анализе и прогнозировании будущего миноритарных языков может стать перспективным направлением развития современной отечественной социолингвистики с широкими возможностями практического применения научных результатов.

Литература

1. *Майсак О.С.* SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связи между факторами // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2013. №1. — С. 151-157.
2. *Ситникова А.А.* Современные практики форсайт-исследования будущего социально-антропологических систем, в том числе этнокультурных групп северных регионов Российской Федерации // Социодинамика. 2014. № 9. – С. 44-62. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13405.html.
3. *Соколов А.В.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1 (1). – С. 8-15.
4. *Халеева И.И.* Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 2006. № 2. Т. 76. – С. 104-111.

Языки народов России и русский язык: взаимодействие на уровне топонимной лексики

Languages of the people of Russia and Russian: interaction at the level of toponim lexicon. The paper deals with national standardization of non-Russian geographical names of the Russian Federation on the materials of officially adopted guidelines for Russian rendering of geographical names. The standardization of indigenous geographical names in Russian from the second half of the 20th century is based on guidelines for Russian rendering of geographical names worked out for different languages. The study of modifications in some guidelines shows that the Russian rendering of indigenous names gets closer and sometimes coincides with their indigenous writing.

В России проблема взаимодействия русского языка с языками других народов на уровне топонимной лексики всегда вызывала дискуссии и требовала выработки определенных решений для прикладных задач, таких как картография, делопроизводство и пр. Вопросы установления и нормализации наименований географических объектов в XVIII и XIX вв. даже если и привлекали внимание лингвистов, но не доходили до практической реализации. Начало широкого употребления топонимов в письменной речи можно связать с Генеральным межеванием и развитием отечественной картографии. Межевание, будучи деятельностью государственного значения, регламентировалось многочисленными инструкциями. Однако методики сбора и установления топонимов не было, в подтверждение чему можно привести варианты названия одной речки из законодательно установленной формы межевых книг: *Неспорная, Безспорная, Безспорная* [7, с. 901-902]. В первых инструкциях для геодезистов и проектах по составлению атласа России, составленных Ж.-Н. Делилем в 20-30-е гг. XVIII в., нет никакой информации о методах сбора топонимов. После издания первого российского атласа В.Н. Татищев писал о своих замечаниях на него: «Многие реки озера острова и горы находятся не подписаны ..., а некоторые имена испорчены и неправо писаны» [11, с. 152]. Он стал одним из первых, кто указал на необходимость учета не только русского языка, но и языков других народов при картографических изысканиях: «Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть ... При записывании их надлежит внятно выслушивать, чтоб одну букву за другую не положить, как и русские не искусные не токмо в речении, но и в письме часто *a* за *o*, *b* за *n*, *v* за *φ* ... или обратно одно за другое пишут ... Некоторые народы имеют такое изречение, чего нашими буквами изобразить не можно, например у немцев и латинистов *h* легче нашего *z*, у горских есть подобное нашему *xz*, но есче легче и для того нужно буквами изобразовать ...» [2, с. 530-531]. Интересные мысли по поводу топонимического содержания карт высказывал и М.В. Ломоносов, критиковавший плохое знание языка топонимов иностранными географами, занимавшимися составлением карт: «для исправного наименования урочищ должен быть природный россиянин» [2, с. 531]. Однако продуктивные идеи не были востребованы при проведении картографических работ. Наоборот, опубликованное в 1768 г. «Резюме постановлений Комиссии по Географическому департаменту Академии Наук» наделило геодезистов правом самостоятельного определения орфографии топонимов: «определение письмен ... отдать на рассуждение самих сочинителей ландкарт» [2, с. 532].

Широкое обсуждение русского написания географических названий народов России с привлечением ведущих языковедов состоялось в начале XX в. в связи с переизданием карты Европейской России 1862 г., которую 40 лет спустя стали готовить к переизданию. З.В. Рубцова отмечает, что прежняя карта уже не удовлетворяла требованиям общества, и приводит в качестве довода аргументы подкомиссии по транскрипции географических названий Картографической комиссии Императорского русского географического общества: «на протяжении одной только Европейской России находятся представители всевозможных национальностей, имеющих яркое отражение своих языков в названиях местностей. ... Часть этих названий подверглась русификации, а часть ... передана русскими буквами, нередко совершенно не соответствующими местным звукам и искажающим туземное написание до неузнаваемости» [10, с. 47]. В работе данной транскрипционной подкомиссии, учрежденной в 1904 г. при Императорском русском географическом обществе для разработки принципов передачи нерусских топонимов на русский язык, приняли участие известные языковеды того времени, такие как И.А. Бодуэн-

де-Куртене, А.А. Шахматов, А.И. Яцимирский и др. В результате обсуждения спорных вопросов было решено использовать транскрипцию, «которая должна быть проведена на строго фонетических основах», на картах решено было не выходить за рамки русского алфавита, но максимально использовать его возможности для достижения наибольшей точности при передаче звуков иного языка» [10, с. 48]. Острые противоречия внутри самой подкомиссии мешали выработке оптимальных решений для картографии. Предложения И.А. Бодуэна-де-Куртене передавать географические названия на другой язык возможно ближе к подлинному произношению «неизменно находили противодействие со стороны ираниста К.Г. Залемана или проф. Р.Ф. Брандта, указывавших на незыблемые правила русской орфографии, на «зрительные привычки» русского читателя и т.п.» [10, с. 49]. Прделав новаторскую для своего времени научно-методическую работу по нормализации географических названий, транскрипционная подкомиссия выработала ряд решений, но, как отмечает Е.М. Поспелов, «все это оставалось в области частных решений, не закрепленных законодательно, а потому и необязательных для других учреждений и ведомств» [8].

Только в советский период передача географических названий с национальных языков на русский язык была поставлена на научную основу. Во многом это было следствием советской национальной политики, развитием национальных языков и созданием письменностей национальных языков на основе кириллицы. К 1972 г. было издано 62 инструкции по русской передаче географических названий с языков народов СССР и 48 инструкций по русской передаче географических названий зарубежных стран. Со временем продолжалась работа по обновлению инструкций с использованием последних достижений в языкознании и топонимике. Продолжалась и дискуссия по общим принципам передачи национальных названий на русский язык. По мнению С.Л. Берга, «не гоняясь за миражами точного воспроизведения всех особенностей и оттенков иноязычных слов, нужно на их основе создавать полноценные русские слова, которые отвечают правилам русского письма, подчиняются законам русского языка и могут без насилия войти в русский обиход» [1, с. 116]. А.А. Реформатский же считал, «что не перечит норме и возможностям своего языка, пусть сохранится в транскрипции и пусть это выглядит не вполне как свое, так как чужие имена собственные все-таки остаются в той или иной степени «варваризмами» в составе своей лексики, что важно подчеркнуть и в их орфографии» [9, с. 10].

С созданием нового российского законодательства в области наименований географических объектов эти инструкции потеряли юридическую силу. В докладе российской делегации на Конференции ООН по стандартизации географических названий было отмечено: «В период 2012 – 2017 гг. проводились работы по обновлению содержания инструкций по русской передаче географических названий Республики Башкортостан, Республики Бурятия, Республики Татарстан, Республики Алтай, Республики Тыва, а также Республики Мордовия, Северная Осетия – Алания, Калмыкия, Коми, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, мансийских и ногайских наименований. Ведутся работы по обновлению инструкций по русской передаче географических названий с ряда других языков народов Российской Федерации» [13, с. 5].

Анализ изменений в доступных нам изданных инструкциях свидетельствует о тенденции приближения русской передачи национальных топонимов с их национальным написанием. Например, в инструкциях по русской передаче тувинских топонимов [3; 6; 12] наблюдается тенденция отражать долготу гласных в тувинских топонимах, в инструкции 2016 г. рекомендуется отражать также фарингализованность гласных звуков. Передача отдельных звуков и сочетаний звуков осуществляется по принципу максимального сближения русской передачи с национальным написанием топонимов (Таблица 1).

Таблица 1. Изменения в передаче тувинских топонимов на русский язык.

Инструкции по передаче тувинских топонимов		
	1964	1975
отражение долготы гласных	— Тээли → Тэли	+ Тээли → Тээли
отражение фарингализованности гласных	— Каък-Хөл → Как-Холь	— Каък-Хөл → Как-Холь
передача звуков: ы после шипящих	ы → и Чыраа-Бажы → Чира-Бажы	ы → ы Чыраа-Бажы → Чыраа-Бажы
передача звукосочетаний	йө → ё йү → ю	йө → йо йү → йу

	йы → и Хайыракан → Хаиракан	йы → йы Хайыракан → Хайыракан
--	-----------------------------------	----------------------------------

В инструкциях по русской передаче алтайских топонимов [4; 5] отмечаем изменения в передаче долготы гласных звуков, в написании сложных топонимов, в передаче некоторых звуков и звукосочетаний, которые также максимально сближают русскую передачу с национальным написанием топонимов (Таблица 2).

Таблица 2. Изменения в передаче алтайских топонимов на русский язык.

Инструкции по передаче алтайских топонимов	1959	1977
отражение долготы гласных	— Ээр-Меес → Эрмес	— Ээр-Меес → Эрмес
написание сложных топонимов	Ак-Тал → Актал	Ак-Тал → Актал
передача звуков: ы после шипящих	ы → и Балыкчы → Балыкчи	ы → ы Балыкчы → Балыкчы
передача звукосочетаний	йа → я йо → ё йö → ё йу → ю йү → ю йы → и ја → я, дя Јабаган → Ябаган	йа → я йо → йо йö → йо йу → ю йү → ю йы → йы ја → я, дя Јабаган → Ябаган

Как видно из обновленных инструкций по двум языкам, в русской передаче национальных топонимов произошли существенные изменения. Наметившиеся в инструкциях 1970-х гг. тенденции отражения языковых особенностей национальных топонимов на русский язык получают свое развитие. При этом некоторые решения заходят настолько далеко в желании сохранить национальный колорит в русской передаче, что нарушаются сами принципы практической транскрипции – традиционного метода межъязыковой передачи топонимов в отечественной картографии и делопроизводстве, подменяя ее чем-то напоминающим метод прямого графического переноса. Например, желание передать фарингализованность тувинских гласных посредством употребления ь в русской передаче будет избыточным, как и сам знак. Такими же избыточными и неудобными будут в русском письме буквосочетания *йё* и *йю*, предложенные для передачи алтайских *йö* и *йү*. Если в настоящее время в Государственном каталоге географических названий и в реальном употреблении находятся конфликтующие формы, кодифицированные согласно разным инструкциям, то следование новейшим инструкциям потребует многочисленных исправлений в написании национальных топонимов, особенно это касается отражения долготы гласных и написания сложных топонимов.

В настоящее время отсутствует единый централизованный орган, занимающийся работой по совершенствованию инструкций по русской передаче географических названий с языков народов России. Инструкции создаются и официально утверждаются субъектами РФ, что затрудняет выработку общих подходов по отношению к передаче топонимов с родственных языков, к передаче общих явлений. Дальнейший поиск обновленных инструкций и их сопоставительный анализ позволит уточнить современные тенденции взаимодействия русского языка и языков народов России на уровне топонимной лексики.

Литература

4. Берг С.Л. О чуждых русскому языку звукосочетаниях и буквосочетаниях в географических названиях при их передаче по-русски // Орфография собственных имен. М.: Наука, 1965. С. 104-116.
5. Дмитриев А.В. К вопросу о лингво-топографических принципах составления российских карт в XVIII веке: критический обзор документов // Былые годы. 2014. №34 (4). С. 529-535.

6. Инструкция по передаче на картах географических названий Тувинской АССР / сост. С.А. Тюрин. М.: ГУГК, 1964. 31 с.
7. Инструкция по русской передаче алтайских географических названий в Республике Алтай [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430565300> (дата обращения: 18.05.2018).
8. Инструкция по русской передаче географических названий Горно-Алтайской автономной области / сост. Г.И. Донидзе. М.: Наука, 1977. 39 с.
9. Инструкция по русской передаче географических названий Тувинской АССР / сост. Г.Г. Кузьмина. М.: ГУГК, 1975. 28 с.
10. Наставление Правительствующаго Сената из Межевой Экспедиции определенным к Государственному земель размежеванию Землемерам № 12711 от июля 1766 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII. С. 876-912.
11. *Поспелов Е.М.* Законодательство России по географическим названиям [Электронный ресурс] // Окликни улицы Москвы. URL: <http://moscow.gramota.ru/znan07.shtml> (дата обращения: 30.03.2014).
12. *Реформатский А.А.* Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. М.: Наука, 1965. С. 5-10.
13. *Рубцова З.В.* Принципы передачи топонимии в России и республиках ее западного побережья: Картографический опыт начала и конца века // А.В. Суперанская. Зоя Васильевна Рубцова – топонимист, славист.: Научное издание. М.-Калуга: Издательство «Эйдос», 2011. С. 46-62.
14. *Свенске К.* Материалы для истории составления Атласа Российской Империи, изданного Императорскою Академиею Наук в 1745 году. СПб., 1866. 204 с.
15. Свод правил по русской передаче тувинских наименований географических объектов в Республике Тыва / сост. К.-М.А. Симчит. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016. 12 с.
16. Report of the Russian Federation. 11th United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names. New York, 8– 17 August 2017 [Электронный ресурс] // United Nations Group of Experts on Geographical Names. URL: http://unstats.un.org/unsd/geoinfo/UNGEGN/docs/11th-uncsgn-docs/E_Conf.105_51_CRP.51_5_Report%20of%20Russian%20Federation_ru.pdf (дата обращения: 18.05.2018).

Когнитивный механизм семиозиса как основа для языкового планирования

Cognitive mechanisms as fundamentals of language planning. The paper presents a new methodology of language planning from the psychoneurolinguistic point of view in respect of the semiosis aspect. In the core of the methodology there lies a cognitive – chain-reaction-like – operating of verbal sign in speech. To design and implement a language revitalization program one has to take into account the way actual semiosis occurs in mind, i.e. in bilingual's brain.

Исходя из того, что государственными языками в субъектах России являются русский и региональный язык, логично считается, что языковая политика наряду с другими аспектами политики служит процессу обретения нации в целом и этноса в частности своей государственности. Данный исходный постулат обязывает государство относиться к вопросу языкового планирования крайне серьезно: качественно разрабатывать программу языковой политики функционирования обоих языков на заданной территории, вовремя обновлять и видоизменять ее в соответствии с требованиями времени, эффективно и поэтапно реализовывать ее согласно дорожной карте программы. Насколько серьезно относится наше государство к языковому планированию – давно созревшая для обсуждения проблема, особенно с точки зрения взаимозависимости конституционно-правовых аспектов и степени функционирования языка. Однако в данной статье ставится другой вопрос, не столь аналитический и внешнего характера, а методологический, внутреннего (относительно языковой политики) свойства. Внутренний уровень означает когнитивный.

Итак, где происходит рождение – становление – системы языка, рождение – производство – речи? Если релятивизировать познание-мышление, в процесс которого свой посильный вклад вносят разные части организма познающего и мыслящего индивида, то происходит он именно в коре головного мозга. Там же имеет место понимание – восприятие – речи другого. Подобно тому, как механизм работы двигателя автомобиля изучается в совокупности с запуском аккумулятора, работой топливного насоса, обеспечением электрического заряда и расширением газов, происходящего вне самого двигателя, механизм запуска слов на том или ином языке является следствием работы комплекса факторов, происходящих в когнитивном пространстве мозга. При этом мы не забываем, что источники и причины неэффективного запуска языка/языков билингва обусловлены внешними условиями жизнедеятельности носителей.

Иначе говоря, для того чтобы исправлять работу материального объекта, каковым является язык, проявляющийся в речи как психонейролингвистическая деятельность, активируемая совокупностью нейронов, следует также учитывать, затем корректировать сопровождающие и взаимодействующие с языком факторы и сущности. Для их идентификации приходится понять, что представляет собой естественный цикл речепорождения – от познания-мышления к использованию языковых знаков, обусловленный механизмом работы головного мозга. Данный процесс в науке называется естественным семиозисом, поскольку подвергается описанию конкретный речевой акт «здесь и сейчас». Когда мы как лингвисты и филологи изучаем паттерны и свойства поведения вербального знака, мы занимаемся идеализированным представлением о языке-речи, т.е. искусственным семиозисом.

С другой стороны, при всей попытке упрощения психонейролингвистического аспекта речемыслительного процесса с целью доступного для восприятия описания невозможно привести к редукции все факторы, приводящие тем или иным способом язык в действие. Например, нельзя обойти стороной структуры сознания носителя языка-культуры – когнитивные образы, схемы, модели, релевантные в момент речи, и механизм их формирования в голове говорящего/слушающего. Последнее подразумевает, что нужно понимать пути становления когнитивных *основ* этих схем и сценариев, дающие ответ на вопрос «Почему так, а не иначе, думает и ведет себя в речи и физических действиях адресант/адресат?». Эти ментальные сущности, которые в терминологии М. Коула называются артефактами, являются сопровождающими естественный семозис условиями/основаниями. Каковы схемы-сценарии, обусловленные причинами-основаниями, таково и речевое поведение, актуализирующееся в

вариантах ведения разговора и участия в коммуникации, в вариантах письма и чтения. Понятно, что индивидуальные паттерны поведения в итоге складываются в общую картину лингвогенеза языка на момент описания – планирования языка.

Из сказанного вытекает основной вывод: разработка языковой политики не означает только предъявление требований к языку – его грамматической норме, лексическому наполнению и фонетической аутентичности, с одной стороны, и речи – ее функционально-стилистической релевантности, соответствующей прагматическим установкам ситуации общения, с другой. Языковое планирование также подразумевает принятие во внимание знания о когнитивном механизме функционирования языка в целом, соотношении мысли (как продукта схем-сценариев сознания) и языкового знака как отдельных составляющих в частности – условий, развивающих в положительную или отрицательную сторону, к примеру, бурятско-русское и русско-бурятское двуязычие.

Кроме отдельности активации формы и семантики представляют интерес в проблеме языкового планирования те факторы, которые в определенных условиях способствуют

- непоступательной эволюции знака:

1) статика (неизменяемость) внешнего «ярлыка» формального знака на фоне постоянной динамики концептуально-семантической системы;

- 2) когнитивное соперничество языков билингва на основе принципа частотности;

- поступательной эволюции знака:

1) системогенез (пластичность мозга), то есть готовность генерирования новых способов согласования/специализации клеток [1, с. 15-16].

Это значит, что системогенез – механизм компенсации или восполнения одной поврежденной функции другой – обеспечивает нас, нерадивых билингвов или монолингвов, нейрофизиологическим условием возвращения к языку посредством удаления или коррекции последствий отрицательных принципов (факторов) естественного семиозиса. Уточним их суть.

Первый принцип не благоприятствует функционированию знака регионального языка в связи с тем, что в условиях появления новых и видоизменения старых реалий и признаков современного бытия когда в язык *не* запускаются новые знаки или системным путем не легализуются старые знаки в новом значении и дополнительной функции, происходит диссонанс: у билингва в языковом арсенале нет слова для номинации новых или видоизменившихся объектов, отношений, характеристик, чувств и ощущений. Как выше отмечено, ведь не в слове рождается мысль, а раньше (стадии нейронно автономны). Если бы мысль формировалась в моторике слова, тогда вообще не имела бы место функциональная деградация языка, поскольку мысль будировала бы активацию нейронов, обслуживающих одновременно и форму, и семантику.

Второй негативный принцип «когнитивное соперничество языков» – это естественное со-бытие языков в мозге индивида. Это условие не несет по определению отрицательный потенциал, поскольку субъект может осознавать риски и регулировать состояние обоих языков, тем самым осознанно формируя паритет языков и обеспечивая им мобильность одинаковой силы. Условие перестает работать во благо регионального языка, когда билингв не делает регулируемые усилия в сторону реанимации затухающих функций языка.

Соответствующее нежелание, отсутствие мотива корректировать ситуацию объясняется прежде всего тем, что в современном технократизированном мире нам проще изъясняться наиболее понятным и разработанным кодом русского языка. При этом мы не осознаем глубинный нейрофизиологический тезис о том, что подобное речевое поведение автоматически создает другое условие взаимозависимости: вследствие приоритетной активации кода русского языка его нейросеть все больше укрепляется по всем языковым уровням, бурятского – ослабляется (потому что соответствующие нейродорожки не получают заряд), теряя не столько первенство в соперничестве, сколько свою относительную стабильность. Примерно так выглядит описание функционального регресса регионального языка в терминологиях нейрофизиологии речемышления.

Также в рамках естественного семиозиса можно объяснить смешанный код билингва: мы не могли бы разговаривать, смешивая знаки двух языков, если бы не действовали закономерности вышепредставленных принципов. Если односложно объяснить, в формат *неосознанного* общения на бурятском языке легко «заскакивает» более сильный — часто воспроизводимый и воспринимаемый — знак русского языка по принципу состязательности знаков, потому что его бурятский эквивалент похож на бессильного и немощного оппонента. Конечно, при неусыпном соблюдении монокодности можно

вытащить (сактивировать) его и запустить в коммуникацию приложением усилия. Именно здесь наступает начало начала возврата языка к функциональному оздоровлению.

Следовательно, в разработке дорожной карты программы языковой политики во главу угла должен быть взят принцип частотности производства и восприятия – тот, который обеспечивает становление привычек, памяти человека. Индикатором, указывающим на результат реализации частотности производства и восприятия знака, является умение слова или структуры на автоматический старт. Запуск слова по первому требованию означает то, что это слово «выиграло» первенство у своего синонима или у эквивалента другого языка в когнитивном соперничестве [там же, с. 18]. Вторым и третьим показателем является увеличение списка составляющих активной лексики, запуск новых знаков в специальную – не бытовую – сферу.

На Западе популярен слоган *Biodiversity as well as linguodiversity*, который постулирует важность сохранения языков в хорошей функциональной форме наравне с сохранением всех биологических видов. Эта максима относительно языка реализуема

при условии обеспечения когнитивных факторов, которые вкпе образуют следующий принцип цепной реакции:

- пассионарная сила индивидов (положительные установки сознания) должна в совокупности создать адекватную пас-сионарную силу этноса в аспекте мотивации овнешнения мысли в знаках родного языка;

- сдержанно-закрытый психотип не должен быть помехой в мотивации формирования/углубления языковых и речевых умений и навыков;

- арифметически обоснованный регулярный вход речевых структур и моделей речевого поведения;

- перемещение единиц речи из кратковременной в долговременную память за счет активного и регулярного производства и восприятия речи на бурятском языке;

- автоматизм обнаружения лексем (неосознанно быстрая активация) в долгосрочной памяти на выходе во внешнюю речь [1, с. 168].

Литература

Дашинимаева П. П. Семиосфера бурятского языка. Дескрипция и прескрипция : монография / П. П. Дашинимаева, Г.-Х. Ц. Гунжитова, О. А. Дареева, Л. Ц. Санжеева. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госунивер-ситета, 2018. – 192 с.

Прогнозирование языкового развития по результатам макро- и микросоциолингвистического уровней анализа языковой ситуации в г. Якутске

Forecasting of the language development in results on macro- and microsocialinguistic analysis of a level of language situation in Yakutsk. Objective and subjective extralinguistic parameters of the functioning of the Sakha language in the conditions of Yakutsk were identified with the help of macro- and microsocialinguistic levels of analysis. These parameters are characterized by a reduction of the Yakut component in the dominant spheres of the bilingual communicative system of Yakutsk and by a strengthening of extralinguistic factors which significantly aggravate the vulnerability of the Sakha language.

В русле перспективной социолингвистики важно определить характер динамики развития языка на основе макро- и микросоциолингвистического уровней анализа, выявить приоритеты языкового планирования. Для прогнозирования языкового развития нами используется комплекс различных количественных и качественных методов, устанавливающих объективные и субъективные экстралингвистические параметры функционирования языка. Объективные параметры установлены путем изучения официальных источников, статданных, результатов социолингвистического опроса, субъективные – в ходе ассоциативного эксперимента и экспертного интервьюирования. Попытаемся решить круг задач по результатам двух социолингвистических опросов среди этнических якутов, проживающих в г. Якутске (2007 и 2014); материалов 23 экспертных интервью на тему «Использование современного якутского языка в г. Якутске» (2016 г.); итогов направленного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов (саха и русских) вузов г. Якутска (2007, 2014, 2017 гг.).

В Республике Саха (Якутия) проблема языков на законодательном уровне была решена в пользу двуязычия: статус государственных имеют якутский и русский языки. Языки коренных малочисленных народов Севера, эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский и чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов. Город Якутск имеет статус административного, политического, экономического, культурного, научного, образовательного центра РС(Я) и крупнейшего транспортного хаба на Северо-Востоке РФ, где проживает треть населения республики (31,7%) и почти половина ее городских жителей (46,1 %). Сегодня Якутск является средоточием миграционных потоков. Кроме внешней миграции из стран СНГ, высока внутрирегиональная миграция, направленная в столицу республики, и в определённой мере, в центральные улусы, следовательно, этноязыковые процессы наиболее активны в столице. В свою очередь влияние экстралингвистических факторов существенным образом эксплицитно и имплицитно отражается на этноязыковой ситуации. В 2010 г. процентное соотношение русских и якутов составляло 38,4 % и 47,4 % соответственно, что говорит о новом демографическом балансе в истории современного Якутска – численность местного якутского населения возросла в 2,5 раза по сравнению с 1989 г.

Таким образом, языковая ситуация определяется, прежде всего, положением русского и якутского языков, которые представляют собой языки наиболее многочисленных этнических групп. В г. Якутске до 2010 г. русский язык, превосходивший по демографической мощи якутский и по сегодняшней день доминирующий в коммуникативном плане, сохраняет свои лидирующие позиции в условиях активного якутско-русского и незначительного русско-якутского двуязычия и в статусе межнационального языка [1, 2].

Опросы 2007, 2014 гг. отражают стабильность показателя прямой этноязыковой идентичности (82 – 82,4 %), почти в 2 раза сократилось число якутов, признающих родным русский язык (8,1 – 4,1 %); сохраняется явление двойственной этноязыковой идентичности (13 – 13,5 %) в группе молодых от 16 до 25 лет. Зафиксировано незначительное повышение уровня свободного владения якутским языком (77,6 – 80,6 %). Активное владение якутским языком более распространено у горожан в возрасте, пассивное владение (говорю с затруднениями, понимаю общий смысл сказанного, но не говорю) якутским языком однозначно более распространено в группе самых молодых (16–25 лет). Фактор возраста становится основным в снижении показателей этничности в г. Якутске – в показателях этноязыковой идентичности и владении родным языком. Чем моложе возраст, тем менее ярки показатели этничности. Данная тенденция прослеживается как в относительно этнически гомогенном, так и гетерогенном якутском сообществах. В целом, доми-

нирующая часть якутского населения двуязычна. Сместились акценты в тенденциях развития двуязычия: если в 2007 г. свободное владение русским языком у якутов на 14,5 % было выше владения этническим языком, то в 2014 г. эта разница уже не столь ощутима и составляет 5,8%. Безусловно, основным фактором данной динамики является внутренняя миграция исконных носителей якутского языка в столицу.

Объём семейного общения на родном языке сокращается от поколения к поколению приблизительно на 10 %. Следует отметить, что во внешнем и внутреннем общении всех членов семей наблюдается функциональная востребованность якутского языка, детерминированная параметром возраста. Однако, высокий социокультурный статус русского языка, особенно в городских поселениях, значительно влияет на внесемейное (в ситуации «вне дома») общение молодого поколения. Фактор межпоколенной преемственности в сохранении родного языка городских якутов постепенно ослабляется вследствие отсутствия благоприятной этноречевой среды, воздействия СМИ и интернет-пространства, непреодоленного языкового нигилизма. В целом вариантность используемых кодов у молодого билингва-саха 16–25 лет в условиях города весьма широкая: от 3,1 % и 5,8 % использования якутского языка в сфере услуг и в официальных учреждениях соответственно, до 73,3 % в ситуации «дома». И это несмотря на то, что во многих сферах городского языкового пространства стало значительно больше якутоговорящих.

Большинство экспертов подтвердило, что молодые родители *«по сравнению с 60-70-ми годами прошлого столетия»* или, как считают некоторые эксперты, *«в последние десять лет»*, *«больше стали общаться с детьми на якутском языке, что видно и в стремлении обучать своих детей в якутских классах городских школ. Но в последнее время начинает укрепляться тревога родителей перед ЕГЭ, задания которых даются на русском языке»*. Данные процессы объясняют тем, что *«их родители представляли миграционный поток 90-х гг. из улусов в город»*, и что сегодняшние родители – это так называемые «дети концепции»¹, получившие среднее образование в годы перестройки, в период подъема национального самосознания. Если часть экспертов прогнозирует дальнейшее распространение данных процессов, то часть настроена скептически – *«последующие поколения дадут снижение этого показателя, так как политика изменилась и меняется в нежелательную для коренных народов сторону»*, *«эффект ослабевает по объективным причинам»* под влиянием интернета, но дальнейшее положение дел *«зависит от позиции и самосознания родителей»*.

Многолетние мониторинговые наблюдения за культурой русской и якутской речи позволяют отметить постепенный рост интеркаляционных и снижение интерферентных нарушений, в результате чего приходится признать снижение уровня владения родным или этническим языком, и, хотя и неравномерное по уровням языка, но в целом повышение культуры русской речи.

Тенденция к снижению этноязыковых показателей у молодежи, ее растущая потребность в множественности идентичности, снижение языковой компетенции по итогам опросов – все это стало мотивацией к дальнейшему изучению динамики языковых установок студенческой молодежи. Личностные установки носителей языков выявляются нами посредством анализа реакций респондентов, полученных при направленном ассоциативном эксперименте и ограничивающихся в наших условиях исследованием отношением носителей к языку. Материалом для анализа ассоциативных реакций послужили выборки студенческой молодежи из проводившихся в разное время пилотных и массовых ассоциативных экспериментов. Анализу подверглись реакции 111 студентов-саха и 90 русских студентов в 2008 г., 126 студентов-саха в 2014 г. и 126 русских студентов в 2017 г. Им предьявлялся вопрос: «Якутский (русский) язык - какой?» и предлагалось записать пять первых ассоциативных реакций, пришедших в голову. Материал ассоциативных экспериментов дал возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания молодежи признаков концептов. Реакции отражают наличие в якутском сообществе серьезных проблем во владении якутским языком, о чем свидетельствуют реакции и более взрослых респондентов старше 25 лет. Так, в эксперименте 2014 г. в их ответах преобладает этноидентифицирующий маркер (*родной* – 134), но на второй позиции обозначена степень сложности якутского языка (*сложный* – 66, *трудный* – 39). И наоборот – в ядре концепта «русский язык» наряду с превосходными оценками присутствует реакция *легкий*, отражающий его доступность, простоту, понятность для молодого билингва-саха,

---

¹ «Концепция обновления и развития национальной школы», разработанная под рук. министра образования РС (Я) Е.П.Жиркова в 1992 г. стала пионерной в разработке и внедрении национально-регионального компонента в систему образования, в результате которого началось формирование нового поколения коренного населения на духовных и нравственно-этических ценностях своего народа, приобщение подрастающего поколения к национальной культуре, родному языку и истории, воспитание культуры межнациональных отношений.

т.е. прагматическую составляющую. В 2008 г. установлено в целом идентичное отношение к родному и русскому языкам в коммуникативном сознании, при эксперименте, проводившемся в 2014 г., зафиксировано отсутствие в ядре сознания реакции «родной», что отражает установление «дистанцированности». Замещение показателя этноязыковой идентичности другими более актуальными реакциями наблюдается и в реакциях русских студентов на стимул «русский язык», что позволяет предположить об отсутствии языковой экспансии, снижении тревожности за судьбы родных языков у якутов и русских в регионе. Попутно удалось выявить и снижение негативных реакций у русских студентов на стимул «якутский язык» – если в 2008 г. негативные реакции составляли 37 % [3], то в последнем эксперименте их практически нет.

Функциональный статус якутского языка имеет прочные позиции в сельской местности, но в условиях города имеются серьёзные проблемы в обеспечении права обучения на родном языке и воспитания в школьных образовательных учреждениях, в использовании якутского языка в делопроизводстве, в сфере госуправления. Родительское сообщество активно работает с местными органами управления за открытие якутских классов, за организацию оптимальной речевой среды в школах. Однако доступность высшего образования, все виды квалификационных работ в школьный период, которые только на русском языке, являются главными ориентирами при выборе языка обучения в школе, и практически вытесняют часы изучения родного языка. В то же время республиканские статьи закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» были приведены в соответствие с Федеральным законом «Об образовании», в результате чего обеспечение конституционных прав на обучение на родном языке возлагается не на государство, Российскую Федерацию, а на субъект федерации, в частности на руководителей образовательных организаций и родителей как законных представителей (Закон Республики Саха (Якутия) от 01.10.2014 1346-З N 245-V) [4]. В республиках данный акт языковой политики вызывает очень тревожные настроения, памятью подобный по содержанию указ Н. Хрущёва в 1958 г., повлёкший за собой сильные ассимилятивные процессы у носителей национальных языков в республиках. Остаётся уповать лишь на сильное национальное самосознание наших народов, поставленных перед дилеммой использование конституционного права или прагматический выбор, что в нынешних условиях глобализации представляется сложным. Если бы государство поинтересовалось мнением населения, то, безусловно, например, в г. Якутске, нашли бы сильную нарастающую установку якутского населения на обязательный компонент родного языка в воспитании и обучении, как в дошкольных, так и школьных образовательных учреждениях.

В республике в последнее время особенно остро стоит вопрос с мигрантами из стран ближнего зарубежья. Для этнического сообщества, не достигшего в численности 500 тыс. чел., с высоким уровнем безработицы среди молодёжи, массовый внешний миграционный поток представляет серьёзную угрозу в социально-экономическом плане, занимая существенную часть рабочих мест в сфере услуг, обслуживания. В данной сфере, как наименее детерминированной внешними факторами, снижается фактор официальности, усиливается прагматика коммуникации, целеориентированность. Саха в основном говорят на русском языке (53,2%), видимо, в результате, во-первых, ранее сложившегося стереотипа общения на русском языке, когда данную социальную инфраструктуру города занимали русские, украинцы и другие русскоязычные жители; во-вторых, влияния речевых возможностей сегодняшних мигрантов из республик СНГ, занявших впоследствии данную нишу. 22,1 % респондентов используют оба (русский и якутский) языки и лишь 4,1 % родной якутский язык. У молодежи саха использование родного языка снижается в сфере услуг до 3,1 % по сравнению с 73,3 % в ситуации «дома».

Таким образом, сегодня наблюдается тенденция к сокращению якутского компонента в доминантных сферах билингвальной коммуникативной системы г.Якутска, усиление экстралингвистических факторов, значительно усугубляющих «уязвимость» языка саха. Перспективы развития в таких условиях представляются лишь в сторону сокращения языкового многообразия.

Литература

1. *Иванова Н.И.* Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социо-психолингвистический аспект. Новосибирск: Наука, 2012.
2. *Иванова Н.И.* Статус русского языка в РС(Я) // Вестник СВФУ. 2013. №3. С. 58–63.
3. *Иванова Н.И.* Языковая ситуация в г. Якутске: экстенсивные и интенсивные показатели владения якутским языком // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 5. Филология. С. 68-77.
4. <http://docs.cntd.ru>

**Применение междисциплинарных методов для прогнозирования развития языков
в полиэтнических странах**

Interdisciplinary methods of forecasting language development in multiethnic states. The article deals with the overview of the methods applied in Sociolinguistics for the insight in the future of a language functioning as a part of a language policy in multiethnic states. Interdisciplinary methods form a basis for a complex analysis of the language development perspectives in a certain region within the territory of a multiethnic state providing a multilevel control over the results of such analysis.

Языковое прогнозирование является важной составляющей языковой политики полиэтнических стран мира, поскольку успешная реализация того или иного политического курса возможна лишь в результате стратегического языкового планирования с проведением анализа перспектив языкового развития в сложившейся языковой ситуации и построения вероятностных моделей языкового развития («сценария будущего») в результате сознательного воздействия на язык.

В теории международных отношений выделяют три основных типа социально-политических субъектов, обладающих конфликтогенным потенциалом: социально-классовый, конфессиональный и этнический. При этом величина конфликтогенного потенциала определяется степенью диверсификации соответствующего типа [Хрусталева 2008, 110]. В данном контексте именно полиэтническая составляющая стран, представляющая для нас наибольший интерес, несет потенциальную угрозу территориальной целостности государства. В результате решение аналитико-прогностических задач в отношении языкового развития страны способствует предотвращению языковых конфликтов, которые могут повлечь за собой политическую дестабилизацию и даже гражданскую войну, что может привести к нарушению территориальной целостности государства.

Ключевой особенностью любого прогноза является то, что «в момент высказывания нельзя условно определить истинность или ложность прогноза» [Попова 2011, 15]. Именно эта особенность вызывает критику и споры относительно целесообразности прогностической деятельности в отношении функционирования языков. Тем не менее прогноз является необходимой составляющей планирования, в том числе языкового, и в условиях приблизительных и в некоторых случаях неточных данных возможно выявление наиболее острых проблем, препятствующих развитию языков в том или ином регионе. Ни один метод не способен представить полную картину перспектив развития того или иного языка в силу сложности данного объекта, что доказывает необходимость комплексного подхода к анализу витальности того или иного языка, включающего методы прогнозирования, применяемые в междисциплинарных науках.

Социолингвистика, будучи междисциплинарной наукой, всегда была открыта для внедрения и адаптации методов исследования из смежных наук. Устоявшимися методами в социолингвистике являются метод включенного наблюдения, интервью и анкетирование, проводимые в процессе полевых исследований, метод корреляционного анализа полученных данных и документальных источников и т.д. Число носителей того или иного языка напрямую влияет на его витальность, поэтому в контексте прогнозирования языкового развития необходимо говорить об анализе демографических процессов. Прежде всего, анализ естественного (за счет рождаемости и смертности) и механического движения (за счет миграций) населения. Показатели естественного движения отчасти отражают изменения количества носителей того или иного языка и, следовательно, перспективы его развития в условиях функционирования в пределах данного общества. Механическое движение, в свою очередь, способствует анализу экстралингвистических факторов, стимулирующих миграционные процессы и вместе с тем оказывающим внешнее воздействие на языковую ситуацию. Уже на основе полученных демографических показателей применяются социологические методы прогнозирования численности населения на рассматриваемый период при условии сохранения имеющейся динамики.

Традиционной базой для осуществления социолингвистического прогнозирования являются результаты статистического наблюдения, которое по времени подразделяется на непрерывное (текущее), периодическое и единовременное, а по охвату – на сплошное и несплошное (способ основного массива, выбо-

рочное и монографическое) [Елисеева 2006, 24]. В настоящее время в рамках проведения комплексного анализа языковой ситуации и функционального развития языков мира охват применяемых методов расширился за счет привлечения других междисциплинарных методов из политологии, экономики и даже маркетинга (например, SWOT-анализ, где актором выступает язык). В условиях стремительного развития технологии, повлекшего за собой повышение скорости принятия решений, политические деятели столкнулись с необходимостью применения формализованных методов, которые бы способствовали оценке ситуации с технической стороны. В результате увеличились возможности применения математических моделей в рамках компьютерной лингвистики, распространилось применение контент-анализа. Применение контент-анализа может оказаться продуктивным на уровне языкового законодательства как в случае принятия того или иного законодательного акта в отношении языков, так и в случае обнародования намерений о его принятии государственным аппаратом. Материалом для анализа могут послужить экспертные оценки, данные СМИ, социальных сетей, форумов и др., отражающие эмоциональную составляющую отношения общества к данному закону (позитивную/негативную). При этом результаты применения формализованных методов требуют уточнения и интерпретации со стороны экспертов, что также подтверждает необходимость комплексного подхода к решению вопроса.

В контексте прогнозирования развития языков необходимо рассмотреть понятие «смерти языка» как варианта неблагоприятного исхода языкового развития. Согласно определению Словаря социолингвистических терминов, под языковой смертью понимается «прекращение использования языка» [Словарь 2006]. В качестве причин отмечаются результат завоевания или ассимиляции этноса, распад этнического образования или возникновение новых идиомов на базе данного языка (например, образование восточнославянских языков на базе древнерусского). Кроме того, причиной может послужить языковой сдвиг в результате сознательного перехода с одного языка на другой [Словарь 2006]. Причины языкового сдвига, как правило, обусловлены политическими, экономическими, демографическими, идеологическими, культурными факторами, способными негативно сказаться на языковой лояльности представителей соответствующих этносов. При этом смерть языка может быть внезапной в результате смерти последнего представителя этноса, радикальной в случае насильственного перехода носителей на другой язык в условиях деструктивной языковой политики (на фоне геноцида или политических репрессий), постепенной в случае перехода на доминирующий язык в регламентируемых сферах общения и «обратной» (“bottom-to-up”) при переходе на доминирующий язык в сфере семейно-бытового общения [Walfram 2002, 766]. Обратные перспективы развития языка представляется в случае обретения им статуса государственного де-юре и, прежде всего, де-факто. Поскольку в большинстве случаев к смерти языка приводят именно экстралингвистические факторы, обусловленные рядом событий, повлиявшими на данный исход, в рамках языкового прогнозирования допустимо применение традиционного для политологии метода ивент-анализа.

Для формирования объективной оценки существующей языковой ситуации и проведения анализа перспектив развития языков конкретного региона необходима работа с разноплановой информацией, включающей языковой корпус, СМИ, интервью и анкетирование, результаты социально-политических исследований, статистические данные, данные по функционированию языка в различных сферах общения и др. При этом тип информации определяет круг применяемых методов. Например, работа со СМИ допускает применение метода контент-анализа, статистические данные позволяют применять метод экстраполяции.

Наиболее важными этапами прогнозирования являются следующие:

- формулировка целей и задач прогноза, определение методов исследования;
- сбор данных;
- анализ полученных данных с построением вероятностных моделей;
- оценка достоверности прогноза.

Последний этап в отношении прогнозирования языкового развития подразумевает как экспертную оценку обоснованности прогноза, так и оценку со стороны носителей того или иного языка, а также жителей рассматриваемого региона, имеющих представление о функционировании данного языка непосредственно в условиях сложившейся языковой ситуации. Для обеспечения объективности экспертной оценки применяется так называемый метод Делфи, при котором коллективная оценка дается в результате индивидуальной анонимной работы экспертов [Ахременко 2006, 200].

Будучи одним из сложнейших объектов прогнозирования, язык требует комплексного подхода к анализу его витальности и выявлению перспектив на ближайшее будущее, как при сохранении статуса-кво, так и в случае сознательного воздействия со стороны политических деятелей. От успешности языковой

политики зависит социально-политическая стабильность государства. Прогнозирование является необходимым элементом языкового планирования независимо от поставленных задач и намеченных целей. Возможность предотвращения внутривнутриполитической дестабилизации страны на фоне языковых конфликтов повышается при условии их своевременного прогнозирования. Применение комплексного подхода, включающего формализованные и интуитивные методы исследования, позволяет уточнять и контролировать полученные результаты отдельных методов и выявлять общие закономерности, проявляющиеся в отношении функционирования того или иного языка. Кроме того, успешность результатов прогнозирования зависит от систематичности наблюдения за языковой ситуацией посредством мониторинга.

Литература

1. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие / А.С. Ахременко. М., 2006. — 333 с.
2. Елисеева И.И., Изотов А.В., Капралова Е.Б. Статистика: учеб./ И.И. Елисеева, А.В.Изотов, Е.Б.Капралова. М. – 2006 – 552 с.
3. Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование: учеб./ О.В. Попова. М. – 2011 – 464 с.
4. Словарь социолингвистических терминов. Отв. Ред. В.Ю. Михальченко. М. – 2006 – 312 с.
5. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М. – 2008 – 232 с.
6. Walfram, W. Language Death and Dying //The Handbook of Language Variation and Change (ed. (J. K. Chambers, Peter Trudgill, Natalie Schilling-Estes), 2002, pp. 764-787.

**Языковое планирование и языковое прогнозирование:
терминологический аспект**

Language planning and language forecasting: a terminological aspect. The article discusses aspects of language planning and language forecasting from the point of view of their functioning in sociolinguistic studies as elements of sociolinguistic conceptual apparatus. There have been studied the terms and phenomena that accompany language planning. Both the methods used and the agencies involved in these processes are analyzed.

Языковое планирование и языковой прогнозирование – это обычно взаимодополняющие процессы в социолингвистическом исследовании. Проведение анализа языковой ситуации в полиэтничном государстве и составление прогнозов ее развития являются важными направлениями исследований современной социолингвистики. Подобная деятельность крайне важна в условиях многоязычия, изучении коммуникативной нагрузки региональных языков, а также при исследовании возможных мер, способствующих повышению уровня витальности у миноритарных языков и языков, находящихся под угрозой исчезновения. В контексте современной социолингвистики прежде всего, необходимо определить характер изменений и развития языковой ситуации на основе различных уровней анализа, точно определять и расставлять приоритеты в языковом планировании и прогнозировании.

Языковое планирование определяется в отечественной социальной лингвистике следующим образом: «один из видов человеческой деятельности, направленной на решение языковых проблем» [ССТ, с. 270]. Целью языкового планирования может быть как изменение функционального соотношения языков или подсистем языка в обществе, так и деятельность по стандартизации – кодификации тех или иных языковых явлений. В зарубежной социолингвистике этот термин имеет немного отличное толкование. Языковое планирование считается областью сугубо прикладной лингвистики и относится к преднамеренным и ориентированным на будущее действиям, цель которых в оказании влияния на язык или в изменении языкового поведения говорящих на этом языке [DS, с. 173]. Языковое прогнозирование в свою очередь трактуется как «исследование конкретных перспектив развития как отдельного языка, его внутренней структуры, так и языковой ситуации в той или иной социальной общности» [ССТ, с. 271].

В языковом планировании и прогнозировании существуют различные методы и методики исследования. Для прогнозирования языкового развития часто применяются различные сопоставительные, количественные и качественные приемы проведения анализа, которые определяют экстралингвистические параметры функционирования языка. Общие параметры получают путем изучения официальных источников, результатов социолингвистических опросов, специальные выявляются в ходе экспериментов и экспертного интервьюирования. Одним из наиболее заметных методов, сопутствующих процессу языкового прогнозирования, является *анализ затрат и эффективности* (Cost-benefit analysis (CBA)). Суть этого анализа в прогнозировании ожидаемых расходов и оценивании возможных преимуществ, которые появятся в результате деятельности по языковому планированию. Например, речь может идти о введении дополнительного языка в систему школьного образования, что повлечет за собой определенные издержки (обучение учителей, создание новых учебных материалов и т. д.), но также принесет с собой и положительные изменения (улучшит коммуникацию и возможности для бизнеса, возможности трудоустройства для выпускников и т. д.). Тем не менее, проведение и последующее применение этого аналитического метода зачастую является проблематичным, так как длительные временные затраты, необходимые для проведения множества мероприятий по языковому планированию затрудняют точное оценивание его перспектив, то есть получение точных данных при проведении этого анализа. Оказывают влияние на него также не только политические, но и социальные последствия решений по языковому планированию (например, политическое объединение, межнациональная коммуникация или конфликты между языковыми группами). Существует также и модель языкового планирования, называемая *«рациональный выбор»* (rational choice), это к языковому планированию, в котором процесс планирования рассматривается как систематическая и рационально управляемая деятельность: выявляются лингвистические проблемы, предлагаются решения, формулируются цели, оцениваются затраты и эффективность.

Не стоит забывать, о существовании специальных агентств (организаций) по языковому планированию и прогнозированию. Это могут быть как правительственные, так и неправительственные учреждения, которые участвуют в деятельности по языковому планированию (например, Британский совет, Институт Гёте, Альянс Франфайз). Существуют такие учреждения, занимающиеся языковым планированием, как «языковые академии»; среди них есть неправительственные организации (например, Австралийская федерация учителей современного языка); вещательные организации (иногда правительственные); а также различные неофициально образованные языковые сообщества.

Интересно то, что языковое планирование может осуществляться также и отдельными личностями. Талантливый норвежский лингвист Ивар Осен создал первую грамматику нюнорска, одного из двух стандартных языков Норвегии. Он создал народный вариант норвежского языка ландсмол (буквально это значит «язык страны»), и также он во многом способствовал возрождению этого языка, писал на нем стихи и пьесы. Ландсмол позднее превратился в нюнорск и стал альтернативой государственному стандарту норвежского языка того времени – риксмолу, норв. riksmål), который был очень похож на датский язык.

В языковом планировании используются такие термины как *корпусное* и *статусное планирование* (corpus planning, status planning). Они являются частью языкового планирования. Термин корпусное планирование введен немецким лингвистом Х. Клоссом в 1960-х годах. *Корпусное планирование* – это деятельность по работе с языковой системой, которая включает в себя фиксирование появления новых слов (или лексическую модернизацию, совершенствование системы письма, а также продуцирование текстов, которые устанавливают нормы или стандарты (грамматики, словари). Термин *статусное планирование* относится к комплексу мер, включающее в себя решения, относительно предпочтения или выбора определенного языка или языков или вариантов языка для конкретных целей языкового планирования в обществе или нации. Речь идет о решениях, касающихся того, какой язык или языки должны быть национальными или официальными языками в отдельных национальных государствах или регионах страны. Корпусное планирование часто противопоставляется статусному планированию или развитию языка. Синонимом к термину корпусное планирование иногда используется *языковая детерминация* (language determination). Этот термин применяется, когда речь идет о том, чтобы тот или иной язык/вариант языка начал осуществлять определенные функции в рассматриваемом языковом сообществе.

Престижное планирование (prestige planning) является аспектом языкового планирования, который направлен на создание благоприятной оценочной ситуации среди членов языкового сообщества в отношении корпусного и статусного планирования, а также планирования освоения языка. Этот термин был предложен Х. Хаарманом в 1990 году. Цель престижного планирования состоит в том, чтобы улучшить отношение речевого сообщества к языковым вариантам с низким уровнем престижа, с тем, чтобы говорящие смогли использовать их в высокофункциональных или высококультурных сферах общения (например, в литературе или в образовательной системе). Престижное планирование зачастую влечет за собой формирование национального языкового дискурса, главной идеей которого является формирование восприятия родного языка сообщества как ключевой ценности отдельного речевого сообщества. Частью деятельности по престижному планированию является так называемая *реализация* или внедрение (implementation), как аспект языковой стандартизации и языкового планирования. В процессе практической реализации решений, принятых теми, кто занимается языковым планированием, происходит обеспечение применения практических решений языковой политики, например, популяризация выбранной лингвистической нормы путем публикации грамматических справочников и словарей, распространение новых придуманных слов через списки слов или административных указаний, поддержка изучения официального языка (например, предоставление доступных курсов по языкам). Реализация языкового планирования также может включать в себя законодательные меры, см. например, принятую Хартию французского языка в Квебеке или еще называемую «Закон 101», которая кардинально поменяла лингвистическую ситуацию в Квебеке в конце 1970-х годов. В Хартии регулировалось использование французского языка в государственной сфере, с целью защиты франкоязычного населения в Квебеке от ассимиляции.

В языковом планировании могут сочетаться и культивирование, и реновация языка. *Культивирование* – это немецкий термин, происходящий от немецкого Sprachpflege, что буквально значит «забота о языке». *Реновация* также является частью процесса языкового планирования, цель которой в реформировании и/или изменении лингвистических структур уже существующего стандартного языка или языковой нормы, в частности реформирование системы письменности. Реновация является аспектом корпусного планирования. Этот термин также используется при описании деятельности в поддержку «движения за простоту языка». Также он встречается в феминистических требованиях по гендерному маркированию языковых

средств с учетом пола: например, в английском языке есть словосочетание ‘gingerbread man’, обозначающее кулинарный символ рождества, которое переводится как пряничный человечек, или имбирный человечек; вследствие феминистических требований теперь на этикетках зачастую пишут ‘gingerbread person’, т.е. пряничная персона. Языковая реновация бывает мотивирована и неязыковыми целями.

Планируемое овладение языком (acquisition planning) – это термин, который был введен Робертом Купером в 1989 году, чтобы описать аспект языкового планирования, направленный на увеличение числа говорящих отдельного языка или варианта языка. Планируемое овладение языком иногда рассматривается как один из аспектов распространения языка, в контексте расширения его коммуникативных функций, хотя строго говоря, (планируемое) распространение языка может быть связано как с увеличением числа говорящих, так и с расширением сфер использования или увеличением его функциональной нагрузки. Обучение языку (включая обучение на втором языке) является главной задачей деятельности в контексте планируемого овладения языком. В этом же контексте часто используется такое понятие как *акцент* (или *принятие*), сущность которого в следовании решениям, которые были приняты в рамках языкового планирования речевого или языкового сообщества. Для того, чтобы добиться принятия этих решений среди сообщества, при языковом планировании необходимо учитывать социальный и символический контекст использования языка, а также нужно принимать во внимание отношение говорящих к различным вариантам своего языка.

Языковое планирование и прогнозирование являются важными составляющими языковой политики в полиэтнических странах мира. Успешная реализация того или иного политического курса возможна лишь в результате грамотного стратегического языкового планирования с проведением анализа перспектив языкового развития в сложившейся языковой ситуации и построения вероятностных моделей языковой динамики в результате сознательного воздействия на язык. В связи с этим, важно проводить унификацию существующих терминов и понятий, использующихся в данной области с тем, чтобы максимально эффективно анализировать изменяющуюся языковую ситуацию и составлять прогнозы ее развития.

Литература

1. ССТ: Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
2. DS: A Dictionary of Sociolinguistics / Joan Swann, etc. — Edinburgh University Press. — 2012.

Языки финно-угорских народов России в будущем (попытка лингвопрогноза)

Languages of the Finno-Ugric peoples of Russia in the future (linguo forecast attempt). Problems of language forecasting are not priority areas of linguistics. Some researchers are critical of the very possibility of predicting the development of a language. The goal of this work is an attempt, based on an analysis of the current situation of the languages of the Finno-Ugric peoples of Russia, to present their functional state in the future and the possibility of preserving as an instrument of ethnic identity.

О прогнозировании путей развития языков писали еще в прошлом веке такие крупнейшие ученые-лингвисты, как И.А. Бодуэн де Куртене и Е.Д. Поливанов. Несмотря на это, тема языкового прогнозирования никогда не была в центре особого внимания, поскольку строить прогнозы всегда чревато тем, что они не совпадут с процессами, происходящими в данный момент, из-за того, что случились какие-то непредвиденные события, повлиявшие на ход истории. А на развитие языка могут оказывать воздействие самые разнообразные как языковые, так и внеязыковые факторы, которые должны учитываться при прогнозировании.

Под термином «языковое прогнозирование» в «Словаре социолингвистических терминов» (2006) дается такое определение: «исследование конкретных перспектив развития как отдельного языка, его внутренней структуры, так и языковой ситуации в той или иной социальной общности» [5, с.271]. Внутреннюю структуру языка в данном случае мы рассматривать не будем, остановимся на языковой ситуации и языковой политике, в которую входят как языковое планирование, так и языковое прогнозирование.

В Российской Федерации пять финно-угорских народов имеют свои национально-государственные образования – республики, названные по имени титульного народа, проживающего в них. Это – республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия и Удмуртская Республика. По данным переписи 2010 г., соотношение титульного и русского населения в них составляло: в Карелии – титульное 7,1 %, русское – 78,9 %, в Коми – 22,5 % и 81,7 %, в Марий Эл – 41,8 % и 45,1 %, в Мордовии – 39,9 % и 53,2 %, в Удмуртии – 27 % и 60 % [2, с. 53-55]. Демографический дисбаланс сыграл решающую роль в становлении языковой ситуации в этих республиках, особенно в Карелии, Коми и Удмуртской Республике, где разрыв в количестве русского и титульного населения особенно велик. Фактически, называть эти республики финно-угорскими можно с большой натяжкой. Наиболее благоприятной в этническом отношении является Республика Марий Эл.

После принятия Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991г. республики получили право устанавливать свои государственные языки. Кроме Карелии, все финно-угорские республики приняли законы о языках: Коми – в 1992 г., Марий Эл – в 1995 г., Мордовия - в 1998 г., Удмуртская Республика – в 2001 г. В Карелии в 2004 г. был принят закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия», но правовой статус языков не установлен. Государственным языком Карелии считается русский язык. Среди финно-угорских республик Республики Марий Эл и Мордовия выделяются тем, что в них законодательно закреплено три государственных языка: в Марий Эл – это русский, луговомарийский и горномарийский, а в Мордовии – кроме русского еще языки мокша и эрзя. Республика Карелия отличается наличием двух форм письменности – кириллицы для русского языка и латиницы для карельского, финского и вепского языков. Практически все языки этих республик, по оценкам ЮНЕСКО, отнесены к языкам «определенно угрожаемым», а горномарийский и вепский – к «сильно угрожаемым» [9, с.11].

Финно-угорские народы, по данным переписей, являются сильно диаспоризованными. На первом месте – Мордовия, 50 % носителей мордовских языков проживают за пределами своей республики, 44 % носителей марийских языков, 25,8% носителей карельского, 24 % носителей удмуртского, 7,6 % носителей языка коми. Демографическая мощь языков по республикам определяется соотношением тех, кто владеет языком, и общим количеством населения данной национальности в республике. В Карелии проживают 45570 карелов, из них 16878 заявили о владении карельским языком, таким образом, демографическая мощь языка составляет почти 37 %, в Коми – 202348 чел. коми, из них 130797 чел. владеют языком:

мощность языка коми – 64,6 %, в Марий Эл – 290863 чел. марийцев, из которых 198072 владеют марийскими языками, т.е. мощность марийских языков – 68,9 %, в Мордовии – 333112 чел. мордвы, из которых 191164 чел. владеют мордовскими, мощность мордовских языков – 57,4 %, в Удмуртии проживают 410584 чел. удмуртов, владеют языком – 229203 чел., мощность удмуртского языка – 55,8 % [2, с. 54-55, 87-88, 91]. Тот факт, что демографическая мощность языков во всех республиках, кроме Карелии, составляет от 56 % до 69 % говорит о том, что их витальность достаточно высокая (больше половины населения). Сравним теперь мощность русского языка: в Карелии – 99,9 %, в Коми – 98,8 %, в Марий Эл – 98,3 %, в Мордовии – 99,5 %, в Удмуртской Республике – 99 % [там же], т.е. практически все население республик владеет русским языком.

Другим важным параметром для анализа состояния языка и динамики его развития является коммуникативная мощность языка, т.е. количество сфер, в которых он функционирует. Государственные языки обычно обслуживают официальные сферы общения, относящиеся к регулируемым коммуникативным сферам, главной из которых является сфера образования, так как от нее зависит языковая компетенция всего общества. По данным на 2015/2016 уч. г. Министерства просвещения РФ, как средство обучения язык использовался только в сельских районах Марий Эл и Мордовии: в Марий Эл работало 2 школы на лугово-марийском (65 учеников) и в Мордовии – на языке мокша 42 начальные школы (483 уч.) и на языке эрзя – 29 школ (658 уч.). В городе на языке эрзя шло обучение в одной школе (50 уч.). В подавляющем большинстве школ всех республик родные языки преподавались как предмет, при этом, как отмечали учителя школ, они изучались как второй иностранный язык. Количество часов в неделю колебалось от двух до пяти.

После того, как в ряде республик вспыхнули конфликты из-за того, что национальные государственные языки стали обязательными для изучения всеми школьниками независимо от желания родителей и национальной принадлежности, а уроки русского языка сократились в ряде школ на 2 - 3 часа, президент В.В. Путин, отреагировав на эту ситуацию, и выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле летом 2017 г., поручил дать право самим родителям или законным представителям ребенка выбирать, изучать национальный язык республики или нет [8].

В июле 2018 г. Госдума приняла закон об изучении родных языков, который в итоговой версии не ограничивает россиян в языковых правах и дает им возможность свободно изучать свой родной язык. При этом закон исключает практику, при которой детей принуждали к изучению национальных языков республик в ущерб русскому. Были внесены изменения в Федеральные государственные образовательные стандарты, введение которых означало, что с 1 января 2018 года родные и государственные языки будут преподаваться по-новому. В школы впервые вводится новая обязательная предметная область - «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». После принятия новых образовательных стандартов, в Республике Мордовия, например, Министерство образования рекомендовало школам включить изучение мордовских языков (мокшанского и эрзянского) как государственных языков и оценивать их знание по двухбалльной шкале – 4 и 5, чтобы низкие отметки не вызывали у учеников вместо любви и уважения к языку его неприятие.

Что касается других официальных сфер – административного управления, делопроизводства, законодательства, судопроизводства, СМИ, науки, транспорта, промышленного производства и др., то в них доминирует русский язык, а национальные языки софункционируют с ним при необходимости. Например, в суде, если обвиняемый или свидетель не владеют в полной мере русским языком, тогда привлекается переводчик. Использование национальных языков затрудняет неразвитость терминологических систем и хотя в республиках составляются и издаются терминологические словари, на практике ими пользуются мало.

Большое влияние на состояние и развитие языка оказывает языковая политика. В Советском Союзе, да и в современной Российской Федерации она носила и носит русификаторский характер, хотя в законе «О языках народов РСФСР», принятом в октябре 1991 года признавались равные права всех языков России и гарантировалась их защита. Несмотря на то, что был предпринят целый комплекс мер по поддержке национальных языков, повышен их статус в связи с объявлением государственными языками республик, тем не менее, как пишут авторы из Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии в совместной статье: «замечных изменений в этноязыковой ситуации не происходит» [6, с. 64]. Языковые ориентации продолжают смещаться в пользу русского языка, который признают родным по данным переписи 2010 г., 37,1 % коми, 72,7 % карел, 43,9 % удмуртов, 20,2 % марийцев и 18 % мордвы, т.е. языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, тем более, что она связана с ростом доли городского населения [там же].

Известно, что в условиях города ассимиляция ускоряется, поскольку переехавшие из сельской местности финно-угры составляют там меньшинство, межэтнические контакты происходят на русском языке и русский язык нередко доминирует даже в сфере семейного общения.

Практика показывает, что придание статуса государственного национальному языку практически не влияет на расширение его функциональной нагрузки и востребованность среди носителей. Естественно, нельзя не вспомнить о демографическом факторе – когда большинство составляет русское население, а доминантная культура русских воспринимается этническим меньшинством как более престижная. Изменить демографические пропорции не представляется возможным, у русских нет необходимости изучать национальные языки, поэтому в республиках повсеместно распространено только национально-русское двуязычие, а русско-национальное находится, по образному выражению мордовского ученого Н.Н. Щемеровой «в зачаточном состоянии» [7, с. 328].

Односторонний национально-русский билингвизм, по мнению лингвистов, представляет собой угрозу для развития национальных языков. Как считает известный мордовский ученый М.В. Мосин, «находясь в условиях своеобразного одностороннего национально-русского двуязычия, функциональные возможности без исключения всех финно-угорских языков ограничены почти до бытовой сферы. Но как может развиваться полноценно язык, когда на нем можно преподавать только до 5 класса? Как может развиваться язык, его терминология, когда на нем ребенок уже в 11-летнем возрасте не изучает ни историю, ни физику, ни ботанику, ни химию и другие предметы. Как может развиваться язык, когда на нем не ведется никакого делопроизводства в титульных республиках, не говоря уже об их диаспорах» [3, с.15].

Венгерский профессор Янош Пустаи считает, что именно «обучение коренного населения на родном языке будет способствовать формированию у него двуязычия высокого – не «кухонного» - качества, при этом будет понятна настоящая выгода от обучения на родном языке» [4, с.47]. А профессор Лейпцигского университета К. Бохман еще в 1989 г. писал, что язык будущего человечества будет определяться двуязычием и многоязычием при наличии общего второго языка.

Таким образом, возможность обучаться на родном языке, а не изучать его как предмет по 2-3 часа в неделю, поможет языку стать престижным, поскольку, как считает Пустаи, «всем известно, что только те языки имеют высокий престиж, на которых ведется обучение» [там же].

Еще одной проблемой, по мнению авторов из четырех финно-угорских республик, отчуждающей носителей от родного языка, является пуризм, т.е. вытеснение из языка иноязычных заимствований, прежде всего, «русских» и создание неологизмов. За короткий промежуток времени в финно-угорских языках появилось по несколько тысяч новых слов, воспринимаемых неоднозначно специалистами. Так, известный драматург и ученый из Коми О.Уляшев в статье «Лексика, оторванная от корней», дал крайне негативную оценку такому словотворчеству и охарактеризовал современный литературный коми язык как «китайскую грамоту» (а творят эту грамоту ученые-языковеды). Это приводит к тому, что школьники и читатели отказываются принимать и понимать такой новояз [6, с.67], а если родной язык становится непонятен, то естественен переход на использование русского языка.

Тем не менее, социологические опросы, проведенные в апреле-мае 2017 г., в Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республике, показали высокий уровень толерантности респондентов в отношении культуры и языка титульных групп, а их изучение не отвергается и не вызывает неприятия [6, с.71]. Однако проблема сохранения и будущее финно-угорских языков по-прежнему остается актуальной задачей, причем она скорее даже не лингвистическая, а социально-психологическая. Необходимо поднимать престиж финно-угорских языков, а для этого ученые предлагают разработать региональные программы «по формированию общественного мнения, которое бы воспринимало язык финно-угров как специфическую культурную ценность, как престижное и полезное для его носителей знание» [там же]. Изменить психологию носителей языка так, чтобы использование родного языка поднимало авторитет, вызывало уважение окружающих. Говорить о том, что финно-угорские языки исчезнут, неактуально, потому что их демографическая мощь и витальность достаточно высокие. Но региональные власти, отвечающие за языковую политику, должны руководствоваться нормами права, обсуждать нововведения с широкой общественностью и корректно проводить те или иные мероприятия в области языка и культуры, чтобы не возникали межэтнические конфликты подобные тем, которые возникли с введением обязательного изучения титульных языков всеми детьми, независимо от их национальности и желания родителей. Раз языки «исчезают», давайте введем их штудирование для всех живущих в республике. Политизация языковых вопросов не решит проблемы их сохранения, необходимо, чтобы сами носители в лице интеллигенции, предприняли какие-то шаги, или хотя бы начали громко говорить и широко обсуждать данные вопросы. Совершенно пра-

вильно отмечает финский исследователь удмуртского происхождения К. Замятин: «Никто не может возродить язык, кроме самого языкового сообщества. Никто не может начать использовать язык вместо его простых носителей. Если они не готовы предпринять усилия ради будущего своего языка – говорить на нем, если они его знают, или же учить его, если не знают – прогнозы относительно языкового возрождения остаются неблагоприятными» [1, с.160].

Литература

1. *Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я.* Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. Сс. 178.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11-ти т. Т.4, кн.1, М., 2012. 2101 с.
3. *Мосин М.В.* Мордовские (мокшанский и эрзянский) литературные языки: состояние, проблемы и перспективы развития // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (2-5 февраля 2000 г.), Саранск. С. 11-19.
4. *Пустай Янош.* Актуальные мысли о положении финно-угорских языков Российской Федерации // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. Йошкар-Ола, 2018. С.46-52.
5. Словарь социолингвистических терминов, М., 2006. 312 с.
6. *Шабыков Ю.П., Воронцов В.С., Орлова О.В., Мартыненко А.В., Миронова Н.П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением)? // Вопросы филологии № 1 (61), М., 2018. С.62 – 74.
7. *Щемерова Н.Н.* О проблеме эрзянско-русского детского билингвизма // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (2-5 февраля 2000 г.), Саранск. С.328-330.
8. Электронный ресурс: kremlin.ru/events/president/news/55109 (дата обращения 22.02.2019).
9. The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. Cambridge, 2012.

Витальность и перспективы миноритарных языков: оценочно-прогностические теории и grassroots movements в цифровую эпоху

Vitality and prospects of minority languages: evaluative and predictive theories and grassroots movements in the digital age. The article briefly discusses the theories and criteria for assessing the vitality and prospects of minority languages, common features of these theories and difficulties in predicting the future of a particular minority language taking the example of revitalization of the Sami languages in Finland and Norway and the aboriginal languages of Australia. Further, the author dwells on the Russian Federation and, in view of the wide variability of multilingual situations in Russia, analyzes in more detail the situation in one of the national regions of Russia – the Republic of Buryatia – as an example of a national region where a minority language has the legal status of the state language on the republican level. The author emphasizes that despite being well-studied from an academic point of view, the Buryat language continues to withdraw from the realms of real use. The main argument of the author is that in such regions the revitalization of the language requires measures to change the public consciousness, increase the visibility and prestige of minority languages, create positive associations related to them. In conclusion, the article describes grassroots projects and initiatives that satisfy the above-mentioned goals and are selected by the criterion of the degree of public response, the breadth of distribution and influence on people's emotions. Analysis of such initiatives shows that they are, firstly, initiated by the youth, and secondly, related to digital technologies. This suggests that new technologies are becoming a powerful tool for the preservation and promotion of minority languages, and the appeal of young people to their native language in search for their identity in the globalized world gives a new chance to minority languages.

Теорий и критериев, по которым оценивается витальность и перспективы миноритарных языков, выработано на сегодняшний день достаточно много.

В докладе президента Международного постоянного комитета лингвистов (CIPL) Дэвида Брэдли, сделанном на Лингвистическом форуме «Коренные языки России и мира» в апреле 2019, в качестве ключевых факторов для поддержки языка называются следующие: установки и идентичность, изучение и использование, политика, другие ситуационные факторы, усилия членов языкового сообщества.

Э.В. Хилхановой предлагалось классифицировать факторы лингвистической витальности по трем основным группам с дальнейшим подразделением на подгруппы: 1) внешние, независимые от говорящего (демография, государственная языковая политика, история этноса и т.д.), 2) внутренние, «привязанные» к говорящему (психолингвистические, прагматические, этноидентификационные), и 3) собственно лингвистические (лексико-семантические – отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора, языковая лакунарность и культурно-специфические концепты и т.п.) [6].

Есть документ «Language Vitality and Endangerment», выработанный экспертной группой ЮНЕСКО, где представлены 9 основных оценочных факторов лингвистической витальности: 1) межпоколенческая передача языка; 2) абсолютное количество говорящих; 3) доля говорящих в общей численности населения; 4) тенденции, существующие в языковых сферах; 5) реагирование на новые сферы и медиа; 6) материалы по языковому образованию и грамотности; 7) государственные и институциональные языковые установки и политика, включая официальный статус и использование языков; 8) отношение членов сообщества к своему языку; 9) объем и качество документирования [10].

Мы видим, что в целом, несмотря на некоторые вариации в наборе факторов, они достаточно схожие: так или иначе, отмечается важность отношения к языку самого языкового сообщества и внешние ситуационные факторы. Несмотря на этот консенсус в оценке лингвистической витальности, спрогнозировать развитие языковых ситуаций и будущее того или иного миноритарного языка все равно очень трудно. То, что прогнозы в этой супердинамичной сфере – дело неблагодарное, подтверждается многими фактами. Никто не ожидал, например, что ревитализация саамских языков в Финляндии и Норвегии окажется столь успешной. По мнению Анники Пасанен, руководителя программы «языковых гнезд» в Саамском регионе Финляндии, сейчас ситуацию с саамскими языками в Финляндии можно называть достаточно хорошей, особенно по сравнению с Россией, поскольку дети, даже если у них нет возможности освоить язык дома, имеют такую возможность в детском саду, а затем в школе, при этом,

поскольку язык используется для преподавания, он является именно языком общения, а не только изучения [1].

На данный момент неплохо обстоит дело с ревитализацией языков аборигенов Австралии, хотя с начала колонизации Австралии в 1788 году под угрозой оказались, по оценкам, 250 языков аборигенов, на которых первоначально говорили на всем континенте. По свидетельству австралийского лингвиста Дж. Белл, в течение последних 30 лет коренные народы участвовали в укреплении их связи с традиционными языками посредством осуществления программ возрождения языков. Трудно оценить, сколько именно программ ревитализации языков было осуществлено в Австралии за этот период времени, однако в настоящее время многие из них успешно реализуются по всей стране через языковые центры коренных народов и общинные группы [8, с. 399].

Однако все эти примеры ревитализации обязаны своей успешностью, в первую очередь, активному участию государства, выражающемуся и в финансовой поддержке, и в других институциональных мерах. Как правило, это происходит в государствах, которые отказались от идеи национальных государств, в то время как многие другие – и страны с длительной традицией демократии (Великобритания, США), и страны с недолгой историей в качестве суверенного государства (Украина, Казахстан) – воплощают в жизнь концепцию национальных государств. В число этих стран можно включить и Российскую Федерацию с ее современной политикой централизации власти и «имитативного федерализма», начиная с 2000-х годов [4; 9, с. 149]. Результатом такой политики является двойственная ситуация, отраженная в заключении Консультативного комитета по рамочной конвенции по защите национальных меньшинств по Российской Федерации, принятой 20 февраля 2018 г.: «Russian society continues overall to be characterised by a climate of appreciation for ethnic diversity. The Russian Federation has maintained a flexible and pragmatic attitude to the scope of application of the Framework Convention. The country's immense variety of ethnic groups, languages and religions is still largely perceived as an asset and multiple identities as natural. However, official minority policies are framed in a way that appears to emphasise the significance of the Russian ethnicity and language as the core of an overarching all-Russian national identity [7].

В такой ситуации, когда государство оказывает диспропорциональную поддержку государственному (русскому) языку, языки национальных меньшинств оказываются отданными на откуп самим национальным регионам. Здесь можно процитировать слова первого заместителя (с 2004 по 2017 гг.) председателя правительства Бурятии Иннокентия Егорова: «Россия сказала национальным республикам: сами финансируйте свой язык. На федеральные деньги ничего нет, всё делается на республиканские средства» [2]. Средства республиканских бюджетов, безусловно, несопоставимы с федеральным бюджетом, что можно продемонстрировать на примере Государственной программы Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия», принятой постановлением Правительства Республики Бурятия № 289 от 23 июня 2014 г. и рассчитанной на период с 2014 по 2020 гг. Программа финансируется из республиканского бюджета в объеме 198.800 рублей на весь период ее действия, однако финансирование «носит прогнозный характер, подлежит уточнению при формировании республиканского бюджета на соответствующий год» [5].

Количество языков в РФ, по последним данным, варьируется от 150 до 290 [3, с. 369-370]. Степень угрожаемости (degree of endangerment) миноритарных языков народов РФ также сильно разнится, и в зависимости от этого варьируются и меры, которые должны быть предприняты и предпринимаются для их сохранения. Безусловно, для языка, насчитывающего несколько десятков носителей, актуальной является задача документации, фиксации текстов и т.д. Однако в данной статье я хотела бы остановиться на другой категории миноритарных языков РФ – языках, имеющих статус государственных в национальных регионах РФ. В России насчитывается 25 таких языков, и они также весьма отличаются друг от друга по количеству членов этнической группы и количеству говорящих (эти параметры, как известно, могут существенно отличаться друг от друга), степени сохранности языка, отношении к нему языкового сообщества и т.д. Но, в любом случае, эти языки сопоставимы хотя бы по их юридическому статусу, который, несмотря на его больше декларативное значение, особенно после принятия изменений и дополнений в Закон РФ «Об образовании» в 2018 г., все же ставит эти языки в другое положение, чем языки, такого статуса не имеющих.

Статус государственного ведет к тому, что эти языки (языки Дагестана¹, адыгейский, марийский, бурятский, татарский и др.) обладают определенной нормированностью, кодифицированы, преподаются в

---

¹ По Конституции Республики Дагестан, государственными на территории республики являются

школах (по крайней мере, на уровне начальной школы), присутствуют в СМИ, обеспечены учебниками и т.д. Поскольку, как уже говорилось, вариативность ситуаций в национальных регионах крайне широка, имеет смысл остановиться на одном регионе, т.к. это позволит говорить на данную тему более аргументированно. Поэтому речь пойдет о Республике Бурятия.

В Республике Бурятия (РБ) положение бурятского языка выглядит достаточно хорошо с академической точки зрения. Есть научное учреждение: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН с отделом языкознания. Есть две кафедры в составе Восточного института Бурятского государственного университета: кафедра бурятской и эвенкийской филологии и кафедра бурятского языка и методики преподавания. Наличие академического института, специализированных университетских кафедр, значительного отряда лингвистов, занимающихся бурятским языком, ведет к тому, что он является достаточно хорошо изученным в лингвистическом аспекте, уровень нормированности литературного бурятского языка относительно высок: последний свод правил орфографии утвержден в 2009 году, в 1962 году издана академическая грамматика бурятского языка, имеются переводные и орфографические словари, а также разнообразные учебные пособия и грамматики, готовится к изданию толковый словарь бурятского языка. В 2006 и 2008 гг. вышел двухтомный академический бурятско-русский словарь объемом 60 000 слов.

Тем не менее, как известно, в 2002 г. бурятский язык был занесен в «Красную книгу языков, находящихся под угрозой исчезновения». На данный момент в Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения (*Atlas of endangered languages*) ЮНЕСКО бурятский язык обозначен как «*severely endangered*». Это совпадает с мнением как профессиональных лингвистов, так и обычных жителей этнической Бурятии. Из разных проблем, выделяемых учеными в отношении современной ситуации с бурятским языком, наиболее серьезной, на мой взгляд, является уменьшение реального речеупотребления: то, что люди, владеющие языком, все меньше используют его, а не владеющая им молодежь предпочитает учить другие языки, более полезные для социальной мобильности, такие как английский и китайский. Это не та ситуация, с которой начали процесс ревитализации языков аборигенов Австралии или США. Там ситуация была гораздо хуже, поэтому адекватными являлись такие методы, как «языковые гнезда» и т.п.

В Бурятии же достаточное количество реальных носителей языка, и некоторое осознание того, что без языка этническая идентичность будет неполноценной. На мой взгляд, на данном этапе необходимо изменение общественного сознания. Нужно сделать бурятский язык видимым, говорить на нем престижным, нужно стимулировать желание говорить на бурятском или учить его. Надо, чтобы на бурятском языке стало модно говорить, надо создавать позитивные ассоциации, связанные с прогрессом, новыми технологиями и т.д. Только изменяя сознание и установки людей, можно изменить языковую ситуацию.

Поэтому в данной статье мне хотелось бы остановиться на некоторых мероприятиях, проектах и инициативах, отобранных по критерию их эффективности именно с этой точки зрения – впечатления, произведенного ими на массовое сознание, влияния на эмоции людей, а эмоции, как известно, один из важных компонентов языковых установок. По широте распространения и степени общественного резонанса следует в первую очередь назвать две инициативы: одна из них принадлежит бурятской команде «Хара Морин» клуба веселых и находчивых (КВН¹), вторая – известному бурятскому режиссеру и сценаристу Солбону Лыгденову. Созданные ими видеоролики на тему бурятского языка и нередко на бурятском языке, размещаемые на YouTube и Instagram, безусловно, оказали воздействие на общественное сознание.

Солбон Лыгденов в общей сложности снял 12 роликов протяженностью от 2 до 8 минут, посвященных бурятскому языку, которые стали своеобразным художественным ответом режиссера на «муссируемую в прессе проблему вымирания бурятского языка». Ролики были сняты на его киностудии «MonUla Films» в 2014 г. Весь проект вызвал большой интерес у зрителей. Среднее количество просмотров варьируется от 17000 до 100000 в зависимости от ролика.

русский язык и все языки народов Дагестана.

¹ КВН – это самая известная и популярная в России и СНГ телевизионная игра, в которой молодежные команды соревнуются в различных юмористических заданиях. КВН известен тем, что многие талантливые участники игры становятся знаменитыми актёрами, режиссёрами, шоуменами, телеведущими, продюсерами после окончания своей КВНовской «карьеры».

Если видеоролики С. Лыгденова представляют собой сюжетно и композиционно завершенные мини-фильмы, ориентированы на эмоциональное воздействие на зрителя и заставляют зрителя задуматься, то ролики, созданные игроками бурятской команды КВН, носят юмористический характер и больше ориентированы на развлечение, что полностью соответствует духу и идеологии игры, в которой они участвуют.

Шесть игроков бурятской команды КВН «Хара Морин», играющие в клубе на протяжении нескольких сезонов, создают юмористическую рекламу для местного рынка, попутно используя свои юмористические таланты и для популяризации бурятского языка, создав, например, юмористический бурятский алфавит (см. рис. 1).

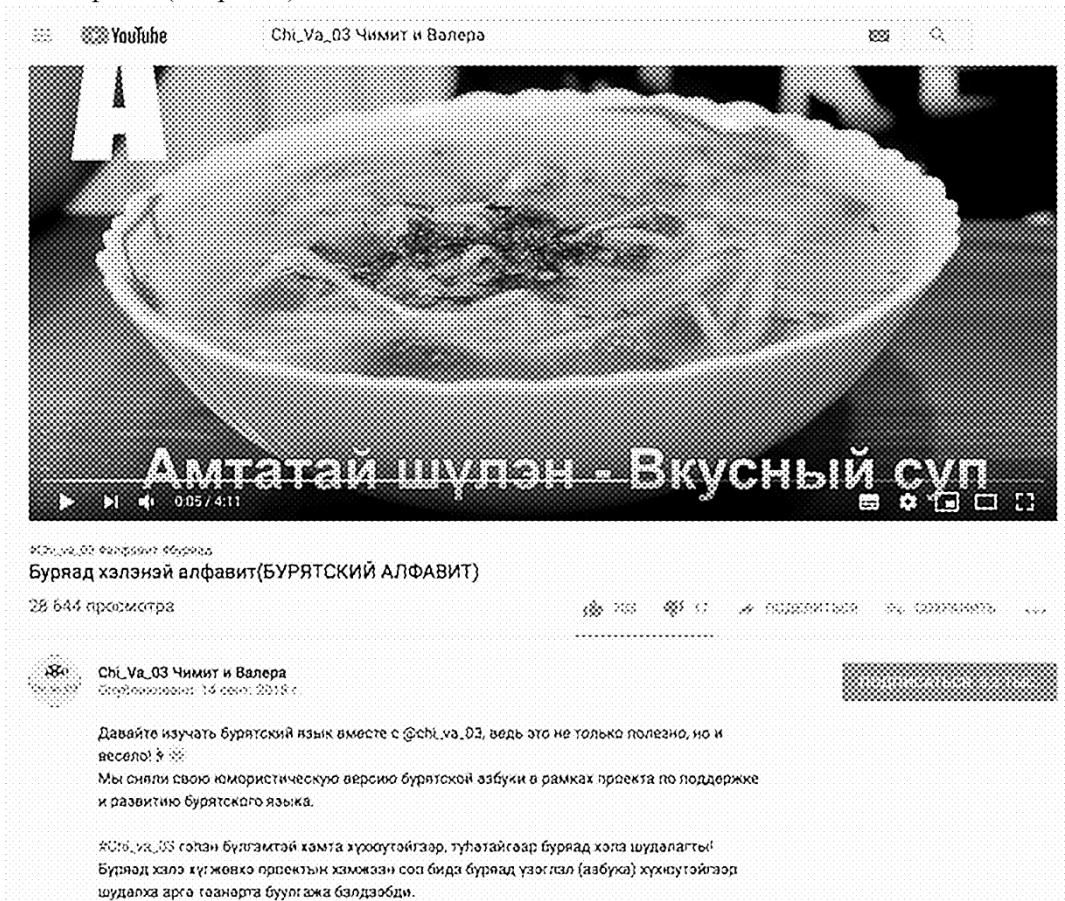

Рис. 1. Буряад хэлэнэй алфавит

Они также являются авторами забавного видео о парне, который не владеет родным языком и ест *буузы* (национальное бурятское блюдо, которое принято есть руками) вилкой, и его дяде по имени Баир. За два дня ролик, который длится две с половиной минуты, собрал более 5 тысяч просмотров на YouTube и около шести тысяч – в Instagram. «Шикарно!», «Лучше вас никого нет!», «Класс!», «Ну молодцы, ну насмешили!», «Ребята гении!», «Вы лучшие!», «Жизненно, побольше бы таких видео на бурятском» – это лишь часть восторженных комментариев, которые оставляют под видео пользователи.

Другой молодежной инициативой является виртуальный флешмоб «үрээл челленж», запущенный Союзом молодёжи Бурятии. Чтобы принять в нём участие, нужно записать небольшое видеопоздравление жителям республики на бурятском языке. Похожая инициатива, заполнившая в последнее время местные соцсети – это видео, авторы которых читают рэп на смешанном русско-бурятском языке. Сегодня в Сети можно найти сотни подобных роликов. А началось всё с поста нашего земляка Тимура Дашинимаева – именно он запустил виртуальный флешмоб под названием #буряадхэлэнchallenge. За месяц эта видеозапись набрала более 20 тысяч просмотров. После челлендж поддержали многие жители республики, среди которых – немало знаменитостей. Это музыкант Алагуй Егоров, бывший солист группы «Хатхур Зу» Сергей Биликтуев, известный ведущий и тамада Доржи Найданов, журналисты телекомпании АТВ, депутаты горсовета, Народного Хурала, члены правительства и многие другие.

Этот список «низовых» (grassroots) проектов и инициатив, безусловно, можно продолжать. В заключение хотелось бы сказать, что нетрудно заметить, что все перечисленные проекты находятся в сфере цифровых технологий. Действительно, с точки зрения охвата аудитории и масштаба воздействия на общественное сознание, новые технологии становятся мощным инструментом для сохранения и популяризации миноритарных языков. Примечательно, что многие из вышеперечисленных проектов были инициированы молодыми людьми, которые обращаются к своему родному языку в поисках своей идентичности в глобализованном мире.

В то же время, однако, не стоит переоценивать мощь новых технологий и цифровых проектов. Некоторые из этих мер и инициатив имеют весьма символический характер. На самом деле, маловероятно, что какой-то один проект, даже самый популярный, сможет повернуть время вспять и кардинально улучшить ситуацию с бурятским языком (или другими миноритарными языками), которая формировалась десятилетиями. Тем не менее, с объединением сил и коллективных усилий шансы возрастают. Изменение общественного сознания – не быстрый процесс, но если это произойдет, то следующим шагом может стать изменение окружающей нас реальности.

Литература

1. Анника Пасанен: «Языковые «гнезда» для саамов Финляндии работают и в школах, этот опыт необходимо применить в России». Режим доступа: <http://finugor.ru/node/21489> (дата обращения: 20.04.2019).
2. Бурятский язык – проблемы и вызовы вчера, сегодня, завтра. Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/14642/> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Коряков Ю.Б. Языки России: сколько же их? // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М: Языки Народов Мира, 2018. С. 365-370.
4. Люхтерхандт О. Россия на пути к имитации федерализма // Казанский федералист. 2005. № 2-3. С. 14-15.
5. Правительство Республики Бурятия. Постановление от 23 июня 2014 г. № 289. Режим доступа: http://www.minkultrb.ru/ministry/folder4/gosudarstvennaya-premiya-respubliki-buryatiya/postanovlenie_PRB_ot%202306%20289.pdf (дата обращения: 30.01.2019).
6. Хилханова Э.В. Проблема факторов переключения кодов в зарубежной и отечественной лингвистике: теоретический аспект // Вопросы филологии. № 1. М., 2012. С. 83-90.
7. *Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities on the Russian Federation*. Fourth Opinion on the Russian Federation – adopted on 20 February 2018. Режим доступа: <https://rm.coe.int/4th-advisory-committee-opinion-on-the-russian-federation-english-langu/1680908982> (дата обращения: 19.01.2019).
8. Bell, J. 2013. Language attitudes and language revival / survival. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2013^[1]_{SEP} Vol. 34, No. 4. P. 399-410, <http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2013.794812>.
9. Piet, R. and L. Simão (eds.). 2016. *Security in Shared Neighborhoods: Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU*. Palgrave Macmillan 2016.
10. UNESCO. 2003. *Language Vitality and Endangerment*. UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. Document submitted to the *International Expert Meeting on UNESCO Programme Safeguarding of Endangered Languages*. Paris: UNESCO.

Влияние экстралингвистических факторов на языковое функционирование (на примере Республики Тыва)¹

Influence of extralinguistic factors on language functioning (on the example of the Republic of Tuva).

The article is devoted to investigation of extralinguistic factors determining language situation in the Republic of Tuva. On the base of different Census data ethnic and demographic indicators of Tuvan population, its educational level and professional structure are analyzed. The author concludes that social parameters of language situation in Tuva are extraordinary and generally depend on geographical features and original history of Tuva. That's why its geographical position and some historical events are considered as positive factors that maintain preservation and development of the minority Tuvan language today.

Важнейшим аспектом проблемы сохранения и развития языка является исследование влияния социальных факторов на его функционирование. Чрезвычайно актуален подобный анализ для многонациональных государств. Так, языковая ситуация в российских регионах несмотря на схожие черты имеет свои особенности, определяющие уникальность и своеобразие каждого из них. В этом плане показательной можно назвать языковую ситуацию в Республике Тыва (РТ). Ее географическое положение, исторические ступени развития и становления государственного суверенитета обусловили численное преобладание и компактное расселение тувинцев на одной территории. Эти факторы, способствовавшие становлению и функциональному развитию тувинского языка, сегодня продолжают оказывать определенное влияние на его современное состояние.

В статье на основе Переписей населения проанализированы этнодемографические параметры, способы расселения, социально-профессиональная структура и образовательный уровень населения Тувы. Как специфические факторы выделяются географическое расположение региона и некоторые моменты в его истории.

Основными этническими группами, проживающими на территории Тувы, являются русские и тувинцы. По итогам Переписи 2010 г. численность тувинцев составляет 249 299 чел., а по всей Российской Федерации (РФ) зафиксировано 263 934 чел. [14]. Кроме Тувы этнолокальные группы тувинцев проживают на территории Ермаковского района на юге Красноярского края. Официальный портал Красноярского края указывает, что тувинцев, проживающих в Ермаковском районе 376 чел. [16]. По данным администрации Верхнеусинского сельсовета на 2012 г. их численность достигает 384 чел. [7, с.61]. За пределами РФ тувинцы дисперсно проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая и северо-западной части Монголии. По данным исследователей около 20 тысяч человек проживают на территории Монголии и около 4 тысяч человек в Алтайском аймаке Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая [11, с.17, 23].

Вторую по численности этническую группу в Туве составляют русские, доля которых по итогам Переписи 2010 г. составила 16,3 %. В результате миграции русского населения за пределы республики к 2010 г. их численность сократилась на 4000 чел. Специалисты отмечают, что отток русского населения происходит в направлении как городов Тувы, так и ее пределов, а факторы миграции в значительной степени «сводятся к набору показателей, которыми определяется уровень жизни» [1, с.29-30] (табл. 1).

Таблица 1. Численность тувинского и русского населения и их доля по Республике Тыва

Все население В том числе	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.
	267599	100,00	308557	100,00	305510	100,00	307930
<i>тувинцы</i>	161888	60,5	198360	64,3	235313	77,0	249299
<i>русские</i>	96793	36,2	98831	32,0	61442	20,1	49434

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации №АААА-А17-117021310266-8 (“Mentality of the Mongolian peoples in the mirror of language”)

Данные 1979 г. и 1989 г.: Некоторые сведения о национальном составе населения, социально-экономическом и культурном развитии Тувинской АССР. - Кызыл. 1989. - С. 9.; Данные 2002 г.: Население по национальности и полу по Республике Тыва. – Кызыл, 2005. – 13 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ). - С. 2.; Данные 2010 г.: <http://krasstat.gks.ru>.

Незначительный приток русского населения за последние годы наблюдается в г.Кызыле. Увеличение численности русских связано с формированием в 2015 г. на территории города 55 отдельной мотострелковой (горной) бригады. Сообщается, что личный состав формируется в значительной степени из уроженцев Тувы: 1047 из 1300 военнослужащих [5]. Однако город является постоянным местом дислокации бригады, поэтому командный состав имеет возможность проживать с семьями. Военный гарнизон сегодня расширяется, строится его инфраструктура.

Изменение этнодемографической структуры населения в Кызыле существенным образом не меняет этноязыковую картину по всей республике. Основная масса тувинцев продолжает компактно проживать на территории одного административного образования – Республики Тыва. Функционирование внутри одного географического ареала, где расселена значительная часть носителей языка, благотворно влияет на общее состояние и развитие языка. Поэтому данный фактор пока является одним из наиболее весомых и важных.

По способу расселения Тува традиционно относилась к регионам с сельским типом расселения. В настоящий момент в Туве насчитывается 5 городов. Однако современным городом, приближенным к городским параметрам, с развитой инфраструктурой, можно назвать только столицу республики – г.Кызыл.

Сами тувинцы постепенно начали переходить на массовую оседлость только после образования Тувинской Народной Республики (ТНР) (1921-1944 гг.), когда начали создаваться простейшие коллективные объединения. В момент вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.) ими было охвачено всего 19 % кочевников [6, с. 14]. Сегодня стремление улучшить материальное положение, образовательный уровень приводит к росту числа горожан. Рост численности городского населения наблюдается с 2002 г. Эта тенденция сохраняется и в наши дни. Специалисты отмечают, что доля горожан увеличилась как за счет естественного прироста населения (превышения числа родившихся над числом умерших), так и за счет ее миграции (зарегистрированной и не зарегистрированной) [13, с.33-34] (табл. 2).

Таблица 2. Численность городского и сельского населения Республики Тыва

Годы	Все население (тыс.чел.)	в том числе:		в общей численности населения (в %)
		городское	сельское	
1979	267.6	112.4	155.2	42.0
1989	308.5	144.3	164.2	46.8
2002	305.5	157.3	148.2	51.5
2010	307.9	163.4	144.5	53.1

Данные 1979 г., 1989 г. и 2002 г.: - Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Тыва. – Кызыл, 2004. - (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ); Данные 2010 г. : <http://tuvastat.ru>.

Несмотря на возрастающую роль города в жизни тувинского общества, отсутствие крупных производственных и промышленных предприятий, слабая экономика, недостаточно развитые инфраструктура и уровень благоустройства, в целом, не способствуют урбанизации в прямом смысле. Наблюдается так называемая «рурализация», характерное для многих малых российских городов явление, когда сельская традиционная культура воздействует на культуру города путем миграции сельчан и окраины застраиваются деревянными, малоэтажными домами.

Слабая степень урбанизации в социокультурном плане, доминирование сельского образа жизни оказывает положительное влияние на состояние тувинского языка, т.к. село является местом консервации состояния языка и способствует его однородности. Особую роль играет и направление миграции, которая пока характеризуется как маятниковая (регулярное передвижение жителей различных населенных пунктов на работу, учебу и возврат к месту жительства). Как отмечают социолингвисты, важным лингвистическим следствием такой миграции является «стирание региональных языковых различий и нивелирование территориальных диалектов» [3, с. 233].

По хозяйственно-экономическому укладу Тува традиционно была регионом с развитым аграрным сектором, что предопределило *социально-профессиональную структуру населения*. Издревле основной отраслью хозяйства тувинцев было кочевое скотоводство, ремесло носило подсобный характер, а товарное производство как одно из условий возникновения промышленности отсутствовало [12, с. 31-34]. Сегодня для Тувы характерны неразвитая отраслевая структура промышленного производства, преобладание в структуре валового регионального продукта сельского хозяйства и нерыночных услуг [2, с. 10]. Наибольшая численность занятого населения трудится в отраслях непроеизводственной сферы, а именно в сфере образования, здравоохранения и торговли (табл. 3).

Таблица 3. Относительные данные занятости населения по РТ в основных отраслях народного хозяйства (в %)

Сфера занятости	Все занятое население	
	1989 г.	2002 г.
Промышленность	11.8	8.5
Сельское хозяйство	28.3	13.9
Транспорт и связь	6.0	6.4
Строительство	12.7	4.4
Торговля и общественное питание	6.9	10.2
Жилищно-коммунальное хозяйство	2.7	3.6
Здравоохранение и физическая культура	7.0	12.1
Народное образование	11.5	23.0
Культура и искусство	2.1	5.0
Наука	2.2	0.4
Аппарат управления	3.4	-

Данные 1989 г.: Распределение населения по источникам средств существования и отраслям переписи населения. По данным Всесоюзной переписи населения. – Москва, 1989. - С. 131-133, 136-139; Данные 2002 г.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Статистический сборник. М. 2003. - С. 88-89; Данные 2010 г.: <http://tuvastat.ru>.

Специализация организаций, их национальный состав в определенной мере также влияют на использование языков в той или иной социально-профессиональной сфере. Например, довольно часто, несмотря на этническую однородность коллектива, в таких сферах деятельности как органы государственного управления, научные и образовательные учреждения, как язык внутриэтнического общения между тувинцами используется русский язык.

Образование как социальная норма в Туве сложилось в 50-60-е годы XX в. Первыми образовательными центрами в Туве были монастырские школы. В силу социально-экономического развития тувинского общества, его культурного уровня образование на тот момент традиционно воспринималось рядовыми аратами именно как духовное [10, с. 75]. Важным фактором следует считать то, что на первом этапе языком обучения и воспитания являлся тувинский язык.

В настоящий момент потребность личностной и профессиональной самореализации способствует повышению прагматической ценности образования. Различные социологические исследования последних лет показывают, что значительная часть молодежи Тувы рассматривает образование как средство улучшения своего материального положения и одно из главных условий, способствующих устроиться на престижную, высокооплачиваемую работу [8, С. 232; 15, С. 159]. Сегодня наблюдается тенденция, когда абитуриенты в основном стараются поступить в учебные заведения, находящиеся за пределами Тувы. Как правило, это подразумевает интенсивное использование и достаточно высокий уровень владения русским языком.

Итоги проведенных Переписей населения свидетельствуют, что общий образовательный уровень населения Тувы с каждым годом возрастает (табл. 4).

Таблица 4. Население по уровню образования по Республике Тыва

	На 1000 человек в возрасте 15 лет и более имеют образование				
	профессиональное			общее	
	послевузовское высшее и высшее	неполное высшее	среднее	среднее (полное)	основное
1979 г.	54	13	119	205	295

1989 г.	79	16	183	233	235
2002 г.	106	23	264	236	181
2010 г.	160	30	300	222	154

Данные 1979 г., 1989 г. и 2002 г.: Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Тыва. – Кызыл, 2004. - (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ); Данные 2010 г.:

Рассмотренные выше социальные параметры имеют условный характер и в определенной степени зависят от внешних условий, таких как государственная политика, экономическая ситуация и т.д. Пример языковой ситуации в Туве позволяет выделить и относительно независимые факторы. Например, необходимо отметить несколько исторических событий, так или иначе повлиявших на функциональное развитие тувинского языка. Это постепенный рост численности некоренного населения республики, обусловленный политическим статусом Тувы до ее вхождения в состав СССР (1944 г.). По мнению А.К. Бумбажай, в период царизма правительство игнорировало переселенческие вопросы из-за опасения того, что провозглашение принципа свободы переселений повлечет за собой миграционную мобильность населения. Правовое регулирование русских переселенцев способствовало постепенному росту их численности [4].

Положительным для развития тувинского языка следует считать и его функционирование в период ТНР (1921-1944 гг.). За годы ее существования была создана национальная письменность, значительно расширились и укрепились его общественные функции, произошло становление и развитие литературной формы. В правительственных кругах поднимались вопросы изучения государственного языка ТНР и его изучения гражданами СССР, проживающими в Туве. На тот момент тувинский язык, как государственный язык суверенной республики, по своему функциональному потенциалу и возможностям полностью соответствовал своему юридическому статусу.

Важно отметить и географическое местоположение республики. Тува остается одним из труднодоступных и отдаленных регионов России, не имеющих развитой транспортной инфраструктуры. Расстояние от Кызыла до Москвы 4 668 км., до ближайшей железнодорожной станции в Абакане 410 км. [9, с. 4-5]. Такое расположение изначально не способствовало массовому проникновению русскоязычного населения. Сегодня данный фактор играет ключевую роль: он во многом сдерживает миграционный отток самого тувинского населения и способствует компактности их проживания.

Таким образом, тувинский язык пока является одним из немногих титульных языков РФ, имеющих высокий уровень сохранности, достаточную функциональную и демографическую мощности. Степень его функционального состояния во многом зависит от экстралингвистических условий, в которых он сегодня развивается. Быстрый темп современных социокультурных процессов и постепенно меняющееся социально-экономическое положение республики могут изменить ситуацию, ускорить языковой сдвиг.

Литература

1. *Анайбан З.В.* Республика Тува: модель этнологического мониторинга / З.В. Анайбан. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. 96 с.
2. *Балакина Г.Ф.* Динамика социально-экономического развития Республики Тыва в 2006-2010 годах / Г.Ф. Балакина // Статистическая служба России: 200 лет (1811 2011 гг.): Материалы заоч. конф. к 200-летию юбилею российской статистики. Кызыл: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ, 2011. С. 10-13.
3. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика: Учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.
4. *Бумбажай А.К.* Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX - начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 28 с.
5. В Туву прибыл первый эшелон 55 отдельной мотострелковой (горной) бригады [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.tuvaonline.ru/2016/11/23/v-tuvu-pribyl-pervyy-eshelon-55-otdelnoy-motostrelkovoy-gornoy-brigady.html> (дата обращения: 18.03.2019 г.).
6. *Донгак С.Ч.* Традиции скотоводства у тувинцев (конец XIX середина XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 22 с.

7. *Журавель Т.Н.* Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19; Сиб. фед. гос. ун-т. Красноярск, 2015. 171 с. Режим доступа: <http://research.sfu-kras.ru/sites/research.sfu-kras.ru/files/DissertaciyaZhuravel.pdf> (дата обращения: 24.01.2018 г.).
8. *Кан В.С.* Социальное самочувствие молодежи в Республике Тыва [Электронный ресурс] / В.С. Кан // Новые исследования Тувы: Электр. науч. журн. 2010. № 3. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2155-кан.html (дата обращения: 01.02.2018 г.).
9. Кызыл 90 (юбилейный статистический сборник). Кызыл: Комстат РТ, 2004. 68 с.
10. *Монгуш В.Ч.* История образования в Тувинской Народной Республике: 1921-1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 175 с.
11. *Монгуш М.В.* Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы: (История и современность). Новосибирск: Наука, 2002. 126 с.
12. *Ондар О.Н.* Начало промышленного освоения Тувы / О.Н. Ондар // Ученые записки Тув. ин-та гум. исследований. Кызыл, 2002. Вып. 19. 326 с. С. 31-39.
13. *Плеханова Ю.Н.* Тува от переписи до переписи / Ю.Н. Плеханова // Статистическая служба России: 200 лет (1811-2011 гг.): Материалы заочной конф. к 200-летию юбилею российской статистики. Территор. орган федер. службы гос. статистики по РТ. Кызыл, 2011. 176 с. С. 26-34.
14. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.04.2017 г.).
15. *Харунова М. М-Б.* Образование и работа как факторы социального самочувствия молодежи Тувы (по материалам социологического опроса) [Электронный ресурс] / М.М-Б. Харунова // Новые исследования Тувы: Электр. науч. журн. 2010. № 4. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2527-harunova.html (дата обращения: 01.04.2017 г.).
16. Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/80/narod/etnoatlas/0/eid/111> (дата обращения: 04.04.2017 г.).

К вопросу о языковом планировании в зарубежной социологии языка

To a question of language planning in foreign sociology of language. The article deals with some language planning approaches in foreign sociology of language and applied linguistics. The model of language planning proposed by G. Haarmann, R. Baldauf, R. Kaplan focuses on human behavior and psychological aspects in achieving the planned result, realization of language planning from the recipient's point of view, the recipient's attitude to the results of language policy and planning. The inclusion of prestige (and image) planning in the traditional planning structure with emphasis on the integration nature of the activities in language planning is of great importance.

Языковое планирование является предметом исследования социолингвистики, социологии языка и прикладной лингвистики. В современной социолингвистике нет единого и общепринятого понимания терминов «языковая политика» и «языковое планирование». В некоторых исследованиях эти термины являются даже взаимозаменяемыми. Причем некоторые исследователи считают, что языковая политика – составляющая часть языкового планирования (Д. Кристал, Р. Каплан, М.И. Исаев), и что языковая политика – практическая реализация языкового планирования (М.Феттс) [2, с. 9-10]. Мы придерживаемся мнения ученых о том, что языковое планирование – составляющая часть языковой политики (Л.Б. Никольский) и языковое планирование – практическая реализация языковой политики (Г.Шифман, Г. Фергюсон, Р. Бугарски).

В отечественной социолингвистике наиболее распространено понятие *языковая политика*, термин же *языковое строительство* широко употреблялся в годы Советской власти и после нее. В зарубежной социолингвистике и прикладной лингвистике наиболее употребительны понятия *языковое планирование*, и чаще всего *языковая политика и языковое планирование (language policy and planning – LPP)*.

Языковое планирование имеет важное значение для определения стратегии национально-языковых отношений полиэтнических и мультикультурных регионов мира. Изучение языковой ситуации и определение основных принципов языковой политики, разработка социальных функций языка и практическое воплощение целей данной языковой политики и запланированной программы действий, составляют суть и основные этапы языкового планирования во всех без исключения многонациональных государствах и наднациональных образованиях [1].

Исследование языкового планирования наиболее плодотворно проводится зарубежными исследователями. Обращение к опыту зарубежных ученых в исследовании языкового планирования позволит обогатить теорию и практику отечественной социолингвистики и решать назревшие проблемы в области языкового планирования. Наиболее интересными исследованиями в этом отношении являются труды Г. Харманн, Р. Каплан, Р. Балдауф и Д. Эйджер.

В предлагаемой ими теории языкового планирования делается акцент на человеческое поведение и психологические аспекты в получении запланированного результата, на необходимость деятельности по планированию престижа языка, на роль индивида и неофициальных учреждений, согласованных и объединенных усилий индивидов и групп по планированию престижа языка.

С начала 1990-х гг. ученые (Г. Харманн, Р. Каплан и Р. Балдауф) начали изучать осуществление языкового планирования с точки зрения реципиента, обращая особое внимание на принятие продуктов языковой политики, а также отношение реципиентов к ним. С 1980-х до 1990 гг. ученый Г. Харманн одним из первых провел ряд исследований по изучению роли индивида в процессе принятия и непринятия продуктов языкового планирования [4]. Согласно Г. Харманн, планирование престижа следует рассматривать как отдельный вид деятельности по языковому планированию. Отметим, что в отечественной социолингвистике не распространено и не изучается данное понятие «планирование престижа». По мнению Г. Харманн, планирование корпуса и статуса – продуктивные виды деятельности, в то время как планирование престижа – рецептивная или ценностная функция, которая указывает на то, как действуют продуктивные виды деятельности по планированию под влиянием создателей политики и как они воспринимаются людьми. По мнению Г. Харманн, создание престижа планируемых продуктов требует осуществления языкового планирования на 4-х различных уровнях (т.е. деятельность индивидов,

деятельность группы, деятельность органов и деятельность правительства), которые определяют эффективность организационного воздействия, и такое планирование, в свою очередь, влияет на успех языкового планирования. В своей модели ученый выделяет верхний (самый главный) – направленный сверху-вниз подход (роль правительственных и официальных органов), направленный снизу-вверх подход (роль индивида и неофициальных учреждений), который формально признавался и освещался в первый раз. Г. Харманн обращает внимание на важное значение совместной роли акторов языкового планирования. Успех планируемой деятельности (языковой политики) и ее осуществление (языковое планирование) могут зависеть от многочисленных факторов. Деятельность по планированию престижа включает согласованные и объединенные усилия индивидов и групп. По мнению Р. Балдауф [4], отсутствие или неудачный результат совместных действий по продвижению языка может стать фактором, разрушающим осуществление политики и практики планирования, затрудняя достижение продуктивных целей.

Д. Эйджер выдвинул рецептивную теорию, в которой выделил четыре теоретических концепта: статус, престиж, идентичность и образ. Статус и идентичность – реальные или конкретные аспекты использования языка, а престиж должен быть суммирован из социо-психологических аспектов. Согласно Д. Эйджер, имидж и престиж нуждаются в фактическом изменении в идентичности и статусе, а изменения в статусе и идентичности необязательно вызывают изменения в имидже или престиже... Другими словами, планирование имиджа и престижа одинаково важны, если не больше, чем планирование статуса [4, с. 114]. Однако планирование имиджа и престижа отличается от планирования статуса с точки зрения подхода. Планирование статуса обычно осуществляется через принудительные меры, которые типичны методам сверху-вниз, в то время как планирование престижа требует планирования, ориентированного снизу-вверх. Например, планирование престижа направлено на изменение отношения и образование идентичности посредством мягких и менее провокационных мер; и подразумевает эффективность партисипаторных моделей; поддержку и сотрудничество населения, для которого планируются языковые продукты. По мнению Г. Харманн, уровень продвижения снизу-вверх (деятельность индивидов и групп), и планирование престижа могут быть сформированы с помощью лишь долгосрочного развития. Очень важно индивидуальное продвижение, содействие, когда планируемый продукт используется престижными общественными деятелями, влиятельными гражданами и социальными элитами. Подобное языковое поведение служит в качестве ориентира для всего общества и обеспечивает населению престижные модели для следования, что ведет к спонтанному подражанию и быстрому распространению. Таким образом, самая эффективная технология в языковом планировании – партисипаторная модель посредством действия процесса снизу-вверх, которая недооценивается и не задействована в языковом планировании, в частности, в Республике Бурятия. Язык обычно воспринимается социолингвистами как эмблема идентичности. Социоэкономический статус носителей языка указывает на престиж и имидж самого языка, поэтому влияет на восприятие языкового выбора людей, т.к. считается, что язык дает своим носителям социоэкономические метки (признаки).

Известно, что с 18 в. и до начала 19 в. (до конца наполеоновских войн) французский язык стал языком бытового общения, неофициальным языком русской аристократии, предпочитавшей между собой говорить на нем, нежели на русском, и учить своих детей французскому языку. Поклонение французскому языку, престиж французского языка среди русской аристократии в России были связаны с французским Просвещением и Великой французской революцией, с эпохой расцвета Франции, ставшей гегемоном в Европе и во всем мире. Военно-политическая и экономическая мощь США также определили ведущую позицию английского языка как международного языка в 20-21 вв.

Р. Каплан и Р. Балдауф [3, с. 23-24] указывают на необходимость включения планирования языка в образование и планирования престижа в традиционную структуру планирования, делая акцент на интеграционную природу мероприятий по языковому планированию. Принятие языка на образовательном и дошкольном уровне, или даже дома наиболее эффективно поддерживается через осознание конечной ценности того языка в обществе.

Для того чтобы бурятский язык стал более престижным и привлекательным для изучения и общения, требуются согласованные и объединенные усилия учителей бурятского языка и литературы, деятелей культуры и искусства республики, ВАРК, общественных организаций, СМИ по планированию престижа языка. Огромная роль отводится семье, родителям, которые могут воспитывать у ребенка любовь к родному языку и культуре, поощрять и поддерживать интерес к языку, к истории своего края, народа, к

традициям и обычаям своего народа. Необходимо осознать ценность национального языка как стержня народа, культуры, будущего своего народа, истину о том, что нет языка – нет народа.

Бурятский язык является уникальным языком, который необходимо изучать по многим причинам, среди которых:

1. Бурятский язык – язык предков, который буряты обязаны передавать из поколения в поколение.
2. Бурятский язык – средство постижения культурных ценностей народа.
3. Бурятский язык – средство приобщения к богатому культурному и историческому наследию бурят-монгольского мира.
4. Бурятский язык помогает изучать другие языки монгольской группы – монгольский, калмыцкий, хамниганский, ойратский, ордосский и др.
5. Бурятский язык – код в постижении характера народа.
6. Бурятский язык – язык приобщения к сокровищнице бурятского народа, к богатому литературному наследию, включающему бурятский народный эпос «Гэсэр».
7. Зная бурятский язык, человек сможет петь замечательные бурятские песни, песни хора под зажигательный хор, произносить замечательные поздравления – юроол своим родным, близким, коллегам на праздники, юбилеи.
8. Бурятский язык – средство общения с родственниками и близкими, со старшим поколением – носителями языка, не прибегая услугам переводчика.
9. Если молодое поколение бурят не будет изучать свой родной материнский язык, в ближайшем будущем исчезнет бурятский народ.

Литература

1. *Гришаева Е. Б.* Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Красноярск, 2007 [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/tipologiya-yazykovyh-politik-i-yazykovogo-planirovaniya-v-polietnicheskom-i-multikulturnom-prostranstve> (Дата обращения: 19.01.2019).
2. *Селиверстова О.А.* К вопросу о дефиниционных различиях понятий «языковая политика» и «языковое планирование» в отечественной и зарубежной лингвистике // Известия ВГПУ. № 10. 2014. С. 8-12.
3. *Baldauf, R. B., Jr., & Kaplan, R. B.* Language policy decisions and power: Who are the actors? In P. M. Ryan & R. Terborg, (Eds.), *Language: Issues of inequality* (pp. 19-40). México, D.F.: Universidad National Autónoma de México [UNAM]. 2003.
4. *Zhao, S.* Home Language shift and its implication. / S. Zhao & Y. Liu // *The Asia Pacific-Education researcher*. Vol. 16. N. 2.

Барометр витальности карельского языка

Vitality barometer of the Karelian language. This article presents a description of the current state of the de facto minority language - Karelian. The author refers to the census materials of 2002 and 2010, regulatory and policy documents that have confirmed the provisions of the Karelian language, and the results of the international research project on multilingualism in Europe - ELDIA, including the position of the Karelian language in Russia.

Языковые проблемы карел, вепсов и финнов существовали – в скрытой или явной форме – в Республике Карелия всегда, но за последние два с лишним десятилетия приобрели наибольшую остроту и открытую дискуссионность [3, с. 9]. Одно из центральных мест занимает вопрос о сохранении языков.

На карельском говорят в основном в Республике Карелия, в меньшей степени – в Тверской области и в Финляндии. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, число носителей карельского языка составило 25 600 человек, в то время как число этнических карел было 60 815 человек [7]. Численность карел в российских переписях снижается, начиная с переписи 1939 года. Она значительно сократилась за последние 20 лет, намного быстрее, чем демографические изменения населения в целом.

Таблица 1

Карелы, вепсы и финны в России по данным переписей населения 1926 – 2002 годов [2]

Народы	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
	<i>тысяч человек</i>					<i>человек</i>	
Все население	100623	108262	117534	130079	137410	147022000	145164918
Русские	74072	89740	97864	107748	113522	119866000	115868486
Вепсы	33	31	16	8,1	7,6	1214	8284
Карелы	248	250	164	141	133	124921	93240
Финны	134	139	72	62	56	47102	33947

Наблюдается языковой сдвиг с карельско-русского двуязычия к русскому монолингвизму, одной из причин которого является *низкий престиж* карельского языка. В 1930-х годах он был стандартизирован и сделан вторым официальным языком в Республике Карелия (помимо русского). Однако это состояние дел продолжалось только до 1940 года. После Второй мировой активно продвигался русский язык, и только в годы перестройки карельский снова используется в письменной форме. Карельский также затмевается более престижным финским языком. Развитие тесных связей республики с Финляндией способствовало росту интереса к финскому языку со стороны представителей бизнеса, государственных служащих. Финский язык ежедневно звучит в эфире республиканского телевидения и радио, с театральной сцены; он занимает уверенные позиции в сфере высшего образования – в качестве основной специализации его учат около 200 студентов Петрозаводского государственного университета, в качестве дополнительной финский язык преподается на историческом и филологическом факультетах, на кафедре туризма, действуют языковые курсы и образовательные программы.

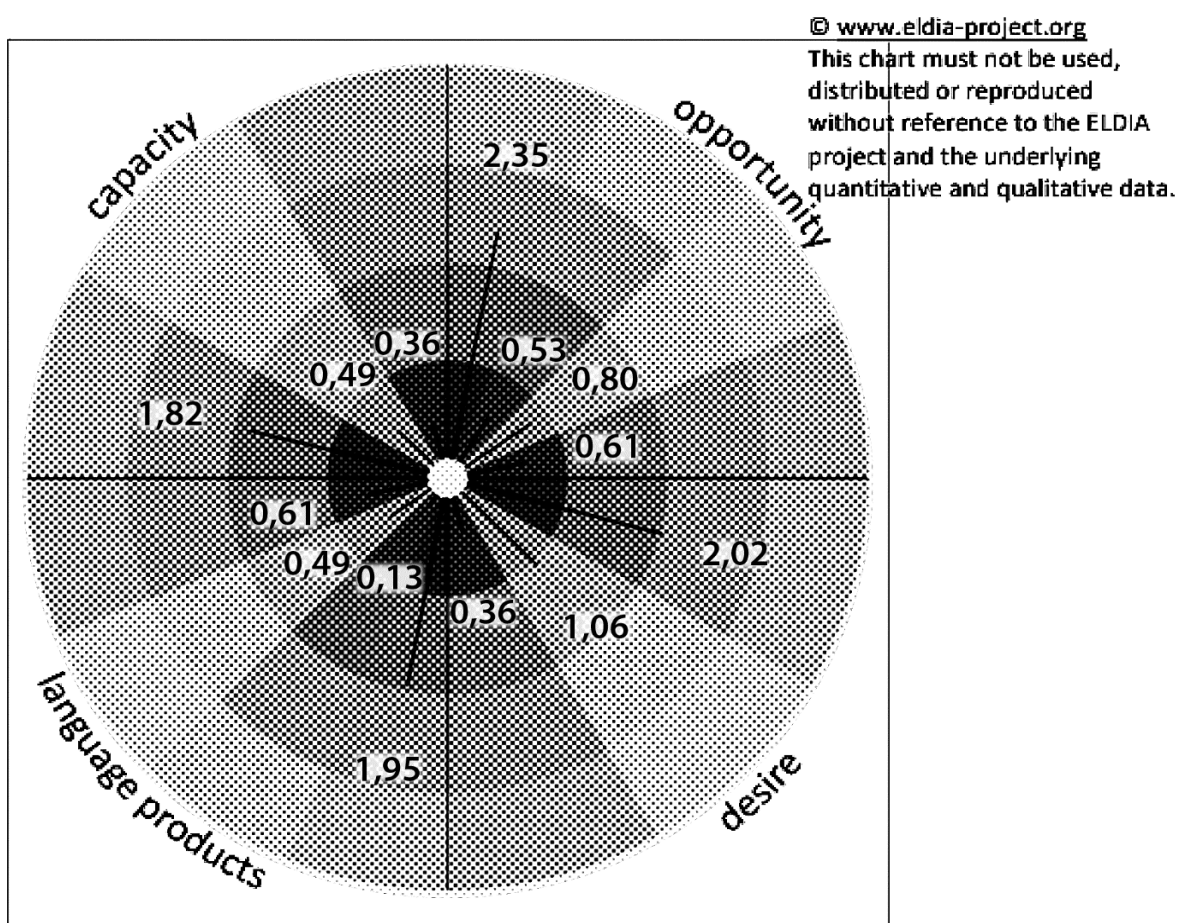
На бумаге нынешняя официальная языковая идеология республики способствует языковому плюрализму [8, р. 34]. Несмотря на свою роль титульного языка Республики Карелия, карельский язык не приобрел статус государственного языка, и до сих пор нет реального закона о языке в Республике Карелия. Наиболее *близким аналогом* является Закон о государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия, который был принят в марте 2004 года. Он имеет более узкий охват, чем законы о языках других республик, но создает возможности для использования карельского языка в публичной сфере. Республиканский закон об образовании (18 января 1994 г.) и Закон о культуре (24 января 1995 г.) регулируют использование карельского языка путем создания условий для карел, с тем чтобы гарантировать им право на получение общего образования на карельском языке. Тем не менее следует отметить, что имплементация этих законов неадекватна и часто зависит от мотивации местных чиновников, оставляя *многоязычие на символическом уровне* [9, р. 93]. Фактическое использование карельского в об-

ществе крайне ограничено. Доминантными сферами для карельского языка можно считать сферы образования, СМИ и художественной литературы, хотя во всех этих сферах карельский язык софункционирует с русским языком с явным преобладанием коммуникативной мощности последнего [4, с. 269-270].

В октябре 2017 года ЮНЕСКО внесло изменения в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» – три диалекта карельского языка (собственно карельский, ливвиковский и людиковский) и вепсский язык были включены в лингвистическую «Красную книгу» специализированного учреждения ООН [5, 6].

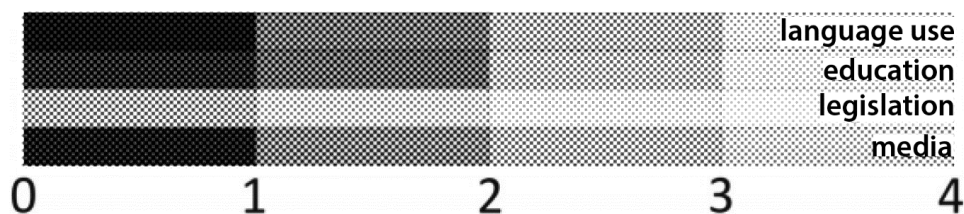
В 2013 году исследовательский консорциум ELDIA – European Language Diversity for ALL – издал доклад, посвященный карельскому языку в России. Олонецкий (ливвиковский) диалект карельского языка наряду с другими его диалектами определяется как язык, находящийся *под серьёзной угрозой* [8, р. 179]. Основные выводы исследования проанализированы и обобщены с точки зрения четырёх фокус-областей – способность, возможность, желание и языковые продукты. Барометр витальности карельского языка в России визуально представлен на диаграмме-радаре ниже.

Диаграмма 1.
Барометр витальности олонецкого карельского языка в России

Четыре различных цвета используются для описания четырех измерений: использование языка и взаимодействие, образование, законодательство и СМИ (медиа). Обратите внимание, что только три измерения (не образование) находятся в квадрантах «способность» и «желание». Поскольку некоторые значения оказались очень низкими, чтобы улучшить читабельность графиков, было решено начинать линии с внутреннего круга вместо центра.

Нижеследующая легенда показывает цвета, используемые для каждого измерения, и цвета, используемые для степени того или иного измерения.

Как показывает барометр, значение различных измерений четырех фокус-областей никогда не превышают значения 3 (что отражало бы более безопасный уровень поддержки миноритарного языка и его статус в обществе).

Область использования языка и взаимодействия является самой vitalной из всех фокус-областей, что подчеркивает тот факт, что социетальная поддержка олонецкого карельского в сфере законодательства, образования или (поддерживаемых государством) СМИ очень слаба.

Ситуация вокруг карельского языка – это повод задуматься над тем, что доминирующие этатистские и нормативистские представления о языковой политике, в том числе в отношении *де факто* миноритарных языков, недостаточно эффективны. Сохранение, изучение и развитие малых языков требуют целенаправленных, научно-обоснованных, системных действий не только со стороны федеральных и региональных властей, но и сетевых структур, включая комплекс мер, связанных с повышением социального престижа языков.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. Т. 4. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
2. Карелы, вепсы и финны в России по данным переписей населения 1926 – 2002 годов. Официальный интернет-портал Республики Карелия // http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/karel_tab2.html. - Дата обращения: 19.03.2019 г.
3. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005.
4. Кондрашкина Е.А. Языковая ситуация в Республике Карелия // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. – М.: Азбуковник, 2017. – С. 263-271.
5. Нечаева А. Поможет ли карельский язык остановить финскую экспансию? // <https://regnum.ru/news/society/2132060.html>. - Дата обращения: 10.05.2018.
6. Новиков В. Финская языковая экспансия в Карелии: под завесой «угрозы русификации» // <https://regnum.ru/news/society/2009230.html>. - Дата обращения: 11.05.2018.
7. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Росстат [официальный сайт]. Т. 4. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
8. Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S. Karelian in Russia // Studies in European Language Diversity 26.ELDIA. – Germany, Mainz, 2013. – 269 p.
9. Tanczos O.M. Representations of Karelians and the Karelian language in Karelian and Russian local newspapers // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. – 2015. – vol.6, no. 1. – P. 91-110.

**СПИСОК УЧАСТНИКОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЯЗЫКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ:
РАЗВИТИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ»**

**THE LIST OF THE PARTICIPANTS OF
THE INTERNATIONAL CONFERENCE
« LANGUAGES IN A POLYETHNIC STATE: DEVELOPMENT,
PLANNING AND PROSPECTS»**

Абаева Юлия Догоржаповна

кандидат филологических наук
научный сотрудник Отдела языкознания
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: julaba@yandex.ru

Алпатов Владимир Михайлович

Член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор
Руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН,
Россия, Москва

Атаев Борис Махачевич

доктор филологических наук, профессор
зам. директора по науке, главный научный сотрудник отдела грамматических исследований
Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН
Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала
E-mail: bm_ataev@mail.ru

Афинская Зоя Николаевна

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Кандидат филологических наук
доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Россия, Москва
E-mail: afin-zn@mail.ru

Бадараев Дамдин Доржиевич

кандидат социологических наук, доцент
старший научный сотрудник Отдела истории, этнологии и социологии
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: damdin80@mail.ru

Батдорж Цэвэндорж

PhD, ученый секретарь
Института языка и литературы
Монгольской академии наук
Монголия, Улан-батор
E-mail: batdorj0007@gmail.com

Биткеева Айса Николаевна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Института языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Россия, Москва

E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Богданова Людмила Ивановна

доктор филологических наук

профессор кафедры сопоставительного изучения языков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, Москва

E-mail: libogdanova1@mail.ru

Боргоякова Тамара Герасимовна

Доктор филологических наук, профессор,

директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Россия, Республика Хакасия, г. Абакан

E-mail: tamarabee@mail.ru

Будажанова Лариса Батуевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания

Бурятский государственный университет

Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ

E-mail: budlara@mail.ru

Варламов Александр Николаевич

доктор филологических наук

старший научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск

E-mail: ataki2006@yandex.ru

Варламова Юлия Александровна

студент 1 курса Восточного института

Бурятский государственный университет

Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск

E-mail: ataki2006@yandex.ru

Васильева Римма Иннокентьевна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник отдела якутского языкознания, заслуженный ветеран СО РАН

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных Народов СО РАН Россия, Республика

Саха (Якутия), г. Якутск

E-mail: Rimin62@inbox.ru

Вингендер Моника

профессор,

руководитель научного центра «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета

им. Юстуса Либига

Германия, Гиссен

Воропаев Николай Николаевич

кандидат филологических наук
научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии
Институт языкознания РАН
Россия, г. Москва
E-mail: tianyu@mail.ru

Герасименко Ирина Евгеньевна

доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
Россия, г. Тула
E-mail: irinagera2006@rambler.ru

Горячева Мария Александровна

кандидат филологических наук
Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Россия, Москва

Гунжитова Гарма-Ханда Цыбикжаповна

кандидат политических наук
доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания
Бурятский государственный университет
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: gunzhitova1974@mail.ru

Гусейнова Аурика Вагифовна

кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
Россия, Республика Хакасия, г. Абакан
E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

Гэрэлмаа Гороочин

Доктор филологических наук, профессор
Отдел прикладной лингвистики
Института языка и литературы Монгольской академии наук
Монголия, Улан-Батор
E-mail: g_mgl2003@yahoo.com

Дамбуев Игорь Александрович

Кандидат филологических наук
Старший научный сотрудник отдела языкознания
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: igor_dambuev@mail.ru

Дамбуева Полина Петровна

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков
Институт языкознания РАН
E-mail: polina-dambueva@mail.ru

Даржаева Надежда Баировна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Отдела языкознания
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: dnadezhda@mail.ru

Дашинимаева Полина Пурбуевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации
Бурятский государственный университет
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: pdash@bsu.ru

Дорофеев Юрий Владимирович

доктор филологических наук
доцент, проректор по научной работе, и.о. заведующего кафедрой филологии
ГБУ ДПО Республики Крым «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования»
Россия, Республика Крым, г. Симферополь
E-mail: yuvld@mail.ru

Дьяконова Мария Петровна

младший научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск
e-mail: dmp76@bk.ru

Дырхеева Галина Александровна

доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: an5dag1@mail.ru

Дякиева Балджа Батнасуновна

доктор педагогических наук, доцент
профессор, и.о. зав. кафедрой калмыцкой литературы и журналистики
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
Россия, Республика Калмыкия, Элиста
E-mail: raisadyakieva@mail.ru

Едличко Анжела Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, Москва
E-mail: ang299@yandex.ru

Жалсанова Валентина Гурожалповна

кандидат социологических наук, доцент
старший научный сотрудник Отдела истории, этнологии и социологии
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: valyazhal@list.ru

Забашта Роман Валентинович

кандидат филологических наук
доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Россия, Республика Крым, г. Симферополь
e-mail: zabriv@yandex.ru

Захарова Наталия Егоровна

Научный сотрудник Отдела северной филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Республика Якутия (Саха), г. Якутск
E-mail: Zakharova_nataly@mail.ru

Иванищева Ольга Николаевна

доктор филологических наук
профессор, заведующий кафедрой русской филологии и массовой коммуникации
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
Россия, г. Мурманск

Иванова Нина Иннокентьевна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник отдела якутского языка
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Республика Якутия, г. Якутск
E-mail: haar-haar@mail.ru

Искужина Наиля Гайфулловна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры истории, обществознания и культурологии
Институт развития образования Республики Башкортостан
Россия, Республика Башкортостан, Уфа
E-mail: iskuzhina@mail.ru

Каплунова Мария Яковлевна

кандидат филологических наук
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Россия, Москва
E-mail: mary.golik@gmail.com

Кириленко Светлана Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИ-ГАиК)
научный сотрудник Института языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Россия, Москва
E-mail: svetlanavk@inbox.ru

Кожемякина Валентина Алексеевна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Россия, Москва

Колесник Наталья Григорьевна

Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Россия, Москва
E-mail: nkol373@yandex.ru

Кондрашкина Елена Алексеевна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Россия, Москва
E-mail: e.kondrashkina@inbox.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук
профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации
Кафедра финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Россия, Республика Марий Эл
E-mail: kudsebs@rambler.ru

Лановая Татьяна Владимировна

старший преподаватель кафедры филологии Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования
Россия, Республика Крым, г. Симферополь
E-mail: lanovaya.tatyana@gmail.com

Лиджиева Людмила Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Института калмыцкой филологии и востоковедения
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
Республика Калмыкия, г. Элиста
E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

Ли Цзя

Phd,
Факультет китайского языка,
Уханьский университет, Центр исследования языковой ситуации и общественного развития Китая
Китай, Ухань
E-mail: leechia@whu.edu.cn

Ляо Пэй Юй

ассистент кафедры восточных языков Института иностранных языков
Московского педагогического государственного университета
Россия, Москва
E-mail: f.estherliao@gmail.com

Михальченко Вида Юозовна

доктор филологических наук
профессор, главный научный сотрудник
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Россия, Москва

Мунхцэцэг Намсрай

PhD, научный сотрудник Отдела прикладной лингвистики
Института языка и литературы Монгольской академии наук
(Монголия, Улан-Батор)
E-mail: tsetseg_mongolia@yahoo.com

Нансалмаа Нямжав

Ph.D, профессор
Национальный университет Монголии
Монголия, Улан-Батор
E-mail: nansalmaa@mail.ru

Попова Мария Дмитриевна

младший научный сотрудник, отдел северной филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Республика Якутия (Саха), г. Якутск
E-mail: mariya.milana@yandex.ru

Пурэвжав Эрдэнэ

PhD., зав. отделом монгольского языкознания
Института языка и литературы Монгольской Академии наук
Монголия, Улан-Батор
E-mail: purvee_9@yahoo.com

Ретинская Татьяна Ивановна

доцент, зав. кафедрой романской филологии
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
Россия, Орловская обл., Орловский р-н, п/о Жилина
E-mail: tatret@mail.ru

Рупышева Людмила Эрдэмовна

кандидат филологических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: rupysheva71@mail.ru

Рудяков Александр Николаевич

доктор филологических наук
профессор, ректор, профессор кафедры филологии
ГБОУ дополнительного профессионального образования Республики Крым «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования»
Россия, Республика Крым, г. Симферополь
E-mail: anrudiakov@rambler.ru

Рябова Ирина Сергеевна

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языкознания РАН
Россия, Москва

Салихова Эльвина Ахнафовна

Доктор филологических наук
доцент, проф. кафедры языковой коммуникации и психолингвистики общенаучного факультета
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет»
Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: Salelah12@yandex.ru

Самбуудорж Очирбат

Доктор филологических наук
Зав. сектором алтаистики
Института языка и литературы Монгольской Академии наук
Монголия, Улан-Батор
E-mail: osambuudorj@yahoo.com, osambuudorj@gamil.com

Саперова Диана Анатольевна

аспирант
Московский педагогический государственный университет
Россия, Москва
E-mail: mvd.saperova@mail.ru

Саранцацрал Цэрэнчимэд

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры европейских исследований
Монгольский Государственный Университет
Монголия, г. Улан-Батор
E-mail: ts.sarantsatsral@gmail.com

Семенова Виктория Ильинична

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры бурятской филологии
Иркутский государственный университет
Россия, г. Иркутск
E-mail: semenova1963@mail.ru

Строгальщикова Зинаида Ивановна

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН
Россия, г. Петрозаводск
E-mail: strogalshchikova.zinaida@yandex.ru

Сундуева Екатерина Владимировна

доктор филологических наук, доцент
главный научный сотрудник, координатор проекта отдела языкознания
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: sundueva@mail.ru

Тан Мэн Вэй

кандидат филологических наук
доцент кафедры восточных языков Института иностранных языков
Московского педагогического государственного университета
Россия, Москва
E-mail: vasily.tang@gmail.com

Харанутова Дарима Шагдуровна

доктор филологических наук
доцент кафедры русского языка и общего языкознания
Бурятского государственного университета
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: dkharanutova@mail.ru

Хилханова Эржен Владимировна

доктор филологических наук
профессор кафедры иностранных языков и общей лингвистики
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: erzhen74@yahoo.com

Цыбденова Баирма Жамьяновна

Кандидат социологических наук,
Доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
E-mail: btsybdenova@bk.ru

Цыбенова Чечек Сергеевна

кандидат филологических наук
младший научный сотрудник Отдела языкознания
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: tschechek@mail.ru

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна

кандидат филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения и фольклористики
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: bch58@yandex.ru

Цыренов Бабасан Доржиевич

доктор филологических наук
доцент, ведущий научный сотрудник Отдела языкознания
ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

Цырендоржиева Баирма Дамбиевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания Восточного института
Бурятский государственный университет
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: bairma_11@mail.ru

Шабыков Виталий Иванович

кандидат философских наук
старший научный сотрудник
Отдела социологии ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»
Россия, Республика Марий Эл
E-mail: kudsebs@rambler.ru

Шагдурова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири
Институт филологии СО РАН
Россия, г. Новосибирск
E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Шинэбаяр Очиртогоо

Ph.D, профессор
Зав. сектором прикладной лингвистики
Института языка и литературы Монгольской академии наук
Монголия, Улан-Батор
E-mail: och.shinee@yahoo.com

Януш Ольга Борисовна

Кандидат политических наук
доцент Кафедры социологии, политологии и права
ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»
Россия, Республика Татарстан, г. Казань
E-mail: yanush_ob@yahoo.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	5
<i>В.М. Алтатов (Россия, Москва)</i> . Социоллингвистика в России и СССР	5
<i>В.Ю. Михальченко (Россия, Москва)</i> . Социоллингвистический аспект классификации языков России	8
<i>Моника Вингендер (Германия, Гиссен)</i> . Типы языковых конфликтов и методы языкового прогнозирования – социоллингвистические подходы и примеры из постсоветских стран	13
<i>Г.А. Дырхеева (Россия, Улан-Удэ)</i> . Бурятский язык десять лет спустя: современные проблемы функционирования и перспективы развития	14
<i>Т.Г. Боргоякова (Россия, Абакан)</i> . Языки коренных народов: перспективы витальности (на примере языков Южной Сибири)	17
<i>Erdene Purevjav (Mongolia, Ulaanbaatar)</i> . Language policy in Mongolia	18
КРУГЛЫЙ СТОЛ «МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»	21
<i>Ю.Д. Абаева (Россия, Улан-Удэ)</i> . Интонация завершенности / незавершенности баргузинского говора бурятского языка	21
<i>Д.Д. Бадарев, В.Г. Жалсанова (Россия, Улан-Удэ)</i> . Состояние и тенденции развития недоминирующего языка в местах проживания бурят: на материале экспедиционных исследований	26
<i>П.П. Дамбуева (Россия, Москва)</i> . Союзы как синтаксическое средство выражения категории модальности в современном бурятском языке	31
<i>Н.Б. Даржаева (Россия, Улан-Удэ)</i> . Синтаксический облик современных бурятских художественных произведений	34
<i>В.Г. Жалсанова (Россия, Улан-Удэ)</i> . Проблемы репродукции бурятского языка в ученической среде (по материалам социологического исследования)	38
<i>Л.А. Лиджиева (Россия, Элиста)</i> . Семантика пространственных падежей в калмыцком языке	42
<i>Нямжав Нансалмаа (Монголия, Улан-Батор)</i> . Языковая ситуация и жизнеспособность монгольского языка на микро- и макроуровнях	45
<i>Л. Э. Рупышева (Россия, Улан-Удэ)</i> . Из истории изучения фитонимов в монгольском языкознании	50
<i>Очирбат Самбуудорж (Монголия, Улан-Батор)</i> . Социальная трансформация в Монголии и их влияние на лексические изменения монгольского языка	53
<i>В.И. Семенова (Россия, Иркутск)</i> . Лексико-семантические изменения в западных говорах бурятского языка	58
<i>Е.В. Сундуева (Россия, Улан-Удэ)</i> . Лексическая экспликация значения ‘хитрость’ средствами корневого согласного l в монгольских языках	61
<i>Д.Ш. Харантуова, Л.Б. Будажапова (Россия, Улан-Удэ)</i> . Бурятский литературный язык и диалекты: проблемы и перспективы	65
<i>Б.Д. Цырендоржиева (Россия, Улан-Удэ)</i> . Педагогическая стратегия использования методических подходов в преподавании бурятского языка в современных условиях	68
<i>Б.Д. Цыренов (Россия, Улан-Удэ)</i> . Бурятский язык: вопросы выживания	71
<i>О.Ю. Шагдурова (Россия, Новосибирск)</i> . Семантика заимствованных монгольских глаголов в хакасском языке	75
<i>O.Shinebayar (Mongolia, Ulaanbaatar)</i> . Creating legal terms with metaphor	79
СЕКЦИЯ № 1. ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ	82
<i>З.Н. Афинская (Россия, Москва)</i> . Регионализм – обособление и взаимодействие (опыт языковой политики Франции)	82
<i>Цэвэндоржийн Батдорж, Вадтаанут Энхтмаа (Монголия, Улан-Батор)</i> . Государственная политика в сфере письменности (с 1921 года и по сегодняшний день)	85
<i>Гороочин Гэрэлмаа (Монголия, Улан-Батор)</i> . О реализации закона о государственном монгольском языке	92
<i>Б.Б. Дякиева (Россия, Элиста)</i> . Законы о языках народов Российской Федерации и программирование развития национальных языков (на примере калмыцкого языка)	94
<i>А.И. Едличко (Россия, Москва)</i> . Языковые контакты и языковое законодательство в немецкоязычных странах	98
<i>Н.Г. Искужина, Э.А. Салихова (Россия, Уфа)</i> . Становление нормативно-правовой базы языкового законодательства Республики Башкортостан (краткий обзор)	101
<i>В.А. Кожемякина (Россия, Москва)</i> . Этапы успешного языкового планирования и языкового законодательства во франкоязычной провинции Канады Квебеке	105
<i>Н.Г. Колесник (Россия, Москва)</i> . Кабардино-черкесский язык: аспекты языковой политики на современном этапе	109
<i>Т.В. Лановая (Россия, Симферополь)</i> . Языковое законодательство в Республике Крым: опыт и перспективы	115
<i>Munkhtsetseg Namsrai (Mongolia, Ulaanbaatar)</i> . Terminology planning as a crucial aspect of language planning in Mongolia	119
<i>З.И. Строгалыщикова (Россия, Петрозаводск)</i> . Языки коренных народов малочисленных народов России в системе образования: предложения по совершенствованию правовой базы	123
СЕКЦИЯ № 2. ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ЯЗЫКОВ	129
<i>Б.М. Атаев (Россия, Махачкала)</i> . Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие	129
<i>Л.И. Богданова (Россия, Москва)</i> . Конфликт ценностей в условиях контакта культур	133
<i>А.Н. Варламов (Россия, Якутск)</i> . Роль дошкольного образования в сохранении миноритарных языков:	

международный опыт и перспективы	137
<i>Ю.А. Варламова (Россия, Улан-Удэ)</i> . Функциональность эвенкийского языка в электронной среде	140
<i>Р.И. Васильева (Россия, Якутск)</i> . Языковая лояльность и проблема сохранения этнической идентичности якутов, проживающих в инокультурной среде (на материале Приленья)	143
<i>Н.Н. Воропаев (Россия, Москва)</i> . Как же быть Украине с её языком?	146
<i>И.Е. Герасименко (Россия, Тула)</i> . Проблемы преподавания русского языка в полиэтнической среде	150
<i>Ю.В. Дорофеев (Россия, Симферополь)</i> . Словарь как форма отражения языковой ситуации в регионе	152
<i>М.П. Дьяконова (Россия, Якутск)</i> . Проблемы сохранения и развития эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия)	156
<i>Р.В. Забаита (Россия, Симферополь)</i> . Регионализация русского языка в Республике Крым как фактор лингвокультурологической самоидентификации	160
<i>Н.Е. Захарова (Россия, Якутск)</i> . Смещение языков в речи билингов и полилингов	165
<i>О.Н. Иванищева (Россия, Мурманск)</i> . Социолингвистическая ситуация в трансграничном регионе: к вопросу о сохранении и функционировании языка коренного малочисленного народа Севера (саамский язык)	168
<i>С.В. Кириленко (Россия, Москва)</i> . Проблемы полилингвальных сообществ: языковые конфликты и способы их разрешения	171
<i>Р.А. Кудряцева, В.И. Шабьков (Россия, Йошкар-Ола)</i> . Будущее марийского языка в восприятии современной молодежи	174
<i>Ли Цзя (КНР)</i> . Dialect diversity and Chinese economy: a brief review	179
<i>Ляо Пэй Юй (Тайвань, Тайбэй)</i> . Motivation of CFL learners in Russia	182
<i>Т.И. Ретинская (Россия, Орел)</i> . О факторах, способствующих сохранению регионального варианта национального языка (на материале шампанского и арденнского региолектов)	185
<i>А.Н. Рудяков (Россия, Симферополь)</i> . Норма в эпоху полицентризма русского языка	186
<i>И.С. Рябова (Россия, Москва)</i> . Языковое планирование и развитие языков в полиэтнических многоязыковых государствах Африки	190
<i>Д.А. Саперова (Россия, Москва)</i> . Сказка на уроке английского языка как средство формирования нравственных ценностей в полиэтническом государстве	194
<i>Цэрэнчимэд Саранцацрал (Монголия, Улан-Батор)</i> . Языковая политика и языковая ситуация по иностранным языкам в современной Монголии	197
<i>Тан Мэн Вэй (Тайвань, Тайбэй)</i> . Китайский язык в Китае и на Тайване: особенности лексического строя и проблемы его изучения	200
<i>Б.-Х.Б. Цыбикова (Россия, Улан-Удэ), Очирын Баттуяа (Монголия, Улан-Батор)</i> Сохранение родного языка в полиэтнических общностях (анализ опыта бурят Внутренней Монголии Китая)	205
СЕКЦИЯ № 3. ЯЗЫКОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	208
<i>М.А. Горячева (Россия, Москва)</i> . Возможности и принципы прогнозирования функционального развития языков в коммуникативной сфере образования	208
<i>А.В. Гусейнова (Россия, Абакан)</i> . Применение практик форсайт-исследования в прогнозировании перспектив миноритарных языков	211
<i>И.А. Дамбуев (Россия, Улан-Удэ)</i> . Языки народов России и русский язык: взаимодействие на уровне топонимной лексики	213
<i>П.П. Дашинимаева (Россия, Улан-Удэ)</i> . Когнитивный механизм семиозиса как основа для языкового планирования	217
<i>Н.И. Иванова (Россия, Якутск)</i> . Прогнозирование языкового развития по результатам макро- и микросоциолингвистического уровней анализа языковой ситуации в г. Якутске	220
<i>М.Я. Каплунова (Россия, Москва)</i> . Применение междисциплинарных методов для прогнозирования развития языков в полиэтнических странах	223
<i>С.В. Кириленко (Россия, Москва)</i> . Языковое планирование и языковое прогнозирование: терминологический аспект	226
<i>Е. А. Кондрашкина (Россия, Москва)</i> . Языки финно-угорских народов России в будущем (попытка лингвопрогноза)	229
<i>Э.В. Хилханова (Россия, Улан-Удэ)</i> . Витальность и перспективы миноритарных языков: оценочно-прогностические теории и grassroots movements в цифровую эпоху	233
<i>Ч.С. Цыбенова (Россия, Улан-Удэ)</i> . Влияние экстралингвистических факторов на языковое функционирование (на примере Республики Тыва)	238
<i>Б.Ж. Цыбденова (Россия, Улан-Удэ)</i> . К вопросу о языковом планировании в зарубежной социологии языка	243
<i>О.Б. Януш (Россия, Казань)</i> . Барометр витальности карельского языка	246
СПИСОК УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: РАЗВИТИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ»	249

**ЯЗЫКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ:
РАЗВИТИЕ, ПЛАНИРОВАНИЕ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ**

Международная конференция
(Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск)

1 июля–4 июля 2019 г.

Материалы конференции публикуются в авторской редакции.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом ИМБТ СО РАН

Подписано в печать 24.06.2019.

Формат 60x84 1/8.

Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 30,0. Уч.-изд.л. 35,0.

Тираж 300. Заказ № 13.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии БНЦ СО РАН

Адрес: 670047 Республика Бурятия

г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.